Яковъ Рейтенфельсъ.

СКАЗАНІЯ

СВѢТЛѢЙШЕМУ ГЕРЦОГУ ТОСКАНСКОМУ КОЗЬМѢ ТРЕТЬЕМУ

О МОСКОВІИ

Падуя, 1680 г.

Иждивеніемъ книгопродавца Петра Марія Фрамботти.
Съ разрѣшенія старшихъ.

Съ латинскаго перевелъ

Алексѣй Станкевичъ.

МОСКВА.—1905.
Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ,
арендуемая В. И. Вороновымъ.
Моховая, противъ манежа, д. кн. Гагарина.

Печатано подъ наблюденіемъ Дѣйствительнаго Члена
А. И. Станкевича.

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1905 г.“.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Все, что мы знаемъ объ авторѣ предлагаемыхъ ниже сказаній крайне скудно, отрывочно и сводится, почти исключительно, къ тѣмъ краткимъ извѣстіямъ, которыя сообщаетъ о немъ издатель его сочиненія въ своемъ „предувѣдомленіи къ просвѣщенному читателю“ [1]). Сынъ польскаго вельможи— сказано тамъ – пользовавшагося у короля Казиміра большимъ значеніемъ, благодаря выдающемуся уму своему и высокимъ нравственнымъ качествамъ, Яковъ Рейтенфельсъ, въ силу тѣхъ же, унаслѣдованныхъ отъ отца, достоинствъ, былъ въ большой милости у герцога Тосканскаго, Козьмы III-го, жилъ нѣкоторое время при немъ, не занимая, однако, никакой опредѣленной должности и, по желанію своего благодѣтеля, въ знакъ благодарности, составилъ для него сказанія о Московіи. Полякомъ называетъ Рейтенфельса и Бьянкини, въ своей исторіи о Тосканскихъ герцогахъ, говоря такъ: „изъ числа ученыхъ чужеземцевъ, облагодѣтельствованныхъ нашимъ великимъ герцогомъ, должно назвать Якова Рейтенфельса, поляка, жившаго нѣсколько лѣтъ (ок. 1675 г.) при Тосканскомъ Дворѣ, который, бывъ обласканъ тамъ, написалъ книгу „de rebus moscovitis“ и поднесъ ее, при отъѣздѣ своемъ обратно въ Польшу, великому герцогу“ [2]). Нашъ извѣстный Никодимъ (Адамъ) Селлій называетъ Рейтенфельса—Курлянд-

[1]) См. ниже стр. 3 и слѣд.

[2]) См. Ciampi, Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze etc. Firenze 1842, vol. III pag. 28.

цемъ [1]) и, дѣйствительно, въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги, Рейтенфельсъ выражается такъ: „у насъ въ Курляндіи“ [2]), да и фамилія его мало похожа на польскую. Когда, какимъ образомъ, и въ качествѣ кого, попалъ Рейтенфельсъ въ Москву и сколько времени онъ пробылъ въ ней,— въ точности неизвѣстно, но несомнѣнно то, что онъ не былъ, какъ это предполагалось нѣкоторыми нашими историками, посломъ отъ герцога Тосканскаго къ царю Алексѣю Михайловичу въ 1670 г. и, вообще, никогда и нигдѣ не занималъ никакой оффиціальной должности. Никакого иностраннаго посольства къ московскому царю, въ 1670 г., къ тому же не было. да и самъ Рейтенфельсъ ничего и нигдѣ не говоритъ о посольствѣ, а разсказываетъ лишь, въ одномъ мѣстѣ своего труда, о впечатлѣніи, произведенномъ на него красивымъ зрѣлищемъ — смотромъ, происходившимъ при немъ, въ 1670 г., когда подъ Москвою, собралось до 60,000 великолѣпно убранныхъ воиновъ. И такъ, въ 1670 г. нашъ авторъ уже былъ въ Москвѣ.

За симъ, намъ удалось найдти въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ два документа [3]) 1672 года, касающихся, по нашему мнѣнію, Рейтенфельса, или, какъ они его называютъ, Якова Рутфеля [4]). Изъ нихъ, если мы не ошибаемся, видно, что Рейтенфельсъ приходился племянникомъ главному врачу Царя, нѣкоему Датчанину Іоганну Розенбургу [5]), по ходатайству котораго ему было разрѣшено, вмѣстѣ съ другими лицами, отправиться въ Вильну ради ученія, съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи курса наукъ, поступить на царскую службу. Это извѣстіе, и наша догадка, подтверждаются, до нѣкоторой степени, и самимъ Рейтенфельсомъ, который, перечисляя лѣкарей, состоящихъ

---

[1]) См. Каталогъ писателей, сочиненіями своими объяснявшихъ церковную и гражданскую россійскую исторію, соч. Адамомъ Селліемъ. М. 1815.

[2]) См. кн. I, гл. 5 и 11; кн. III, гл. 2; кн. IV, гл. 17.

[3]) См. приложенія.

[4]) Иностранцы, посѣщавшіе Россію, сильно искажали, какъ извѣстно, русскія слова и имена, но и мы платили имъ тѣмъ же.

[5]) Полное имя его: Іоганнъ Кюстеръ фонъ Розенбургъ.

на службѣ у Московскаго Царя, отзывается о Розенбургѣ съ большою похвалою и кончаетъ свой отзывъ о немъ такъ: „признаюсь открыто, что ему я обязанъ многими благодѣяніями“.—Неизвѣстно, какъ воспользовались Рейтенфельсъ и прочіе даннымъ имъ разрѣшеніемъ, и сколько времени они пробыли въ Вильнѣ, если только они ѣздили туда, на что не имѣется указаній, но, повидимому, ни Рейтенфельсъ, ни кто другой изъ нихъ, на Царскую службу, впослѣдствіи, не поступилъ, хотя относительно Рейтенфельса мы имѣемъ основаніе предполагать, что онъ пробылъ въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, еще до весны 1672 года, ибо о рожденіи царевича Петра онъ говоритъ, что это произошло незадолго до его отъѣзда изъ Москвы [1]).

Но описываетъ онъ похороны Царя Алексѣя чрезвычайно подробно, какъ-будто свидѣтель-очевидецъ, да и заимствовать ему было негдѣ, развѣ, что ему кто-либо сообщилъ о семъ изъ Москвы, или онъ, какъ-нибудь, случайно, узналъ это изъ донесеній фанъ Кленка, хотя онъ расходится съ ними въ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностяхъ. На словахъ „увы! Въ то самое время, какъ я пишу это, самъ Великій, Несравненный Алексѣй явилъ намъ печальный образецъ сего обряда...“ [2]) т. е. царскихъ похоронъ, основано утвержденіе, что Рейтенфельсъ написалъ свои сказанія въ этомъ же, 1676 году, но едва ли это вѣрно. Рейтенфельсъ неоднократно проситъ, въ предисловіи, снисхожденія за необработанный, отрывочный характеръ своихъ сказаній и объясняетъ это тѣмъ, что онѣ писались имъ во время скитаній, среди тревогъ и заботъ. Поэтому намъ кажется болѣе правдоподобнымъ предположеніе, что Рейтенфельсъ постоянно записывалъ все видѣнное и слышанное, а, живя у Тосканскаго Герцога, онъ только собралъ въ одно цѣлое свои отдѣльныя записи. Предположеніе это подкрѣпляется и чрезвычайнымъ дробленіемъ всего матеріала на небольшія, за немногими исключеніями, главы. Когда же именно и почему Рейтенфельсъ покинулъ Москву и посе-

---

[1]) Петръ родился 30 мая 1672 г.

[2]) Кн. II, гл. 11.

лился у Тосканскаго Герцога, сколько времени онъ тамъ прожилъ, куда уѣхалъ оттуда, и гдѣ и когда умеръ - все это, пока, неизвѣстно.

Такъ же скудны наши свѣдѣнія и о подлинной рукописи сказаній Рейтенфельса. Въ вышепомянутомъ предисловіи къ печатному ихъ изданію и въ вышеприведенномъ сочиненіи Бьянкини, сказано, что она была поднесена авторомъ герцогу Козьмѣ III-му, который передалъ ее на храненіе въ свою библіотеку, находившуюся въ завѣдываніи знаменитаго ученаго Антоніо Мальябекки. Здѣсь она попалась на глаза нѣкоему знатному заѣзжему германцу, живо заинтересовала его „новизною содержанія и красотою изложенія“, и онъ, собственноручно, снялъ съ нея точную копію. Эту копію онъ уступилъ, при проѣздѣ обратно къ себѣ на родину, книгопродавцу П. М. Фрамботти въ Падуѣ, который и напечаталъ ее тамъ въ 1680 г. Имя этого знатнаго германца не дошло до насъ, а весьма скоро, какъ увидимъ ниже, и что крайне печально, исчезли, неизвѣстно какимъ образомъ и куда, какъ подлинная рукопись Рейтенфельсовыхъ сказаній, такъ и вышеназванная копія съ нея, по которой печаталъ Фрамботти.

Дѣло въ томъ, что такъ какъ сказанія Рейтенфельса напечатаны, по словамъ издателя, по точной копіи, то слѣдуетъ полагать, что Рейтенфельсъ писалъ свое сочиненіе по латыни. Однако г. Л. П. Рущинскій, въ извѣстномъ трудѣ своемъ „Религіозный бытъ Русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ“ [1]), въ обозрѣніи источниковъ, выразился, что нѣмецкій ученый, которому мы обязаны, такъ сказать, открытіемъ труда Рейтенфельса, *перевелъ* сказанія на латинскій языкъ и издалъ этотъ свой переводъ. Не указывая, откуда заимствованы имъ эти, для насъ новыя, свѣдѣнія г. Рущинскій не сообщаетъ также, на какомъ языкѣ были, въ такомъ случаѣ, первоначально написаны сказанія. Между тѣмъ, изъ помянутаго уже выше ката-

[1]) См. Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1871 г. кн. 3.
[2]) См. кн. II, глава 1, въ концѣ.
[3]) Кн. II, гл. 6.

лога Селлія намъ было извѣстно, что уже во времена Селлія, рукописи Рейтенфельса во Флоренціи не было. Слова г. Рущинскаго подали намъ надежду, что эта пропажа была, быть-можетъ, временною, что рукопись какъ-нибудь затерялась среди прочихъ сокровищъ библіотеки и была, впослѣдствіи, вновь найдена. Желая разъяснить эти вопросы, мы обратились съ запросомъ во Флоренцію, къ лицамъ, завѣдующимъ библіотеками, Медицейской (т. н. Лаврентіанской), Маручелліанской и Національной (бывшей Мальябеккіевской, куда собственно и была передана рукопись Рейтенфельса самимъ Козьмою III-мъ), и вскорѣ были крайне огорчены оффиціальнымъ увѣдомленіемъ, что, не смотря на тщательныя розыски, произведенныя во всѣхъ вышеперечисленныхъ библіотекахъ, рукописи Рейтенфельса ни въ одной изъ нихъ на лице не оказалось. Мало того: Управленіе Національной библіотеки, заинтересовавшееся, вслѣдствіе нашего запроса, судьбою рукописи, наводило тщательныя справки въ Падуѣ о той копіи, по которой Фрамботти напечаталъ сказанія, но и эта копія, оказывается, исчезла неизвѣстно куда, когда и какъ.

Сказанія Рейтенфельса были изданы, какъ мы уже сказали выше, въ 1680 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „De rebus Moschoviticis ad Serenissimum Magnum Hetruriae Ducem Cosmum Tertium.—Patavii MDCLXXX. Typis Petri Mariae Frambotti Bibliopol. Sup. perm.“ т. е. „О событіяхъ Московскихъ [1]) Свѣтлѣйшему Герцогу Тосканскому Козьмѣ III-му. Въ Падуѣ 1680 года. Иждивеніемъ книгопродавца Петра Марія Фрамботти. Съ разрѣшенія старшихъ.“ Имени автора на заглавномъ листѣ нѣтъ, но оно указано въ предисловіи издателя къ читателю. У Аделунга [2]) приведено заглавіе нѣсколько иное: послѣ словъ „Ducem Cosmum Tertium“ прибавлено „auctore Jacobe Reutenfels“, но этого прибавленія мы въ экземплярахъ, намъ извѣстныхъ, не нашли и полагаемъ, что эти слова ошибочно добавлены са-

[1]) Подразумѣвается „сказанія“ (commentarius). Такъ назвалъ свое сочиненіе самъ Рейтенфельсъ въ посвященіи.
[2]) Аделунгъ—Крит. лит. обозрѣніе путешественниковъ по Россіи II, 213.

мимъ Аделунгомъ, который, повидимому, описалъ книгу Рейтенфельса со словъ какого либо библіографа, но самъ ее не видалъ. Вслѣдствіе этого же онъ сдѣлалъ и другую ошибку, сказавъ, что къ книгѣ Рейтенфельса приложено сочиненіе Паисія Лигарида „Трактатъ о вѣрѣ Грековъ и Россіянъ относительно Святой Евхаристіи", чего на самомъ дѣлѣ, нѣтъ. Рейтенфельсъ, въ одномъ мѣстѣ[1]), своихъ сказаній, упоминаетъ, правда, о своемъ намѣреніи приложить этотъ „Трактатъ" къ своему сочиненію и, можетъ быть, онъ и былъ приложенъ къ рукописи его сказаній, но при напечатаніи ихъ, приложеніе было опущено. Названный выше нами Селлій объясняетъ это довольно туманно, говоря: „Паисій Лигаридъ во время пребыванія Рейтенфельса въ Москвѣ собралъ „Нѣкоторыя историческія записки касательно религіи", а въ 1666 году, по просьбѣ одного шведскаго посла написалъ „Трактатъ о вѣрѣ Грековъ и Россіянъ относительно Св. Таинства Причащенія"[2]), который (поелику не вездѣ можно его найдти) хотѣлъ Рейтенфельсъ издать въ концѣ книги своей, но какъ сія книга[3]), по смерти писателя, изъ Флорентинской библіотеки вышла, то я и не удивляюсь, почему его въ оной нѣтъ". Выходитъ будто Рейтенфельсъ не приложилъ „Трактата" къ своему сочиненію потому, что рукопись его, Рейтенфельса, пропала послѣ его, Рейтенфельса, смерти! Мы полагаемъ, что „Трактатъ" отсутствуетъ въ печатномъ изданіи сказаній Рейтенфельса просто потому, что „знатный германецъ" интересовался сочиненіемъ самого Рейтенфельса и списалъ только его сказанія, а приложенія не счелъ почему либо нужнымъ, или интереснымъ для себя. А если бы Рейтенфельсъ самъ издалъ свой трудъ, то, вѣроятно, былъ бы напечатанъ и „Трактатъ".

Изданіе 1680 года есть первое, единственное и, надо сознаться, во многихъ отношеніяхъ, не удовлетворительное: шрифтъ сбитый, нечеткій, много грубыхъ опечатокъ, вродѣ

[1]) Книга III, глава 17, въ концѣ.

[2]) Объ этомъ сочиненіи П. Лигарида см. у митр. Евгенія, т. II, стр. 148.

[3]) Т. е. сочиненіе Рейтенфельса.

„marem" вм. „mare" (винит. пад. сред. рода) „fere" вм. „fore" „pedam" вм. „pedum", „cruris" вм. „curis" и т. п., невѣрно разставлены знаки препинанія, сплошь да рядомъ, не соблюдено правописаніе и мн. друг.[1]). Но, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, это изданіе крайне цѣнно, какъ величайшая библіографическая рѣдкость, замѣняющая пропавшую подлинную рукопись. Новое изданіе Рейтенфельсовыхъ сказаній (особенно, если бы удалось отыскать подлинникъ и по немъ исправить всѣ ошибки печатнаго текста) было бы весьма желательно. Въ настоящемъ же своемъ видѣ книга эта представляется намъ какимъ то, какъ-бы, пробнымъ, корректурнымъ изданіемъ, выпущеннымъ въ количествѣ немногихъ экземпляровъ, для дополненій и исправленій, послѣ чего она отпечаталась бы, такъ сказать, уже на бѣло.

Не смотря на громадный интересъ, представляемый сказаніями Рейтенфельса, они ни на какой европейскій языкъ, кромѣ русскаго, не были переводимы. Только въ Россіи, гдѣ онѣ, съ издавна, пользуются большою извѣстностью среди историковъ, были, до насъ еще, сдѣланы двѣ попытки къ ихъ бо́льшему распространенію, посредствомъ перевода. Въ 1836 году, нашъ сочленъ и извѣстный ученый Ю. И. Венелинъ перевелъ (?) на русскій языкъ первыя 9 главъ второй книги сказаній Рейтенфельса, но на этомъ и остановился, отвлеченный, вѣроятно, другими работами, болѣе подходящими къ его спеціальности. Переведенный имъ, небольшой отрывокъ не былъ напечатанъ, но сохранился въ его бумагахъ, принадлежащихъ нынѣ нашему обществу. Переводъ сдѣланъ неудовлетворительно и представляетъ собою скорѣе сжатый пересказъ сказаній Рейтенфельса, причемъ мѣстами сдѣланы большіе пропуски, а мѣстами встрѣчаются дополненія изъ другихъ источниковъ. На нашъ взглядъ, это—не переводъ, а скорѣе рядъ выписокъ для статьи о состояніи Россіи по сказаніямъ Рейтенфельса.

Вторымъ, за Венелинымъ, русскимъ ученымъ, познакомившимъ русскую публику съ разсказами Рейтенфельса, былъ из-

[1]) См. латинскій подлинникъ, страницы: 24, 38, 41, 51, 125, 137, 239, 255, 259 и друг.

вѣстный археологъ и историкъ Литвы, И. П. Тарнава-Боричевскій. Въ Журналѣ Мин-ва Народ-го Просвѣщенія за 1839 г.[1]) онъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: „Извлеченіе изъ сказаній Якова Рейтенфельса о состояніи Россіи при царѣ Алексіи Михайловичѣ", предпославъ этому труду своему краткое извѣстіе о жизни автора, взятое изъ, неоднократно нами вышеупоминаемаго, предисловія издателя 1680 года. Эта работа представляетъ собою уже болѣе переводъ сказаній, нежели трудъ Венелина, но и она страдаетъ отсутствіемъ полноты и точности, причемъ, главнымъ образомъ, въ ней тщательно опущено все то, что рисуетъ нашихъ предковъ въ не совсѣмъ привлекательномъ, или комическомъ видѣ. Написана статья эта прекраснымъ языкомъ, такъ что и понынѣ читается легко, и жаль, во всякомъ случаѣ, что авторъ ограничился лишь немногими, сравнительно, главами.

Печатаемый ниже переводъ сказаній Рейтенфельса сдѣланъ нами полностью, безъ всякихъ пропусковъ, при чемъ мы старались держаться, какъ можно ближе латинскаго текста, позволяя себѣ отступленія отъ него только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не представлялось возможности передать иначе точный смыслъ подлинника. Переводить Рейтенфельса—дѣло не легкое: въ этомъ убѣдится всякій, кто возьметъ на себя трудъ заглянуть въ латинскій подлинникъ, и поэтому, вѣроятно, и намъ не удалось избѣжать погрѣшностей, но разнообразіе и обиліе историческаго матеріала, заключающагося въ этой книгѣ, подастъ намъ надежду, что трудъ нашъ все же будетъ сочувственно принятъ интересующимися прошлымъ Россіи. Что же касается до свѣдѣній о самомъ Рейтенфельсѣ и его подлинной рукописи, то мы намѣрены продолжать наши, въ семъ направленіи, разысканія, и если найдутся новые матеріалы, то они составятъ предметъ особаго изслѣдованія.

Алексѣй Станкевичъ.

---

[1]) Іюль, Отд. II, стр. 1—54. Взяты изъ кн. II, главы: 1, 3—14, 18, 19, 21; изъ кн. III, главы: 2, 3, 5, 1:—16, 22.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Свѣтлѣйшій Герцогъ,

Государь Всемилостивѣйшій!

Издалека, съ холоднаго Сѣвера, изъ Киммерійскаго мрака, являются на ясный твой Тосканскій полуденный свѣтъ, мои сказанія о Московіи, дабы получить отъ блеска твоего имени себѣ жизненнаго духа, ибо, народившись среди постоянныхъ, тревожныхъ странствованій, онѣ непремѣнно должны были выйдти несвязными, необработанными и неясными. Я обращаюсь поэтому къ твоему великодушію: простри его благосклонно на мое неискусное и поверхностно-скользящее перо, если, Великій Государь, найдешь, что мои отрывочные, безъискусственные и необработанные разсказы не соотвѣтствуютъ ни твоему величію, ни важности описываемыхъ московскихъ событій. Вѣдь, ни величайшіе исполины, опущенные въ глубокій колодезь, ни изображеніе великихъ дѣлъ, помѣщенное на невзрачной, малой, дощечкѣ, ничуть не теряютъ вслѣдствіе сего, ни величины своей, ни значенія. Именно тебѣ, совершившему рядъ долгихъ и славныхъ путешествій и объѣздившему нѣкогда лучшую часть земнаго шара, конечно, хорошо извѣстно, что, во время путешествія, внѣшній видъ странниковъ, большею частью, бываетъ непригляденъ. Вотъ соображенія, которыя внушаютъ мнѣ надежду, что ты не сочтешь настоящій, малый, трудъ мой совершенно недостойнымъ твоего могущественнаго покровительства, и я, колѣнопреклоненно, горячо молю Треблагаго и Тремогущественнаго Господа

Бога (Ter Optimum Maximum), свыше обо всемъ Пекущагося, о томъ, чтобы ты, Государь справедливый, благочестивый, милостивый, богоподобный, какъ можно долѣе и благополучнѣе правилъ судьбою народовъ, къ отрадѣ твоихъ подданныхъ, на гордость и украшеніе всему міру и въ величайшее прославленіе Имени Господня.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

къ просвѣщенному читателю, о книгѣ сей, ея сочинителѣ и о томъ, какъ рукопись ея досталась намъ.

Если ученые вообще извлекаютъ величайшую для себя пользу и немалое удовольствіе изъ всякаго рода старинныхъ письменныхъ памятниковъ, то, по истинѣ, они, въ гораздо большей степени, обрѣтутъ и то и другое, въ рядѣ историческихъ повѣствованій, добросовѣстно и безъ всякихъ прикрасъ, составленныхъ просвѣщенными мужами, нежели въ какихъ-либо иныхъ сочиненіяхъ. Ибо исторія есть какъ бы богатѣйшая и разнообразнѣйшая сокровищница, своею чудесною силою заставляющая духъ и разумъ читателя, такъ сказать, само собою достигать высшей степени мудрости, прочно усваивая чуть не всѣ успѣхи цѣлаго ряда вѣковъ. Если же историческія сказанія, не имѣющія ничего общаго съ лживыми вымышленными баснями (nenia) доставляютъ вообще развлеченіе и пользу, то я смѣло и торжественно клянусь, что просвѣщенный и любознательный читатель найдетъ въ настоящемъ повѣствованіи въ изобиліи и то и другое. Ибо предлагаемыя сказанія наши заключаютъ въ себѣ, кромѣ несомнѣнной, доподлинной истины, составляющей душу исторіи, еще и такія, удивительно разнообразныя, свѣдѣнія, какія трудно найдти на страницахъ другихъ, древнихъ и новыхъ, сказаній. Ибо, такъ какъ здѣсь описываются страны и народы, крайне далеко отъ нашей страны находящіяся, то неизбѣжно надо

было подробно разсказать объ образѣ жизни, священныхъ обрядахъ, законахъ и нравахъ, весьма отличныхъ отъ нашихъ и для насъ совершенно неслыханныхъ и неизвѣстныхъ. Къ этому надо еще прибавить, что эта страна находится почти у самаго сѣвернаго полюса, сплошь покрыта вѣчнымъ снѣгомъ и находится въ окоченѣломъ состояніи отъ постояннаго мороза, такъ что хорошенько не знаетъ ни ночного мрака, ни дневного свѣта. Однако же и тамъ произрастаютъ разные плоды, травы и деревья и водятся животныя, птицы и рыбы, по большей части, не похожія на наши. Все это и многое еще другое можетъ пріятно занять читателя, удивить его и доставить ему наслажденіе.

Выслушай же теперь внимательно и благосклонно, краткое сообщеніе о томъ, кто составилъ это чудесное, необычайное повѣствованіе и благодаря какому счастливому стеченію обстоятельствъ рукопись этого сочиненія досталась намъ.

Прекрасную повѣсть эту составилъ Яковъ Рейтенфельсъ, мужъ доблестный, отецъ коего пользовался чрезвычайной милостью и вѣсомъ у Свѣтлѣйшаго Короля Польскаго, Казиміра, ибо былъ его совѣтникомъ въ сокровенныхъ дѣлахъ, мужъ отмѣнно выдающійся, ибо, превосходя всѣхъ современниковъ своихъ ученостью и краснорѣчіемъ, далеко опередилъ всѣхъ ихъ пріятностью обхожденія, нравственнымъ образомъ жизни, крайнимъ человѣколюбіемъ и непорочностью души. Итакъ, сей доблестный мужъ, достойный сынъ славнаго отца, проживая нѣкогда во Флоренціи и имѣя часто доступъ во дворецъ Свѣтлѣйшаго Великаго Герцога Тосканскаго Козьмы III, составилъ, дабы снискать себѣ расположеніе Его Свѣтлости какимъ-либо важнымъ дѣломъ, эту повѣсть, переписалъ ее и, посвятивъ ее ему же, поднесъ ему въ собственноручно и, посвятивъ ее ему же, поднесъ ему въ даръ, послѣ чего она была пріобщена къ другимъ рѣдчайшимъ книгамъ, коими библіотека Герцога была весьма богата.

А такъ какъ эта библіотека крайне гостепріимно открыта и для гражданъ Флоренціи, и для постороннихъ пріѣзжихъ, то случилось, что нѣкій знатный германецъ увидалъ эту рукопись между другими, рѣдчайшими, рукописями, и прель-

щенный новизною ея содержанія и красотою изложенія, усердно просилъ самаго библіотекаря о разрѣшеніи списать ее, чего, наконецъ, и добился. Ибо начальникъ сей библіотеки, Антоній Мальябеки, мужъ доблестный и выдающійся своей любезностью и доступностью по отношеніи ко всѣмъ ученымъ, и крайне участливо относящійся къ научнымъ вопросамъ, не только не затруднился дать такое разрѣшеніе, но даже сочувственно отнесся къ этому. Этотъ знатный германецъ получивъ желаемое, отправился въ путь изъ Флоренціи въ свое отечество, а прибывъ сюда, въ эти Итальянскія Аѳины, желая оказать услугу ученому міру, благосклонно предоставилъ мнѣ копію, имъ собственноручно и точно съ подлинника списанную, для напечатанія впервые. Ее то, благосклонный читатель, я нынѣ въ печатномъ видѣ и предлагаю тебѣ, для пользованія, и надѣюсь, что такъ какъ она преисполнена всякаго рода мудрости и заключаетъ въ себѣ разныя извѣстія, столь же новыя, сколько и достопримѣчательныя, то ты не пожалѣешь, что пробѣжалъ ее, а по временамъ, въ часы досуга, внимательно изучилъ ее. Прощай, и воздай похвалу нашему усердью ко всему ученому міру.

Падуя, марта мѣсяца 28 дня, 1680 года.

ГЛАВНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

Аблавій [1].—Аллацій [2]. — Атласъ [3]. — Берозій [4].—Цедренъ [5].—Московская лѣтопись [6].—Кромеръ [7].—Геродотъ.—Іорнандъ [8].—Коя-

---

[1]) Родомъ изъ Равенны. По свидѣтельству Іорнанда (De orig. etc. II, V, VII) написалъ сочиненіе „De bello Gothorum“, а также исторію своего времени, до насъ недошедшую и извѣстную намъ лишь по ссылкамъ у Іорнанда.

[2]) Allacci или Allazzi. Въ высшей степени образованный и ученый грекъ, род. на о. Хіосѣ въ 1586 г., умеръ въ Римѣ въ 1669 г. Онъ оставилъ послѣ себя много сочиненій разнообразнаго характера.

[3]) Автора съ такимъ именемъ или сочиненія съ такимъ заглавіемъ мы не знаемъ и предполагаемъ, что Рейтенфельсъ разумѣетъ здѣсь какой-нибудь *географическій атласъ* съ пояснительнымъ текстомъ, н. п. Blaeu, Guil. et Joh.— Novus atlas d. i. Weltbeschreibung etc. Amsterdam 1641—42,—съ пояснительнымъ нѣмецкимъ текстомъ, Mercator, Ger.-Atlas sive cosmographiae meditationes de fabrica mundi. Amsterdam 1623,—съ объяснительнымъ латинскимъ текстомъ, или друг. подобн.

[4]) Берозій—жрецъ Вавилонскій, жившій въ III в. до Р. Х. и составившій 3 книги историческихъ сказаній, дошедшія до насъ въ отрывкахъ, приводимыхъ Іосиф. Флавіемъ и друг. Лучшее изданіе его сказаній въ Collection Didot— Fragmenta historicorum graecorum, 1848.—Другое, приписываемое ему сочиненіе „Antiquitatum libri quinque“, нынѣ отвергается исторической критикой, какъ поддѣлка доминиканскаго монаха Дж. Нанни.

[5]) Цедренъ или Кедренъ, Георгій. Византійскій монахъ-писатель, конца XI-го или начала XII-го вѣка. Свѣдѣній о немъ не дошло до насъ. Его трудъ— всеобщая исторія отъ сотворенія міра до 1057 г.— представляетъ простую компиляцію изъ сочиненій Іоан. Скилица, Синкела, Ѳеофана, Тарасія и друг.

[6]) Извѣстное сочиненіе Конрада Буссова: Chronicon Moscoviticum, continens res a morte Ivan. Basilidis etc“. Русскій переводъ см. у Устрялова „Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ“ т. I, гдѣ оно приписю. Мартину Беру.

[7]) Кромеръ, Мартинъ. Польскій епископъ, писатель (1512—1589) оставившій много сочиненій историческаго характера и богословско-полемическаго, н. п. „De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX“, „Polonia, sive de situ, populis, moribus etc. regni Poloniae libri duo“ и друг. О немъ см. „Eichhorn—Der ermländische Bischof Mart. Kromer“, и Walewski—Marcin Kromer“ и др.

[8]) Все что мы знаемъ о немъ, заключается въ двухъ строкахъ въ его „Исторіи Готовъ“ (De origine actibusque Getarum). Изъ нихъ видно, что онъ

новичъ, орд. Iезуит., Исторія Литвы [9])—Никетъ [10]).—Олай Великій [11]).—Олеарій [12]).—Павлинія, Сѣверная исторія [13]). — Плиній. — Поссевинъ, орд. Iезуит. [14]).—Прокопій [15]).—Птоломей.—Саксонъ Грамматикъ [16]).—Шефферъ [17]).—Сборникъ извѣстій о Московіи [18]).— Зонара [19]). И многіе другіе.

былъ родомъ готъ и написалъ свое сочиненіе около 552 г. по Р. Х. Изданія: 1) „Jornandês—De la succession des royaumes et des temps etc. etc... par M. A. Savagner. Paris. 1842".—2) Mommsen.—Jordanis Romana et Getica. Berolini. 1882.

[9]) Кояловичъ, Альбертъ (Войцѣхъ, Віюкъ), литовскій іезуитъ (род. 1609, ум. 1677), авторъ многихъ сочиненій богословско-полемическаго характера а также и по исторіи Зап. Руси и Литвы.

[10]) Никетъ.—Никита Акоминатъ. О немъ см. „Ѳ. Успенскій—Византійскій писатель Ник. Акоминатъ изъ Хонъ". Спб. 1874 и друг.

[11]) Olaus Magnus, — ученый архіепископъ въ Упсалѣ XVI вѣка. Его сочиненіе—Historia de gentibus septentrionalibus, earumque diversis statibus etc. при первомъ появленіи своемъ имѣло громадный успѣхъ и тогда же было переведено на англійскій, итальянскій, нѣмецкій, французскій и голландскій языки.

[12]) О жизни Олеарія и о его книгѣ см. въ „Предисловіи" къ русскому переводу П. Барсова, въ „Чтеніяхъ" за 1868—1870 г. и отдѣльною книгою.

[13]) Павлиній, Лаврентій, — шведскій ученый богословъ (род. 1565 г., ум. 1646 г.). О жизни его и сочиненіяхъ см. у Jöcher,—Allgem. Gelehrt. Lexicon, vol. III, 1316.

[14]) О Поссевинѣ литературу см. у Иконникова—Опытъ русской исторіографіи и друг.

[15]) Извѣстный византійскій историкъ.

[16]) Датскій историкъ XIII ст. Его „Chronica Slavorum" заключаетъ много важныхъ свѣдѣній о Балтійскихъ славянахъ, но требуетъ строгой критики (изд. въ 1659 г.).

[17]) Шефферъ, Iоганнъ—ученый филологъ и правовѣдъ, родился въ Страсбургѣ въ 1621 г., былъ профессоромъ въ Упсалѣ, затѣмъ, тамъ же, библіотекаремъ Академіи. Умеръ въ 1679 г. Оставилъ много сочиненій разнообразнаго содержанія, между прочими о „Стратегикѣ" византійскаго императора Маврикія (Mauricii strategicum), гдѣ сообщаются этнографическія подробности о славянахъ. Вѣроятно этимъ сочиненіемъ и пользовался Р—съ. Оно вышло въ Упсалѣ въ 1664 г.

[18]) Извѣстное изданіе „Rerum Moscoviticarum auctores varii etc.—Francofurti 1600". Здѣсь помѣщены сказанія Герберштейна, П. Іовія, Фабра и друг.

[19]) Византійскій сановникъ и историкъ. О немъ и о прочихъ византійскихъ писателяхъ см. у Krumbacher-Geschichte der byzant. Litteratur.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изложить связно и послѣдовательно то, что дѣйствительно было съ самыхъ раннихъ поръ существованія міра, — есть трудъ столь тяжелый и почти безнадежный, что и глубочайшіе понынѣ умы согласны въ томъ, что это значитъ лишь тратить даромъ и трудъ и время. Неудивительно посему, что всякая древность окутана продолжительнымъ мракомъ и что, въ періодѣ, когда первобытнымъ народамъ болѣе нравятся ужасы войны, нежели сладостные плоды мира—науки, главное мѣсто занимаютъ невѣжественные вымыслы. Мало того, неисповѣдимый Промыслъ Божій и непостижимое Его Правосудіе оставляютъ этотъ народъ подъ бременемъ дикихъ нравовъ и невѣжества, до той поры, пока онъ, какъ и всѣ остальные, не просвѣтится собственнымъ прозрѣніемъ, собственнымъ свѣтомъ. Дошедшіе же до потомковъ памятники, вырѣзанные на мѣди или на камнѣ, а также и устные, могущіе бы возвѣстить о давно прошедшемъ, подвергаются столь разнообразной порчѣ, что едва оставляютъ по себѣ слѣдъ: ибо съѣденный ржавчиною металлъ, или треснувшіе, либо стертые, камни,—могутъ превосходно свидѣтельствовать о чемъ угодно, но отнюдь не даютъ вѣрнаго представленія о томъ, что было, а гораздо вреднѣе то, что описывающіе эти сомнительные памятники, еще болѣе затемняютъ ихъ разнорѣчивыми объясненіями. Съ своей стороны, и въ записяхъ и устныхъ преданіяхъ чуть-ли не совсѣмъ затирается истина, либо вслѣдствіе ненадежности памяти людской, либо тщеславныхъ измышленій, либо неистовства войны и властителей, или же благодаря невѣжеству пишущихъ. Ко всему этому присоединяются и другія, еще большія, затрудненія. Вѣдь нерѣдко — какъ замѣтилъ кто-то — цѣлыя царства (regna tota) рушатся, или переносятся на другое мѣсто; нѣсколько племенъ сливаются въ одно, или одно

распадается на многія; пустыни заселяются, а тщательно обработанныя земли превращаются въ суровыя пустыни, (inhospita); лѣса вырубаются и обращаются въ плодоносныя нивы; большіе города разрушаются и, какъ бы изъ праха ихъ, возникаютъ новые на новыхъ мѣстахъ. Рѣки мѣняютъ свои русла, болота высыхаютъ и даже само море то наступаетъ, то отступаетъ. Считая, поэтому все, что касается, въ какомъ-либо отношеніи, древней исторіи, не достовѣрнымъ, я съ трудомъ нахожу какія-либо твердыя основанія, на которыя я бы могъ опереться.—Хотя и странно, что почерпаемыя со страницъ Св. Писанія свидѣтельства объ историческихъ событіяхъ, не суть лишь умозаключенія, основанныя на длинномъ рядѣ выводовъ, ибо Св. Писаніе преслѣдуетъ цѣли болѣе важныя и болѣе возвышенныя нежели подробное изложеніе мірскихъ, лѣтописныхъ событій, однако нельзя отрицать того, что уже изъ одной десятой главы книги Бытія можно узнать гораздо болѣе и гораздо вѣрнѣе о происхожденіи народовъ, нежели изъ свидѣтельствъ всѣхъ остальныхъ, дошедшихъ до насъ, письменныхъ памятниковъ. Поэтому и мы постараемся, прежде всего, этимъ божественнымъ путеводнымъ свѣточемъ (praeluce), ибо это, по общему убѣжденію, вѣрнѣе,—освѣтить, насколько это возможно, корни происхожденія Московскаго народа, окутантанные столь глубокимъ мракомъ. Подвигаясь затѣмъ дальше въ пучинѣ времени, мы не преминемъ воспользоваться также и свѣтскими писателями, хотя въ началѣ, намъ придется довольствоваться одними предположеніями, такъ какъ Мосхи (Moschi), случайно упоминаемые у чужеземныхъ писателей значатся, то подъ однимъ названіемъ, то подъ другимъ. Но такъ какъ ихъ собственная исторія почти что не сохранила никакихъ остатковъ древности, то всякій свѣтъ, внесенный въ этотъ, поистинѣ Киммерійскій, мракъ, можетъ быть лишь отраднымъ, какъ бы слабъ онъ ни былъ. Я съ своей стороны, конечно, сочту себя вполнѣ вознагражденнымъ за настоящій, хотя бы и небольшой трудъ, если дамъ имъ какому-нибудь ученому, болѣе, къ его счастью, даровитому, нежели я, какъ бы руководящую нить и докажу необходимость не только исправить ошибки, могущія встрѣтиться у меня, но и разслѣдовать точно и обстоятельно то, чего я лишь поверхностно коснулся. Ибо я не на столько страшусь справедливой оцѣнки (censuram), и не такъ ужъ противъ поправокъ, чтобы не желать отъ души полнаго раскрытія истины. А пока, я кратко опишу обычаи (mores) и нѣкоторыя новѣйшія событія Московъ, основываясь иногда на болѣе достовѣрныхъ памятникахъ, Русскихъ и иныхъ, а иногда на личномъ моемъ опытѣ и на наблюденіяхъ очевидцевъ. При этомъ я усердно прошу читателей простить мнѣ, если я повторю кое-что общеизвѣстное, и позволенія свободно

обсуждать общераспространенныя понятія о нравахъ. А такъ какъ въ послѣднихъ весьма трудно разобраться, то не должно отнюдь при при этомъ поддаваться ни чувству пріязни, ни чувству вражды. Ибо мнѣ хорошо извѣстны, и чувство взаимнаго отвращенія между отдѣльными лицами и, присущее всѣмъ народамъ вообще, зло—зависть и презрѣніе. Я также хорошо знаю, что люди ревниво относятся къ добродѣтелямъ и порокамъ смертныхъ, постоянно расходясь другъ съ другомъ и ошибаясь, благодаря личному чувству. Благодаря этому, зачастую, одно и то же, у разныхъ народовъ, то превозносится, то осуждается, ибо даже самый негодный поступокъ мы хитро скрашиваемъ придуманнымъ выраженіемъ „благочестивый обманъ" или „государственная необходимость", и, нерѣдко, одно и то же чудовищное проявленіе варварства, которое мы въ другихъ всячески стараемся по яснѣе обнаружить, въ самихъ себѣ мы таимъ, благодаря лишь различнымъ названіямъ. Отъ всего этого, въ виду его дикости и непристойности, я намѣренъ воздержаться, въ остальномъ же я усердно прошу еще и еще простить мнѣ, мѣстами самое изложеніе, мѣстами—его порядокъ, такъ какъ я только урывками могъ трудиться надъ писаніемъ сихъ сказаній, среди постоянныхъ, суровыхъ, жизненныхъ заботъ на чужбинѣ и послѣ почти пятилѣтней разлуки съ Музами. Всякій безпристрастный читатель проститъ мнѣ поэтому и зіяющіе пробѣлы (hiulcae lacunae) и несвязность событій, вслѣдствіе молчанія источниковъ. Къ тому же никогда, клянусь, это сочиненіе не вышло бы въ свѣтъ, не будь на то воли Свѣтлѣйшаго Герцога Тосканскаго, моего милостиваго Государя. Сей доблестный Князь, служа, своею справедливостью правителямъ, а благочестіемъ—всѣмъ христіанамъ, нѣкимъ сверхъестественнымъ, блестящимъ примѣромъ, побужденный выдающейся любовью къ просвѣщенію, неутомимо заботился о томъ, чтобы намъ, въ слабой попыткѣ нашей, оказана была ученая помощь, и прежде всего, помощь достославнаго Антонія Мальябекки, достойнѣйшаго помощника такого Государя, красы ученыхъ, въ которомъ счастливо соединились всѣ тѣ высшія умственныя дарованія, изъ коихъ каждое, въ отдѣльности, украсило бы уже любого ученаго. Изъ предосторожности, впрочемъ, я желалъ бы здѣсь предупредить, что подъ названіемъ Московитовъ я разумѣю всевозможныя народности, нынѣ подъ властью Россійскаго государства находящіяся, и что говоря то о нихъ всѣхъ вообще, то—объ отдѣльныхъ народахъ, я болѣе придерживался новаго и достовѣрнаго, нежели древняго и сомнительнаго, хотя Мосхи не безъ основанія считаются причастными славѣ Скиѳовъ и Готовъ, такъ какъ они, либо одного съ ними происхожденія, либо-же, смѣшавшись съ ними, дѣйствовали въ тѣхъ же русскихъ земляхъ, подпадая лишь въ разное время подъ

разное владычество. При наименованіи правителей, я также, въ перемежку, употреблялъ, то названіе Царя, то Короля, а иногда и Великаго Князя, зная, что отчасти всѣ эти выраженія—равнозначущи, а отчасти, въ разное время, предпочтительно употреблялось, либо то, либо другое наименованіе.

Для того же, чтобы можно было, потомъ, съ бо́льшимъ удобствомъ, продолжать разсказъ, мнѣ придется, въ самомъ началѣ его, повести рѣчь нѣсколько издалека, предпославъ самыя краткія и необходимыя свѣдѣнія о корнѣ происхожденія Москвовъ.

Послѣ того, какъ Ноевъ ковчегъ, этотъ пловучій домъ и зародышъ міра, благополучно избѣгнувъ всеобщей, неотвратимой, гибели, сталъ на горахъ Араратскихъ въ Арменіи, богоборцы (Theomachi) дерзновенно, въ теченіе многихъ лѣтъ, тщетно пытались воздвигнуть Вавилонскую башню, но, по смѣшеніи свыше языковъ, начали, по необходимости, разсѣяваться въ разныя стороны. Тогда—я умалчиваю о прочихъ—нѣкоторые потомки Іафета, отправились съ Армянскихъ высотъ, на Западъ и Сѣверъ, въ Натолію или Малую Азію, а отсюда, быть можетъ, по наущенію Ноя, одни переплыли, морскимъ зыбкимъ путемъ, черезъ Пропонтиду и Босфоръ, на населенные острова въ Архипелагѣ и въ Европу, главнымъ образомъ, въ Западную; другіе же, съ другой стороны, распространились вдоль Чернаго моря черезъ Каппадокію, Колхиду, Грузію, Черкассію (Cyrcassia) и вдоль Каспійскаго моря, черезъ Мидію, Албанію, Скиѳію до самаго Сѣвера, и даже, чрезъ Норвегію и Гренландію, или инымъ какимъ путемъ, въ Америку, какъ это ясно доказываютъ Исландскія лѣтописи. Вѣдь и самое имя Іафетъ обозначало, что его потомки разселятся на широчайшемъ пространствѣ. Кого же именно изъ этихъ потомковъ Ноя, должно считать родоначальникомъ того, или другаго, отдѣльнаго племени, никоимъ образомъ рѣшить нельзя, за разнообразіемъ мнѣній и непроницаемымъ, окутывающимъ этотъ вопросъ, мракомъ. Берозъ (если только дѣйствительно эта мысль приходила когда-либо самому Берозу въ голову) и нѣкоторые другіе, древнѣйшіе, писатели сообщаютъ, что Ной неоднократно, поочередно разсылалъ своихъ потомковъ основывать колоніи по всему земному шару и что, поэтому, онъ назывался у Скиѳовъ отцемъ всѣхъ—малыхъ и великихъ—боговъ, міровымъ зерномъ, и иными, отдающими древностью, именами. Отсюда естественно слѣдуетъ, что, въ свою очередь, и Іафетъ и Хамъ и Симъ поступали точно такъ-же. Все это, повидимому, нисколько не расходится со Св. Писаніемъ. Дѣйствительно, у Грековъ имя Іафета, съ древнѣйшихъ временъ, было въ такомъ употребленіи, что вошло даже въ поговорку, и то, что было въ незапамятныя времена, называлось „древнѣе Іафета“. Они же разсказывали, что Прометею, сыну Іафета, на

Кавказскихъ горахъ, орелъ терзаетъ сердце или печень. Заманчиво предположеніе, что сей Прометей былъ Магогъ, сынъ Іафета, ибо его первоначальнымъ мѣстопребываніемъ былъ Кавказъ, и самое имя это напоминало о терзаніи сердца. Впрочемъ, далѣе я уже ничего не скажу, предоставляя рѣшить этотъ вопросъ другимъ, болѣе свѣдущимъ, лицамъ.

УКАЗАТЕЛЬ ГЛАВЪ.

Книга I.

Происхожденіе Московитовъ и обзоръ Царствованій [1]).

Книга II.

Дворъ и нынѣшнее правленіе.

[1]) Въ подлинникѣ собственно „рядъ“ или „перечень“ Царей (series regum).

Книга III.

Сословіе подданныхъ и нравы.

Книга IV.

Природныя богатства государства и его обширность.

КНИГА ПЕРВАЯ.

О происхожденіи Московитовъ и обзоръ царствованій.

ГЛАВА 1.

Откуда и когда появились Мосхи въ Россіи.

Подобно тому, какъ все въ подлунномъ мірѣ измѣняется, слѣдуя закону превращенія (lege mutationis), ежедневно нами по великой книги опыта замѣчаемому, но не постигаемому, точно такому же круговороту подвержены также и судьбы народовъ, на морѣ и на сушѣ, такъ что мы не видимъ ни достаточно долговѣчныхъ жилищъ, ни какого-либо постояннаго языка, ни неизмѣняющихся нравовъ, которые бы долго продержались. Одни народы, которые еще не такъ-то давно совсѣмъ отвыкли на сѣверѣ отъ дневного свѣта, перемѣнивъ мѣстожительство, обитаютъ нынѣ на ясномъ Востокѣ и Югѣ, другіе, которыхъ, нѣкогда, чуть не первыхъ озаряло восходящее солнце, нынѣ погружены въ почти постоянный мракъ. А вслѣдствіе военныхъ набѣговъ и дружелюбныхъ сношеній, всѣ до того смѣшались, что въ настоящее время тщетно было бы искать какой-либо народъ на тѣхъ-же самыхъ земляхъ, которыя онъ обрабатывалъ въ началѣ исторіи. Поэтому намъ, отыскивающимъ сокрытую колыбель рода Московитовъ, нужно будетъ до тѣхъ поръ тѣсно связывать исторію съ землею и ея обладателями и изучать послѣдовательный ходъ различныхъ переселеній, пока мы не доберемся, идя по ихъ слѣдамъ, начиная съ ихъ выхода изъ Азіи, до нынѣшняго отечества ихъ, хотя иноплеменные народы гораздо менѣе тревожили Сѣверъ своими вторженіями (immigratio), нежели остальную часть земнаго шара. Всякій, нимало не задумываясь, скажетъ совершенно опредѣленно, что Мозоху, сыну Іафета, принадлежали, въ качествѣ первыхъ поселеній (колоній) въ

мірѣ, Каппадокія и вся область Трапезунтская и Колхида, ибо Іосифъ Еврей утверждаетъ, что Каппадокія нѣкогда называлась Мохой (Mocha) [1]), и всякій ясно видитъ изъ свидѣтельствъ Геродота, Плинія, Страбона, Птоломея и другихъ, достовѣрныхъ и надежныхъ, древнихъ писателей, что Мосхи (Moschi), Мосхины (Moschini) и Мосинокки (Mosinocci), занимали какъ Каппадокію, такъ и извѣстныя Кавказскія ущелья близъ Чернаго моря. Первоначально свободные, но вскорѣ порабощенные другими, они, испытавъ также измѣнчивость судьбы, не только подпали подъ власть Дарія Гистаспа и вошли въ составъ войска Ксеркса (имѣя въ рукахъ короткіе дротики съ длинными наконечниками и деревянные шлемы на головѣ), но совершенно, въ концѣ концовъ, слились съ племенемъ Каппадокійцевъ. Изъ разныхъ свидѣтельствъ Св. Писанія объ нихъ, наиболѣе достойны вниманія слова Іезекіиля, гл. 27 и 38 [2]), гдѣ Боговдохновенный Пророкъ говоритъ: „Греція, Мозохъ и Ѳубалъ принесли рабовъ и мѣдные сосуды народу твоему“, и далѣе „начальника Роса (Rhos), Мозоха и Ѳубала“. Затѣмъ они же, тѣснимые могущественными Ассирійцами, или же потому, что туземные жители, умножаясь, расширяли свои владѣнія, достигли сѣвернаго берега Чернаго моря, пространствовавши по Кавказскимъ и Мосхійскимъ горамъ и пришли къ р. Танаису, а отсюда, постепенно, разсѣялись по всей Руси (Russia), двигаясь преимущественно по слѣдамъ Гомеритовъ [3]). Послѣдніе же, хотя занимали раньше эти мѣста, благодушно (aequiori animo) приняли пришельцевъ или, даже добровольно перенесли свои жилища дальше, такъ какъ предъ ними съ каждымъ днемъ открывались все болѣе и болѣе обширныя земли и они жили разбросанно, на большомъ разстояніи другъ отъ друга. Продолжая такимъ образомъ двигаться все дальше, они, около 1900 г. отъ сотворенія міра, и 300-го послѣ потопа, страшно увеличили своимъ присоединеніемъ къ нему Сарматское государство (imperium Sarmaticum), образовавшееся раньше изъ потомковъ Магога и Ѳубала [4]) и части Гомеритовъ. Относительно этого вполнѣ сходятся, отрывочное извѣстіе Катона, утверждающаго, что сѣверныя страны были заселены на 108 лѣтъ ранѣе, нежели Италія, и показаніе Бероза, говорящаго, что Мозохъ основалъ двѣ колоніи. Какъ бы ни было, но имя Мосховъ, сохранившееся въ названіи однаго древнѣйшаго божества, и рѣки Москвы, въ небольшомъ уголкѣ Европы, начало въ позднѣйшія вѣка послѣ долгаго забвенія, все шире и шире распространяться, ибо Мо-

[1]) Здѣсь въ текстѣ, повидимому, опечатка и должно бы быть „Мосхой (Moscha)“.
[2]) Іезекіиля гл. 27, ст. 13 и гл. 38, 2—3.
[3]) Потомки Гомера, сына Іафета. Кн. Бытія, гл. 10, ст. 2.
[4]) Сыновья Іафета.

ксами (Moxi) стали уже называться народы за Казанью, и поэтъ Луканъ, равно и Плиній и Страбонъ, называютъ Мосховъ сосѣдями Сарматовъ; а ранѣе сего преобладали Сарматы. Сарматское государство (imperium) стояло незыблемо ровно 3000 лѣтъ, и даже самъ Александръ Великій, какъ-то, за вѣрную ихъ помощь въ войнѣ, нестолько даровалъ имъ, а скорѣе, подтвердилъ (если только онъ могъ сдѣлать и это) за ними, преимущественное право селиться на вѣки на пространствѣ земли, ограниченномъ Ледовитымъ, Балтійскимъ и Адріатическимъ морями. Нынѣшніе Чехи (Bohemi) и Далматы (Dalmatae)—я думаю, впрочемъ, похвальбы только ради—увѣряютъ, что это подтвержденіе, начертанное золотыми буквами, и въ настоящее время еще хранится въ Архивахъ Турціи. Это Сарматское государство имѣло всегда, вслѣдствіе обширности и разнообразія страны, многихъ, совершенно самостоятельныхъ князей (dominos), при чемъ, однако, одинъ былъ главенствующимъ надъ прочими, и на сторонѣ его были остальные соплеменники, въ силу договора о вѣчномъ союзѣ. Этотъ обычай, безъ сомнѣнія, сохранился отъ вышеназванныхъ первыхъ устроителей рода человѣческаго, которые, заполняя собою періодъ времени въ нѣсколько вѣковъ, постоянно удерживали за собою верховную власть надъ потомками.

Переднею частью государства и древнѣйшимъ мѣстопребываніемъ всѣхъ народовъ Сарматскаго или Скиѳскаго происхожденія, были, по единодушному свидѣтельству историковъ, Кавказъ и Араксъ, откуда, какъ изъ Троянскаго коня, вышли, ужасъ народовъ, люди въ желѣзныхъ доспѣхахъ, и куда они, какъ въ свое средоточіе, сносили такое множество величайшихъ и на весь міръ знаменитыхъ побѣдъ и неувядаемую за нихъ награду—славу. Кто же, стало быть, не заключитъ отсюда, и вполнѣ основательно, что Сарматскія племена получили свое названіе отъ этой самой родины ихъ!—Этими, крайне дикими, племенами постоянно пользовались, какъ наемниками, съ большимъ успѣхомъ, въ своихъ войнахъ, Ассирійцы, Персы, Мидяне, Александръ, Митридатъ и сами Римляне, властители вселенной. Семь разъ они нарушали спокойствіе Азіи своими набѣгами, Европу же они тревожили еще бо́льшее число разъ.

Тѣмъ временемъ, Мосхи, распространяя все шире да шире свои владѣнія и становясь все болѣе извѣстными, подъ различными именами, сопредѣльнымъ народамъ, стали все сильнѣе и сильнѣе сталкиваться враждебно съ ними, хотя, первоначально, никто, конечно, не счелъ бы выгоднымъ дѣлать на нихъ нападенія, ибо они долѣе всѣхъ придерживались своего стариннаго, скромнаго и невзыскательнаго образа жизни, да и затруднительные пути сообщенія и доблесть ихъ крайне не располагали ихъ недруговъ къ войнѣ. Но потомъ, полагаю,

съ теченіемъ времени, у нихъ несомнѣнно произошли междуусобицы и разнаго рода раздоры, пока, наконецъ, благодаря передвиженію остальныхъ сѣверныхъ потомковъ Іафета, т. е. Кимвровъ и Готовъ, Мосхи не были вынуждены начать войну. Ибо съ послѣдними [1]) у нихъ постоянно происходили, вслѣдствіе захватовъ, съ той и другой стороны, земли, кровопролитныя сѣчи (serta), какъ это будетъ яснѣе видно изъ разсказа о Царяхъ Московскихъ. Шагъ за шагомъ оттѣсняя враговъ, они, подъ именемъ Славянъ, вскорѣ покорили себѣ всю землю до рѣки Ельбы и положили тамъ начало Полякамъ и Чехамъ. Не меньшее пространство земли они заняли потомъ, подъ именемъ Болгаръ, причемъ, тотчасъ же за ними, какъ бы на смѣну своимъ родоначальникамъ, пришли въ Московію, изъ общей ихъ родины, новые народы. Греки, также, по Черному морю, пріѣхавшіе, урѣзали нѣкогда ихъ владѣнія (fines corum a Graecis... sunt accisi) и они могли бы легко перенять греческій образъ жизни, если бы не были столь привержены къ собственнымъ нравамъ. Наконецъ дикіе Гунны и Татары, послѣдніе народы Скиѳіи, рядомъ новыхъ набѣговъ, такъ стѣснили ихъ, что у нихъ произошло замѣшательство, кажется, хуже Вавилонскаго. Впрочемъ, въ настоящее время, обстоятельства измѣнились въ ихъ пользу: они совершенно покорили ихъ и полновластно помыкаютъ ими.

ГЛАВА 2.

О разныхъ названіяхъ Московскихъ племенъ (gentium).

Хотя все, нынѣ называемое Московіей, государство (imperium), заключаетъ въ себѣ, и до сей поры, народы, ведущіе свое начало отъ потомковъ Мозоха и Магога т. е. Мосховъ, Готовъ и Скиѳовъ, какъ бы сросшихся (veluti concretos) въ одно цѣлое, тѣмъ не менѣе, они, то всѣ въ совокупности, то лишь нѣкоторые изъ нихъ, были въ разное время, извѣстны остальному міру подъ различными именами. У древнѣйшихъ Грековъ, которымъ мы, почти исключительно, обязаны древнѣйшими о нихъ извѣстіями, они сперва назывались Гипербореями и Киммерійцами, затѣмъ Скиѳами и Сарматами, а также и Скиѳоготами, и многими еще другими именами. Киммерійцами, или Кимврами, называлось то племя, которое, съ незапамятныхъ временъ, раньше другихъ, занимало бо́льшую часть Россіи. Я не сомнѣваюсь, что эти же самые потомки Гомера, раньше остальныхъ, были родоначальниками Германцевъ, направившіеся сюда, на пути своемъ въ дальнѣйшія страны. Ибо говорятъ, что они, бывъ прогнаны изъ своихъ

[1]) Т. е. Кимврами и Готами.

мѣстожительствъ Готами и Сарматами, неоднократными вторженіями черезъ Ѳракію, Месію [1]) и Паннонію, достигли наконецъ Норики; раньше же, они, по словамъ Поливія и Страбона, разбойничали, не имѣя постояннаго мѣстопребыванія, вдоль Меотидскаго моря и научились, по свидѣтельству Берозія, у Скиѳовъ, чрезъ страну коихъ они проходили, располагать свои повозки лагеремъ. Скиѳы, перешедшіе съ рѣки Аракса или Араса, около которой Магогъ нѣкогда впервые расположился на житье и оставилъ, у Евреевъ, всему племени названіе Маговъ, на другую сторону Кавказа, Танаиса и Океана, назывались, ранѣе сего, по имени царя Сколота, Сколотами, что означаетъ—одѣтые въ желѣзные доспѣхи (ferrei) и звѣриныя шкуры (pelliti). Вслѣдствіе сего Берозій, въ пятой книгѣ, передаетъ, что Арассъ, отправившись съ сыномъ Скиѳомъ, изъ Арменіи на Западъ, занялъ земли вплоть до Европейской Сарматіи. Геродотъ приписываетъ это Геркулесу, который, по его разсказу, отъ женщины, полу-человѣка, полу-змѣи, имѣлъ сыновей Агаѳирса, Гелона и Скиѳа, и что отъ нихъ-то имена и перешли къ племенамъ. А потомъ ужъ и всѣ племена, около Босфора, Киммеріи, Борисѳена, Истра, Меотидскаго озера и Танаиса, были Греками и Римлянами прозваны Скиѳами. Нѣкоторые полагаютъ, что и Готское слово „Скюте“ (Skythe), т. е. стрѣлокъ изъ лука, происходитъ отъ того-же корня, такъ какъ Скиѳы, преимущественно, славились искусствомъ стрѣлять изъ лука. Что происхожденіе Скиѳовъ относится къ глубочайшей древности—съ этимъ согласны даже тѣ, которые ревниво отстаиваютъ древность Египтянъ, Халдеевъ и Финикіянъ. Изъ племенъ, обитающихъ близь Понта они поэтому считались наиболѣе развитыми и справедливыми, но и наиболѣе жестокими. Умершихъ царей своихъ, они, ради поклоненія, возили съ необычайной пышностью по всѣмъ областямъ, до р. Герра (Gerrhum), близь источниковъ Борисѳена, гдѣ, дѣйствительно, находятся огромные курганы, мѣста ихъ погребенія. Дружескій союзъ они скрѣпляли тѣмъ, что пили съ друзьями вино, смѣшанное съ кровью, ибо, нѣкогда, у нихъ почиталось дѣломъ обычнымъ и ежедневно повторяющимся, пить кровь убитыхъ враговъ, одѣваться въ ихъ кожу, какъ въ плащъ, и употреблять человѣческіе черепа вмѣсто чашъ.—Скиѳскіе Готы,—одного происхожденія, отъ Магога, со Скиѳами, бродившими по Московіи, поселились наконецъ, въ Швеціи, гдѣ они, ведя постоянныя войны съ Германцами, или съ Кимврами, или съ Датчанами, постепенно, кажется, совершенно смѣшались съ ними. Отсюда они, въ 2593 г. отъ сотворенія міра, побуждаемые своимъ воинственнымъ духомъ и недостаткомъ земли, перешли, подъ предводительствомъ царя Бериха,

[1]) Нынѣшнюю Болгарію и Сербію.

чрезъ Балтійское море и, какъ бы желая, съ другой стороны, снова завоевать свое первоначальное отечество, покорили себѣ слѣдующіе народы: Эстонцевъ, Куретовъ и Улмеруговъ, т. е. Ливонцевъ, Курляндцевъ и Пруссовъ, или Генетовъ и Вандаловъ. Когда же у Готовъ, при царѣ Балтѣ, или Галтѣ (Balthi seu Galti) вспыхнули междоусобицы, то отъ нихъ ушли на новыя мѣста, около Валахіи, Гепиды (Gepidae), которые, впослѣдствіи напали на Готовъ, поддерживаемые Вандалами и Скиѳами, но были побѣждены, при чемъ Гадарикъ (Gadaricus), царь Готовъ, объявилъ Вандаловъ—союзниками, а Скиѳовъ—рабами. Скиѳы снова попытались освободиться, но были снова покорены Филимеромъ (Filimerus), вплоть до Меотидскаго озера; Филимеръ же перекинувъ мостъ черезъ Меотидское озеро, перевелъ среднюю часть войска отсюда и дошелъ, сражаясь со Скиѳами, называемыми Спалями (Spali) до Понта. Они проникли даже во Ѳракію, по языку нѣкогда сродственную Готамъ, и отчасти въ Грецію, подъ названіемъ Понтійскихъ Готовъ и сражались, во время Троянской войны, противъ Грековъ вмѣстѣ съ Амазонками. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, до сихъ поръ, многочисленные громадные, каменные столпы (cippi), воздвигнутые въ Швеціи, въ честь Готскихъ героевъ, храбро сражавшихся за предѣлами отечества. Ибо Швеція, какъ гласятъ Готскіе законы, есть постоянное и неизмѣнное мѣстопребываніе Готовъ. Когда Овидій жилъ изгнанникомъ въ Понтѣ, то они владѣли Томономъ (Tomon) и другими мѣстами, до самого лѣваго берега рѣки Истра и, даже до временъ Перекопскихъ хановъ, тамъ еще существовали ихъ вожди, происходящіе отъ завоевателей. Исторія этого народа въ скоромъ времени, надѣюсь, будетъ весьма разъяснена, когда будутъ объяснены всему міру древнія руны, высѣченныя на столпахъ (in cippis) и на скалахъ и которыя списываются и изслѣдуются въ Упсалѣ ученѣйшими мужами. Впрочемъ, Готы уже издревле должны были быть довольно развитымъ народомъ, ибо они вѣрили, подобно Скиѳамъ, въ безсмертіе души и приводили въ восхищеніе мудрѣйшихъ философовъ. Позднѣе, ихъ имя было кой-гдѣ слегка измѣнено въ прозваніе „Геты"; Геты, живущіе по Борисѳену утверждали, что ихъ покойники уходятъ къ демону Замолксису (Zamolxin) или Гевелейсу (Geveleizem) и тамъ становятся причастными всякихъ благъ. Отъ тѣхъ же Готовъ, которые нѣкогда отправились изъ Московскихъ областей въ Италію Испанію и еще куда-то, отдѣлились, говоритъ преданіе, Парѳяне, положившіе первое основаніе могущественнѣйшему Парѳянскому государству. Впослѣдствіе, то весь народъ Мосховъ, то отдѣльныя племена изъ его состава, назывались многими, различными именами, подробный перечень которыхъ впервые составленъ Греческими писателями. Изъ него можно, до извѣстной степени, выяснить себѣ древнѣйшій ихъ бытъ и простые нравы. Ибо всѣ они носятъ названіе, приноровленное къ мѣстожительству каждаго изъ нихъ: темноволосые Агаѳирсы въ пестрыхъ одеждахъ, получившіе свое названіе отъ сына Геркулеса, сосѣди Азіатскихъ Скиѳовъ, которые, говорятъ, владѣли большимъ количествомъ золота и не скупы и не завистливы. Это, несомнѣнно, обитатели нынѣшней Черкассіи (hodiernae Circassiae coloni). Гелузы (Helusii), т. е. строящіе жилища въ болотахъ, на озерахъ, такъ какъ они населяютъ землю, чрезмѣрно болотистую, и которые представлены у Тацита, въ его древней Германіи, какъ нѣчто баснословное, по причинѣ ихъ необыкновенной одежды. Гелузы и Оксіоны (Oxionae), говоритъ, именно, этотъ писатель, имѣютъ голову и лице—человѣчьи, туловище же, руки и ноги—звѣриныя (это подобно тому, что говорятъ про нынѣшнихъ Лапландцевъ и Пермяковъ [1]). Гиппофаги, питающіеся кониной, которую Татары и понынѣ употребляютъ въ пищу; Борисѳениты, живущіе по р. Борисѳену, т. е. сѣверной, и приносящіе жертвы по греческому обряду (Graecorum more) и хвастающіе своимъ происхожденіемъ отъ Милезійцевъ; Невры, также близь рѣки живущіе, зовутся такъ отъ слова „нерва", т. е. ременная плетка. Вблизи находятся Гелоны, происшедшіе, какъ говорятъ, отъ Гелона, сына Геркулеса. Равнымъ образомъ, занимали нѣкогда не малую часть Московіи, Туссогеты или Тиссагеты, Тирсагеты и Массагеты, народы Гетскаго происхожденія. Аланы, т. е. бродячіе, кочевали около Меотидскаго озера и болотъ, пока не слились въ одно съ Готами; Агриппеи (Agrippaei), знаменитые своею справедливостію, говорятъ, процвѣтали въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и Абіи, жившіе у рѣки Оби (Obii?), послѣ того, какъ Месы [2]) заняли Месію (Moesiam) у Гема (ad Hemum) [3]). О нихъ говоритъ Гомеръ, въ 5-ой пѣсни Иліады, обращаясь къ Борею: „тамъ находятся, воинственное племя Ѳракійцевъ, любящіе войну (pugnaces) Месы, доблестное племя Гиппомолговъ (Hippomolgi), и пожирающіе молоко (lactivorique) Абіи,—справедливѣе коихъ нѣтъ народа". Царскіе Скиѳы (Basilei), которые, вслѣдствіе какой-то, неизвѣстной мнѣ, знатности, считаютъ прочихъ Скиѳовъ своими рабами; Меланхлены, ибо они носили темную одежду, какъ это дѣлается и сейчасъ, въ Червонной Руси (in nigra Russia). Будины или Бодины (Budini seu Bodini), рыжеволосые и голубоглазые, которые нѣкогда двинулись въ Подолію (ad Podoliam), гдѣ великое изобиліе выдръ и бобровъ. Номады (Nomades), ведущіе пастушескій образъ

[1]) Ср. ниже, кн. IV, гл. 17.

[2]) Изъ первоначальнаго племени Ѳракійцевъ выдѣлились Месы, оставшіеся въ Европѣ, въ Месіи, нынѣшней Болгаріи и Сербіи, и Мисы, занявшіе Мизію въ Малой Азіи.

[3]) Нынѣшніе Балканы.

жизни и бродящіе по полямъ и лѣсамъ, не имѣя постояннаго мѣста жительства; Георги (Georgae), усердно занимающіеся обработкою земли, у которыхъ и женщины были обучены военному искусству; отъ нихъ, кажется, еще уцѣлѣло племя Грузиновъ, часть коего принадлежитъ Мосхамъ. Далѣе — Аорсы и Аримаспы (Aorsae et Arimaspi), исторію которыхъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, нѣкогда изложилъ Аристей, учитель Гомера, въ эпической поэмѣ. Тотъ же Аристей свидѣтельствуетъ, что Аримаспами были прогнаны Иссидоны, Скиѳы—Иссидонами, а Киммерійцы, тревожимые Скиѳами, покинули страну у южнаго (australe) моря. Гамаксобы (Hamaxobii) и Иссидоны, имѣющіе обыкновеніе возить повсюду свои жилища на повозкахъ, что, и понынѣ дѣлаютъ Калмыцкіе Татары. Рифаки (Riphaces), получившіе названіе, быть можетъ, отъ Рифата (Riphat), сына Гомера, [1]) или отъ сильныхъ вѣтровъ и Рифейскихъ горъ. Циги (Zygi), близь Меотидскаго озера, получили названіе отъ легко раскалывающагося дерева, клена и багроваго цвѣта коры. Въ сосѣдствѣ съ ними, Плиній и Страбонъ, полагаютъ Сербовъ или Сирбовъ, (Serbi seu Sirbi), которые впослѣдствіе переселились въ Сербію, страну близь Константинополя. Также отступила вначалѣ, чрезъ Каспійскія ворота, съ цѣлью захватить государство на востокѣ, и часть Турокъ, главнымъ образомъ изъ тѣхъ частей Тартаріи и Черкассіи, которыя нынѣ подчинены Московіи. Равнымъ же образомъ, весьма заслуживаютъ упоминанія здѣсь и Амазонки (ибо они главная, домашняя гордость Русскихъ). Эти Савроматиды (Sauromatides), или Савропатиды (Sauropatides) и Эопарты (Oeopartae) [2]) т. е. женщины-мужеубійцы, ведутъ свое происхожденіе отъ тѣхъ Скиѳовъ, которые владѣли громадной частью Азіи, вплоть до воцаренія Ассирійскаго царя Нина, когда онѣ, перебивъ уцѣлѣвшихъ отъ вражескихъ мечей, мужей своихъ, сперва заняли пустынную страну у рѣки Ѳермадонта (prope Thermadonta flumen), наслѣдственное достояніе древнихъ потомковъ Мозоха. Въ этомъ мѣстѣ расположили свои жилища, изгнанные изъ своей родины партіей аристократической, Филосъ (Philos) и Сколопитасъ (Scolopytas), съ большимъ числомъ Скиѳской молодежи, но будучи окружены разнаго рода преслѣдованіями, они уступили владѣнія женамъ (uxoribus), которыя впослѣдствіе помогали Троянцамъ противъ Грековъ, и въ свою очередь, получили въ помощь отъ Скиѳскаго царя Сагилла (a Sagillo), громадный (ingentem) отрядъ конницы, подъ предводительствомъ Князя Печагора (Peazagora), но тѣмъ не менѣе были побѣждены Греками; когда же тѣ везли ихъ по морю, то онѣ перебили всѣхъ корабель-

[1]) Бытіе, гл. 10, ст. 3.
[2]) „Ойорпаты“ по Геродоту IV, 110.

щиковъ на судахъ и ушли въ скалы у Меотидскаго озера. Дѣлая отсюда набѣги на владѣнія Скиѳовъ, онѣ были признаны за женщинъ, и Скиѳы, пренебрегая ими, предоставили своимъ юношамъ бороться съ Амазонками, которыя, выйдя за нихъ замужъ, поселились по рѣкѣ Танаису, на разстояніи трехъ дней пути отъ Меотидскаго озера и здѣсь, говорятъ, имя и храбрость Амазонокъ были въ большой славѣ вплоть до временъ Юлія Цезаря.—Наконецъ, особенно выдаются между тѣми племенами, коихъ имена и до нынѣ еще сохранились, Московскія племена Болгаръ, Славянъ и Русскихъ. Кому не ясно, что Болгаре, или вѣрнѣе, Волгаре (Bolgaros seu potius Volgaros) получили свое имя отъ рѣки Волги, откуда они появились и распространили свое владычество и свой языкъ до самой Греціи включительно. Часть ихъ, прозванная на варварскомъ нарѣчіи Уннобундоболгарами (Unnobundobulgari) или Контраготами (Contragoti), поселилась у сѣверныхъ береговъ Евксинскаго Понта и у Меотидскаго озера. Кромѣ того,—изъ этого же племени, какъ бы изъ колчана (pharetra), явились, по свидѣтельству Свиды и другихъ, Славяне, отличающіеся, какъ уже одно ихъ названіе указываетъ, доблестью и которые, впослѣдствіе, подъ именемъ также Булгаръ и Венетовъ, заняли на громадномъ пространствѣ всѣ свободныя (vacuas) земли Вандаловъ. Поэтому-то лѣтописи Мосховъ и утверждаютъ, что Мосхи—Славянское племя изъ колѣна Іафетова. Здѣсь должно обратить вниманіе на то, что эти Славяне впервые привели двѣ дружины, въ Польшу и въ Богемію, большую часть коихъ, до того, занимали Вандалы. Имя же „Русскіе“, присвоенное нынѣ Московитами себѣ, происходитъ отъ славянскаго слова „разсѣяніе“ (Rosseie), и обозначало, уже въ древности, людей, живущихъ не кучно, а на большомъ разстояніи другъ отъ друга, вслѣдствіе чего Греки и называли ихъ—Славянами, Антами и Споріями, т. е. „разбросанными (sparsi)“.

Въ древнія времена, Рутенами (Rutheni), Россами (Rossi), Роксанами ((Roxani) и Роксоланами (Roxosolani), у Плинія, Тацита и Страбона, въ разныхъ мѣстахъ ихъ сочиненій, назывались народы, занимавшіе бо́льшую часть Европейской Сарматіи и которымъ нанесъ ужасное пораженіе Митридатъ Седьмой [1]).

Другіе производили это названіе отъ греческаго слова Русъ (Rus), обозначающаго „теченіе“ или отъ слова „Риссейя“ (Risseia), что на Арамейскомъ нарѣчіи значитъ „разсѣяніе“. Не буду здѣсь распространяться о словахъ пророка Іезекіиля: „князья Россъ, Мозохъ и Ѳубалъ“, такъ какъ Св. Іеронимъ сомнѣвается—было ли „Россъ“ собственное имя народа, или же оно обозначало только вождя.

[1]) Невѣрно: Митридатъ VI Великій, Евпаторъ.

Каковымъ бы истинное значеніе этого слова ни оказалось, но пророкъ, кажется, имѣетъ въ виду провинцію Араксъ, такъ какъ рѣчка Араксъ, по-арабски, называется Росъ (Rhos), и Іосифъ Бенгоріонъ [1]) J osephus Bengoryon) отводитъ мѣсто Россамъ у рѣки Киръ (Cyrum), которая сливается съ Араксомъ еще до впаденія его въ Грузинское или Каспійское море. А около этихъ рѣкъ Скиѳское государство, какъ бы начало сплотившись крѣпнуть. Перейдя отсюда черезъ Араксъ, Россы (Rhossi) заняли Таврику, которая также стала называться по ихъ имени. Это вполнѣ подтверждаетъ и Цецесъ [2]) (Tzetzes) въ своихъ историческихъ лѣтописяхъ, говоря, что Тавры были племя, называемое Россами. Нѣкоторые, оспаривая это, по моему мнѣнію, неосновательно утверждаютъ, что Россія называлась у Готовъ „Русландъ" (Rusland), т. е. страною великановъ, ибо это чудовищное потомство Энака (Enaki genus), [3]) по преданію, нѣкогда владѣло всѣмъ Сѣверомъ. Поэтому у древнихъ Германцевъ она называлась „Гунеландъ [4]) или „Гунеградъ (Huneland aut Chunegrad)", т. е. страна Гунновъ или великановъ, а также и „Острогардъ (Ostrogard)", т. е. восточное государство, ибо Гунны, такъ же какъ и Угры (Uhgri), вышли изъ мѣстностей, нынѣ подчиненныхъ Мосхамъ. Во времена императоровъ Юстиніана и Маврикія, они, для внушенія громкимъ именемъ бо́льшаго страха народамъ, выдавали себя, при первомъ своемъ царѣ Хаганѣ (Subprimo-rege Chagano) за Абарцевъ, иначе называемыхъ Аварами, Хунами (Avari, Chuni), Сарфатами (Sarfati) и Сабирами (Sabiri). Дѣло въ томъ, что въ 568 году по Р. Х., эти Гунны (Hunni), облеченные въ взъерошенныя (hirsutus) шкуры звѣрей, вторглись въ Паннонію, называя себя Аварцами, по имени вождя Авара, которому наслѣдовалъ Хаганъ (Chaganes). Поэтому Константинъ Багрянородный (Porphyrogetus) назвалъ Славянъ Аварами, ибо, конечно, они подчинили себѣ много Славянскихъ или Русскихъ племенъ, прежде чѣмъ стали тревожить Грековъ своими набѣгами. Іорданъ Равеннскій и римскій сенаторъ Аблавій говорятъ, что первые Гунны произошли

---

[1]) Бенгоріонъ или Іос. Горіонидъ, ученый раввинъ, жившій въ началѣ XII в. въ провинціи Туръ, во Франціи. Онъ составилъ исторію Евреевъ и выдавалъ ее за трудъ Іос. Флавія. Въ 1710 г. эта исторія была издана (еврейскій подлинникъ и латинскій переводъ) І. Ф. Брейтгауптомъ. См. Іехеръ, II pag. 1077.

[2]) Цецесъ, Іоаннъ, плодовитый греческій поэтъ, грамматикъ и историкъ, средины XII в. О немъ см. Іехеръ, IV pag. 1377 и Крумбахеръ, pag. 235.

[3]) Потомки Энака, сына Арбы т. е. „высокорослые". О нихъ см. Кн. Іис. Нав. XI, 21—22, XV, 13—13; Числ. XIII, 34; Втор. кн. Царст. XXI, 18—22.

[4]) Съ XIII вѣка слово „Hiune", обозначавшее первоначально Гунна, получаетъ у германцевъ значеніе „великана" вообще и употребляется и понынѣ въ этомъ значеніи т. н. „Hüne, Hünengestalt, Hünengrab" и т. п.

отъ вѣдьмъ (mulieres magicas) и Скиѳовъ. [1]) Одни изъ нихъ, называемые Евталитами (Eutalitae), по словамъ Прокопія, совершенно не похожи на прочихъ и не имѣютъ никакихъ сношеній съ ними, но живутъ рядомъ съ Персами, по направленію къ сѣверу. Главный городъ ихъ называется Горги (Gorgae), и они одни, изъ всѣхъ Гунновъ, обладаютъ бѣлымъ цвѣтомъ кожи и не безобразной наружностью. Это, кажется, нынѣшніе Грузины (Georgii) и Черкесы (Circassii). Обхожу здѣсь молчаніемъ племена Хозаровъ (Gazarorum), Борановъ (Boranorum), Азаніевъ (Asaniorum), Влаховъ (Blahorum), Бастарновъ (Bastarnorum), Печенѣговъ (Pacinagarum seu Piecinagorum) и Половцевъ (Polovzorum), и многія другія, кои нѣкогда занимали ту или другую часть Московіи, и память о которыхъ еще свѣжа. Впрочемъ, тѣ Половцы, которые жили первоначально близь Волги, т. е. Готоланы (Gothalani) и Сармато-готы (Sarmatogothii), остатки Готовъ, были истреблены Татарами, при ихъ нашествіи на Московію въ 1202 году. Въ настоящее время, всѣ племена, подчиненныя Московскому Царю, носятъ безъ различія, одно общее названіе Русскихъ или Московитовъ, отличаясь, одно отъ другаго, развѣ лишь языкомъ, вѣрою и нравами. Для того же, чтобы еще яснѣе стало, что всѣ, выше перечисленныя, разнообразныя, дошедшія до насъ отъ глубокой древности, имена народовъ, дѣйствительно принадлежатъ странѣ Русскихъ, достаточно взглянуть на теперешнія ея границы, ибо она широко захватила собою бо́льшую часть Европейскихъ,—Сарматіи и Скиѳіи, всю Азіатскую Сарматію, и не малую часть Азіатской Скиѳіи.

ГЛАВА 3.

О мѣстопребываніяхъ Царей въ Россіи.

Не только одни Скиѳы, но и многіе другіе народы, въ первобытныя, суровыя времена, проводили счастливо жизнь не въ дворцахъ, искуссно построенныхъ, согласно требованіямъ нашей изнѣженности, или въ укрѣпленныхъ городахъ, но въ малыхъ шалашахъ, крытыхъ повозкахъ, кожанныхъ шатрахъ, и подъ открытымъ небомъ. Быть-можетъ, самъ Господь незримо внушалъ имъ это, чтобы они, такимъ образомъ, мѣняя по возможности чаще мѣста своего пребыванія, двигались бы все впередъ, съ тѣмъ, чтобы, въ свою очередь, легко уступить впослѣдствіе свою землю другимъ, не удерживаемые дорогими

---

[1]) Это не совсѣмъ вѣрно. Въ своемъ сочиненіи о Готахъ Іорнандъ (гл. 8-я) говоритъ, что Гунны произошли отъ колдуній (или вѣдьмъ) и нечистыхъ духовъ (spiritus immundi).

постройками и заселяли бы весь шаръ земной. Народы, занимающіеся скотоводствомъ, проводили тогда бо́льшую часть времени, кочуя по пастбищамъ, и равнымъ образомъ даже и тѣ, которые владычествовали надъ другими, не основывались прочно и надолго на какомъ-либо опредѣленномъ мѣстѣ, но предпочитали, вмѣстѣ съ подчиненными, отыскивать новыя пастбища, и бродить тамъ и сямъ, пока, наконецъ, не рѣшались избрать себѣ постоянное мѣстожительство, какъ вслѣдствіе ослабленія страсти къ бродяжничеству, такъ и потому, что царство ихъ становилось, вслѣдствіе величины своей, неудобопередвигаемымъ. Я бы полагалъ, что во времена Скиѳскаго владычества, наши Мосхи имѣли весьма мало городовъ, такъ какъ изъ свидѣтельствъ Плинія, Геродота, и другихъ, видно, что сами Скиѳы, даже гораздо позднѣе, занимали одинъ, или два города—не болѣе. Готскія лѣтописи упоминаютъ, подъ самыми ранними годами, о русскомъ городѣ Ротулѣ (Rotula), и нѣкоторыхъ другихъ, съ славянскими именами, въ Кареліи (Carelia) и Эстоніи (Aestonia); Птоломей считаетъ древнѣйшимъ городомъ Ольвію или Ольвіополь, т. е. блаженный городъ (онъ же назывался и Борисѳеномъ (Borysthenia), расположенный не то, чтобы далеко отъ племени Герровъ (Gerrhi), въ странѣ которыхъ находились древнія Царскія могилы, въ видѣ громадныхъ, земляныхъ насыпей. Въ этомъ мѣстѣ теперь воздвигнутъ на, покрытомъ рощами, берегу рѣки городъ Страпенъ (Strapenos). Слѣдующимъ за нимъ городомъ былъ второй Борисѳенъ (secunda Borysthenia), построенный близъ устья рѣки Борисѳена, называемый также Милетополемъ (Miletopolis), такъ какъ основаніе ему положила Милетійская колонія, въ 3300 году отъ сотворенія міра. Полагаютъ, что это—нынѣшній Очаковъ (Oczacowa), которому императоръ Антонинъ Благочестивый посылалъ помощь противъ Тавроскиѳовъ (contra Tauroscythas). Русскія лѣтописи говорятъ, что Московскому государству было положено начало позднѣе, близъ Новгорода Великаго (Novogrodiam magnam), Бѣлой Церкви (Bialocerkvam) и Изборска (Isborskum), братьями Варягами—Рюрикомъ, Синеусомъ (Sinao) и Труворомъ. Изъ нихъ, Рюрикъ избралъ мѣстопребываніемъ царя городъ Ладогу и Ладожское озеро, Святославъ же перенесъ отсюда столицу всего государства въ Переяславль (Pereslavia). Впрочемъ, далеко не безосновательно мнѣніе, что этимъ городамъ предшествовалъ Кіевъ, такъ какъ Мосхи не припомнятъ никакого другого города, болѣе древняго. Пусть Кій, царствовавшій, по словамъ Гомера [1]) (ut Gomerus ait), въ 800 году, считается, какъ это вообще принято, его основателемъ,—повидимому, онъ, существовалъ еще задолго до него, но послѣ того какъ Кій чрезвычайно украсилъ его, онъ очень долго былъ мѣстопребываніемъ первыхъ русскихъ Князей, хотя съ нѣкоторымъ перерывомъ, когда находился послѣдовательно во власти Литовцевъ и Поляковъ. Высится этотъ городъ надъ Борисѳеномъ, на разстояніи 30 милліаріевъ отъ Понта и блаженствуетъ отъ обилія рыбы и богатыхъ урожаевъ плодовъ—полевыхъ и древесныхъ. Жители его, нѣкогда, были до того привержены къ утѣхамъ любви (in Venerem proclives), что дѣвочки, на восьмомъ году жизни, уже безстыдно занимались прелюбодѣяніемъ [1]). Въ настоящее время, они исправились отъ этого порока и усердно предаются плаванію, рыболовству и греблѣ веслами. О томъ, что Кіевъ служилъ мѣстопребываніемъ Царей, свидѣтельствуютъ множество преданій, могильныхъ памятниковъ, а также и остатковъ храмовъ и дворцовъ. Онъ дѣлится на старый и новый городъ; послѣдній, весьма мало населенный, расположенъ на верху горы, подошву которой омываетъ Борисѳенъ и, кажется, тѣ сухія поля (campi passi), что находятся внизу, были нѣкогда моремъ, ибо мѣстами на нихъ находятъ якори. Новый городъ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе, замѣчательные, древніе храмы: храмъ Св. Софіи, знаменитый своими мозаиками и Царскими надгробіями; Св. Василія, съ греческими надписями, вырѣзанными на мраморѣ 1400 лѣтъ тому назадъ, но все-таки еще не вполнѣ стершимися отъ времени, и Св. Михаила Златоверхаго, названнаго такъ отъ позолоченныхъ желѣзныхъ листовъ, въ которомъ поклоняются мощамъ Св. Варвары, покоющимся здѣсь, по словамъ Русскихъ, со временъ Никомидійской войны. [2]). Изъ прочихъ древностей города заслуживаютъ вполнѣ упоминанія громадные подземные ходы (meatus), которые, кромѣ того, что стоили громадныхъ трудовъ, еще, какъ говорятъ, достойны удивленія потому, что дѣйствительно сохраняютъ внутри себя человѣческія тѣла, нисколько, отъ времени, не потерпѣвшія. На нѣкоторыя изъ нихъ, превышающія человѣческіе размѣры, нельзя смотрѣть безъ ужаса: это, вѣроятно, либо исполины, либо образцовые представители племени. Особенно же славится громадными пещерами, искусственно ли, или природою, созданными, это не рѣшено окончательно, гора, находящаяся на разстояніи полумилліарія отъ города, близъ Печерскаго монастыря (monasterium Pieczari). Здѣсь находятся тѣла, Св. Елены или Ольги, монаха (Monachi) Св. Іоанна, и другихъ знаменитыхъ людей, совершенно сохранившіяся и какъ бы, понынѣ еще, дышащія. На разстояніи шести

---

[1]) Опечатка.—Рейтенфельсъ имѣетъ въ виду здѣсь Мартина Кромера.

[1]) О развратѣ Кіевлянъ говорятъ многіе историки. См. Закревскій—Описаніе Кіева, I, 32—33 и друг.

[2]) Ср. Закревскій—Описаніе Кіева, I, 209 и 501.—Бопланъ видѣлъ упоминаемыя здѣсь надписи въ 1646 году. См. Beauplan—Description de l'Ukraine.

дней пути отъ этого мѣста, говорятъ, Поляки, во времена Стефана Баторія, по разслѣдованію Войнусскаго (ex indagine Voinuskii), мужа, отлично знающаго многіе языки, нашли надгробный памятникъ Овидія [1]) съ слѣдующей надписью: „Здѣсь покоится вѣщій пѣвецъ (vates), которому разгнѣванный Цезарь Августъ приказалъ покинуть землю Лаціума. Часто, несчастный, желалъ онъ почить на родныхъ нивахъ, но тщетно! рокъ ему здѣсь пріуготовилъ мѣсто“.

Въ другомъ же, близь-лежащемъ городѣ они видѣли сочиненіе Цицерона о государствѣ къ Аттику, написанное золотыми буквами. Межъ тѣмъ, около 930 года, какъ мы уже упомянули выше, Святославъ Игоревичъ, перенесъ княжескій престолъ изъ Кіева въ Переяславль, знаменитый своею рыбою, которую Переяславцы и понынѣ имѣютъ обыкновеніе, по странной привычкѣ, представлять къ Царскому столу, во время вѣнчанія на Царство. Немного лѣтъ послѣ сего, Владиміръ, первый христіанскій Князь на Руси, построилъ городъ съ своимъ именемъ—Владиміръ, и опредѣлилъ ему быть Царскимъ мѣстопребываніемъ, находя, что здѣсь—средоточіе всего Царства и земля богата плодами всякаго рода, хотя въ 1001 году, при Ярославѣ, Царскій дворъ снова, какъ-бы послѣ временнаго изгнанія, вернулся въ Кіевъ. Наконецъ, съ 1300 года и до настоящаго времени, Москва сдѣлалась и пребываетъ, благодаря заботамъ и попеченію Великаго Князя Ивана Даниловича, блестящимъ мѣстомъ жительства Царей. Болѣе подробному разсказу о ней намъ еще представится ниже обширнѣйшее поприще.

ГЛАВА 4.

О войнахъ и о Царяхъ Русскихъ до Р. Х.

О древнѣйшихъ Царяхъ и событіяхъ у вышеназванныхъ народовъ, занимающихъ столь обширное пространство земли, до насъ не дошло ни одного почти извѣстія за весь древній періодъ, или по меньшей мѣрѣ, эти извѣстія не ясны и не достовѣрны. Поэтому и мы, не желая прибѣгать къ какимъ либо измышленіямъ, будемъ продолжать разсказъ, употребляя названія, то Готовъ, то Русскихъ, то Скиѳовъ, и другія, обильно сообщаемыя современными лѣтописцами-очевидцами, до тѣхъ поръ, пока не достигнемъ временъ, уже болѣе близкихъ къ намъ, когда все это получаетъ болѣе прочное основаніе, яснѣе видна послѣдовательность событій, и когда мы будемъ слѣдить исключительно только за тѣмъ, что дѣйствительно можетъ касаться Московскаго государства и его древнихъ повелителей. Но такъ какъ всѣ его области, въ древности, были различно раздѣлены, и границы ихъ были разно означены, при чемъ не сохранилось остатковъ каждой въ отдѣльности, то я счелъ достаточнымъ, подробно изложить, то событіе у восточныхъ племенъ, то у западныхъ, то какого либо племени отдѣльно, то событія, касающіяся ихъ всѣхъ вмѣстѣ, и назову имена Князей (principum), дабы, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно обнаружилось-бы, что, за столь долгій промежутокъ времени, совершала та или другая часть Русскихъ, нерѣдко на славу другимъ племенамъ. Первоначально же сталкивались враждебно Готы и Русскіе, главнымъ образомъ однако такъ, что чаще первые были принуждаемы признать власть послѣднихъ.

[1]) Ср. Вельтманъ—Донъ, мѣсто ссылки Овидія Назона. (Чтенія 1866 г. кн. 2).

Въ 2400 году отъ сотворенія міра, не касаясь здѣсь событій болѣе отдаленныхъ и затемненныхъ, отчасти вымысломъ, отчасти же отсутствіемъ показаній въ Готскихъ лѣтописяхъ, упоминается нѣкій Веспасанъ (Vespasan), царь Западныхъ Россіянъ (Ruthemorum Occidentalium), который, говорятъ, имѣлъ пребыванія въ городѣ Ротолѣ и велъ войны со Скандинавами (Sveonibus). Въ 2418 году отъ сотворенія міра, во времена Моисея и Девкаліона, Свафурламъ (Svafurlam), царь Русскихъ (Russorum), лишился дочери Ливоры (Livora), хищнически увезенной царемъ Упсальскимъ въ Ингрію. Въ 2493 г. отъ сотв. міра, Берихъ (Berichus), царь Шведовъ, впервые привелъ войска, черезъ море, на противоположный берегъ и, разбивъ Ульмеруговъ, Куретовъ и Эстовъ, угрожалъ оружіемъ даже Русскимъ. Съ 2620 года отъ сотв. міра, Русскіе начали понемногу смѣшиваться съ Гепидами, частью Готовъ, отдѣлившейся отъ прочихъ, и поселившимися въ Валахіи. Въ 2640 году отъ сотв. міра, Гадарикъ, царь Готовъ, одержавъ побѣду надъ Гепидами обратилъ Скиѳовъ въ рабовъ, а Вандаловъ въ союзниковъ за то, что тѣ помогали Гепидамъ. Въ 2660 году отъ сотворенія міра, Филимеръ, царь Готовъ, прогнавъ Киммерійцевъ съ ихъ мѣста жительства, привелъ войска къ Меотидскому озеру и, переправивъ ихъ по срединѣ озера, черезъ него, покорилъ Спаловъ, Скиѳовъ. Въ 2747 г. отъ сотв. міра, Танаузій или Таргитай, царь Гетоскиѳовъ, сынъ Юпитера и дочери рѣки Борисѳена, прогналъ Везора, египетскаго царя изъ Скиѳіи до самаго Нила, и, хотя египетскія болота помѣшали ему идти дальше, однако онъ въ теченіи многихъ лѣтъ заставлялъ бо́льшую часть Азіи платить ему дань. Сыновья этого Танавзія, Липоксайсъ, Арпоксайсъ и Колаксайсъ, раздѣлили царство между собой, и во время ихъ царствованія, говорятъ, упали съ неба золотые, воспламеняющіеся, плугъ, сѣкира и чаша, которые впослѣдствіе постоянно глубоко чтились у Скиѳовъ. Въ это же, приблизительно, время, когда тщетныя усилія Троянской войны и без-

разсудный (socors) походъ Аргонавтовъ, неустанно волновали честолюбивою борьбою столь многихъ племенъ, говорятъ, Готоскиѳскіе цари близъ Понта, Сагиллъ (Sagillus) или Апенонъ (Apenon), Пенаксагоръ, Телефъ и Евтифилъ, вмѣстѣ съ Амазонками, оказывали помощь Троѣ. Тогда же говорятъ, въ Скиѳіи начальникомъ Готовъ былъ философъ Зевтъ (Zeutes), преемникомъ коего, въ дѣлѣ преподаванія наукъ, былъ, нѣсколько времени спустя, Дикиней (Dicineus). Кромѣ того, въ это же, приблизительно, время, говорятъ, и Агаѳирсъ, Гелонъ и Скиѳъ, сыновья Геркулеса, основали колонію въ Сарматіи, и знаменитая (decantata) волшебница Цирце (Circe) вышла замужъ за нѣкоего Сарматскаго царя, но такъ какъ она извела своего мужа ядомъ и жестоко обращалась съ своими подданными, то была лишена власти и бѣжала въ Италію. Въ 2866 году отъ сотв. міра, Скиѳы снова вторглись въ Азію, и ихъ примѣру послѣдовали Ѳракійцы, Месы, Геты и Бобрики (Bobryces) и заняли въ 2978 году почти всю Виѳинію, поселивъ въ Азіи военныя поселенія (bellicas colonias). Въ 3031 г. отъ сотв. міра. Регнеръ (Regnerus), царь Швеціи, дѣлалъ разбойническіе, морскіе набѣги на владѣнія Западныхъ Рутеновъ. Въ 3132 г. отъ сотв. міра. Готебротъ (Hotebrotus), царь Готовъ, царствовалъ на всемъ протяженіи отъ Эльбы до Танаиса. Въ 3174 г. отъ сотв. міра. Боусъ (Bous), начальникъ Рутеновъ успѣшно воевалъ съ Готеромъ (Hotero cum), царемъ Шведскимъ, и вся Финляндія (Vinlandia) тогда перешла къ Русскимъ, но Родерикъ, сынъ Готера, снова подчинилъ Русскихъ себѣ. Въ 3200 г. отъ сотв. міра. Скиѳы предприняли походъ противъ Іонійцевъ (Iones). Въ это время Скиѳами повелѣвалъ, кажется, Аріантъ (Ariantes), который, съ цѣлью узнать количество своихъ воиновъ, велѣлъ каждому изъ нихъ принести по наконечнику стрѣлы, изъ которыхъ слили мѣдный котелъ, вмѣщающій въ себѣ 600 амфоръ, поставленный имъ, на память о себѣ потомству, между Борисѳеномъ и Гипанисомъ. Въ 3300 году отъ сотв. міра, въ царствованіе Проботита, отца Мадія, надъ Скиѳами, построенъ городъ Борисѳенъ Милетійцами, въ Понтѣ, у рѣки того же имени. Въ 3315 году отъ сотворенія міра, во времена Кіаксара Мидянина, Скиѳскій царь Мадій, двинувшись вдругъ отъ Борисѳена и преслѣдуя Киммерійцевъ, племя у Меотидскаго озера, захватилъ на 28 лѣтъ въ свои руки власть надъ Азіей, но, затѣмъ, большая часть Скиѳовъ, сильно напоенная виномъ была обманнымъ образомъ предана Галіартомъ, царемъ Лидійскимъ и умерщвлена этимъ же Кіаксаромъ. Кажется объ этомъ избіеніи упоминаетъ пророкъ Іезекіилъ, въ 32 главѣ, стихъ 26. Во время пребыванія въ Азіи, Скиѳы сильно стремились перейдти въ Египетъ, но царь Египетскій Псамметихъ, въ 3320 году отъ сотв. міра, мольбами и деньгами склонилъ ихъ къ возвращенію въ Скиѳію. Когда остатки ихъ направились домой, въ 3344 году отъ сотв. міра, ихъ рабы, вступившіе тѣмъ временемъ въ бракъ съ женами своихъ господъ, преградили имъ путь, выкопавъ ровъ между Кавказомъ и Меотидскимъ озеромъ, пока, наконецъ, не были, благодаря рабскимъ свойствамъ своего духа, побѣждены дубинами (оружіемъ ничего нельзя было сдѣлать) и снова подчинены прежней власти. Въ 3380 году отъ сотв. міра. Въ области Гилея, близь Ахиллова Бѣга [1]) особенно, предъ остальными, упоминается Скиѳскій царь Савлій, пронзившій стрѣлою Анахарзиса, Скиѳскаго философа, по его возвращеніи изъ ученаго путешествія домой, за то, что онъ, тайно, у себя, совершалъ жертвоприношеніе по греческому образцу. Объ этомъ Анахарзисѣ весьма подробно и много говоритъ Гомеръ и другіе писатели, что онъ переложилъ Скиѳскіе законы въ стихи и въ Аѳинахъ славился у Солона своею ученостью. Между многими учеными его изреченіями, по справедливости, достопримѣчательно то, что форумъ, по его опредѣленію, есть мѣсто, назначенное для обмана и способствующее скупости, а также и то, что виноградная лоза приноситъ тройной плодъ: вожделѣніе, пьянство и печаль. Въ 3387 году отъ сотвор. міра, упоминается о Кальвидѣ (Calvidas) царѣ Скиѳовъ, когда Абаридъ, гиперборейскій жрецъ Апполона, прибылъ, по порученію своего народа, въ Грецію, дабы исполнить обѣтъ, данный его отечествомъ за избавленіе отъ чумы. Почитая здѣсь Пиѳагора за Апполона, онъ ему принесъ чудодѣйственную стрѣлу, благодаря которой онъ переплывалъ рѣки и освобождалъ города отъ чумы и дѣлалъ много другаго чудеснаго, по словамъ Геродота. Въ 3421 году отъ сотв. міра. Царица Томирида (сына которой Спаргапита, Персы убили раньше) разбила Кира, отправившагося съ войскомъ противъ Скиѳовъ, жившихъ по Волгѣ, и у обоихъ морей, и по рѣкѣ Оксу, и бросила голову его въ кожанный мѣхъ, наполненный кровью. Отправившись отсюда въ часть Мизіи, она выстроила тамъ городъ Тамеръ (Tamer) и назвала всю эту область Малой Скиѳіею. Въ 3427 году отъ сотв. міра. Камбизъ, сынъ Кира, отправился противъ Скиѳовъ, къ которымъ на помощь пришли жители города Борисѳена, черезъ Босѳоръ и Дунай, построивъ черезъ каждый изъ нихъ по мосту, при неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Въ 3493 году отъ сотв. міра. Дарій Гистаспъ, не получивъ въ жены дочь Готоскиѳскаго царя, Янкира, или Идантира, или, какъ другіе сообщаютъ, Антина или Индатирса, былъ завлеченъ съ войскомъ, восемью Скиѳскими царями въ пустыню и тамъ совершенно обезоруженъ голодомъ и утомительными переходами. Поэтому онъ съ немногими изъ своихъ вернулся изъ Скиѳіи во Ѳракію, по прошествіи 60 дней и терпя нужду во всемъ. Между

[1]) Теперешняя Тендера у устья Днѣпра.

прочими, говорятъ, присоединились къ войску Индатирса въ этой войнѣ, Таксакисъ, предводитель Скиѳовъ, или Массаитовъ и Скопасисъ, начальникъ Савроматовъ. Немного времени спустя, Скила, царь Скиѳовъ, былъ лишенъ царства и жизни братомъ своимъ, Октомасадомъ, за то, что принялъ греческія вѣрованія. Этотъ Скила, обученный греческому языку и нравамъ своею матерью Истріанкою, повелъ войско на городъ Борисѳенитовъ, гдѣ и самъ подготовилъ себѣ гибель, принимая, въ противность обычаю предковъ, участіе въ вакхическихъ празднествахъ, въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ изъ бѣлаго камня, окруженномъ изображеніями сфинксовъ и грифовъ. Онъ же написалъ полезное для здоровья наставленіе на своихъ изображеніяхъ: должно обуздывать языкъ, чрево и срамныя части (pudenda). Въ 3500 году отъ сотв. міра. Готоскиѳы изгнали изъ Скиѳіи Франковъ, или Германцевъ, число коихъ было почти невѣроятно. Въ 3600 году отъ сотв. міра. Атей, или Антей, царь Скиѳовъ, хорошо знающій Ѳракію, отправившись съ Филиппомъ, сыномъ Аминты, былъ побѣжденъ обманнымъ образомъ. Онъ же самъ утверждалъ, что ему кажется болѣе пріятнымъ, рѣзкое ржаніе кровнаго коня, нежели музыка флейтистки изъ Ѳивъ, такъ что послы, отправленные Филиппомъ, сообщали, что Антей, въ конюшнѣ, чиститъ, убираетъ и накрываетъ попоной лошадей и занимается этимъ, неподобающимъ царямъ, дѣломъ на глазахъ у всѣхъ. Въ это время Медампа, дочь Готилы, царя Готоскиѳскаго, вышла замужъ за Филиппа. Въ 3621 году отъ сотв. міра, когда Александръ Великій отправился противъ Парѳянъ и въ Гирканію, Зопиріонъ, начальникъ надъ Понтомъ и все войско его погибли отъ Скиѳскаго оружія. Александръ, потомъ, хоть и видѣлъ, но не побѣдилъ ихъ, отправившись уже за Вакховы грани [1]). Тогда же и Ѳалестрисъ, царица Амазонокъ, желанная гостья, явилась къ нему, а онъ, преслѣдуя Бесса, едва не былъ засыпанъ Кавказскими снѣгами. Отправившись отсюда къ Танаису (по мнѣнію другихъ, это была Волга), онъ построилъ городъ Александрію. Царь Скиѳовъ, владѣнія котораго находились тогда по ту сторону Танаиса, послалъ своего брата Харкасина разрушить этотъ городъ. Здѣсь, когда, во время сраженія съ небольшимъ отрядомъ враговъ, Александръ потерялъ своего коня, Буцефала, Скиѳы, чрезвычайно устрашенные его угрозами, возвратили ему его. Раньше же всего этого, пришли въ Бактріану двѣнадцать скиѳскихъ пословъ, начальникъ которыхъ обратился къ Македонянину съ изящною и убѣдительною рѣчью: въ лицѣ насъ—сказалъ онъ — ты имѣешь сторожей Азіи и Европы. Если-бы Танаисъ не отдѣлялъ насъ, то мы бы

———

[1]) Нынѣшняя область Балкъ, въ южномъ Туркестанѣ.

соприкасались съ Бактрой, а по ту сторону Танаиса мы населяемъ землю вплоть до Ѳракіи. — Когда же Александръ, немного спустя, возвратился въ городъ Маракандъ (нынѣшній Самаркандъ), то Бердесъ, посланный имъ къ Скиѳамъ, живущимъ выше Борисѳена, вернулся съ послами отъ этого народа, предлагающими Александру въ супруги дочь ихъ царя. Отсюда явствуетъ, что по всей Руси и Скиѳіи, уже въ то время, слава объ Александрѣ была весьма распространена, хотя онъ самъ, поставилъ, какъ бы предѣлъ себѣ, на границѣ этихъ странъ. Въ 3600 году отъ сотв. міра. Готы, занимающіе часть Скиѳіи, взяли въ плѣнъ преемника Александра, Пердикку, побѣжденнаго царемъ Ситалкомъ, но, нѣсколько времени спустя, съ честью отпустили его домой, вновь начали войну, и опустошили всю Македонію. За Ситалкомъ, въ рядѣ царей, слѣдовалъ Танабонтъ, а за нимъ Бороистъ, во времена котораго Дикиней философъ преподавалъ физику и законовѣдѣніе у Готовъ и оставилъ потомству нѣкое сочиненіе, называемое, „Биллагинесъ" (Billagines) [1]), ибо онъ, въ одно и то же время, былъ избранъ царемъ и верховнымъ жрецомъ Готовъ, каковой родъ сановниковъ они называли Зарабасами, Тереосами т. е. Героями а также и „носящими войлочныя шапки" (pileatos) и къ таковымъ, говорятъ, принадлежали Етеспоматъ, Ганала, Фридигердъ, Видикулъ и др. Надъ Восточными Скиѳами, въ это время, кажется, владычествовалъ царь Скилуръ, который, будучи отцемъ восьмидесяти сыновей, въ виду близкой своей кончины, показалъ имъ на связанномъ пучкѣ копій (которые, будучи взяты, каждое порознь, также легко ломались, насколько не было возможности переломить ихъ, когда они были связаны вмѣстѣ) что согласіе есть самая прочная опора власти. Въ 3740 году отъ сотв. міра. Эстонцы, въ соединеніи съ Русскими, сражались на морѣ съ Линдормомъ, царемъ Готовъ, который, по словамъ Корнелія, Плинія и др., отослалъ индійскихъ купцевъ, попавшихъ чрезъ Ледовитый океанъ въ Германію, къ Целеру Метеллу, намѣстнику обѣихъ Галлій. Въ 3760 году отъ сотв. міра. Фротонъ, царь Даніи, покорилъ Дорніона и Траннона, царей Куретовъ и Русскихъ (Ruthenorum) и подчинилъ себѣ русскіе города Ротолу и Палтиссу (Paltissam). Въ 3775 году отъ сотв. міра, Персей, царь Македонскій, призвалъ Бастарновъ, дабы истребить Дардановъ. Въ 3888 году отъ сотв. міра. Скиѳы, съ самого Борисѳена, помогали Митридату, царю Понтійскому, противъ Римлянъ, ибо Аппіанъ говоритъ, что Царскіе Скиѳы, Язги, Кораллы. Ѳракійцы, а также и всѣ потомки Пелопса, живущіе по Танаису, Истру и Мео-

———

[1]) У Іорнанда (De orig. III, IV) „Bellagines" — которое нѣкоторые ученые объясняютъ какъ „Wohlbehagen" т.-е. „благосостояніе".

тидскому озеру, были дружны съ нимъ [1]) и его союзниками; къ нимъ Страбонъ прибавляетъ еще, именно, Московъ и Киркитовъ, или Черкессовъ. Изъ тѣхъ же Скиѳовъ, которые сражались противъ вождей Митридатовыхъ, болѣе всего прославились Роксоланы, которымъ другой Скиѳскій царь, Палакъ, послалъ помощь подъ начальствомъ Тазія, хотя, въ концѣ концовъ, Митридатъ, убивъ изъ нихъ 50000, побѣдилъ ихъ, чрезъ своего посланнаго, Діофонта. Фарнаку же, сыну Митридата, въ 3917 году отъ сотв. міра, подалъ помощь Спадинъ, царь Аорсовъ, живущихъ у Танаиса, коему современникомъ былъ Абеанъ, царекъ (regulus) Ситаковъ и Бродячихъ Скиѳовъ. Около этого же времени и Асандеръ, царь этихъ народовъ, укрѣпилъ Херсонесскій перешеекъ, у Меотидскаго озера, стѣною въ 360 стадій [2]).

ГЛАВА 5.

О войнахъ и Царяхъ Русскихъ отъ Р. Х. до временъ Царицы Ольги.

Между тѣмъ Готы, проникая постепенно въ Грецію изъ Скиѳіи, пріуготовили вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы путь и прочимъ Скиѳскимъ народамъ. Ибо послѣдніе, тревожимые, до сей поры, различными внутренними междуусобицами, стали вдругъ, какъ бы съ нѣкоего рокового согласія, высылать безчисленныя вереницы войскъ противъ Римлянъ и Грековъ. Въ первые годы по рожденіи Спасителя рода человѣческаго, при императорѣ Августѣ, Далматы съ Сарматами и Бастарнами (противъ коихъ успѣшно воевалъ Крассъ) безбожно терзали Римскую имперію, хотя, по словамъ Флора [3]), скоро затѣмъ Скиѳы и Сарматы, а равно и Геты и Индійцы, живущіе на самомъ югѣ, отправили пословъ къ Августу, прося о дружбѣ. По свидѣтельству Светонія, Августъ Цезарь просваталъ дочь свою Юлію за Коммозита, царя Гетовъ, а самъ, въ свою очередь, просилъ у него руки его дочери; вслѣдствіе этого союза Готы отступили изъ области Транссистрана во Фракію на 50 милліаріевъ. Тѣмъ временемъ Фротонъ Третій, царь Даніи, одержалъ побѣду надъ Западными Руссами и Гуннами. По словамъ Саксона [4]) уже въ первый день битвы рѣки русскія были наполнены трупами такъ, что по нимъ можно было удобно пройти, какъ по мосту. Бой продолжался семь дней, и во время его, было убито сто семьдесятъ

[1]) Митридатомъ.

[2]) Ср. Страбонъ VII, 4, 6.

[3]) Публій Анній Флоръ, римскій писатель конца I и начала II в. по Р. Х. Его сочиненіе Bellarum Romanorum libriduo имѣетъ много изданій.

[4]) Грамматика.

мелкихъ царьковъ, Гуннскихъ, или союзныхъ съ ними. Посему Фридлевъ, сынъ этого Фротона, нѣкоторое время, властвовалъ надъ Русскими. Между тѣмъ на Русь напалъ кулачный боецъ (pugil) Старкатеръ и, побѣдивъ Царя Флока, отнялъ у него много сокровищъ. Въ 72 году по Р. Х. Въ то время какъ Роксоланы, при Веспасіанѣ, опустошали Мизію, Гервитъ, Царь Западныхъ Руссовъ, былъ разбитъ въ страшно-кровопролитной битвѣ, Филмеромъ изъ Швеціи, съ помощью Самогитовъ, Ульмеруговъ и Куретовъ. Дѣло въ томъ, что Готы, по совѣту героя Старкатера, надѣвъ деревянныя сандаліи, обезопасили себя совершенно отъ тѣхъ колючекъ [1]) (tribulus), которыя были разбросаны Русскими, а Старкатеръ побѣдилъ Визинна, кулачнаго бойца Русскихъ въ единоборствѣ. Но по смерти Филмера, Гервитъ, въ свою очередь, свергнулъ сына его, Нордіана, и подчинилъ себѣ, при этомъ, бо́льшую часть Швеціи, откуда, впрочемъ, немного времени спустя, Гервитъ Младшій былъ снова изгнанъ. Въ 85 году. Гаптъ или Дорпаней, по прозванію Анзъ или Полубогъ, царь Готовъ, принудилъ императора Домиціана платить ему дань и умертвилъ его посла Фуска со всѣмъ легіономъ. Въ 119 году. Императоръ Адріанъ, предпринявъ походъ въ Мизію (Mysiam) противъ Роксалановъ и Сарматовъ, одержалъ надъ ними верхъ, благодаря конницѣ изъ Батавовъ, которую онъ имѣлъ при себѣ и которая ихъ весьма устрашала. Въ 179 году они снова возстали, и императоръ Маркъ Аврелій также успѣшно побѣдилъ ихъ. Въ 242 году. Готы и Сарматы, живущіе между Танаисомъ, Евксинскимъ Понтомъ и Дапубіемъ, стали тревожить окраины имперіи и тѣмъ принудил императора Гордіана платить имъ ежегодную дань. Когда же императоръ Филиппъ, болѣе храбрый, отказалъ имъ въ ней, то они, въ 248 году, вторглись въ Мизію и Паннонію; особенно славился тогда царь Скиѳовъ, Аргунтъ. Въ 254 году. Послѣ того какъ въ болотѣ погибъ, сражавшійся противъ Готовъ и Скиѳовъ, императоръ Децій, римскій народъ, дабы заключить миръ, обязался уплатить врагамъ двѣсти тысячь драхмъ. Тѣмъ не менѣе, они подвергли Ѳракію, Дарданію и Македонію, жестокому опустошенію, между тѣмъ какъ Западные Руссы вели упорную войну съ Аттилою Третьимъ, королемъ Шведскимъ. Мало того: отсюда Готы нанесли страшное пораженіе и всяческій уронъ Понту и Азіи, расхитили сокровища храма Діаны Ефесской, обратили его въ пепелъ и вернулись домой съ бо-

[1]) Такъ называемые „волчецы“ или „якирцы“—по малороссійски. Это—небольшіе снаряды, употреблявшіеся преимущественно для того, чтобы дѣлать невозможнымъ нападеніе конницы. Извѣстны съ древнѣйшихъ временъ. Снарядъ состоялъ изъ трехъ, иногда четырехъ, острыхъ шиповъ, соединенныхъ такъ, что, какъ бы его ни бросали, одинъ шипъ всегда торчалъ острымъ концемъ вверхъ. Въ русскихъ памятникахъ онъ еще называется „чеснокомъ“, „рогулькою“.

гатѣйшей добычей. Въ 269 году. При императорѣ Клавдіѣ, они, проходя мимо Византіи, разграбили Халкедонію, Никомидію, Никею и другіе города. Тогда именно—говоритъ Свида—у рѣки Тира собралось до 320 тысячъ Скиѳовъ, къ коимъ присоединились Герулы, Певчесты (Peucesti) и Готы; съ 900 кораблями они явились въ Понтѣ и, сперва тщетно пытались взять города Томень и Марціонополисъ, попавъ же въ тѣсный проливъ Пропонтиды, корабли ихъ разбились о скалы, и бóльшая часть ихъ погибла. Остальные же, доплывъ до Кизика и обогнувъ гору Аѳонъ на исправленныхъ судахъ, тщетно осадили Кассандрію и Ѳессалонику. Отсюда они спустились въ Средиземное море, всѣ поразсѣялись и, различнымъ образомъ, погибли. Уцѣлѣвшіе же примкнули къ римлянамъ и обратились къ земледѣлію. Въ 379 году. Ерманарикъ, царь Готовъ, побѣдившій Геруловъ и Славиновъ, будучи уже старикомъ 110 лѣтъ, былъ убитъ, ударами кинжала въ бокъ, двумя братьями, Саромъ и Аммiемъ, изъ Гуннскаго рода Россомановъ, мстящими ему за сестру. Ибо Ерманарикъ, покорившій какъ передаетъ исторія Швеціи, себѣ Скиѳовъ, Геруловъ, около Меотидскаго озера, Венетовъ, Вандаловъ и Эстонцевъ, незадолго до сего, приказалъ растерзать лошадьми Суніель, женщину благороднаго происхожденія, но развратную, мужъ которой тайно перешелъ на сторону Гунновъ [1]). Въ 280 году. Императоръ Пробъ побѣдилъ въ битвѣ сперва Сарматовъ, Бастарновъ и другихъ варваровъ, вторгшихся въ Иллирію, а вскорѣ послѣ сего переселилъ 100000 изъ нихъ на римскую землю. Въ 319 году. Константинъ Великій, разбивъ царя Сарматовъ, Равзимода, заключилъ миръ съ врагомъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы 40000 Сарматовъ воевали бы за императора, каждый разъ, когда въ этомъ будетъ нужда. Вслѣдствіе сего они, нуждаясь дома въ воинахъ, такъ какъ Скиѳы угрожали имъ войною, вооружили своихъ рабовъ, которые, потомъ, обратили оружіе на нихъ самихъ (что, говорятъ, у этого народа производилось неоднократно) и присвоили себѣ даже, въ отсутствіи своихъ господъ, ихъ женъ, и дочерей. Когда герои возвращались домой, то они ихъ не пустили туда, и тѣ, прогнанные дубинами обратились въ количествѣ 300000 человѣкъ, къ Константину Великому, который и разселилъ ихъ по Скиѳіи, Ѳракіи, Македоніи и Италіи. Здѣсь, кажется, будетъ умѣстно привести разсказъ изъ Новгородскихъ лѣтописей, излагающій событіе совершенно схожее съ этимъ, ибо,—говоритъ лѣтопись—въ то время въ Угличѣ, одномъ изъ княжествъ Россіи, часть рабовъ возмутилась, и немедленно выстроился городъ Хлопій—градъ, т. е. городъ рабовъ, существующій и понынѣ [2]). Въ

[1]) Ср. Іорнандъ, De origin. etc. VIII.
[2]) Ср. ниже, кн. IV, гл. 16.

341 году. Дагеръ Второй, король Шведскій, также покорилъ Руссовъ, убивъ Ретона, ихъ морскаго разбойника, а также и Дановъ; когда же первые снова возстали, то Аларихъ и Ингемаръ, наслѣдники Дагера, снова подчинили ихъ себѣ. Въ 369 году. Императоръ Валентъ купилъ за деньги миръ у Атанарика, царя Остроготовъ, послѣ трехлѣтней войны. Въ 376 году. Гунны, живущіе по ту сторону Меотидскаго озера, напали на Алановъ, заселившихъ пустыя мѣста у Скиѳовъ, но, будучи ими отброшены, проникли черезъ Истръ въ тѣ области, откуда бѣжали Готы. Тогда Винитарій, царь Готовъ, прозванный Скиѳами, Аланомъ, т.-е. собакою, былъ побѣжденъ Валаміромъ, царемъ Гунновъ и убитъ имъ же. Императоръ же Валентъ, сторонникъ ученія Арія, какъ предсказалъ ему Св. Исаакій, былъ осажденъ въ Константинополѣ тѣми Готами, коимъ онъ разрѣшилъ поселиться во Ѳракіи, и заживо сожженъ въ сельской хижинѣ, въ которой онъ заперся. Силы Гунновъ между тѣмъ все росли и, въ 395 году, часть ихъ, впервые, двинулись чрезъ Кавказскія ворота [1]) отъ Танаиса и Меотидскаго озера, въ Арменію, другая же часть, съ каждымъ днемъ все шире и шире захватывала часть Европы, межъ тѣмъ, какъ Готы, которые до тѣхъ поръ занимали бóльшую часть Россіи, Аланы, Гунны и Гепиды, вели кровопролитнѣйшія войны между собою. Въ этихъ, и другихъ, войнахъ, многимъ изъ Московскихъ племенъ неизбѣжно пришлось также участвовать, между тѣмъ, какъ весь Скиѳо-Сарматскій сѣверъ управлялся безчисленными мелкими царьками, какъ это всѣмъ, конечно, извѣстно. Въ 409 году, когда Гунны овладѣли бóльшею частью Московскихъ областей, Гульдинъ и Саръ, предводители Гунновъ и Гепидовъ, просили помощи у Римлянъ противъ Радагайса, самаго жестокаго изъ всѣхъ Готовъ [2]). Въ 437 году. Подчинилъ себѣ Руссовъ, въ незначительной и не кровопролитной битвѣ, Ингемаръ Второй, король Швеціи, вождь, пользующійся громадною славою безупречности, такъ что даже враги бывали рады подпасть подъ его власть. Въ 451 году. Послѣ пораженія Аттилы на Каталаунской равнинѣ (противъ него тогда сражались вожди: Сангипанъ—Алановъ, Валаміръ—Остроготовъ и Ардарикъ—Гепидовъ, вмѣстѣ съ Римлянами), сѣверныя племена, какъ бы совершенно сбросивъ съ себя всякія оковы и цѣпи, снова стали захватывать прежнія свои владѣнія. Въ 460 году. По смерти Аттилы, Дуридій, предводитель Гунновъ, разбитый Остроготами Валаміромъ и Ѳеодеміромъ, бѣжалъ въ Скиѳію съ остатками Гунновъ. Въ 489 году. Такъ какъ бóльшая часть народовъ уже освободились отъ страха передъ Гуннами, то,

[1]) Около нын. Дербента.
[2]) Ср. Іорнандъ. De successione temporum, XIV.

равнымъ образомъ, и Гепиды, Булгары и тѣ изъ Остроготовъ, которые двинулись изъ Месіи (Moesia) къ землямъ Италіи, мало-по-малу сбросили съ себя это иго. Въ 499 году. Булгары изъ сѣверныхъ странъ, племя раньше неизвѣстное, проникли вплоть до Ѳракіи, но умилостивленные дарами императора Анастасія, немного отступили, имѣя въ виду снова вернуться впослѣдствіи. Въ 522 году. Пока Гунны владычествовали надъ Херсонисомъ, Славяне, также Скиѳское племя, напали на Истрію, Булгары же въ 539 году на Месію. Въ это же самое время братья Лехъ и Чехъ, отдѣлившись отъ Славянъ, съ двумя дружинами, ради занятія новыхъ земель, положили, какъ говорятъ, основаніе двумъ знаменитымъ королевствамъ—Польскому и Чешскому, которыя до тѣхъ поръ были густо заселены Вандалами, ведущими свое начало отъ Германцевъ. Въ 552 году, Руссы вспоминаютъ въ своихъ лѣтописяхъ, что они выступили противъ императора Юстиніана, въ качествѣ союзниковъ царя Тотилы, вмѣстѣ съ сосѣдями—Готами изъ Скандинавіи, что подтверждаетъ и Димитрій [1]), посолъ Московскій къ папѣ Клименту VII, прибавляя, что Готы и Скиѳы тогда жестоко обращались съ своими врагами, истязая ихъ такимъ образомъ, что прогоняли сквозь растянутое тѣло ихъ колья, пока, наконецъ, Нарзесъ въ послѣднемъ и кровопролитнѣйшемъ сраженіи, гдѣ особенно храбро вели себя Лангобарды, не побѣдилъ Тотилу. Въ 582 году. Между тѣмъ какъ Хаганъ, царь Аваровъ, вмѣстѣ съ Славянами, сильно тревожилъ Ѳракію, значительная часть Руссовъ сдѣлалась данниками Алгота Втораго, короля Шведскаго, побѣдившаго ихъ вождя Ротера. Этотъ же Алготъ присоединилъ къ своему владѣнію и Меннинговъ, или, живущихъ на сѣверѣ Сатировъ или Пигмеевъ, то-есть, Лапландцевъ. [2]) Въ 608 году. Артусъ, король Шведскій, встревожилъ Московъ тяжелой войной. Въ 679 году. Булгары снова тронулись на Западъ изъ сѣверныхъ прибрежій Евксинскаго Понта и, пройдя съ побѣдоноснымъ оружіемъ въ рукахъ, громадное пространство, заставили императора Константина заключить, противъ желанія, миръ, съ уплатою дани, причемъ императоръ отдалъ имъ для поселенія Малую Месію, гдѣ нынѣ находятся Сербія и Болгарія. Въ 685 году. Бюргеръ, король Швеціи выстроилъ Выборгъ, сильное укрѣпленіе противъ Руссовъ, и отнялъ у нихъ Карелію съ частью Финляндіи (называемую Финнами—Веннайя, [3]) т. е. какъ-бы, страна Венедовъ). Въ 703 году. Булгары, посе-

[1]) Дмитрій Герасимовъ, прозванный Толмачомъ и Схоластикомъ, толмачъ Посольскаго Приказа, посылавшійся съ дипломатическими порученіями въ Вѣну, Данію, Пруссію, Римъ и Швецію. Онъ сообщилъ много свѣдѣній о Россіи П. Іовію и Герберштейну.

[2]) См. ниже, кн. IV, гл. 17.

[3]) A Vinnis Vennaia etc.

лившіеся въ Месіи, подкрѣпленные новыми силами изъ Московской родины, вывезли снова богатую добычу изъ Ѳракіи. Въ 728 году, при греческомъ императорѣ Львѣ Исавріянинѣ, впервые упоминаются въ русскихъ, преимущественно, источникахъ, конечно, насколько сами Русскіе смогли припомнить столь отдаленныя, дошедшія до нихъ, свѣденія, первые Князья Русскіе, три брата, Кій, Щекъ и Хоревъ, съ сестрою Лебедью. Изъ нихъ Кій, либо впервые основалъ, либо устроилъ (instauravit) Кіевъ, Щекъ — Щековицу, Хоревъ—Хоревицы, впослѣдствіи прозванную Вышеградомъ, и, наконецъ, Лебедь, на одноименной съ нею рѣкѣ, Лебедѣ, городъ Лыбедь, каждый совершенно самостоятельно. Въ тѣ времена, Руссы держали вождей прочихъ мелкихъ народовъ у себя въ подчиненіи. По имени Хорева, безъ сомнѣнія, на древнемъ Вандальскомъ языкѣ, и понынѣ еще употребляемомъ крестьянами у насъ, въ Курляндіи, Мосхи и до сей поры зовутся Кревингами, а Россія—Креваземьемъ. За симъ, въ 744 году, полчища Гунновъ снова вторглись въ Паннонію на пастбища (pascua) Римлянъ, при чемъ нельзя отрицать того, что съ ними вмѣстѣ пришло не мало людей изъ областей, нынѣ подчиненныхъ Московіи, такъ какъ подъ иго Гунновъ раньше подпали многія Русскія племена. Въ 810 году, императоръ греческій Михаилъ Куропалатъ велъ, съ перемѣннымъ успѣхомъ, войну съ Болгарами, поддерживаемыми Русскими. Тѣ же Русскіе помогали Крунну, царю Болгарскому, при взятіи имъ богатѣйшаго города Мезембріи [1]), когда онъ нанесъ императору страшное пораженіе. Въ 840 году, Витзеркъ, сынъ Датскаго короля Регнера, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, царь Востока, т. е. Руси, отвоевавъ многое у Шведовъ, былъ подъ конецъ сожженъ Даксономъ, другимъ княземъ Русскимъ. Въ это же время Инго, король Шведскій, оттѣснилъ Русскихъ, ищущихъ новыхъ земель на сѣверѣ. Остальные же Русскіе, у озера Ильменя, просили совѣта, относительно выбора вождя, у Гостомысла, который тогда уже сильно возвысилъ свою родину, городъ Новгородъ, давно прославившійся могуществомъ и судопроизводствомъ. Не имѣя потомства мужскаго пола, послѣдній, обладая необыкновеннымъ умомъ и благородствомъ души, посовѣтовалъ Русскимъ избрать себѣ князей изъ чужестранцевъ. Такимъ образомъ были чрезъ посланныхъ отъ народа призваны, приблизительно въ 860 году [2]), для управленія Западной Русью, братья, Рюрикъ, Синіевъ или Синавъ, и Труворъ, родомъ Варяги, т. е. князья Вандальскіе или Венетскіе, изъ области Варія (ex provincia Varia), коихъ Гостомыслъ зналъ за соединяющихъ

[1]) Незначительные остатки сего города въ Бургасскомъ округѣ Восточной Румеліи.

[2]) Въ 862 г.

въ себѣ мудрость съ ловкимъ обращеніемъ; въ Южной Руси же владычествовали, въ это время, Аскольдъ и Диръ. При этомъ, Рюрикъ, положившій въ Россіи начало царскому роду, называемому Беалымъ или, вѣрнѣе, Біалымъ (Bealam seu potius Bialam), взялъ въ свое управленіе Новгородъ и основалъ свою царскую столицу на Ладожскомъ озерѣ, Синіевъ или Синавъ основалъ городъ на островѣ въ озерѣ Бѣлоцерквѣ (Bialocerkvae) [1]) Труворъ, взявъ себѣ Псковъ, сѣлъ въ Изборскѣ (Isburgi). Братья, какъ говорятъ, вели свой родъ отъ римскихъ императоровъ. Въ это же время, по словамъ Цедрена, Восточные Руссы, отъ самыхъ Таврическихъ горъ, осадили Константинополь, на безчисленныхъ корабляхъ, бо̀льшая часть коихъ была, однако, уничтожена бурями. Немного же спустя, вѣроятно, въ 867 году, императоръ Василій Македонянинъ отправилъ архіепископа для обращенія Русскихъ въ христіанскую вѣру, но эта попытка не имѣла успѣха. По смерти же братьевъ, Рюрикъ распредѣлилъ, передъ собственною кончиною, всѣ области между своими военачальниками однако такъ, что предоставилъ главную власть, всетаки, сыну своему, Игорю.

ГЛАВА 6.

Объ Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ и Владимірѣ Великомъ.

Игорь Рюриковичъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ власть, до сего раздѣленную межь многими, именно: по совѣту Олега, опекуна своего, и благодаря его стараніямъ, онъ призвалъ Аскольда и Дира, князей Южной Руси, изъ Кіева, какъ будто бы для мирнаго совѣщанія, злокозненно умертвилъ ихъ и завладѣлъ городомъ и дворцомъ царскимъ. Чтобы еще лучше закрѣпить за собою власть, онъ въ 904 году, взялъ себѣ въ супруги Ольгу, внучку Гостомысла, благороднѣйшій отпрыскъ благороднаго корня. Въ 941 году онъ, совершивъ много другихъ славныхъ дѣлъ, соединившись съ нѣкоторыми Скиѳскими царьками, сильно встревожилъ Константинополь большимъ флотомъ, откуда направилъ оружіе на Гераклею и даже на Никомидію, послѣ того, какъ Романъ, императоръ Восточный, у Византіи, уничтожилъ его корабли метаніемъ въ нихъ греческаго огня. Но, обложивъ Древлянъ, народъ, платящій ему дани, чрезмѣрно тяжелыми сборами, онъ былъ предательски убитъ ихъ княземъ Маломъ [2]), оставивъ малолѣтняго сына Святослава на попеченіи Ольги, благоразумнѣйшей изъ матерей.

---

[1]) Описка вмѣсто „Бѣлоозерѣ".

[2]) Въ подлинникѣ онъ названъ „Малдиттомъ „(Malditto). Ошибка эта, думаемъ мы, принадлежитъ переписчику или наборщику, а въ подлинной рукописи Рейтенфельса, вѣроятно, стояло: „a principe illorum Mal dicto" т. е. „ихъ княземъ, по имени Малъ".

Ольга, пока подросталъ сынъ, отдавалась всецѣло, съ великимъ рвеніемъ, дѣлу, не только утвержденія власти, но и увеличенію ея, какъ можно болѣе. Такъ она, въ началѣ своего вдовства, намѣреваясь, вполнѣ справедливо, отмстить Древлянамъ и принести успокоительную жертву душѣ мужа, приказала зарыть живыми въ землю пословъ, отправленныхъ къ ней, когда Малъ посватался къ ней, и хитро скрывая свои планы, отвѣчала чрезъ пословъ, что она исполнитъ желаніе князя, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы къ ней были присланы отъ нихъ самые знатные люди, съ которыми она и переговоритъ. Когда же пришло 50 человѣкъ, самыхъ знатныхъ, то она, пригласивъ ихъ, подъ личиною гостепріимства и согласно съ обычаями своего народа въ баню, сожгла ихъ тамъ всѣхъ до одного.

Одновременно съ этимъ, она обѣщала прибыть скоро вмѣстѣ съ послами и потребовала, чтобы къ ея пріѣзду приготовили, какъ можно больше, меду. Но, когда она съ отрядомъ избраннѣйшихъ воиновъ своихъ, прибыла въ область Древлянъ, то она перебила, вышедшихъ къ ней на встрѣчу съ медомъ и другими дарами, 5000 знатнѣйшихъ мужей, напоивъ ихъ пьяными (своимъ же она передъ этимъ запретила пить что-либо). Затѣмъ она объявила, что намѣрена уйдти отъ города ихъ Коростеня, все это время ею осаждаемаго, и потребовала чтобъ каждый житель принесъ ей три голубя и столько же воробьевъ, какъ бы въ вознагражденіе за отступленіе. Получивъ птицъ, она привязала къ ихъ перьямъ зажженныя свѣтильни съ напитаннымъ сѣрою, сухимъ древеснымъ трутомъ; когда птицамъ была дана свобода летѣть, то онѣ направились, каждая къ своему гнѣзду, и во всемъ городѣ единовременно вспыхнули безчисленные пожары. Въ это самое время, Ольга напала на Коростень, объятый пламенемъ и дымомъ и легко овладѣла имъ, ибо немногіе были готовы оказать сопротивленіе. Какъ въ этомъ, такъ и во многомъ другомъ, она выказала вполнѣ свой проницательный умъ, легче, нежели парусъ, принаравливающійся [1]). Въ 958 году она, отправившись съ богатыми дарами въ Константинополь къ императору Константину, сыну Льва, возбудила благороднѣйшую страсть къ себѣ въ Іоаннѣ Цимисхіѣ, бывшемъ тогда главнымъ начальникомъ войска, и дабы не показаться доблестному влюбленному черезъ чуръ жестокою, она упросила его, сперва, согласно собственной доброй волѣ, посвятить ее въ тайны Христіанской Вѣры. Когда же Іоаннъ, по крещеніи ея [2]) въ которомъ она приняла святое

---

[1]) Подразумѣвается „къ обстоятельствамъ".

[2]) Въ 957 г.

имя Елены, потребовалъ себѣ награды за свои труды, то она, ссылаясь на духовное родство (ибо онъ былъ ея крестнымъ отцемъ), остроумнѣйшимъ отказомъ, отклонила отъ себя цѣпи супружества, такъ что самъ Цимисхій вынужденъ былъ сказать: „я опускаю руки, побѣжденныя достохвальной хитростью твоею". Эта же героиня, немного времени спустя, отправила пословъ къ императору Оттону Великому, прося прислать епископовъ для наставленія въ вѣрѣ дикаго своего народа, кои черезъ нѣсколько лѣтъ и прибыли въ Россію. Послѣ долгихъ, но тщетныхъ, стараній утвердить Христіанскую Вѣру въ своемъ отечествѣ и, особенно, обратить въ нее сына своего Святослава, Ольга, предсказавъ свою кончину, умерла въ Кіевѣ и была тамъ погребена; въ слѣдующемъ же вѣкѣ, при Владимірѣ, она была причислена къ лику святыхъ.

Святославъ Игоревичъ, отправившись въ 971 году, противъ Грековъ, очутился въ столь худомъ положеніи, что былъ вынужденъ заключить, противъ желанія, миръ. Ибо Русскіе, все чаще и чаще дѣлавшіе еще до того набѣги, опять явились въ Болгарію съ войскомъ въ 380,000 чел., намѣреваясь тамъ прочно основаться, но, по крайней мѣрѣ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Цедренъ, были силою оружія побѣждены при Іоаннѣ Цимисхіѣ, тогда уже императорѣ, Вардою, стоящимъ во главѣ войскъ, и почти вытѣснены изъ предѣловъ Болгаріи. Впрочемъ, имъ была уступлена область, нѣкогда населенная Трибаллами, и миръ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: Святославу предоставлялось возвратиться домой въ совершенной невредимости, а Тавроскиѳамъ безпрепятственно торговать съ Римлянами,—наконецъ, чтобы они были приняты въ число союзниковъ Римлянъ. Въ этой войнѣ, въ высшей степени блестяще, проявилась храбрость Варды, военачальника Грековъ: онъ разсѣкъ мечемъ на-двое нѣкоего Скиѳа, великана, и тѣмъ внушилъ прочимъ немалый страхъ. Когда императоръ Іоаннъ, подъ городомъ Доростоломъ, звалъ Святослава на поединокъ, то тотъ, не надѣясь на сомнительный, необезпеченный, славный, исходъ, отвѣчалъ, что онъ лучше врага своего знаетъ, сколько ему надо прожить и его воинамъ. По окончаніи войны, императоръ съ торжествомъ возвратился въ Константинополь и въ торжественномъ шествіи провезъ чрезъ весь городъ образъ Пресвятой Дѣвы, поставленный на колесницахъ, запряженныхъ четырьмя лошадьми и наполненныхъ добычею, отнятой у Болгаръ, съ слѣдующей надписью, золотыми кованными буквами: „Іисусъ Христосъ, Царь Царей". Святославъ, послѣ сего, перенесъ свою столицу изъ Кіева въ Переяславль, говоря: „пусть будетъ мое мѣстопребываніе посреди моихъ владѣній; ибо изъ Греціи мнѣ сюда привозится золото, серебро, вина и разные плоды; изъ Венгріи (Угріи) — серебро и кони; изъ

Россіи—кожи, воскъ, медъ и рабы". Отнявъ все таки у Болгаръ, по Дунаю, 80 крѣпостей, онъ снова, въ лицѣ сына своего, Владиміра, храбро сразился, съ греческимъ императоромъ. Около 978 года [1]) онъ разбилъ Печенѣговъ (Peucinigos), варварское племя и, въ настоящее время, тревожащее Кіевъ набѣгами. Кажется, они назывались такъ отъ острова Певка на рѣкѣ Истрѣ, ибо, въ то время, они жили тамъ и близь устьевъ Дуная. Но въ другой разъ, взявъ Святослава въ сраженіи въ плѣнъ, Куря (Cures), князь Печенѣжскій и Боссинскій, предалъ его смерти и сдѣлалъ себѣ изъ его черепа чашу (что, точно также, сдѣлалъ Круннъ, царь Болгаръ съ головою императора Никифора) съ слѣдующей надписью: „ища чужаго, потерялъ свое собственное" [2]). Такимъ образомъ, храбрый князь и по смерти, какъ бы совѣтовалъ врагу умѣренность, ибо далъ ему костяную чашу, вмѣсто золотой. Нѣтъ сомнѣнія, что Святославъ отличался сильной любовью къ крайне суровому образу жизни, такъ какъ онъ, весьма свѣдущій въ военномъ искусствѣ, очень благоразумно усилилъ, какъ бы стальными законами, у себя военную дисциплину, благодаря которой поддерживалось и всегда будетъ поддерживаться благосостояніе народовъ. Такъ, онъ лишилъ воиновъ котловъ для варки пищи, постелей и мягкихъ подстилокъ, какъ способствующихъ изнѣженности. Мало того, онъ самъ, какъ-то, изъ драгоцѣннѣйшихъ даровъ греческаго императора, выбралъ себѣ лишь грубую одежду и оружіе. Свое царство онъ раздѣлилъ между сыновьями на три части такъ, что Ярополку достался Кіевъ, Олегу—Древляне и Переяславль, Владиміру же--Новгородъ.

Владиміръ Святославовичъ, уступая сначала могуществу Ярополка (убившаго брата своего Олега), бѣжалъ къ Варяжскимъ князьямъ. Пріободренный ими и поддерживаемый ихъ силами, онъ двинулся противъ Ярополка, причемъ, взявъ приступомъ городъ Псковъ, насильно, скорѣе потащилъ, нежели взялъ, себѣ въ жены, Рохмиду, дочь Псковскаго (Plescoviensis) воеводы Рогволода [3]), въ рукѣ которой ему было отказано. Послѣ сего, онъ убилъ брата, бѣжавшаго изъ Кіева, по измѣнническому совѣту нѣкоего Блуда, и уже отдавшагося во власть его, дабы царствовать одному. Вслѣдствіе сего онъ первый сталъ именовать себя Царемъ т.-е. полновластнымъ правителемъ и господиномъ (regem ac dominum) всей Руси и передалъ этотъ титулъ потомству. Презрѣвъ Кіевъ и Переяславль, онъ нарекъ столицею государства новый городъ, Владиміръ, имъ выстроенный. Будучи язычни-

---

[1]) Въ 968 г.
[2]) Въ 972 г.
[3]) Рогволодъ былъ князь Полоцкій Рохмида-Рогнѣда.

комъ, онъ, говорятъ, имѣлъ четырехъ женъ и 300 наложницъ. Возобновившуюся въ это время, войну съ Печенѣгами, нѣкій малорослый московитъ счастливо окончилъ, сойдясь съ Печенѣгомъ громаднаго роста, въ единоборствѣ, получивъ предварительно и благопріятное предвѣщаніе по гаданію. А именно, онъ перерѣзалъ ножомъ горло Печенѣгу, когда тотъ, вслѣдствіе собственной тяжести, упалъ на землю, размахнувшись для удара по врагу. — Тѣмъ временемъ искорки Христіанской Вѣры, которыя со временъ Ольги таились подъ пепломъ, стали мѣстами вспыхивать и, не знаю, кто вдругъ возбудилъ во Владимірѣ такое рвеніе, что онъ разослалъ почти по всему земному шару пословъ, помышляя о выборѣ себѣ новой вѣры. Между тѣмъ какъ въ столь важномъ дѣлѣ, усердно, чрезъ своихъ пословъ, наперерывъ предлагали свои услуги, въ разныхъ мѣстахъ, многіе цари—Магометане, Татары, Христіане и особенно Римскій Первосвященникъ и Кесарь, успѣшнѣе всѣхъ оказались хлопоты греческаго императора Василія. Онъ, именно, послалъ къ Владиміру знаменитаго у грековъ философа и богослова, Кира, который, въ настоящее время, почитается у Русскихъ святымъ, и Киръ, объясняя Царю изображеніе Страшнаго Суда, поставленное предъ глазами его, возбудилъ въ душѣ его неусыпную тревогу. Вторгшись, межъ тѣмъ, въ Таврику, гдѣ и понынѣ еще видны слѣды прежнихъ властителей ея, генуэзцевъ, Владиміръ, чрезъ семь лѣтъ, съ помощью Анастасія, архіепископа Корсунскаго, овладѣлъ ею, и вскорѣ пожелалъ вступить въ бракъ съ Анною, сестрою императоровъ Василія II-го и Константина X-го. А такъ какъ онъ не могъ иначе достигнуть желанной цѣли, то онъ и принялъ христіанство, причемъ тотъ же Анастасій крестилъ его, въ 980 году отъ Рождества Спасителя [1]), и онъ принялъ новое имя—Василія. Городъ Корсунь и другіе, которые онъ захватилъ въ Греціи, онъ возвратилъ императору, какъ то было раньше условлено съ обѣихъ сторонъ. Разсказываютъ, что когда онъ передъ самымъ крещеніемъ, уже по прибытіи царевны Анны, сталъ колебаться, то лишился зрѣнія, но вскорѣ, по настоянію Анны, обмывшись освященной водой, одновременно прозрѣлъ, тѣлесно и душевно. При возвращеніи домой, онъ захватилъ съ собой Анастасія, Льва и другихъ греческихъ священнослужителей, монаховъ, музыкантовъ, разнаго рода ремесленниковъ, книги и славянскія письмена. Дома, онъ всѣхъ языческихъ боговъ, или идоловъ, предалъ огню на истребленіе, главнаго же бога Перуна, т.-е. громовержца, онъ приказалъ, привязавъ къ хвосту лошади, стащить, чрезъ весь Новгородъ, въ рѣку; Русскіе же, будучи еще язычниками, провожали его со слезами,—столь непреодолимо, почти, суе-

[1]) Въ 988 г.

вѣріе людскихъ умовъ! Засимъ, остальные подданые, по приказанію, и даже подъ вліяніемъ угрозъ Царя, собрались всѣ въ назначенный день, и тутъ, какъ разсказываютъ нѣкоторые, Левъ, первый митрополитъ Кіевскій, явилъ чудо, такъ какъ варвары требовали таковаго, ввергнувъ, для доказательства истинности Христіанскаго Ученія, въ пылающій огонь Писанія Св. Евангелистовъ и вынувъ ихъ оттуда, нисколько не поврежденными. Въ это же самое время, священники, стоя на скамьяхъ и мостикахъ, построенныхъ въ рѣкѣ Борисѳенѣ, совершали таинство крещенія надъ толпящимся, въ безпорядкѣ кругомъ ихъ, народомъ, причемъ одну кучку людей называли Петрами, другую—Васильями, третью—еще какимъ либо именемъ. Въ 985 году Владиміръ, воюя съ Мечиславомъ I, королемъ Польскимъ, тоже христіаниномъ, отнялъ у него много областей и, наконецъ, въ большой битвѣ, одержалъ верхъ надъ врагомъ [1]). Близясь къ смерти и намѣреваясь привести дѣла государства въ порядокъ, дабы оставить все въ мирномъ состояніи взрослымъ сыновьямъ, онъ, чисто по отечески, счелъ нужнымъ раздѣлить между ними царство. Такимъ образомъ въ славное, отеческое наслѣдство достались: Вышеславу — Новгородъ, Изяславу—Полоцкъ, Святополку—Туровъ, Ярославу—Ростовъ (впрочемъ, послѣдній, по смерти брата Вышеслава, правилъ Новгородомъ, передавъ Ростовъ Всеволоду), Святославу—Муромъ, Мечиславу—Древляне, Борису—Владиміръ, Глѣбу—Тмутаракань, Станиславу—Смоленскъ, Позвизду—Псковъ, Судиславу съ нѣсколькими, младшими братьями—Волынь, Кіевъ, Берестовъ. Но, какъ всегда бывало, что именно равно одаренные начинали воевать между собою, такъ и эти братья стали вести кровопролитнѣйшія войны другъ противъ друга, и не только сами, но и ихъ потомки. Владиміръ же, покончивъ со всѣмъ земнымъ въ 1005 году [2]), былъ впослѣдствіи также причисленъ своими къ лику святыхъ.

ГЛАВА 7.

О Святополкѣ, Ярославѣ, Изяславѣ, Святославѣ [3]), Михаилѣ, Всеволодѣ.

Святополкъ Владиміровичъ, убивъ братьевъ Бориса и Глѣба и захвативъ ихъ удѣлы, сѣлъ княжить въ Кіевѣ, но не долго наслаждался этимъ счастьемъ. Около этого же времени нѣкій Русскій, Хризохиръ, по свидѣтельству Цедрена, подошелъ со многими тысячами своихъ къ Константинополю и, переплывъ Пропонтиду, разбилъ

[1]) Въ 981.
[2]) Въ 1015.
[3]) У Рейтенфельса—Стославъ (Stoslaus)

римскій флотъ, но, потомъ, былъ побѣжденъ у Лемноса и понесъ достойное, за свою дерзость, наказаніе.

Ярославъ Владиміровичъ отличаясь предъ прочими [1]) доблестью и правя одинъ удѣлами, военной силой, отнятыми у Святополка, первый сталъ называться Монархомъ т.-е. Единодержавцемъ (Iedinovladecz). Съ Болеславомъ Храбрымъ, т. е. отважнымъ, королемъ Польскимъ, онъ въ 1018 г. испыталъ непостоянство военныхъ успѣховъ. Въ 1026 г. онъ, выступивъ противъ Константина, императора Востока, побѣдилъ въ единоборствѣ Редедю, вождя Корсунянъ, хотя раньше сего, былъ, со всѣмъ своимъ флотомъ, разбитъ императоромъ, метавшимъ въ него огонь. Тогда, именно, говорятъ, и Печенѣги (Patzinacae), соединившись съ другими, совершили набѣгъ на Болгарію. Въ этотъ же промежутокъ времени прибылъ въ Россію и Св. Олафъ, король Норвежскій, своими же съ престола сверженный (сестра коего, Ингрида [2]), дочь короля Шведскаго Олафа, была замужемъ за Ярославомъ), и пытался русскими силами вернуть себѣ отцовскій скипетръ, но былъ убитъ своими въ самомъ началѣ сей попытки. Въ 1032 году, вышепомянутое русское племя, Печенѣги, снова опустошили Месію и все побережье Иллиріи пожарами до самой Корциры. Тѣмъ временемъ Казиміръ I, король Польскій сочетался бракомъ съ Маріей Доброгнѣвной, сестрой Ярослава, принявшей впослѣдствіи католичество. Въ 1041 году, Ярославъ нашъ раздѣлилъ все царство между пятью, оставшимися въ живыхъ, сыновьями, такимъ образомъ, что Изяславу достался Кіевъ, снова ставшій столицею государства, Святославу—Черниговъ, Всеволоду — Переяславль, Игорю т.-е. Григорію — Смоленскъ и Владиміръ, Вячеславу—Псковъ и Новгородъ. Снова между братьями, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, происходила ожесточенная борьба съ перемѣннымъ успѣхомъ изъ-за главенства, пока, наконецъ, Владиміръ, сынъ Всеволода, по смерти всѣхъ остальныхъ, не присвоилъ себѣ всей власти.

Изяславъ Ярославичъ сильно тѣснилъ въ многочисленныхъ бояхъ братьевъ, а равно и Половцевъ и Казаковъ (когда они возстали, то онъ однихъ лишилъ зрѣнія, другихъ—жизни) и, наконецъ, самъ палъ въ битвѣ жертвою войны, выдавъ ранѣе сего дочь, Вячеславу, за Болеслава II, короля Польскаго. Половцы были народъ, граничащій съ Русскими на Востокѣ и Югѣ и неоднократно, перейдя Танаисъ, наносили большой ущербъ Мосхамъ; они же доставляли русскимъ знатнымъ людямъ удобные случаи для возстанія противъ ихъ князей. Когда Святославъ Ярославовичъ, занявъ городъ Кіевъ, захватилъ

---

[1]) Подразумѣвается „князьями“

[2]) Иначе „Ингигерда“.

высшую власть себѣ, то Михаилъ Святополкъ Изяславичъ послѣдовалъ за двоюроднымъ братомъ въ очереди правленія. Онъ выдалъ свою дочь, Зонславу, замужъ за польскаго короля Болеслава Кривоустаго, съ помощью котораго, наконецъ, овладѣлъ опять Кіевомъ, такъ какъ сынъ Изяслава, брата его, по возрасту своему, не могъ еще царствовать.

Всеволодъ Владиміровичъ, по смерти брата Вячеслава, будучи сильнѣе прочихъ князей, захватилъ власть надъ государствомъ, причемъ правилъ имъ такъ, что вмѣстѣ съ сыномъ Владиміромъ, временами, то властвовалъ надъ всѣми княжествами вмѣстѣ, то надъ отдѣльными изъ нихъ, состоя все-таки данникомъ Болеслава, короля Польскаго.

ГЛАВА 8.

О Владимірѣ, Мстиславѣ, Ярополкѣ и другихъ до Романа.

Владиміръ Всеволодовичъ, по прозванію Мономахъ, при жизни отца еще, началъ распространять о себѣ славу доблестными дѣяніями, присоединилъ къ Смоленску, Кіеву и другимъ областямъ, Владиміръ, изгнавъ оттуда своего дядю и велъ войну съ Гейзой II (Geisa), королемъ Венгровъ и его братьями, Владиславомъ и Стефаномъ. Въ 1043 году онъ, за убійство, неизвѣстно какого-то знатнаго Скиѳа, отправилъ громадное войско противъ императора Константина Мономаха, но будучи отбитъ на морѣ и на сушѣ, причинилъ своему народу весьма большіе убытки на долгое время. Въ 1048 году, при томъ же Константинѣ, ему подчинились Печенѣги, которые, хотя и приняли христіанство, однако вскорѣ вслѣдствіе взаимнаго недовѣрія, покинули мѣста, гдѣ они жили съ разрѣшенія императора и вернулись снова въ Московію, откуда неоднократно тревожили Византійскую имперію разнаго рода набѣгами, пока, въ 1053 году, не предпочли сему мирный договоръ на 300 лѣтъ. Въ это время, говорятъ, Владиміръ завоевалъ Каффу, или Ѳеодосію, знаменитую венеціанскую колонію, и, сваливъ, въ единоборствѣ, съ коня Германна, правителя сего города, снялъ съ него тяжелую золотую цѣпь, унизанную жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Впослѣдствіи онъ завѣщалъ на вѣчныя времена, чтобы эту цѣпь, знатное доказательство его храбрости, русскіе Цари, при вступленіи на царство, торжественно бы надѣвали на себя, и присоединилъ къ ней еще поясъ и вѣнецъ (diadema), унизанный золотыми бляхами, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; все это хранится въ Москвѣ и въ настоящее время. Когда же онъ снова сталъ угрожать Константину войною, то императоръ отправилъ

къ нему послами, Неофита, митрополита Эфесскаго, съ двумя другими епископами, а также и намѣстника Антіохійскаго и Іерусалимскаго, архимандрита Евстаѳія, съ драгоцѣннѣйшими дарами, а именно, частицею отъ Креста Господня, золотою короною, чашею изъ камня сардониkса, оплечьемъ (humerale), украшеннымъ множествомъ драгоцѣнныхъ камней, и золотымъ ожерельемъ, при чемъ, заключивъ мирный договоръ, преподнесъ ему титулъ Царя, т.-е. Самодержца. Въ 1065 г. Скиѳы Узы (Scythae Vzi) вздумали было съ 600000-мъ войскомъ потревожить Ѳракію и Грецію, но были уничтожены, частью чумою, частью же силами Болгаръ, Русскихъ, а также и Печенѣговъ. Въ 1075 г. Димитрій, нѣкій русскій Князь изъ прочихъ (reliquis), принялъ римскую вѣру. Въ 1097 г. Коломаннъ, король Венгерскій, объявилъ Русскимъ войну, но былъ побѣжденъ Митсодемомъ (Mitsodem), предводителемъ Гунновъ. Тогда же, кажется, и Владиміръ вторично отобралъ Владиміръ у дяди своего Святополка, когда тотъ, съ помощью Коломана, вторгся туда и избилъ тамъ болѣе 12 князей Половецкихъ съ безчисленными ихъ воинами. Долгое время испытывалъ онъ измѣнчивость счастья въ войнѣ и съ Инго, королемъ Шведскимъ. У этого Владиміра, разсказываютъ Русскіе, былъ конь, ведшій свой родъ, чрезъ длинный рядъ поколѣній, отъ Александрова Буцефала, который обыкновенно двигался, опустивъ голову и развѣсивъ уши, когда же чувствовалъ, что на немъ сидитъ его господинъ, то, на глазахъ всѣхъ, онъ, воспрянувъ духомъ, несся во весь опоръ, потрясая землю топотомъ своихъ копытъ, и отважно стремился на встрѣчу врагу. Кромѣ того, онъ, занимая почетное мѣсто въ конюшнѣ, выгонялъ другихъ лошадей, кусая ихъ и брыкаясь. Умирая, Владиміръ раздѣлилъ царство между сыновьями Мстиславомъ [1]), Ярополкомъ и Георгіемъ, при чемъ, однако, одному принадлежала высшая власть надъ другими.

Мстиславъ Владиміровичъ сѣлъ было въ 1116 году въ Кіевѣ на княженіе, но, похищенный вскорѣ послѣ сего смертью, оставилъ все въ наслѣдство своему брату.

Правленіе Ярополка Владиміровича, унаслѣдовавшаго престолъ отъ брата, было омрачено необычайными кровопролитными происшествіями, такъ какъ русскіе Князья, преслѣдуя въ душѣ различныя цѣли, раздирали братоубійственными руками внутренность государства, на подобіе гибельнаго и неожиданнаго Татарскаго погрома, такъ что власть, какъ бы по волѣ слѣпо горока, произвольно то находилась у одного изъ Князей, то у другого, то отнималась. Въ 1122 году, однако, Скиѳы, опустошившіе Ѳракію съ громаднымъ войскомъ, были побѣждены Іоанномъ Комненомъ. Историкъ Никетъ замѣчаетъ о

[1]) Отъ 1125 по 1132 г. У Рейтенфельса онъ названъ „Мечиславомъ" (Micislaus).

нихъ, что они раздѣлялись на нѣсколько племенъ и повиновались не одному вождю, изъ чего явствуетъ, что то были Татары въ соединеніи, несомнѣнно, съ нѣкоторыми русскими племенами. За симъ Ярополкъ, вмѣстѣ съ другими русскими Князьями, повелъ воиновъ противъ Поляковъ, своимъ игомъ обременявшихъ Русскихъ, но былъ захваченъ въ плѣнъ Влостовичемъ, польскимъ сенаторомъ, изгнаннымъ королемъ Болеславомъ и просившимъ у Ярополка защиты и убѣжища, въ то время, когда ѣхалъ какъ-то по деревнѣ, съ небольшимъ отрядомъ тѣлохранителей, и отвезенъ живымъ къ Болеславу. Освобожденный за громадный выкупъ изъ плѣна и клятвенно обѣщавъ хранить миръ, онъ, желая отплатить тою же монетою, ибо желаніе отмстить взяло верхъ въ душѣ его, послалъ нѣкоего Венгерца, (Hungarum) или вѣрнѣе, Московита, отлично знающаго венгерскій языкъ, который притворился также навлекшимъ на себя гнѣвъ своего государя и вслѣдствіе сего изгнаннымъ, и получилъ отъ Болеслава, для прокормленія своего, городъ Вислицу. Когда же король отправился въ городъ Бамбергъ на свиданіе съ Лотаремъ, императоромъ римскимъ, то этотъ Венгерецъ, распустивъ слухъ о предстоящемъ нападеніи Русскихъ на Польшу, убѣдилъ знатнѣйшихъ гражданъ, что Болеславъ велитъ имъ, какъ можно скорѣе, свозить свои богатства въ Вислицу, какъ безопасное мѣсто. А между тѣмъ онъ тайно извѣстилъ Ярополка, который, явившись съ дружиною, захватилъ городъ и громадныя въ немъ богатства, при чемъ произошло кровопролитнѣйшее избіеніе знатнѣйшихъ поляковъ. Болеславъ, прославившійся до сего времени 47-ю побѣдами, желая отмстить за столь возмутительное дѣло, потерпѣлъ около 1139 года, въ сраженіи близъ Галича, такое пораженіе, что едва спасся самъ, при помощи одного воина, на его лошади. Сколь справедливо, поистинѣ, воздалъ Господь каждому за его, говоря словами Еннія, гнусные, торгашескіе пріемы, при военныхъ дѣйствіяхъ. Вѣдь и Ярополкъ, вмѣсто награды, лишилъ своего венгерца зрѣнія и языка, дабы показать, что начальники любятъ предательство, но ненавидятъ самихъ предателей. Въ это время и особенно послѣ смерти Ярополка, происходили тѣ страшныя междуусобицы межъ русскими Князьями, о которыхъ я выше упомянулъ. Въ 1140 году. Москвитяне, ставъ немного болѣе дружелюбными къ Польскому народу, помогали Владиславу II, собирающемуся вести войну съ тревожащими его братьями. Въ 1150 году, въ царствованіе Эриха Святого во Швеціи, Московиты съ Ливонцами занимались морскимъ грабежомъ вдоль Шведскихъ береговъ. Вскорѣ послѣ сего они даже проникли до столичнаго города Упсалы, ибо Гольмъ (Holmia) [1]) въ то время еще не былъ выстроенъ.

[1]) Т.-е. Стокгольмъ, который основанъ въ половинѣ XIII ст. До него столицами Швеціи были Бирка, Сигтуна, Упсала и др.

къ нему послами, Неофита, митрополита Эфесскаго, съ двумя другими епископами, а также и намѣстника Антіохійскаго и Іерусалимскаго, архимандрита Евстаѳія, съ драгоцѣннѣйшими дарами, а именно, частицею отъ Креста Господня, золотою короною, чашею изъ камня сардоникса, оплечьемъ (humerale), украшеннымъ множествомъ драгоцѣнныхъ камней, и золотымъ ожерельемъ, при чемъ, заключивъ мирный договоръ, преподнесъ ему титулъ Царя, т.-е. Самодержца. Въ 1065 г. Скиѳы Узы (Scythae Vzi) вздумали было съ 600000-мъ войскомъ потревожить Ѳракію и Грецію, но были уничтожены, частью чумою, частью же силами Болгаръ, Русскихъ, а также и Печенѣговъ. Въ 1075 г. Димитрій, нѣкій русскій Князь изъ прочихъ (reliquis), принялъ римскую вѣру. Въ 1097 г. Коломанъ, король Венгерскій, объявилъ Русскимъ войну, но былъ побѣжденъ Митсодемомъ (Mitsodem), предводителемъ Гунновъ. Тогда же, кажется, и Владиміръ вторично отобралъ Владиміръ у дяди своего Святополка, когда тотъ, съ помощью Коломана, вторгся туда и избилъ тамъ болѣе 12 князей Половецкихъ съ безчисленными ихъ воинами. Долгое время испытывалъ онъ измѣнчивость счастья въ войнѣ и съ Инго, королемъ Шведскимъ. У этого Владиміра, разсказываютъ Русскіе, былъ конь, ведшій свой родъ, чрезъ длинный рядъ поколѣній, отъ Александрова Буцефала, который обыкновенно двигался, опустивъ голову и развѣсивъ уши, когда же чувствовалъ, что на немъ сидитъ его господинъ, то, на глазахъ всѣхъ, онъ, воспрянувъ духомъ, несся во весь опоръ, потрясая землю топотомъ своихъ копытъ, и отважно стремился на встрѣчу врагу. Кромѣ того, онъ, занимая почетное мѣсто въ конюшнѣ, выгонялъ другихъ лошадей, кусая ихъ и брыкаясь. Умирая, Владиміръ раздѣлилъ царство между сыновьями Мстиславомъ [1]), Ярополкомъ и Георгіемъ, при чемъ, однако, одному принадлежала высшая власть надъ другими.

Мстиславъ Владиміровичъ сѣлъ было въ 1116 году въ Кіевѣ на княженіе, но, похищенный вскорѣ послѣ сего смертью, оставилъ все въ наслѣдство своему брату.

Правленіе Ярополка Владиміровича, унаслѣдовавшаго престолъ отъ брата, было омрачено необычайными кровопролитными происшествіями, такъ какъ русскіе Князья, преслѣдуя въ душѣ различныя цѣли, раздирали братоубійственными руками внутренность государства, на подобіе гибельнаго и неожиданнаго Татарскаго погрома, такъ что власть, какъ бы по волѣ слѣпого рока, произвольно то находилась у одного изъ Князей, то у другого, то отнималась. Въ 1122 году, однако, Скиѳы, опустошившіе Ѳракію съ громаднымъ войскомъ, были побѣждены Іоанномъ Комненомъ. Историкъ Никетъ замѣчаетъ о

[1]) Отъ 1125 по 1132 г. У Рейтенфельса онъ названъ „Мечиславомъ" (Micislaus).

нихъ, что они раздѣлялись на нѣсколько племенъ и повиновались не одному вождю, изъ чего явствуетъ, что то были Татары въ соединеніи, несомнѣнно, съ нѣкоторыми русскими племенами. За симъ Ярополкъ, вмѣстѣ съ другими русскими Князьями, повелъ воиновъ противъ Поляковъ, своимъ игомъ обременявшихъ Русскихъ, но былъ захваченъ въ плѣнъ Влостовичемъ, польскимъ сенаторомъ, изгнаннымъ королемъ Болеславомъ и просившимъ у Ярополка защиты и убѣжища, въ то время, когда ѣхалъ какъ-то по деревнѣ, съ небольшимъ отрядомъ тѣлохранителей, и отвезенъ живымъ къ Болеславу. Освобожденный за громадный выкупъ изъ плѣна и клятвенно обѣщавъ хранить миръ, онъ, желая отплатить тою же монетою, ибо желаніе отмстить взяло верхъ въ душѣ его, послалъ нѣкоего Венгерца, (Hungarum) или вѣрнѣе, Московита, отлично знающаго венгерскій языкъ, который притворился также навлекшимъ на себя гнѣвъ своего государя и вслѣдствіе сего изгнаннымъ, и получилъ отъ Болеслава, для прокормленія своего, городъ Вислицу. Когда же король отправился въ городъ Бамбергъ на свиданіе съ Лотаремъ, императоромъ римскимъ, то этотъ Венгерецъ, распустивъ слухъ о предстоящемъ нападеніи Русскихъ на Польшу, убѣдилъ знатнѣйшихъ гражданъ, что Болеславъ велитъ имъ, какъ можно скорѣе, свозить свои богатства въ Вислицу, какъ безопасное мѣсто. А между тѣмъ онъ тайно извѣстилъ Ярополка, который, явившись съ дружиною, захватилъ городъ и громадныя въ немъ богатства, при чемъ произошло кровопролитнѣйшее избіеніе знатнѣйшихъ поляковъ. Болеславъ, прославившійся до сего времени 47-ю побѣдами, желая отмстить за столь возмутительное дѣло, потерпѣлъ около 1139 года, въ сраженіи близъ Галича, такое пораженіе, что едва спасся самъ, при помощи одного воина, на его лошади. Сколь справедливо, поистинѣ, воздалъ Господь каждому за его, говоря словами Еннія, гнусные, торгашескіе пріемы, при военныхъ дѣйствіяхъ. Вѣдь и Ярополкъ, вмѣсто награды, лишилъ своего венгерца зрѣнія и языка, дабы показать, что начальники любятъ предательство, но ненавидятъ самихъ предателей. Въ это время и особенно послѣ смерти Ярополка, происходили тѣ страшныя междуусобицы межъ русскими Князьями, о которыхъ я выше упомянулъ. Въ 1140 году. Москвитяне, ставъ немного болѣе дружелюбными къ Польскому народу, помогали Владиславу II, собирающемуся вести войну съ тревожащими его братьями. Въ 1150 году, въ царствованіе Эриха Святого во Швеціи, Московиты съ Ливонцами занимались морскимъ грабежомъ вдоль Шведскихъ береговъ. Вскорѣ послѣ сего они даже проникли до столичнаго города Упсалы, ибо Гольмъ (Holmia) [1]) въ то время еще не былъ выстроенъ.

[1]) Т.-е. Стокгольмъ, который основанъ въ половинѣ XIII ст. До него столицами Швеціи были Бирка, Сигтуна, Упсала и др.

Межъ тѣмъ нѣкій Всеволодъ, а вскорѣ за нимъ, Игорь, были, правда, на короткое время, Царями въ столичномъ городѣ Кіевѣ. Послѣ ихъ изгнанія, имъ обладали послѣдовательно иные братья—Изяславъ и Георгій. Въ 1158 году Ростиславъ, князь Смоленскій, занялъ это мѣстопребываніе (sedem) Царей. Его свергнулъ Изяславъ Давидовичъ, который самъ вскорѣ послѣ сего былъ прогнанъ Георгіемъ, хотя, по смерти Георгія, онъ снова захватилъ власть въ свои руки. Послѣ нихъ прославились по Россіи Владиміръ, а за нимъ Мстиславъ Изяславовичъ, а равно и Глѣбъ, князь Переяславскій, и Романъ Смоленскій, между тѣмъ какъ Ярославъ и Святославъ Черниговскіе вели упорную войну другъ противъ друга изъ-за престола (de solio). Въ 1164 году [1]). Андроникъ Комненъ, еще не будучи императоромъ, бѣжалъ въ Галичъ, городъ, бывшій, по замѣчанію Никета, намѣстничествомъ (toparchia) Русскихъ или Гиперборейскихъ Скиѳовъ, и княземъ коего дважды былъ Коломаннъ, сынъ Венгерскаго короля Андрея Второго, погибшій чрезъ нѣсколько лѣтъ въ походѣ противъ Татаръ. Въ 1168 году. При Шведскомъ царѣ Канутѣ, городъ Сигтуна, нѣкогда главный, разрушенъ огнемъ и мечемъ Рутенами, Корелами и другими, производящими морскіе грабительскіе набѣги внутрь Швеціи до самаго озера Меларна. Въ это время, кажется, Русскіе отвезли въ Москву серебряные ворота Сигтуны [2]). Тѣмъ временемъ Рюрикъ Мстиславичъ [3]) захватилъ Кіевъ, занятый Половцами, которыхъ Татары прогнали съ ихъ мѣстъ жительства, но, вскорѣ, вслѣдствіе зависти другихъ русскихъ Князей, былъ схваченъ и заключенъ въ монастырь, при чемъ ему наслѣдовалъ братъ его, Святославъ. Въ 1200 году. Влахи и Команы (это — слова Никета) во Ѳракіи, опустошили лучшія части сей провинціи и, быть-можетъ, подошли бы со стороны суши къ самымъ воротамъ главнаго города Византіи, если бы Русскіе, наихристіаннѣйшій, христолюбивѣйшій народъ, и ихъ Князья, частью по собственному побужденію, частью же по просьбамъ священниковъ, не вступились, съ поразительнымъ усердіемъ, за Римлянъ, сжалившись надъ христіанскимъ народомъ, съ которымъ варвары дурно обращались, и возмущенные тѣмъ, что по нѣсколько разъ въ годъ они уводили оттуда плѣнниковъ и продавали ихъ народамъ языческимъ.

Ростиславъ же и Владиміръ, сыновья Рюрика, пока жили подъ покровительствомъ Романа, князя Владимірскаго и Галицкаго, способ-

[1]) Въ 1188 г.

[2]) По видимому, это такъ называемые „Шведскіе ворота“ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. См. Аделунгъ—Корсунскіе врата, и т. д. стр. 147 и слѣд.

[3]) Ростиславовичъ.

ствовали увеличенію власти ихъ покровителя, который, переселясь вмѣстѣ съ ними, изъ Кіева въ Галичъ, тѣмъ самымъ, какъ бы перенесъ на него и право на названіе столицы. Впрочемъ этотъ городъ былъ вскорѣ снова занятъ Коломанномъ. Этотъ Романъ, сущій Неронъ для Россіи, полагая, что должно прежде всего подчинить себѣ крупныхъ рыбъ [1]) дабы, впослѣдствіи, съ бо́льшимъ удобствомъ, покорять лягушекъ, повелѣлъ умертвить знатнѣйшихъ вельможъ государства, говоря, что никто не можетъ вполнѣ безопасно вкусить меда, если не будутъ убиты сперва пчелы. Въ 1205 году [2]) онъ, однако, погибъ самъ близъ города Завихоста (Zavichost) въ битвѣ противъ Лешка Бѣлаго, князя Польскаго (Poloniae principem).

ГЛАВА 9.

О Владимірѣ, Георгіи, Александрѣ, Даніилѣ, Львѣ и нашествіи Татаръ.

По кончинѣ Романа, государствомъ сталъ править, по праву наслѣдства, Владиміръ Рюриковичъ, противъ котораго Лешко Бѣлый, вмѣстѣ съ тремя другими Русскими Князьями, предпринялъ, еще при Романѣ, за Коломанна, короля Венгерскаго, чрезвычайно кровопролитную войну. До сего времени, значительная часть Литвы была подчинена Русскимъ, которымъ Литовцы, вслѣдствіе извѣстной своей бѣдности, платили дань вѣниками, т. е. пучками изъ распускающейся березы, употребляемыми въ баняхъ, и которые заставляли Литовцевъ, вмѣсто лошадей или быковъ, таскать повозки или плуги. Въ это же время, послѣ появленія. незадолго до сего, надъ Танаисомъ и Россіею, зловѣщей кометы, внезапно появились Татары, народъ до 1202 года въ Европѣ неизвѣстный, и находившійся до сего въ рабской зависимости отъ другихъ народовъ, и стали подчинять безчеловѣчному игу бо́льшую часть русской земли. А именно, Чингизъ-Ханъ, негодуя на рабское положеніе своего народа, не имѣющаго подъ игомъ Парѳянъ, ни собственныхъ законовъ, ни собственнаго царя, взялся, побуждаемый сновидѣніемъ, за оружіе и, съ крайнихъ предѣловъ Скиѳіи, быстро двинулся впередъ и овладѣлъ, отчасти самъ лично, отчасти же потомки его, самимъ царствомъ Парѳянъ, существовавшимъ еще со времен Александра Великаго, при чемъ завѣщалъ своимъ на вѣчныя времена впередъ, надменнѣйшее правило: не заключать мира ни съ какимъ народомъ, отказывающимъ имъ въ повиновеніи. На мѣстѣ царства Парѳянъ, Татарскій ханъ Влуханъ впослѣдствіи

[1]) Въ подлинникѣ собственно „семгъ (salmones)“.

[2]) Романъ Мстиславовичъ убитъ въ 1206 г.

основалъ царство Заволжское. Отсюда, какъ бы изъ нѣкоей военной крѣпости, были высланы безчисленныя полчища противъ Европы и, прежде всего, противъ Московіи. Такъ, въ 1228 году, Батый, называемый также Заинханомъ (Zainchan), внукъ Чингизъ-хана, двинулся на сѣверъ, а другіе два брата его, Іосхай[1]) и Чагатай, отправились къ рѣкѣ Тигръ и на югъ; въ это же время и Ердзивилъ князь Самогетовъ, отнялъ у Русскихъ Новгородъ. Первоначально Татары раздѣлялись на семь народностей: собственно Татары (т.-е. остатки, быть можетъ, Гунновъ), Тангуры, Кунаты, Талаиры, Сонихи, Монги и Тибеты,—впослѣдствіи же, размножившись до безконечности, они распространились почти по всему шару земному. И не были Мосхи въ состояніи завоевать Заволжскаго царства и освободиться вполнѣ отъ Татарскаго ига до тѣхъ поръ, пока тѣ постепенно не заняли снова Китай (Sinas), откуда они исторглись, и не начали заселять часть Индіи. Многіе полагаютъ, основываясь на 4-ой книгѣ Ездры, главѣ 13, что эти Татары произошли отъ тѣхъ десяти колѣнъ Израильскихъ, коихъ увелъ въ 3300 году, отъ сотворенія міра, Салманассаръ въ равнины Арсареѳъ (campos Arsareth), гдѣ никогда не обиталъ родъ человѣческій. Къ сему присоединяется еще и то, что Китайскія лѣтописи относятъ возникновеніе Татарской династіи почти къ этому же самому времени, а также и то, что у нѣкоторыхъ изъ этихъ Ордъ и до сей поры сохранились многіе Іудейскіе обычаи. Другіе принимаютъ Измаилтянъ за одно съ Турками и Гуннами (что также дѣлаетъ, замѣтилъ я, Никетъ), нѣкоторые, наконецъ, считаютъ ихъ потомками Магога. Отъ нихъ ведутъ свое происхожденіе, не только нынѣшніе персидскіе шахи, но даже и султаны Оттоманской имперіи. Это послѣднее мнѣніе, кажется, слѣдуетъ предпочесть всѣмъ остальнымъ. У нихъ, въ глубокой древности, заботы по управленію государствомъ (cura regiminis) препоручались четыремъ высшимъ совѣтникамъ (consiliariis): Ширму (Schirm), Барну (Barni), Гаргну (Gargni) и Ципцану (Tsipzan); называлось это Уланъ (Vlan) т.-е. великій царскій совѣтъ. Говорятъ, что такой образъ правленія примѣняется въ Китаѣ и въ настоящее время. По языку они родственны съ Турками, что явствуетъ, напримѣръ, изъ слѣдующихъ словъ, употребляемыхъ, по большей части, Турками, съ небольшимъ только измѣненіемъ: Ханъ—т.-е. царь, Султанъ—сынъ царя, Бей—князь, Мурза—сынъ князя, Олбудъ—человѣкъ знатнаго происхожденія, Олбоадулу—сынъ знатнаго человѣка, Саидъ—первосвященникъ, Кси—частное лицо и т. д.—Вотъ этими-то Татарами, вторгшимися въ Россію, Владиміръ Рюриковичъ, могущественнѣйшій между прочими Князьями, по безчеловѣчномъ уничтоженіи войска, былъ захваченъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ Мстиславомъ Романовичемъ и другими Князьями. Столь мало, повидимому, имѣетъ значенія престолъ даже у чужихъ племенъ! Въ 1235 г.[1]) былъ взятъ городъ Москва, гдѣ, по убіеніи тамошняго Князя Георгія, вскорѣ былъ выбранъ Александръ. Этихъ двухъ Князей, какъ я замѣтилъ, впервые стали называть въ исторіяхъ Князьями, какъ города Москвы, такъ и Московскаго княжества. Владиміра же, въ плѣну у Могора, т.-е. Великаго Хана, видѣли доминиканскіе монахи, посланные отъ римскаго папы Иннокентія IV къ Великому Хану (Vsumcasanum)[2]), и которымъ эти варвары обѣщали, въ теченіи пяти лѣтъ, не нападать на христіанъ. Склонить ихъ къ крещенію, однако, никоимъ образомъ не могли. Мало того, весьма легко ихъ привлекли въ свое нечестіе (perfidia) Магометане, убѣдивъ ихъ, глупцовъ, въ томъ, что Еисса Рохола, т.-е. Іисусъ есть Духъ Божій, а Магометъ Россолаи т.-е. что Магометъ есть справедливость Божья. Засимъ, когда Владиміръ, убѣжавъ изъ плѣна, сталъ вооруженною силою вновь захватывать Кіевъ, то Скирмунтъ и Тройнатъ, князья Литовскіе съ большимъ мужествомъ одержали верхъ надъ Балаклаемъ и Курдассомъ, посланныхъ Батыемъ. Въ такой сумятицѣ и горестномъ положеніи Россіи, многіе выдающіеся города, Новгородъ, Псковъ, Полоцкъ, вслѣдствіе благопріятнаго положенія дѣлъ, вновь расцвѣли въ самовластныя республики, избравъ у себя сенатъ.

Тогда и Рингольтъ, сынъ Тройната, одержавшій блестящую побѣду надъ Русскими и Татарами, стремясь къ славѣ и расширенію предѣловъ власти, первый сталъ усиленно добиваться титула Великаго Князя Литовскаго и Русскаго. И Татары, бо́льшая часть коихъ уже прочно поселилась и основала столицу свою на Таврическомъ полуостровѣ, отнятомъ у Половцевъ Готскими князьями, стали налагать суровое иго на Россіянъ. Смотря по тому, какова была добрая воля сихъ варваровъ, Князья Московскіе либо получали удѣлы, либо заключались въ темницу. Мосхи до того были лишены почти всякаго права суда, что не могли даже, хотя заслуженно, наказывать за уголовныя преступленія, а съ рабскимъ трепетомъ ожидали изъ Крымскаго дворца молніеподобнаго приговора. Когда Татарскіе послы въѣзжали въ городъ, то Московскіе Князья, пѣшкомъ, несли имъ на встрѣчу кобылье молоко и овесъ, преклонивъ колѣна, выслушивали приказаніе Хана и, если изъ чаши проливалось немного молока на гриву коня, то языкомъ слизывали его, наконецъ, должны были пла-

[1]) Октай.

[1]) Въ 1237 г.

[2]) Въ этомъ же смыслѣ употреблено это выраженіе у Олеарія (кн. V, гл. 29), гдѣ онъ говоритъ про одного персидскаго шаха, что „онъ имѣлъ прозваніе Usus cassan т. е. Великій Шахъ".

тить ежегодную дань въ видѣ громаднаго количества денегъ, дорогихъ мѣховъ, одеждъ, во что бы то ни стало. Поэтому они и нынѣ дерзко требуютъ для себя того же.

Даніилъ Романовичъ, князь Кіевскій, ревнуя славѣ Рингольта и недовольствуясь названіемъ Великаго Князя, принялъ латинскіе обряды и былъ первымъ королемъ Русскимъ, вѣнчаннымъ въ 1246 году папскимъ посломъ Опизо [1]). Но призрачное сіе королевское достоинство скоро кончилось при сыновьяхъ его, Львѣ и Романѣ, снова обратившихся въ греческій расколъ. Даніилъ занялъ Люблинъ, знатный польскій городъ и многіе другіе, но и самъ былъ, съ перемѣннымъ счастьемъ и успѣхомъ, тревожимъ Миндогомъ, княземъ Литовскимъ. Не менѣе суроваго врага онъ имѣлъ и въ Наримундѣ, другомъ князѣ Литовскомъ, который, говорятъ, первый придумалъ литовскій гербъ—всадника, да еще къ тому же, съ копьемъ. Въ 1259 году Татары снова подъ предводительствомъ Ногая и Телебуга опустошили Россію и Польшу, уводя многія тысячи христіанъ въ вѣчное и крайне тяжелое рабство, хотя, наконецъ, понесли отъ Болеслава Стыдливаго, знаменитѣйшаго короля Польскаго, такое пораженіе, что Поляки наполнили девять громадныхъ мѣшковъ ушами убитыхъ враговъ. Даніилъ же нашъ скончался въ 1266 году.

Левъ Даниловичъ, ведшій въ 1280 году войну противъ Поляковъ, основалъ въ Россіи городъ Леополисъ (Leopolin) [2]). Въ 1290 году Тургиллъ, опекунъ Биргера, короля Шведскаго, напалъ на Россію съ моря, и съ суши, и отнялъ у нихъ Корелію и обратилъ ее, до того языческую, въ христіанскую страну, при чемъ воздвигъ въ защиту сей области крѣпость Выборгъ. Въ этомъ же вѣкѣ стали впервые въ Польшѣ и Россіи чеканить монету и, притомъ, кажется, изъ кожи, по почину (auctore) Венчеслава, короля, сперва Венгріи и Богеміи, а затѣмъ, и Польши, между тѣмъ какъ, до сего, эти народы вели торговлю посредствомъ простого обмѣна вещей, или же на вѣсъ золота и серебра.

ГЛАВА 10.

Объ Іоаннѣ Даниловичѣ, Іоаннѣ Ивановичѣ, Дмитріи, Василіи и Георгіи.

Іоаннъ Даниловичъ, по смерти бездѣтнаго брата своего Льва, первый возвелъ Москву, около 1300 года [3]), на степень митрополіи и столицы болѣе обширнаго княжества, главнымъ образомъ по совѣту

[1]) По другимъ извѣстіямъ—этотъ нунцій называется Пизономъ.
[2]) Лембергъ или Львовъ
[3]) Въ 1328 г.

митрополита Петра, такъ какъ въ этомъ городѣ былъ похороненъ нѣкто Алексѣй, прославившійся у Русскихъ своей святостью и чудесами. Въ 1304 году, Гедиминъ, Великій Князь Литовскій, двинувшись съ войскомъ противъ Русскихъ Князей, нанесъ имъ сильное пораженіе. Этотъ Іоаннъ былъ прозванъ русскими Калитою, т.-е., собирателемъ подаяній, ибо постоянно носилъ, привѣшенную сбоку, котомку, полную щедрыхъ подачекъ. Іоаннъ Ивановичъ, заступившій мѣсто отца, царствовалъ весьма недолго, такъ что едва ли о его дѣяніяхъ что-либо занесено въ исторію.

Дмитрій Ивановичъ, вмѣстѣ съ братомъ, Симеономъ, Тверскимъ Княземъ, сдѣлалъ довольно удачную попытку свергнуть съ шеи Россіянъ ярмо Татаръ, которое они терпѣливо несли въ теченіе цѣлыхъ 150 лѣтъ. Въ 1350 г. [1]) Мосхи вели войну, довольно успѣшную, съ Магнусомъ Смехомъ, Королемъ Шведскимъ. Сперва они ему для вида обѣщали золото за миръ, но потомъ послали желѣзо, передѣланное въ стрѣлы. Въ 1359 году, бóльшая часть Русскихъ Князей съѣхалась у Авдула, Хана Заволжскихъ Татаръ, для оказанія ему почестей; Димитрій же, послѣ сего, разбилъ, въ двухъ битвахъ, Татарскаго Хана Мамая, при чемъ, говорятъ, въ первомъ сраженіи было убито 200.000 человѣкъ съ каждой стороны [2]). Тѣмъ не менѣе, однако, въ 1377 году Москва была отнята у него на глазахъ другимъ Татарскимъ Ханомъ, Тохтамышемъ [3]). Въ 1381 году, Дмитрій, тѣсня крестоносцевъ продолжительною осадою въ Нейгаузенѣ (Niehaus) [4]), ливонской крѣпости, въ то время, когда они уже готовы были сдаться ему, былъ такъ сильно раненъ, пущенною осажденными послѣднею, оставшеюся у нихъ, стрѣлою, что долженъ былъ позорно отступить съ войскомъ. Онъ же, ставъ во враждебныя отношенія съ Ольгердомъ, Великимъ Княземъ Литовскимъ, хвастливо, въ видѣ ѣдкой шутки, говорилъ, что преподнесетъ ему пасхальныя яйца, и едва, однако, не лишился княжества вслѣдствіе нападенія Ольгерда. Ибо Литовскій Князь, подойдя тайными путями, къ самой Москвѣ, принудилъ Дмитрія просить о мирѣ, и, оставивъ, въ память сего событія, копье, вонзенное въ ворота крѣпости, ушелъ побѣдителемъ [5]). Въ это же время и Казиміръ Великій, король Польскій, присоединилъ себѣ Червонную Русь, какъ свою область. Василій Дмитріевичъ, занятый разными вой-

[1]) Въ 1348 г.
[2]) Куликовская битва 1380 г.
[3]) Въ 1382 г.
[4]) Новый Городокъ на р. Бюмзе или Пимпе, Лифляндской губ., впадающей въ Псковское озеро.
[5]) Подробная выпись объ этомъ изъ хроники Стрыйковскаго—у Карамзина, т. V, гл. 1.

нами, потерялъ Смоленскъ и Кіевъ: эти города, приблизительно въ 1386 году, присягнули въ вѣрности Ягайлу, Великому Князю Литовскому. Съ Великимъ же Княземъ Литовскимъ Витовтомъ, на дочери котораго, Анастасіи [1]), онъ былъ женатъ, онъ вошелъ въ соглашеніе и составилъ заговоръ противъ Темиркутка или Темиразака [2]), Хана Заволжскаго, (котораго Баязетъ сперва, ради посмѣшища, прозвалъ Тимурленгомъ или Тамерланомъ, т.-е. хромцемъ). Ибо Царь, или Ханъ Темиръ твердо рѣшилъ въ душѣ своей направить окровавленное оружіе свое на Европу, что непремѣнно и произошло бы, если бы онъ не перенесъ, послѣ пораженія Баязета въ 1400 году [3]), войны въ самую Индію [4]). Въ 1399 году. Василій успѣшно прогналъ Татаръ изъ Волжской Болгаріи. Когда же въ 1404 году [5]) татаринъ Темирсакъ снова выступилъ противъ Русскихъ, то онъ въ Рязани остановился, принужденный, повидимому, къ тому, нѣкою божественною силою, противодѣйствующей ему. Ибо Русскіе говорятъ, что они вымолили у Всеблаженной Дѣвы таковую задержку, перенеся ради этого самаго, икону Ея съ большой торжественностью изъ Владиміра въ Москву, почему, и теперь еще даже, день 26 августа, когда это произошло, называется Срѣтеніемъ, т.-е. встрѣчею, — и весьма празднуется. Въ 1424 году [6]). Въ Новгородѣ свирѣпствовала столь сильная моровая язва (lues), что въ теченіе 6 мѣсяцевъ погибло 80.000 человѣкъ. До того велика была сила этого зла, что часто люди, шествующіе по улицамъ, мгновенно умирали или, явившись до сего здоровыми на похороны другихъ, внезапно умирали и хоронились тутъ же. По случаю предстоящей свадьбы Витовта, который, въ числѣ другихъ многихъ княжествъ Россіи, владѣлъ Псковомъ и Новгородомъ, къ нему отовсюду съѣхались европейскіе государи и при этомъ совѣщались о положеніи христіанъ. Въ этомъ совѣщаніи, происходившемъ въ г. Луцкѣ (Luceoriae) въ Волыни, въ 1428 [7]), приблизительно, году, участвовалъ, кромѣ Сигизмунда, императора Запада, пословъ Палеолога, Императора Восточнаго, Ерика, короля Даніи и Швеціи, Великихъ Князей Бориса Тверскаго и Олега Рязанскаго, Хановъ Таврическаго полуострова и Заволжскихъ, двухъ магистровъ ордена Крестоносцевъ въ Пруссіи и Ливоніи, а равно и новаго поборника христіанства, Ягайла, короля Польскаго,—также и нашъ Василій. Умирая, онъ предоставилъ

---

[1]) Софьъ.
[2]) Темиръ-Кутлукъ и Темиръ-Акчакъ.
[3]) Въ 1402 г.
[4]) Въ Индію походъ предпринятъ въ 1398 г.
[5]) Въ 1395 г.
[6]) Въ 1390 г.
[7]) Въ 1429 г.

княжество брату Георгію, устранивъ сына своего Василія, который былъ ненавистенъ отцу, такъ какъ его мать, Анастасія [1]), была заподозрѣна въ прелюбодѣяніи. Георгій же Дмитріевичъ, собираясь занять престолъ, заключилъ было Василія въ оковы, но, послѣ кратковременнаго княженія, умирая, завѣщалъ ему наслѣдство въ своей духовной, пренебрегши (spretis propriis filiis) собственными сыновьями.

Г Л А В А 11.

О Василіи, Іоаннѣ и Василіи Іоанновичѣ.

Въ самомъ началѣ своего княженія, Василій Васильевичъ былъ схваченъ своими племянниками, сыновьями Георгія, о которыхъ онъ сожалѣлъ, что они, какъ бы выродки какіе, были презрѣны, и ослѣпленъ ими. Вскорѣ, впрочемъ, онъ, по желанію Татаръ и благодаря любви народа къ нему, получилъ обратно свое княжество и долгое время спокойно правилъ Московскимъ княжествомъ, получивъ прозваніе Темный, т.-е. лишенный свѣта. Объ этомъ Василіи, Стефанъ, Великій Палатинъ Валахіи, выражался такъ: „Онъ расширяетъ свои владѣнія, сидя дома и почивая“. При немъ митрополитъ Кіевскій Исидоръ,—Кіевъ въ то время былъ подчиненъ своимъ особымъ Князьямъ—отправившись въ сопровожденіи ста всадниковъ на Флорентійскій Соборъ, въ качествѣ замѣстителя патріарха Антіохійскаго, получилъ въ 1439 году отъ папы Евгенія IV санъ кардинала, епископа Сабинскаго, но, когда онъ вернулся въ свое отечество, то Русскіе отобрали у него всѣ сокровища и заключили его въ темницу, ибо нисколько не желали утвердить того соединенія съ Римской Церковью, которое онъ было предпринялъ. Поэтому у Московитовъ, въ ихъ книгѣ законовъ, существуетъ особая глава, называемая Соборъ Флорентійскій. Убѣжавъ, впрочемъ, изъ заключенія, Исидоръ возвратился въ Италію, а оттуда отправился, въ качествѣ посла отъ ребра Апостольскаго, въ Константинополь къ Константину, послѣднему императору, а когда этотъ городъ былъ взятъ Турками, въ 1459 году, то онъ съ трудомъ, подъ видомъ другого лица, бѣжалъ въ Римъ, гдѣ былъ посвященъ Піемъ II въ патріархи Константинопольскіе.

Иванъ Васильевичъ, Великій и Счастливый, по прозванію, велъ много кровопролитныхъ войнъ съ Христіаномъ и Стенъ-Стуромъ, королями Шведскими. Въ 1450 году онъ женился на Маріи, дочери Тверского Князя, а послѣ ея смерти—на Софьѣ, дочери гре-

---

[1]) Софья.

ческаго деспота Ѳомы Палеолога, изъ рода Багрянородныхъ. Этотъ Ѳома, изгнанный Турками, жилъ въ Римѣ, гдѣ, говорятъ, и Софья получила приданое отъ римскаго Первосвященника. Самъ же Іоаннъ выдалъ сестру свою за Кудайкула, царя Казанскаго, принявшаго при крещеніи имя Петра. Этотъ же князь не задумался бы принять обряды Римской Церкви, лишь бы только папскіе послы были уступчивѣе въ семъ дѣлѣ. Въ это время занялъ городъ Астрахань Кази, сынъ Крымскаго Хана, которому въ 1474 году подчинились и остальные Татары послѣ того, какъ Магометъ, султанъ Турецкій, взялъ Ѳеодосію, столицу Крымскаго Ханства. Межъ тѣмъ Царица Московская, Софья, подъ предлогомъ болѣзни, обратилась къ женѣ Татарскаго Хана съ настойчивой просьбой, чтобы тѣ Татары, кои обитали въ самомъ Кремлѣ Московскомъ, добровольно ушли бы оттуда навсегда, чѣмъ отнималась у нихъ возможность глубоко вникать въ замыслы Русскихъ. Вмѣстѣ съ этимъ Іоаннъ придумалъ предлогъ, чтобы отказаться отъ дальнѣйшаго платежа Хану дани. Онъ выдалъ дочь Елену замужъ за Вел. Князя Литовскаго, Александра, ставшаго вскорѣ польскимъ королемъ, но такъ какъ Литовцы съ пренебреженіемъ относились къ религіознымъ пунктамъ договора, то Іоаннъ въ кровопролитнѣйшемъ сраженіи разбилъ ихъ и отнялъ у нихъ бо́льшую часть земли и 70 укрѣпленныхъ мѣстъ и крѣпостей. У нихъ же онъ отнялъ, въ 1477 году, при помощи архіепископа Ѳеофила, Новгородъ и увезъ оттуда 300 возовъ, тяжело нагруженныхъ, въ городъ Бѣлая Церковь, сокровищницу Россіи, лежащій на островѣ. Вслѣдствіе чего въ 1494 году ганзейскіе купцы, всѣ до одного, ушли изъ Новгорода, послѣ того, какъ Царь изъ за того, что нѣсколько лицъ изъ ихъ числа неосторожно порицали его, заключилъ 49 заѣзжихъ нѣмцевъ въ темницу и вынудилъ у нихъ вознагражденіе, болѣе, чѣмъ въ 300.000 червонцевъ въ видѣ штрафа. Законы, впрочемъ, онъ издалъ весьма полезные и, прежде всего, строжайшій законъ о трезвости, впервые предоставивъ себѣ право приготовлять напитки. Въ 1500 году. Баязетъ, султанъ Турецкій, вторгнувшись въ Россію, потерялъ болѣе 40.000 своихъ, погибшихъ отъ холода и меча, во время борьбы за Менгли-Гирея, хана Перекопскихъ Татаръ, прогнавшаго братьевъ Айдера и Ямурка, кои бѣжали въ Москву. Въ 1502 году. Вальтеръ Плеттенбергъ (благородный родъ коего процвѣтаетъ и понынѣ у насъ, среди знатныхъ Курляндцевъ), великій магистръ ливонскихъ крестоносцевъ, разбилъ 80.000 Московъ, надъ которыми начальствовалъ Гавріилъ, сынъ Іоанна, и заключилъ миръ на 50 лѣтъ. Видя приближающійся конецъ свой Іоаннъ назначилъ было правителемъ царства сперва Дмитрія, внука своего по первому браку, вскорѣ же затѣмъ, по совѣту жены,— Гавріила, собственнаго сына отъ второго брака, и, наконецъ, опять

Дмитрія, вслѣдствіе какой-то роковой нерѣшительности. Отошелъ этотъ достохвальный Князь отъ жизни сей, въ 1504 году, послѣ того, какъ окружилъ городъ Москву стѣною и наполнилъ ее нѣсколькими каменными зданіями, для которыхъ онъ вызывалъ въ Москву, на дорогихъ условіяхъ, Аристотеля, зодчаго Болонскаго, и другихъ мастеровъ.

Василій Ивановичъ, раньше называвшійся Гавріиломъ, принялъ власть, вступивъ на престолъ, отнятый у Дмитрія, сына брата его, въ 1505 году. Въ 1509 году онъ заключилъ союзъ съ Свантсономъ [1]), королемъ Шведскимъ. Въ 1514 г. онъ занялъ Псковъ [2]) и Смоленскъ [3]),— города, кои столь много разъ уже раньше подвергались попыткамъ подчиненія, главнымъ образомъ, благодаря содѣйствію нѣкоего поляка Михаила Глинскаго, и, подкупленной обѣщаніями, стражѣ. Неоднократно, но тщетно, подступалъ онъ къ Казани и Астрахани, послѣ того, какъ они возстали, побуждаемые къ тому новымъ княземъ, присланнымъ имъ изъ Крыма. Проживъ много времени въ необузданномъ любострастіи, онъ, наконецъ, женился на Соломоніи изъ московскаго рода Сабуровыхъ, вскорѣ заключилъ ее, изъ-за ея безплодія, въ монастырь и вступилъ въ бракъ съ Еленою, дочерью Василья Глинскаго, женщиною безумно расточительною и необузданною. Въ 1521 году, Махметъ-Гирей, ханъ Перекопскій, подъ предводительствомъ брата, Шахъ-Гирея, обратилъ въ бѣгство Шахмета, хана Заволжскаго и, занявъ все его царство, обложилъ городъ Москву и увелъ болѣе 80.000 человѣкъ въ тяжкое рабство. Василій тайкомъ бѣжалъ въ Новгородъ и сталъ снова данникомъ Татаръ. Но въ 1523 году онъ торжественно, чрезъ особыхъ пословъ, объявилъ войну Махметъ-Гирею Крымскому и его брату, Шахъ-гирею, царямъ Казанскимъ, которая благополучно кончилась, вслѣдствіе неожиданнаго мира. Этого Василія, говорятъ, легко было бы склонить къ принятію католической вѣры, если бы только императоръ Максимиліанъ не отказалъ ему въ титулѣ Царя. Посолъ отъ него, Дмитрій Герасимовъ (Erasmirus) прибылъ въ Римъ къ папѣ Клименту VII, для заключенія союза противъ Турокъ, вмѣстѣ съ Павломъ Центуріономъ изъ Генуи, который раньше былъ, ради торговыхъ цѣлей, посланъ Климентомъ съ грамотами въ Московію, который былъ даже въ Россіи еще при Львѣ X. Приблизительно около этого же времени былъ отправленъ въ Россію императоромъ Максимиліаномъ извѣстный баронъ Герберштейнъ, для заключенія мира

[1]) Съ Христіаномъ II и Свантъ-Сономъ Стенъ Стуре, статъ-галтеромъ, въ 1517 г.

[2]) Въ 1510 г.

[3]) Въ 1514 г.

между Поляками и Мосхами. И въ 1525 году, этотъ Герберштейнъ, посланный отъ римскаго императора Фердинанда прибылъ къ Василію вмѣстѣ съ послами—Іоанномъ Францискомъ (Frentiusen) отъ папы Климента и Леонардомъ Комита (Comit) отъ Карла V, для переговоровъ все о томъ же мирѣ. Вслѣдствіе чего, немного спустя, послы Московскіе явились къ Карлу V въ самую Испанію. Василій межъ тѣмъ послалъ Симеона Ѳеодоровича Курбскаго въ Ингрію, для покоренія далеко живущихъ народовъ, и этотъ Симеонъ, зайдя далеко за рѣку и гору Печору, исполнилъ это порученіе къ значительному увеличенію Русскаго Царства. Покоривъ Казанцевъ, онъ [1]) содержалъ у себя въ домѣ ихъ царя, Шигъ-Алея, человѣка чудовищныхъ размѣровъ, котораго Василій поставилъ имъ въ цари, но котораго они свергли. Такъ какъ всѣ прочіи Князья Русскіе были уже ему подвластны, и оставался только одинъ Василій Шемякинъ (Semetzi), то онъ призвалъ его къ себѣ, обвиняя его въ заговорѣ съ королемъ Польскимъ, благосклонно принялъ и заключилъ въ темницу, приказавъ убить, какъ бунтовщика, по совѣту, быть-можетъ, нѣкоего юродиваго, который ходилъ по городу, подметая улицы вѣникомъ и говоря, что наступилъ часъ, когда должно изъ государства, до сей поры еще не вполнѣ очищеннаго, выбросить окончательно всякій соръ. Вообще это былъ Князь характера лживаго, впавшій въ высокомѣріе и приписывающій себѣ титулы, длинные до тошноты. Собираясь умирать, онъ поручилъ опеку надъ своими дѣтьми, и заботы о царствѣ Михаилу Глинскому, котораго все время держалъ близь себя, какъ человѣка весьма искуснаго въ дѣлахъ военныхъ и мирныхъ. Елена же, жена Василія, избравъ, по смерти мужа, съ явнымъ безстыдствомъ, себѣ въ любовники боярина Іоанна Овчину, умерла отъ яда, а Овчина былъ разрубленъ на части.

ГЛАВА 12.

Объ Іоаннѣ Васильевичѣ—тиранѣ.

Іоаннъ Васильевичъ, достойный сынъ развратной Елены, принялъ бразды правленія въ 1540 году, мальчикомъ двѣнадцати лѣтъ, и, производя свой родъ отъ Цезаря Августа, украсилъ государственный гербъ двуглавымъ орломъ съ распростертыми крыльями. Въ 1548 году [2]) онъ отправилъ пословъ къ императору Карлу V, прося у него помощи противъ Турокъ и предлагая соединеніе Греческой Церкви съ

[1]) Василій.
[2]) Посольство Скобельцына и Дмитріева въ 1538 г.

Латинскою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прося у императора мужей ученыхъ и художниковъ. И Карлъ былъ бы не прочь отвѣчать взаимнымъ дружескимъ расположеніемъ, если бы всему этому не воспрепятствовали любекскіе купцы, которые въ то время, почти одни исключительно производили всю торговлю въ Московіи, съ громадной выгодою. Такъ какъ мнѣ нельзя будетъ въ дальнѣйшемъ повѣствованіи о Іоаннѣ не упомянуть, хотя и противъ воли, съ омерзѣніемъ, о нѣкоторыхъ чудовищно-безчеловѣчныхъ порокахъ его, то я надѣюсь, что это не будетъ вмѣнено мнѣ въ преступленіе Алексѣемъ Михайловичемъ, симъ доблестнымъ Государемъ, который такъ не похожъ на него, что никакой порокъ не можетъ быть, въ какой бы то ни было степени, приписанъ ему, и который освѣщаетъ блескомъ необычайныхъ добродѣтелей своихъ, яснѣе самого солнца, мракъ своей сѣверной страны. Итакъ, Іоаннъ, этотъ усерднѣйшій гонитель, одинаково, всего честнаго и безчестнаго, предводитель головорѣзовъ всего рода человѣческаго, новый мститель, даже за чувство сожалѣнія, правилъ надъ подвластнымъ ему народомъ, который онъ ставилъ на одну доску съ дикими животными, не повелѣвая ими, а свирѣпствуя надъ ними. Мало того: онъ терзалъ также и чужеземцевъ и наполнилъ чуть ли не всю вселенную позорною славою своего тиранства. Не постыдился же нѣкто сказать о семъ палачѣ и пріятелѣ шутовъ, что онъ не поколебался бы превратиться въ діавола, такъ какъ, отринувъ все человѣческое, онъ ни во что не ставилъ весь родъ людской.

Брата и тестя онъ, безъ всякихъ на то причинъ, безбожно лишилъ жизни. Собственнаго сына, жертву своей жестокости, онъ удушилъ, хотя, вскорѣ, съ терзаемой фуріями совѣстью, послалъ, обуянный внезапнымъ раскаяніемъ, 77.000 золотыхъ, патріархамъ, Константинопольскому и Александрійскому, и монахамъ, стерегущимъ Гробъ Господень, дабы они молитвами и священнослуженіями упокоили душу убитаго. Висковатова (Viscovium), мужа, выдающагося между прочими, своимъ краснорѣчіемъ и весьма заслуженнаго, онъ велѣлъ своимъ слугамъ разрубить почленно на части; когда же дьякъ, движимый состраданіемъ, отсѣкъ Висковатому срамныя части для ускоренія его кончины, то онъ приказалъ ему, либо съѣсть отрѣзанное, либо же итти на казнь. Итакъ, тотъ изжевалъ, это страшное яство, хотя оно тщетно становилось ему поперекъ горла, и спасъ себѣ жизнь тѣмъ же средствомъ, которымъ причинилъ другому спасительную смерть. Новгородъ (посаднику коего онъ велѣлъ вступить въ бракъ съ кобылою и котораго онъ все-таки въ концѣ концовъ умертвилъ вмѣстѣ со священниками и 3.000 другихъ жителей), Псковъ, Нарву, Ливонію, и иные города и области, онъ наполнилъ такимъ количествомъ умерщвленныхъ изысканными способами казни,

что попытка, съ его стороны, составить имъ краткій списокъ была бы тщетною, такъ какъ ихъ не вмѣстили бы въ себѣ цѣлые, обширнѣйшіе томы. Взявъ крѣпость Виттенштейнъ—пусть это будетъ одинъ случай, взятый для примѣра, изъ многихъ — онъ защитниковъ ея, привязавъ къ копьямъ, жарилъ на медленномъ огнѣ, не говоря здѣсь уже о другомъ, не поддающемся описанію, мученіи жителей Ливоніи.

Такъ какъ слава о его жестокости все болѣе и болѣе распространялась повсюду, то Сѣверяне и нѣкоторыя другія Русскія племена отвратили отъ себя гнѣвъ тирана, добровольно сдавшись ему. Предпринявъ пять походовъ противъ Татаръ и оказавшись до сего гораздо слабѣе ихъ, онъ, наконецъ, съ такимъ успѣхомъ поднялъ оружіе, что обуздалъ и почти совершенно подчинилъ ихъ, самыхъ неукротимыхъ людей, себѣ. Въ 1559 году. Готардъ[1]), послѣдній магистръ Тевтонскаго Ордена въ Ливоніи и первый князь Курляндіи и Семигалліи, разбилъ въ большомъ сраженіи Московское войско и взялъ въ плѣнъ главныхъ ихъ вождей. Это обстоятельство раздражило духъ Іоанна, какъ бы острѣйшими жалами, на общую свирѣпость до того, что онъ, какъ бы въ отмщеніе, поклялся тиранить всячески весь міръ. Въ 1569 году. Турецкій султанъ Селимъ съ 300.000-нымъ войскомъ, усиленнымъ еще Перекопскими Татарами, двинулся противъ Русскихъ до самой Астрахани. Тщетно продержавъ городъ въ осадѣ и потерявъ бóльшую часть вспомогательныхъ, со стороны Каспійскаго моря войскъ, перебитыхъ Московами, онъ, наконецъ, голодомъ и нѣсколькими пораженіями, нанесенными ему кн. Серебрянымъ, военачальникомъ Русскихъ, поставленный въ безысходное положеніе, постыдно бѣжалъ и схоронилъ остатки войскъ, поглощенныхъ Бурею, въ Меотидскомъ озерѣ. Въ 1571 году. Менгли-Гирей, ханъ Крымскихъ Татаръ, взявъ городъ Москву, довелъ Іоанна до того, что онъ обѣщалъ ему вѣрноподданство и дань, и далъ даже грамоты на это. Но, получивъ обратно отъ него письменныя условія вынужденнаго подчиненія чрезъ воеводу, т.-е. намѣстника своего, Рязанскаго (которому ханъ безразсудно вручилъ для разсмотрѣнія грамоты Іоанна, когда онъ отказался сдать Рязань), Іоаннъ немедленно собралъ войска, снова напалъ на громадныя полчища варваровъ и разбилъ ихъ. Когда же, въ 1572 году, послы Перекопскихъ Скиѳовъ (sic!) потребовали отъ Іоанна дани, то онъ велѣлъ 300 изъ ихъ свиты казнить топоромъ, начальниковъ же посольства онъ отослалъ обезображенныхъ, обрѣзавъ имъ носы, губы и уши, къ Таврическому царьку, вмѣстѣ съ топоромъ. За симъ онъ непрерывнымъ рядомъ побѣдъ подчинилъ себѣ Казань, Астрахань, Пермяковъ, Симбир-

[1]) Кетлеръ.

цевъ, Лапландцевъ, Югорцевъ, Булгаръ, все Заволжское царство и другіе народы, частью въ Европѣ, частью въ Азіи, обитающіе, и оставилъ своимъ потомкамъ обширнѣйшія владѣнія, пріобрѣтенныя оружіемъ. Правда, весьма благопріятствовало ему въ этомъ дѣлѣ то обстоятельство, что многія татарскія племена ушли къ своимъ, успѣшно, въ это время, воюющимъ на Востокѣ, въ Индіи и Китаѣ. Въ 1578 году. Шведы, воевавшіе и заключившіе миръ съ Иваномъ Васильевичемъ при короляхъ Густавѣ и Ерихѣ, отняли, при королѣ Іоаннѣ Третьемъ, у Московов крѣпость Падису и нѣкоторыя другія мѣста Кареліи, а также и обѣ Нарвы. Но и съ Сигизмундомъ Августомъ и Стефаномъ Баторіемъ, непобѣдимыми королями Польскими, велъ Иванъ Васильевичъ крайне тяжелую войну. Стараясь кончить ее весьма желаннымъ миромъ, Папа Григорій XIII послалъ знаменитаго Поссевина, изъ ордена іезуитовъ, который въ 1582 году чрезвычайно ловко умиротворилъ все. Передъ этою-то войною, говорятъ, въ городѣ Москвѣ, между прочими чудесными явленіями, выпалъ снѣгъ съ кровяными пятнами, и упалъ съ неба мраморный, надгробный камень съ надписью на невѣдомомъ языкѣ—предзнаменованіе несчастій и призывъ (praeco) къ покаянію. Далеко однако отъ того, чтобы смягчить каменное сердце тирана[1]), это, скорѣе, еще болѣе ожесточило его и онъ велѣлъ разбить зловѣщій камень въ дребезги. Равнымъ образомъ онъ нисколько не уважалъ, такъ какъ душа его была порабощена отвратительнѣйшими пороками, общаго у всѣхъ народовъ, закона о неприкосновенности пословъ, и священнаго оказанія гостепріимства. Съ герцогомъ Магнусомъ и братомъ отъ второй матери, Фридрихомъ II, королемъ Датскимъ, которому Иванъ Васильевичъ далъ въ жены Марію, дочь брата своего Георгія, и котораго онъ называлъ королемъ Ливоніи, онъ обошелся крайне позорно, заставивъ его однажды проползти на колѣняхъ двѣ тысячи шаговъ и выпить меду, смѣшаннаго съ собственною его кровью. Стражу его онъ изрубилъ въ куски и лишилъ бы жизни самого герцога, сорвавъ съ него всякую одежду, если бы тотъ самъ не спасся счастливымъ бѣгствомъ. Намѣреваясь, по заключеніи перемирія, войти въ Нарву, онъ сѣлъ въ колесницу, на которой былъ устроенъ помостъ, и потребовалъ, чтобы его везли люди, а не лошади. Духовенству, обращающемуся къ нему съ мольбою о смягченіи, хотя бы до нѣкоторой степени суроваго нрава его, онъ лицемѣрно объявилъ, что отказывается отъ Царской власти и удалился въ свой дворецъ, или, вѣрнѣе сказать, въ свой монастырь, называемый Александровскою слободою, гдѣ, неоднократно, облекшись вмѣстѣ съ своими приближенными, въ монашеское одѣяніе, совершалъ лицемѣр-

[1]) Собственно: „чтобы сдѣлать каменное сердце тирана восковымъ (cereum)“.

ныя церковныя службы, въ заключеніе коихъ, обыкновенно, слѣдовало избіеніе нѣсколькихъ заключенныхъ. Выйдя оттуда, о чемъ его всѣ колѣнопреклоненно умоляли, онъ, съ еще бóльшимъ ожесточеніемъ, сталъ всячески изступленно свирѣпствовать, придумывая, кромѣ прежнихъ, еще новые способы истязанія. Желая расширить городъ Москву, онъ устроилъ, по ту сторону рѣки, новыя слободы (pomoeria), подъ названіемъ Налей, отъ глагола наливать, ибо желалъ, чтобы воины тамъ свободно напивались допьяна. При немъ Англичане начали пріѣзжать по Бѣлому морю, и имъ была открыта гавань. Стоя уже почти одною ногою въ могилѣ, сильно, но, кажется, слишкомъ поздно, въ послѣднюю минуту жизни, онъ, говорятъ, раскаялся, когда, къ крайнему ужасу присутствующихъ, тѣло его уже стало разлагаться и издавать зловоніе, и онъ, къ общей радости, испустилъ духъ, терзаемый фуріями и стонущій отъ угрызенія совѣсти, въ 1584 году отъ Р. Х., 66 лѣтъ отроду, возвративъ, передъ смертью, свободу заключеннымъ и освободивъ подданныхъ отъ податей на десять лѣтъ. Тѣлосложенія онъ былъ вполнѣ крѣпкаго, роста высокаго, глаза имѣлъ быстрые, но небольшіе, носъ—орлиный, лицо морщинистое и красное; высокомѣрный въ обращеніи, съ крѣпкою памятью, онъ никогда не смѣялся, кромѣ какъ въ опасности и во время своихъ свирѣпствъ, такъ что находился въ наилучшемъ настроеніи духа каждый разъ, какъ устраивалъ омерзительное избіеніе людей. Умъ имѣлъ проницательный и быстрый; не зналъ мѣры, одинаково, ни въ ненависти, ни въ благосклонности, одинаково былъ жаденъ до славы, какъ и до богатствъ; гордости же былъ необычайной, до того, что требовалъ непремѣнно выучить слона преклонять передъ нимъ колѣни. Въ военное и мирное время предавался хвастовству и расточительности. Болѣе всего его потѣшали охота и борьба плѣнниковъ съ дикими звѣрями, и онъ полагалъ, что имѣетъ право терять время, проводя его за игральными картами, или шашками. Преступною страстью былъ до того обуреваемъ, что, говорятъ, даже будучи уже при смерти, пытался изнасиловать [1]), и постоянно пользовался чужими женами. Видъ же добродѣтели придавало ему то, что онъ самъ читалъ просьбы, выслушивалъ людей, даже низкаго состоянія, строго преслѣдовалъ чиновниковъ за бездѣйствіе и жестокость, являлся, по временамъ покровителемъ чужестранцевъ, которыхъ допускалъ во дворецъ, предоставляя имъ свободу вѣроисповѣданія и богослуженія, кромѣ Іудеевъ, которыхъ былъ непримиримымъ врагомъ. Бывъ женатымъ на семи женахъ, онъ оставилъ послѣ себя только двухъ сыновей, а именно, Федора или Θеодора, который и наслѣдовалъ ему, и Дмитрія, убитаго Борисомъ Годуновымъ, захватившимъ себѣ Царскую власть.

---

[1]) Ирину, жену сына Θеодора.

ГЛАВА 13.

О Θеодорѣ, Борисѣ, Θеодорѣ, Василіи и Лже-Дмитріяхъ.

Θеодоръ, или Федоръ, Ивановичъ принялъ бразды правленія государствомъ въ тотъ же годъ, какъ умеръ его отецъ. Къ нему вскорѣ, вслѣдствіе его простоты и неразумія, присоединился, въ качествѣ какъ бы новаго правителя и помощника, Борисъ Годуновъ, братъ Царицы, послѣ того, какъ былъ удаленъ Богданъ Бѣльскій, воспитатель царскихъ дѣтей (который также стремился къ царской власти, но неудачно). Годуновъ, пріобрѣтя темными (occultis) дѣлами любовь народа, устранилъ съ своего пути малолѣтняго Дмитрія, посредствомъ нѣкихъ измѣнниковъ, которыхъ однако, предалъ смерти, дабы не оставить какъ-нибудь слѣдовъ и свидѣтелей своего преступленія. Въ 1593 году онъ отнялъ у Шведовъ нѣсколько городовъ и крѣпостей въ Ливоніи. Въ 1597 году, незадолго до своей кончины, Θеодоръ предлагалъ многимъ Князьямъ, окружавшимъ его ложе, Царскій скипетръ, и всѣ отказывались. Борисъ же Годуновъ, простершись ницъ, принялъ его, страстно желая получить, хотя и притворялся, что отказывается, а съ нимъ и всю власть. Какъ я уже замѣтилъ, онъ постоянно притворялся не хотящимъ взять на себя это, но, наконецъ, принялъ по многочисленнымъ просьбамъ подданныхъ и дѣтей, бѣгавшихъ съ мольбами по улицамъ, по его же наущенію, въ 1597 году [1]), и сталъ править весьма хорошо, поклявшись предварительно въ томъ, что онъ, въ теченіе пяти лѣтъ, не прольетъ ни единой капли крови гражданъ. Кромѣ того, онъ рѣшилъ при себѣ вводить въ Россію науки, но ему въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ помѣшало сопротивленіе духовенства. Привлекши къ себѣ великолѣпными обѣщаніями Густава, сына Шведскаго короля, Ерика XIV, онъ лишилъ его всего царскаго убранства, когда тотъ отказался перемѣнить вѣру, ради брака съ дочерью Бориса, и удалилъ его отъ себя. Этотъ Густавъ, окончивъ впослѣдствіи, въ 1607 году, жизнь свою въ Россіи, былъ похороненъ въ какомъ-то лѣсу. Вслѣдствіе сего Борисъ, для скрѣпленія дружбы съ Христіаномъ IV, королемъ Датскимъ, вызвалъ къ себѣ его брата Іоанна, обѣщая ему, точно такъ-же, женитьбу на дочери своей Аксиньи (Axinia). Но и тотъ также, проживъ въ Москвѣ всего лишь шесть недѣль, скончался и былъ преданъ землѣ въ Нѣмецкой слободѣ, безъ всякихъ похоронныхъ торжествъ. Когда же Турки стали хлопотать о союзѣ съ Борисомъ, то онъ имъ послалъ камзолъ изъ свиной кожи и, шитый серебромъ (argenteum), мѣшокъ (marsupium), наполненный свинымъ пометомъ, вмѣстѣ съ открытымъ объявленіемъ вѣчной вражды.

---

[1]) Въ 1598 г.

Англичане и Голландцы снова получили отъ него, чрезъ пословъ своихъ, прежнее право свободной торговли. Въ 1601 году и въ двухъ послѣдующихъ, въ Россіи господствовалъ такой голодъ, что были вынуждены употреблять въ пищу человѣческое мясо, хотя Царь и запретилъ чужеземцамъ покупать хлѣбъ. За голодомъ непосредственно послѣдовала смертоноснѣйшая чума, болѣзнь необычайная въ сѣверныхъ странахъ, вмѣстѣ съ другими карами разгнѣваннаго Неба. А въ 1606 году умеръ и самъ Борисъ, безъ всякой предсмертной болѣзни, какъ подозрѣваютъ, отъ яда, принятаго имъ самимъ, въ самый разгаръ смутъ, возбужденныхъ Лжедмитріемъ.

Ѳеодоръ, или Федоръ, Борисовичъ былъ Царемъ только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Губительнѣйшая для всей Россіи шайка Дмитріевъ дерзкая и сильная духомъ и людьми, подославъ къ нему убійцъ сразу лишила его, внезапно, и власти и жизни, несмотря на то, что подданные уже поклялись ему въ вѣрности, и что уже былъ назначенъ день, когда онъ долженъ былъ возложить на себя царскій вѣнецъ и прочее священное царское одѣяніе. Итакъ, Дмитрій первый (послѣ настоящаго Дмитрія, давно ужъ убитаго), принявъ на себя званіе Царя и, еще при Борисѣ, начавъ заводить смуты, будучи наученъ нѣкимъ Русскимъ монахомъ, враждебно относившимся къ Борису Ѳеодоровичу, по необычайному стеченію обстоятельствъ сталъ считаться Царемъ, что произошло, главнымъ образомъ, благодаря стараніямъ и помощи Кіевскаго воеводы (palatini), у котораго онъ былъ въ услуженіи и которому онъ открылъ вымышленное свое происхожденіе, будучи обиженъ пощечиною, полученною отъ своего господина. Мало того, самъ король Польскій Сигизмундъ и воевода Сендомирскій (на дочери коего, Маріи Георгіевнѣ (Gorgonam), Дмитрій, въ 1606 году, женился и которой онъ торжественно поклялся обратить Русскихъ въ католическую вѣру) въ значительной степени поспособствовали этому дѣлу. Въ 1606 году, іюня 10 дня, этотъ Дмитрій, или, вѣрнѣе, Гришка Отрепьевъ,—таково было его настоящее имя,—родомъ изъ Валахіи (а не изъ Италіи, какъ это нѣкоторые, неосновательно, полагали), обладающій прекрасною осанкою и краснорѣчіемъ, вошелъ съ чрезвычайной пышностью, и привѣтствуемый народомъ, въ Москву, разбивъ войско Бориса. Засимъ, осквернивъ гнуснымъ любодѣяніемъ дочь Бориса, Аксинью, заключилъ ее въ монастырь, а мнимую мать свою возвелъ изъ ея уединенія на престолъ и, отправивъ прежде сего несмѣтныя сокровища въ Польшу, получилъ чрезъ пословъ Анну Марію, дочь Сендомірскаго воеводы, обѣщанную ему въ жены. Но какъ все ложное не бываетъ долговѣчно, то и Дмитрій, самъ себя выдавая и губя, началъ жить совершенно несогласно съ обычаями Русскихъ, вслѣдствіе чего у его подданныхъ явилось сильное подозрѣніе,

не чужестранецъ ли онъ, быть-можетъ. Такъ, онъ наслаждался музыкой во время обѣда, вскакивалъ безъ всякой посторонней помощи на необъѣзженныхъ коней, совершенно необычно занимался дѣлами въ полдень, когда всѣ предавались сну, весьма часто уѣзжалъ на охоту, крайне рѣдко творилъ крестное знаменіе въ ежедневныхъ службахъ и ввелъ много другихъ новшествъ для Русскихъ. Вслѣдствіе сего князья Шуйскіе, главнымъ образомъ, вмѣстѣ съ другими, справедливо предприняли составить заговоръ противъ сего тирана, при помощи Василія Ивановича [1]), участника въ его Дмитрія замыслахъ и раскрывшаго предъ ними его хитрыя выдумки. Старшій между Шуйскими, онъ подвергся, когда его замыслы были открыты, тяжелой пыткѣ, однако оставленъ въ живыхъ. Вскорѣ послѣ сего, онъ, ради освобожденія отечества и отмщенія за причиненное ему безчестіе, возобновилъ свои навѣты, и рано, на разсвѣтѣ, по знаку, данному колоколомъ, бросился, схвативъ оружіе, въ Кремль и окончательно добилъ Дмитрія, котораго и сама мать отказалась признать своимъ сыномъ, и уже полуживаго, вслѣдствіе какого-то паденія, въ первый же годъ его царствованія, и выставилъ тѣло убитаго на трехдневный, отвратительный показъ, при чемъ были убиты многіе Поляки, и только отцу Марины и царскимъ посламъ было разрѣшено возвратиться къ себѣ. Такова, поистинѣ, всегда была роковая награда за нечестивыя дѣла—кратковременное наслажденіе и вѣчный позоръ. Марина Георгіевна же (Maria Gorgona), спасшаяся подъ юбками своей дворцовой управительницы и заключенная въ монастырь, впослѣдствіи вышла замужъ за Лжедмитрія третьяго, который причинилъ тоже не мало смутъ, а затѣмъ, за нѣкоего Поляка, Заруцкаго, и, въ концѣ концовъ, умерла въ наигрязнѣйшей тюрьмѣ.

Итакъ, въ этомъ же году, Василій Ивановичъ Шуйскій, по выбору всей Россіи, принявъ Царскую власть, велѣлъ вырыть трупъ Дмитрія и сжечь его, внѣ города, рукою палача, при чемъ всенародно были объявлены его вины: что онъ, дѣйствительно, былъ бѣглый монахъ, волшебникъ, еретикъ, обманнымъ образомъ захватившій себѣ власть. Послѣ сего, Григорій Шаховскій (Schakopski) бѣжалъ съ Царскою печатью и, утверждая, что первый Дмитрій и понынѣ еще живетъ въ Польшѣ, снова возбудилъ сильныя волненія. Мало того, когда этотъ первый обманъ былъ обнаруженъ, то онъ выдумалъ снова еще другого Дмитрія, котораго весьма сильно поддерживали Петръ Ѳеодоровичъ, незаконный сынъ Ѳеодора Іоанновича [2]) шатающійся между казаками, и Поляки. Они измышленнаго третьяго Дмитрія, иначе на-

[1]) У Рейтенфельса ошибочно „Михайловича".

[2]) Такихъ было нѣсколько, перечисленныхъ у Соловьева—Исторія Россіи, т. VIII, гл. 4.

зываемаго Іоанномъ, супруга Марины, бывшаго до сего школьнымъ учителемъ въ Польшѣ, привели къ Россійской границѣ (въ то время, когда вся Московія была терзаема внутренними и внѣшними войнами), дабы съ бо́льшимъ успѣхомъ, на чужую отвѣтственность, выполнять собственные замыслы. Въ это время король Шведскій, Карлъ IX, предложилъ Мосхамъ помощь противъ Поляковъ, пославъ ради сего Петра Петрея [1]), выдающагося между прочимъ, составителя описанія Русскаго государства. Русскіе же, хотя сперва и отказались, въ 1609 г., однако усиленно просили о ней, и Яковъ Делагарди пришелъ съ войскомъ въ 5.000 человѣкъ. Съ этимъ небольшимъ войскомъ онъ овладѣлъ громаднымъ Новгородомъ, когда Мосхи отказались было платить обѣщанное жалованье, и держалъ его въ подчиненіи у своего короля до тѣхъ поръ, пока дѣло это не уладилось заключеніемъ мира. Межъ тѣмъ, когда Василій, ничѣмъ не успокоивая народъ, волнующійся вслѣдствіе раздоровъ, отправился въ монастырь, препоручивъ заботу о государствѣ Θеодору Мстиславскому, король польскій Сигизмундъ занялъ Смоленскъ. Дмитрій третій же, послѣ многихъ пораженій со стороны Мосховъ и осады Москвы, бѣжалъ къ Татарамъ и былъ тамъ измѣннически убитъ въ то время, какъ пировалъ и плясалъ съ ними, пронзенный выстрѣломъ изъ фузеи (bombardae ictu). Послѣ его смерти многіе присягнули и пристали къ Лжедмитрію четвертому, возбудившему смуты въ Западной Россіи, а вскорѣ послѣ сего, къ Лжедмитрію пятому, сыну Марины, изъ коихъ первый, нигдѣ не имѣвшій никакого успѣха, умеръ внезапно: неизвѣстнаго происхожденія, изгнанный изъ Пскова, онъ, садясь на коня, былъ пронзенъ копьемъ и погибъ. Большинство тогда избрало Русскимъ Царемъ Владислава, сына короля Сигизмунда, въ то время еще несовершеннолѣтняго, но потомъ внезапно раскаялось въ этомъ рѣшеніи, стоившемъ имъ много крови, когда они, подъ предводительствомъ патріарха Гермогена, Заруцкаго и Ляпунова, излюбленныхъ вождей народа, стали изгонять Поляковъ изъ Москвы. Но если въ 1610 году Мосхи, возбуждающимъ сожалѣніе образомъ, опустошили огнемъ и мечомъ Вильну, столицу Литвы, то и Поляки также, кромѣ похищенія громадныхъ сокровищъ, столь кровопролитно отмстили имъ, что въ 1612 году Русскіе рѣшили отправить пословъ къ императору Матвѣю, дабы, чрезъ его посредничество, Поляки перестали бы тревожить нападеніями Россію, не имѣющую вождя. Наконецъ, былъ извлеченъ изъ убѣжища своего и переданъ Сигизмунду, въ качествѣ плѣнника, и Василій Ивановичъ Шуйскій, который вскорѣ былъ схороненъ въ полѣ, близъ Гостининскаго замка [2]) (arx

[1]) Де Ерлезунда. Русскій переводъ его сочиненія, см. въ „Чтеніяхъ" 1865—67 г.

[2]) Гостынинъ — нынѣ уѣздный городъ Варшавской губ., на р. Скрвѣ, притокѣ Вислы. Изъ развалинъ замка, гдѣ былъ заключенъ Шуйскій, выстроена евангелическая церковь. Подробности о плѣнѣ Шуйскихъ, ихъ смерти, похоронахъ см. въ книгѣ Либровича — „Царь въ плѣну". Спб. 1901 г., и др.

Gossinensis), но, по окончаніи войны, его бренные останки были почтены въ Варшавѣ памятникомъ отъ государства, а, немного времени спустя, увезены въ Москву. — Другіе призывали къ себѣ Карла Филиппа, брата Шведскаго короля Густава Адольфа, который, однако, не довѣряя постоянству Мосховъ, добровольно самъ отказался отъ посягательствъ на царство. Наконецъ, Дмитрій шестой, по порядку, бывшій когда-то писцомъ при дворѣ, сталъ было волновать Московское государство, выдавая себя за Дмитрія Шуйскаго, но онъ, въ самомъ началѣ царствованія Михаила Θеодоровича, понесъ достойное своему преступленію наказаніе, бывъ преданъ позорной казни. И вотъ краткій очеркъ исторіи о Дмитріяхъ, не мало, впрочемъ, поистинѣ, запутанной туманными противорѣчіями и мелкими подробностями.

ГЛАВА 14.

О Михаилѣ Θеодоровичѣ.

Михаилъ Θеодоровичъ, изъ древняго рода Романовыхъ, черкесскихъ князей, отпрыскъ знатнаго происхожденія, уже прославившійся военною доблестью, былъ единодушно избранъ править государствомъ въ 1615 или, по русскому лѣтосчисленію, въ 7123 году [1]), отъ сотворенія міра, изъ подъ самаго плаща матери, укрывшей его, изъ опасенія, въ монастырѣ города Костромы, главнымъ образомъ, стараніями Трубецкаго, Пожарскаго и казаковъ, а также, въ значительной степени, по совѣту нѣкоего псковитянина, коему, впослѣдствіи, признательный Князь поручилъ должность сборщика податей. Въ этомъ мужѣ Псковъ, кажется, вѣщимъ образомъ, проявилъ древнюю доблесть мудраго Гостомысла, который нѣкогда удачно посовѣтовалъ избрать варяговъ въ Русскіе Князья. Съ благоразумной осторожностью избѣгалъ юный Михаилъ до этого всѣхъ почестей, которыя на каждомъ шагу встрѣчались ему повсюду въ изобиліи. Ибо, удалясь въ отдаленныя мѣста, онъ не только великодушно отклонилъ просьбы бояръ, но даже расчистилъ себѣ путь къ отступленію мечомъ, когда казаки пытались какъ бы нѣкіимъ, пріятнымъ насиліемъ заставить его принять скипетръ, причемъ убилъ многихъ изъ нихъ. Отецъ сего новаго Царя, Θеодоръ Никитичъ [2]) Романовъ былъ однимъ изъ главныхъ пра-

[1]) Въ 1613 г.

[2]) У Рейтенфельса ошибочно „Николаевичъ".

вителей (ministros), какъ ихъ называютъ, государства, который, съѣздивъ удачно посломъ въ Польшу, принялъ, по избраніи сына въ Великіе Князья, имя Филарета и прославился подъ патріаршимъ клобукомъ. Михаилъ, прежде всего, немедленно отправилъ пословъ къ Имп. Матвѣю, дабы скрѣпить старый дружественный союзъ договоромъ о новомъ оказаніи помощи. Благодаря его заботамъ о мирѣ, удачно заключенномъ съ сосѣдями, Москва, какъ бы мертвая до сего, казалось, вновь ожила. Ибо, дѣйствительно, никто кромѣ Михаила, доблестнѣйшаго Князя, и, какъ бы, новаго основателя, не былъ бы въ состояніи возстановить утомленное и почти погибающее, подъ игомъ столь многихъ золъ, государство; какъ въ частной жизни своей онъ держалъ себя въ высшей степени похвально, такъ и, ставъ во главѣ всего государства, онъ поддержалъ прежнюю добрую о себѣ славу. Хотя и видѣлъ онъ себя взнесеннымъ превыше всѣхъ людей, тѣмъ не менѣе, сердце его всегда питало любовь къ низшимъ, такъ что онъ, подавляя въ себѣ великодушно всякую гордыню, считалъ, что для созиданія Царя, нужны тѣ же элементы[1]), какіе нужны для хорошаго человѣка вообще. Перво наперво онъ всенародно предалъ достойной казни послѣдняго Дмитрія, называвшагося собственно Тимошкою Анкундиновымъ. Этотъ Дмитрій, въ то время, какъ всѣ были на сторонѣ Михаила, убѣжалъ, не находя себѣ никакого дѣла въ Россіи, сперва въ Польшу, затѣмъ, въ скоромъ времени, въ Константинополь, гдѣ принялъ даже обрѣзаніе, какъ оно производится у турокъ,—отсюда въ Римъ, гдѣ сдѣлался католикомъ, и, наконецъ,—въ Виттенбергъ, гдѣ сталъ лютераниномъ. Выданный, наконецъ, Голштинскимъ герцогомъ московскому послу и привезенный въ Москву, онъ былъ битъ кнутомъ, удавленъ веревкою, а трупъ разрубленъ на пять частей послѣ того, какъ его продержали нѣсколько времени закованнымъ въ цѣпяхъ, на воротахъ Царскаго дворца, какъ бы на позорномъ нѣкоемъ сѣдалищѣ, напоказъ всѣмъ. Польскія войска Михаилъ мужественно отразилъ; такъ какъ до сего Русскіе колебались въ своемъ выборѣ, то они, будучи высланы впередъ Владиславомъ, уже обложили городъ и ждали прибытія короля. Михаилъ же, освободивъ сперва городъ, вытѣснилъ ихъ также и изъ Кремля и, наконецъ, совсѣмъ изъ Россіи, заключивъ, впрочемъ, съ ними договоръ. Говорятъ, Поляки тогда разграбили всю казну Московскаго Царя и захватили съ собою Царскую корону, какъ говоритъ нѣкто, что, кажется, не совсѣмъ похоже на истину, такъ какъ Полякамъ было предоставлено уйти не иначе, какъ съ позволенія Русскихъ изъ Кремля и изъ страны, гдѣ вещь, столь важная для Русскихъ въ то время, была бы въ пренебреженіи. Была война и со Шведами, но вскорѣ, въ 1618 году, послѣдовалъ благотворный миръ. Въ 1631 году, незадолго до заключенія новаго мира съ Поляками, Михаилъ отправилъ въ Польшу посла, который потребовалъ отъ государственныхъ чиновъ (короля у нихъ въ то время не было) не обнажая головы, возвращенія Смоленска, съ суровыми угрозами и готовый вручить имъ, въ случаѣ отказа, обнаженную саблю, въ знакъ объявленія войны. Въ это же время пріѣзжали въ Москву и Персію Голштинскіе послы и съ ними знаменитый Олеарій, съ цѣлью открыть новые торговые пути. Въ 1633 году, Владиславъ Четвертый, снова начавъ войну, отнялъ у Московъ многіе города и тѣснилъ Смоленскъ долгою осадою, а въ 1645 году (въ которомъ онъ получилъ отъ шаха персидскаго великолѣпнѣйшіе подарки въ знакъ дружбы и заключилъ съ нимъ союзъ) Михаилъ, Государь, о которомъ всѣ весьма сожалѣли, скончался.

[1]) Въ подлинникѣ собственно „смѣсь" (massa), или, болѣе русское „тѣсто".

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Дворъ и нынѣшнее правленіе.

ГЛАВА 1.

Объ Алексѣѣ Михайловичѣ, нынѣшнемъ Царѣ Русскихъ.

Алексѣй Михайловичъ, нынѣ благополучно царствующій, принялъ бразды правленія послѣ смерти достохвальнаго отца своего, въ 1645 году, юношею 16 едва лѣтъ отъ роду. Такъ какъ его дѣянія еще свѣжи въ нашей памяти, то я коснусь ихъ лишь кратко и въ общихъ чертахъ. Кромѣ разныхъ обременительныхъ войнъ со Шведами, Поляками, Казаками, Татарами и Турками, противъ него происходили и опасныя возстанія. Наиболѣе замѣчательны изъ нихъ—два: одно въ городѣ Конотопѣ, которое, впрочемъ, было подавлено, главнымъ образомъ, нѣмецкими солдатами; другое — необузданное (effrenata) возстаніе московскихъ жителей, вызванное чрезмѣрнымъ своеволіемъ (licentia) бояръ и судей (Boiharorum et judicum), Морозова, главнымъ образомъ, по отношеніи къ людямъ низшаго сословія, но и это возстаніе было погашено почти въ самомъ началѣ его. Въ послѣднее время, наконецъ, Степанъ Разинъ, съ своею шайкою, доставилъ Московскому Царству не мало хлопотъ. Въ 1647 году Алексѣй сочетался бракомъ съ дочерью боярина Иліи Даниловича[1]), межъ тѣмъ, какъ на сестрѣ ея женился бояринъ Морозовъ, управлявшій до сего дворцомъ Царя (aulae magister). Но, послѣ смерти первой супруги, въ 1671 году, Алексѣй, съ Божьяго благословенія и по общему желанію, вступилъ во второй, счастливый и плодотворный бракъ съ Натальей Кирилловной, дочерью Кирилла Полуэктовича[2]),

[1]) Милославскаго.
[2]) Нарышкина.

смоленскаго боярина и войсковаго тысяцкаго (tribuni militum), котораго онъ, впослѣдствіи, какъ тестя своего, удостоилъ перваго мѣста между боярами. Въ разное время отправлялъ онъ посольства, чрезвычайно пышныя и прославившія имя его, не только ко всѣмъ христіанскимъ государямъ Европы, но даже и въ Азію, къ Персамъ, Татарамъ и Китайцамъ, и, въ свою очередь, принималъ таковыя же отъ чужеземныхъ правителей. Въ 1672 году, въ Москву прибыло польское посольство, чрезвычайно блестящее и поражающее взоры свитою въ 400 человѣкъ и великолѣпными дарами, присланное королемъ Михаиломъ. Чтобы проводить это посольство въ городъ было выставлено болѣе 16,000 отборнѣйшей конницы и пѣхоты, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ пути, покрытаго снѣгомъ (это происходило зимою), на протяженіи двухъ милліаріевъ. Для усиленія великолѣпія, къ нимъ были еще присоединены бояре и московское знатное дворянство, красовавшіеся въ пышныхъ азіятскихъ одеждахъ, роскошно украшенныхъ (сказать бы, войско Дарія). Эта красивая картина блестящаго торжества неудержимо привлекала взоры всѣхъ. Послы эти пробыли пять мѣсяцевъ въ Москвѣ, на щедромъ иждивеніи Царя, при чемъ съ ними обращались истинно по-царски, а, при отъѣздѣ, и съ той и съ другой стороны, были розданы обильные дары, не говоря уже о весьма частыхъ почестяхъ, оказанныхъ имъ каждый разъ, какъ они допускались къ Царю. Между прочими членами посольства, находился благородный г. Геркулесъ Цани, родомъ изъ древнѣйшей, ученѣйшей, и богатѣйшей Болонской семьи, котораго Царь крайне щедро одарилъ, по особой къ нему милости, когда узналъ, что онъ—итальянецъ и изъѣздилъ, неустанно путешествуя, всю Европу. Я узналъ его, какъ мужа, настолько выдающагося своимъ происхожденіемъ, ученостью, опытностью, человѣколюбіемъ и щедростью, что счелъ бы за несправедливость и за грѣхъ, не объявить объ этомъ открыто, во всеобщее вѣдѣніе.

Росту Алексѣй, впрочемъ, средняго, съ нѣсколько полнымъ тѣломъ и лицомъ, бѣлъ и румянъ, цвѣтъ волосъ у него средній между чернымъ и рыжимъ, глаза голубые, походка важная, и выраженіе лица таково, что въ немъ видна строгость и милость, вслѣдствіе чего онъ, обыкновенно, внушаетъ всѣмъ надежду, а страха—никому и нисколько.

Нрава же онъ самаго выдержаннаго и, поистинѣ, приличествующаго столь великому Государю: всегда серьезенъ, великодушенъ, милостивъ, цѣломудренъ, набоженъ и весьма свѣдущъ въ искусствѣ управленія, а также въ совершенствѣ знаетъ выгоды и планы чужеземцевъ. При этомъ онъ не мало времени посвящаетъ чтенію книгъ (насколько это возможно при отсутствіи у нихъ литературы) и из-

ученію наукъ, касающихся природы и политики. Бо́льшую часть дня онъ удѣляетъ совѣщанію о государственныхъ дѣлахъ, не малую также размышленію о вопросахъ вѣры и богослуженія, часто вставая даже по ночамъ для воздаванія Богу хвалы по псалтири царя Давида. Довольно рѣдко выѣзжаетъ онъ на охоту въ помѣстья (praedia), т.-е. загородные дворцы (palatia campestria). Посты онъ соблюдаетъ строже, чѣмъ кто-либо, а постъ сорокадневный, передъ Пасхой, онъ строжайше соблюдаетъ, добровольно воздерживаясь отъ употребленія даже вина и рыбы. Отъ всякихъ напитковъ, а, въ особенности, водки, онъ такъ воздержанъ, что не допускаетъ бесѣдовать съ собою того, кто выпилъ этой водки. Въ военномъ дѣлѣ онъ свѣдущъ и неустрашимъ, однако предпочитаетъ милостиво пользоваться побѣдами, нежели учить враговъ миру жестокими мѣрами. Особенно онъ явилъ себя достойнымъ славы великодушія во время войны съ Ливонцами, когда онъ обложилъ стѣны Риги осадою. Онъ занимается и благотворительностью и щедро одѣляетъ нищихъ, коимъ, не только почти ежедневно, собравъ ихъ толпу около себя, подаетъ обильную милостыню, а наканунѣ Рождества Христова посѣщаетъ заключенныхъ въ темницахъ и раздаетъ имъ деньги. Иностранцамъ, состоящимъ за жалованье на военной службѣ, либо пріѣхавшимъ въ Московію, для исполненія какой-либо иной Царской службы, онъ щедро даритъ, какъ бы въ залогъ своей милости, платья, коней и иные подарки, а также предоставляетъ имъ, движимый все тою же добротою души, болѣе свободы, нежели прежде, въ сношеніяхъ съ Мосхами. Это—Государь доблестнѣйшій и справедливѣйшій, равнаго которому имѣютъ немногіе христіанскіе народы, всѣ же, по справедливости, желаютъ имѣть.

Кромѣ того, Алексѣй такъ преданъ набожному образу жизни, что съ нимъ постоянно духовникъ, безъ разрѣшенія котораго, онъ не посѣщаетъ даже никакихъ игръ или зрѣлищъ. По внушенію послѣдняго, и при содѣйствіи также покойной Царицы, онъ велѣлъ вынести дорогіе, прекрасной работы, органы, находившіеся въ главной церкви Кремля, и удалить, вообще, всякую музыку изъ храмовъ. Въ 1640 г. онъ, съ цѣлью показать свою щедрость патріарху Іерусалимскому, подарилъ ему 100.000 рублей, или венгерскихъ червонцевъ, за частицу Святаго Креста, въ видѣ отдарка за столь цѣнный подарокъ, при чемъ пообѣщалъ, согласно обычаю предковъ, постоянную защиту и помощь, насколько это ему будетъ возможно, православнымъ христіанамъ на Востокѣ, хотя иногда выражаетъ страстное желаніе присоединиться къ св. католической церкви. Сердечной доброты — дабы увѣнчать какъ бы драгоцѣннымъ камнемъ, перечень его хорошихъ качествъ—въ немъ столько, что онъ строжайше требуетъ ея также и

отъ другихъ. Поэтому, когда нѣкій Грузинскій князь, проживающій изгнанникомъ, съ матерью своею, въ Москвѣ, приказалъ урѣзать нѣкоторымъ изъ слугъ своихъ уши и носъ, за оскверненіе придворныхъ дѣвицъ, то Алексѣй, по справедливости, страшно негодуя за отвратительный поступокъ, однако выразилъ, чрезъ посла, строгое порицаніе своему гостю за такую жестокость, прибавивъ къ тому еще, что если онъ и въ будущемъ намѣренъ проявлять такой нравъ, то чтобы онъ отправлялся къ себѣ въ Грузію, или выбиралъ бы себѣ другое пристанище, ибо онъ, Алексѣй, никоимъ образомъ не можетъ допустить его жестокостей въ Московіи.

Но, о горе! Въ то самое время, какъ я готовился обнародовать вышесказанное, мнѣ приносятъ печальныя вѣсти о томъ, что Алексѣй, сей несравненный Государь, достойный всякой похвалы за свою набожность, мудрость, справедливость и высшія свои качества, сего 1676 года, 29 января, послѣ девятидневной болѣзни, къ лютѣйшему прискорбію всей Московіи, скончался, проживъ 55 лѣтъ. За нѣсколько часовъ до смерти, онъ, говорятъ, по достопамятному великодушію своему, простилъ всѣмъ своимъ должникамъ нѣсколько тоннъ [1]) золота и приказалъ освободить изъ темницъ 300 осужденныхъ на смертную казнь за уголовныя преступленія и раздать изъ Царской казны 6000 венгерскихъ червонцевъ нищимъ, въ видѣ милостыни—посѣва для жатвы въ будущей жизни. Ему наслѣдовалъ сынъ Федоръ, или Θеодоръ, Алексѣевичъ, Государь, на котораго возлагаютъ большія надежды, такъ какъ онъ не только унаслѣдовалъ преемственнымъ образомъ всѣ добродѣтели великаго своего родителя, но, повидимому, получилъ превосходное тщательное воспитаніе и основательно изучилъ государственныя науки. Дабы подданные скорѣе присягнули ему, самъ Алексѣй, умирая, потребовалъ отъ присутствующихъ бояръ, чтобы они, тутъ же, поклялись Θеодору въ вѣрности.

ГЛАВА 2.

О государственномъ гербѣ и о титулѣ Царя.

Титулъ и гербъ Царя настолько же были многими, до сей поры, различно описаны, насколько и невѣрно другими поняты.

Въ древнія времена, Русскіе, равно какъ и прочіе скиѳскіе, Князья употребляли изображеніе лука и стрѣлы, вмѣсто герба, а также и плуга, какъ предметовъ священныхъ для нихъ. По принятіи же христіанства, гербомъ имъ служили три кружка, заключен-

---

[1]) Тонна, корабельный вѣсъ=2000 фунт.

ные въ треугольникѣ. Въ первомъ кружкѣ было написано: „Богъ нашъ Троица, прежде всѣхъ вѣковъ бывшая, Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, но не три Бога, а одинъ по существу“, во второмъ—почетныя прозванія того князя, которому назначалась грамота, въ третьемъ —титулъ самого Царя. Когда, съ теченіемъ времени этимъ гербомъ перестали пользоваться, Русскіе, особенно послѣ завоеванія Литвы, взяли себѣ за гербъ всадника, поражающаго дракона копьемъ. Весьма правдоподобно, однако, повидимому, то, что Русскіе пользовались этимъ гербомъ и гораздо раньше, ибо, говорятъ, многіе другіе сѣверные народы пользовались имъ также. Наконецъ, въ 1540 году, Иванъ Васильевичъ, надменно производя свой родъ отъ самого Августа, впервые избралъ гербомъ двуглаваго (geminem) орла съ распростертыми крыльями. Двуглавый орелъ этотъ увѣнчанъ двумя коронами такъ, что между ними, посреди, возвышается третья, а на груди его находится на конѣ Св. Георгій, поражающій копьемъ дракона. Этотъ государственный гербъ употребляется и понынѣ.

Что же касается исторіи о титулѣ, то старинная простота нравовъ относилась къ нему съ, достойнымъ похвалы, пренебреженіемъ, въ настоящее же время, при теперешнихъ сношеніяхъ, о немъ тщательно заботятся. Въ древнія времена, народы, болѣе суровые, предпочитали блистать скорѣе личными качествами и славными дѣяніями, нежели ничего не значащими прозваніями. Изъ Русскихъ Князей, и донынѣ именующихъ себя Князьями или Великими Князьями, Владиміръ Святославичъ сталъ первый называться Царемъ, т.-е. Правителемъ (Rex) и Обладателемъ (Dominus), всей Россіи. Московиты, по этому, стараются доказать, по лѣтописнымъ своимъ свидѣтельствамъ, что они это прозваніе „Царя“ получили отъ греческихъ императоровъ. Когда же это прозваніе, нѣкоторое время, находилось какъ бы въ забвеніи, то Даніилъ Романовичъ, считая титулъ Великаго Князя ниже своего достоинства, принялъ отъ римскаго Первосвященника, принявъ и латинскіе обряды, титулъ короля, въ 1246 г. [1]).

Тотъ пространный титулъ, которымъ пользуются нынѣшніе Цари, возникъ при Иванѣ Васильевичѣ, около 1520 г. Полагаю, что это нисколько не будетъ отступленіемъ отъ, принятаго мною, плана, если я здѣсь, приведу на образецъ его: „Божіею, въ Троицѣ славимаго, милостью, Великій Обладатель, Царь и Великій Князь Федоръ, или, Θеодоръ, Алексѣевичъ, Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, Царь Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій, Великій Князь Смоленскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій, и иныхъ земель Обладатель, и Великій Князь Нижегородскій, Черниговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій [1]), Удорскій, Обдорскій, Кандинскій и всего Сѣвернаго побережья Повелитель, Обладатель Иверіи, Царь Карталиніи, Грузіи, Кабардинскій, Черкасскій, и Горскихъ Князей и многихъ, другихъ странъ и земель на Востокѣ, Западѣ и на Сѣверѣ, Отчичъ, Дѣдичъ и Наслѣдникъ, Государь и Обладатель“. Этотъ блестящій перечень названій въ титулѣ таковъ, что въ немъ встрѣчаются нѣкоторыя слова, изъясняющія величіе Царя, но которыя у насъ не употребляются. Таковы: Государь (Asudar), т.-е. Великій Повелитель, Обладатель, т.-е. содержащій подъ своей властью, Самодержецъ или Единодержавецъ, т.-е. охранитель (conservator) и защитникъ (defensor), не нуждающійся въ посторонней помощи, Великій Князь и Повелитель, т.-е. Императоръ. Послѣднее, впрочемъ, не означаетъ какого-либо высшаго и единоличнаго властителя надъ земнымъ шаромъ, а имѣющаго власть, у себя, въ государствѣ, самовольно распоряжаться и приказывать. Поэтому Русскіе называютъ императора надъ христіанами также Кесаремъ. Нѣкогда Московскій Царь прозывался нѣкоторыми „Бѣлымъ Царемъ“, такъ какъ подданные его, въ Бѣлоруссіи, носятъ, преимущественно, бѣлую одежду и бѣлыя шапки. Многіе ошибочно полагаютъ, что „Царь“ означаетъ „Кесарь“, но, до сей поры, Русскіе никогда не утверждали этого: ибо имъ извѣстно, что на ихъ языкѣ слова „Кесарь“ и „Царь“ значатъ совершенно разное. Поэтому, гдѣ въ Св. Писаніи различаются императоръ и король, то Московиты, въ Библіи, на русскомъ языкѣ, называютъ императора — Кесаремъ, а короля—Царемъ. Такъ они постоянно называютъ Давида, Соломона и прочихъ королей изъ Священной Исторіи—Царями. Это же слово „Царь“, повидимому, принадлежитъ древне-скиѳскому, или даже арамейскому, языку, который сохранился и общеупотребителенъ и понынѣ у Татаръ, но нѣсколько измѣненный. Отъ нихъ то это слово и перешло къ Русскимъ. На первоначальномъ языкѣ страны „Царь“ обозначало не болѣе, какъ „владѣлецъ“ и выраженія „Тюменскій царь, Китайскій царь“ и т. д. и понынѣ встрѣчаются за Волгою.

Поляки, не соглашавшіеся въ 1551 году, признать за Московомъ, титулъ Царя, главнымъ образомъ, опирались на тотъ доводъ, что, дескать, такъ именуются и варварскіе, татарскіе князья, и говорили, что они поступятъ не согласно съ достоинствомъ христіанъ, если будутъ воздавать ему одинаковыя, какъ у варваровъ, почести. Но, чрезъ нѣсколько лѣтъ, какъ языческіе, такъ и почти всѣ христіанскіе, государи, и даже самъ Римскій Императоръ стали удостоивать Великаго

[1]) См. стр. 54.

[1]) Въ подлинникѣ описка „Бѣлоцерковскій (Bialocerkvae).

Князя Московскаго этимъ названіемъ. Одинъ лишь Первосвященникъ Римскій, по прибытіи къ нему, въ 1673 году, Московскаго посла, отзался сдѣлать это въ своихъ отвѣтныхъ грамотахъ и вполнѣ справедливо, такъ какъ Русскіе назвали Папу (Papam) лишь „Учителемъ", т.-е. ученымъ (Uzitel sive Doctoris nomine), хотя они и объяснили, конечно ради только отговорки, это тѣмъ, что имъ неизвѣстенъ папскій титулъ. Впрочемъ, у іезуита Альберта Віюка Кояловича, во второй части Литовской исторіи, Московскіе послы утверждаютъ, будто Папа Климентъ и императоръ Максимиліанъ, не отказывали ихъ Царю въ этомъ титулѣ. Какъ бы ни было, но титулъ Царя слѣдуетъ признать въ высшей степени подходящимъ къ величію и могуществу Московита, ибо столь многія и столь великія страны, коихъ онъ себя называетъ Царемъ и Обладателемъ, отнятыя по неоспоримому праву войны у язычниковъ, онъ, дѣйствительно, держитъ подъ своей властью. Въ самомъ дѣлѣ! Если мы награждаемъ злѣйшихъ враговъ христіанства, только по причинѣ ихъ сильнаго могущества, и королями и императорами и еще, Богъ вѣсть, какими длинными титулами, то почему же не пользоваться Московскому королю, т.-е. Царю, тѣмъ почетнымъ титуломъ, который онъ себѣ пріобрѣлъ кровью? Не можетъ быть даже и подозрѣнія въ томъ, что они желаютъ себѣ титулъ „Царя" какъ нѣчто бóльшее, нежели „Король", ибо Русскіе называютъ всѣхъ иностранныхъ европейскихъ государей не Царями, а, взятымъ отъ Поляковъ, именемъ—Короля. Такъ, Витовтъ, Великій Князь Литовскій, не задумался провозгласить, въ 1418 году, Тахтана, начальника татарской конницы, возложивъ ему на голову шапку, украшенную жемчугами, Царемъ, хотя совершенно былъ чуждъ ему и по языку, и по происхожденію, и по вѣрѣ. А Русскіе, вслѣдствіе того, что имѣли больше сношеній съ азіатскими правителями, нежели чѣмъ съ европейскими, и называли первыхъ, согласно ихъ языку, Царями, а вторыхъ, заимствованнымъ у Поляковъ именемъ, Король, безъ всякаго умысла. Но такъ какъ тутъ, пожалуй, мнѣ скажутъ: „довольно" [1]), то я заявляю, что я не въ состояніи разобраться въ этихъ спорныхъ вопросахъ.

ГЛАВА 3.

Объ обрядѣ вѣнчанія на Царство.

Въ обширнѣйшемъ храмѣ, воздвигнутомъ въ честь Преблаженной Богоравной Дѣвы, и возвышающемся при Царскомъ Дворцѣ, но-

[1]) Здѣсь въ подлинникѣ стоитъ выраженіе „manum de tabula" т.-е., буквально „прочь руку отъ картины", т. е. „довольно", свидѣтельствующее о высокой степени образованія автора и его начитанности.

вый Царь Московъ вѣнчался на Царство, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: послѣ того какъ къ этому священнодѣйствію собрались въ большомъ количествѣ, какъ будто на народное собраніе, все духовенство, вельможи, дворянство и воинскіе начальники, а также и именитѣйшіе горожане, то на великолѣпно устроенномъ возвышеніи поставили три кресла въ рядъ. На первомъ, серебряномъ и разукрашенномъ золотомъ, сѣлъ будущій наслѣдникъ царства, одѣтый, по обычаю страны, въ длинное одѣяніе, разукрашенное золотомъ и драгоцѣнными камнями. Рядомъ съ нимъ, второе занялъ Патріархъ, которому предстояло совершить обрядъ. На третьемъ были приготовлены: знаменитая шапка, унизанная кругомъ драгоцѣнными камнями, громадная золотая цѣпь и княжескій поясъ (cingulum ducale), съ прибавленіемъ къ нимъ, золотой короны и Царской златотканной порфиры, тяжелой отъ дорогихъ жемчуговъ. Почти всѣ эти уборы служатъ для этого обряда со временъ Владиміра Мономаха. Итакъ, межъ тѣмъ какъ духовенство, рядомъ пѣснопѣній, испрашиваетъ будущему новому Царю всякихъ благополучій, старшій между вельможами проситъ Патріарха приступить къ совершенію обряда вѣнчанія на Царство. Тотъ, помолившись Богу и всѣмъ святымъ, приглашаетъ Царя, который, тѣмъ временемъ, всталъ, опять сѣсть съ нимъ вмѣстѣ на кресло. Московскій митрополитъ читаетъ молитву о благополучіи въ будущемъ, а Патріархъ творитъ надъ нимъ крестное знаменіе и возлагаетъ при этомъ крестъ, осыпанный жемчугами, на чело Царя. За симъ, старшій изъ вельможъ облекаетъ Царя въ порфиру и, принявъ отъ Патріарха шапку съ золотымъ, коронкообразнымъ, украшеніемъ наверху, надѣваетъ ее Царю на голову. Послѣ сего, священники начинаютъ пѣть литію (litaniam), т.-е. мольбы къ святымъ, и обычныя молитвы къ Блаженной Дѣвѣ, и, благословляютъ, по порядку всѣ—что продолжается довольно долго—новаго Царя, крестя его приподнятою рукою. То же самое дѣлаютъ и прочія сословія, дабы Царь благополучно царствовалъ на многіе и многіе годы, послѣ чего Патріархъ обращается къ нему съ увѣщаніемъ: почитать Бога и Его святыя иконы, править дѣлами по справедливости, неуклонно соблюдать русскую вѣру и распространять ее. Изъ этого храма всѣ, длиннымъ шествіемъ, идутъ сперва въ храмъ Св. Михаила, а затѣмъ въ церковь Св. Николая, находящіяся оба въ Кремлѣ, и служатъ, въ томъ и другомъ, молебны.

Во время этого шествія, по приказанію Царя, въ тѣснящуюся кругомъ съ поздравленіемъ толпу народа, бросаютъ множество золотыхъ и серебряныхъ монетъ, выбитыхъ въ память сего торжества и приглашаются знатнѣйшія лица изъ всѣхъ сословій къ великолѣпному и обильному пиршеству. Здѣсь, Царь, снявъ изъ одѣянія то,

что пообременительнѣе, подпоясанный вышеназваннымъ поясомъ и съ посохомъ изъ рога Единорога въ рукахъ, сидитъ на тронѣ, нѣсколько возвышающемся, среди столовъ, поставленныхъ въ два длинныхъ ряда. Послѣднимъ—объ остальныхъ, великолѣпно приготовленныхъ яствахъ, я умолчу — приносится какимъ-нибудь жителемъ г. Переяславля блюдо изъ рыбы сельди, похожее на нашу рыбную похлебку (halex) для напоминанія о пользѣ воздержанности [1]). Для увѣнчанія, какъ-бы, пира концемъ, знаменующимъ счастливое будущее, Царь посылаетъ каждому золотой кубокъ съ виномъ, который всѣ добросовѣстно и осушаютъ, при чемъ усерднѣйше отвѣчаютъ на эту милость пожеланіями Царю счастливаго царствованія и постояннаго здоровья.

Объ остальныхъ выраженіяхъ радости и подробностяхъ торжества я считаю лучше умолчать, нежели сообщать что-либо невѣрное, ибо, конечно, они измѣняются съ теченіемъ времени, да и не особенно многочисленны у Русскихъ.

ГЛАВА 4.

О бракосочетаніи Царя.

Изъ различныхъ иныхъ особенностей, которыми Цари Московскіе отличаются отъ прочихъ государей Европы, особенно слѣдуетъ, поистинѣ, упомянуть о томъ, что они, никоимъ образомъ, не соглашаются искать себѣ женъ у чужестранцевъ. Такъ какъ препятствіемъ или тормазомъ (sufflamen) къ сему служитъ не что иное, какъ различіе вѣроисповѣданій, то, вслѣдствіе сего, и дочери Царей не охотно выдаются замужъ за иностранцевъ, за предѣлы страны. Почему и въ канонахъ Іоанна митрополита [2]) (котораго они считаютъ за пророка) сказано: не должно выдавать дочерей Князя замужъ за тѣхъ, кто употребляетъ нечистое въ пищу или причащается опрѣснoками (azymis). Итакъ, Цари избираютъ себѣ супругъ изъ собственныхъ подданныхъ, совершенно такъ, какъ поступилъ восточный императоръ Никифоръ, призвавшій, говорятъ, самыхъ красивыхъ дѣвицъ во дворецъ, намѣреваясь избрать супругу для сына Ставранія. И соблюдаютъ они этотъ дѣдовскій обычай и понынѣ весьма строго, главнымъ образомъ, изъ-за того, чтобы не возбуждать, сроднившись и смѣшавшись чрезмѣрно, съ иноземцами, у подданныхъ желанія поступать такимъ же образомъ, ибо они

---

[1]) Другое объясненіе см. у Петрея де Ерлезунда, ч. 3-я.

[2]) Каноническіе отвѣты митрополита Іоанна II, нареченнаго Пророкомъ Христовымъ.

въ достаточной мѣрѣ узнали, насколько это имъ невыгодно, когда они, нѣкогда, выдавали своихъ Царевенъ за польскихъ и иныхъ королей, и литовскихъ великихъ князей, или же сами брали себѣ женъ изъ Грузіи, или иной какой страны. Въ 1671 году, во время нашего пребыванія въ Московіи, Алексѣй, оплакавъ достойнымъ образомъ покойную жену свою, вознамѣрился жениться во вторый разъ и приказалъ всѣмъ, прославившимся своею красотою знатнымъ дѣвицамъ, собраться у Артамона Сергѣевича [1]) (изворотливаго, какъ говорится въ пословицѣ, Артамона), управляющаго Дворомъ. Когда тѣ всѣ собрались, то Царь, потаеннымъ ходомъ, пришелъ къ Артамону въ домъ и, спрятавшись въ тайникъ (откуда, однако, ему была видна комната, назначенная для женщинъ) тщательно разсматривалъ, не только по отношеніи къ одной внѣшности, но и по отношеніи къ духовнымъ качествамъ и поведенію, все это красивое, хотя и не воинственное женское войско, а когда онѣ, поодиночкѣ, проходили мимо того окошка, изъ котораго онъ смотрѣлъ, то онъ заботливо вглядывался, сколько, въ каждой изъ нихъ, искусственной и природной красоты. Въ прежнія времена, кромѣ этого осмотра, еще подвергались чрезъ, испытанной вѣрности, женщинъ, подробному изслѣдованію физическія и нравственныя свойства трехъ избранныхъ самимъ Царемъ изъ всего этого сонма, дабы на Царское ложе была выбрана самая выдающаяся изъ всѣхъ. Но Алексѣй, будучи проницательнаго ума, безъ этихъ проволочекъ, съ перваго же раза, избралъ себѣ въ сожительницы Наталью Кирилловну и также скоро пріобрѣлъ и ея любовь, чрезъ подарки, достойные столь великаго Государя. Однако и для прочихъ, намѣченныхъ въ супруги Царя, дѣвицъ, рѣшеніе столь справедливаго Париса не было однимъ лишь разочарованіемъ: кромѣ того, что каждая изъ нихъ вернулась домой, богато одаренная и значительно прибавивъ себѣ цѣны отъ такого знаменитаго сватовства, онѣ еще, могли быть увѣрены, что выйдутъ, со временемъ, за болѣе знатныхъ, а тѣхъ, которыхъ Царь удостоилъ своего вниманія, многіе вельможи наперерывъ другъ передъ другомъ просятъ себѣ въ жены. Но, продолжимъ послѣдовательно разсказывать о свадьбѣ Алексѣя: Наталья нѣкоторое время не знала о своемъ счастьѣ, пока Царь, нѣсколько недѣль спустя, рано утромъ, не прислалъ къ Артамону на домъ, нѣсколькихъ бояръ съ придворными каретами (carpenta), въ сопровожденіи небольшаго отряда конницы и трубачей. Новоизбранная невѣста жила здѣсь, совершенно не зная того, что ей предстояло, и спокойно спала глубокимъ сномъ. Шафера, сообщивъ Артамону о почетномъ порученіи, возложенномъ на нихъ отъ Царя, вмѣстѣ съ тѣмъ усердно

---

[1]) Матвѣева.

просили поскорѣе отпустить ихъ, по исполненіи порученія, во дворецъ съ невѣстою. Артамонъ, конечно, не могъ противиться Царской волѣ, къ тому же столь благородной, и, разбудивъ спящую крѣпкимъ сномъ Наталью, объявилъ ей о намѣреніи Царя, на которое она и не замедлила въ высшей степени благоразумно согласиться, находя это неизбѣжнымъ. Тогда ее поскорѣе одѣли въ Царское одѣяніе, привезенное изъ дворца, дабы народъ видѣлъ ее пышно наряженной, и повезли съ небольшимъ количествомъ ея прислужницъ въ Царскій дворецъ. Одѣяніе это, разукрашенное драгоцѣнными камнями, было отъ того такъ тяжело, что она нѣсколько дней жаловалась, что оно чуть не обломало ей всѣ кости. По пріѣздѣ, она тотчасъ же отправилась съ Царемъ въ церковь, гдѣ, въ присутствіи лишь немногихъ близкихъ лицъ, Царскимъ духовникомъ было совершено вѣнчаніе [1]), и лишь самыя знатныя лица въ теченіе нѣсколькихъ дней были великолѣпно угощаемы пышными пирами, а Кремль все время былъ закрытъ со всѣхъ сторонъ. Что же касается до обычныхъ, у сего народа, свадебныхъ подарковъ, заключающихся въ соболихъ мѣхахъ, то Царь послалъ съ избыткомъ таковые всѣмъ на домъ, и, кромѣ того, желая, чтобы въ его радости участвовали всѣ остальные служащіе, какъ русскіе, такъ и иностранцы, милостиво осыпалъ и ихъ щедрыми дарами и сластями. Я пропускаю здѣсь болѣе мелкія подробности Царской свадьбы, разузнавать о которыхъ, какъ и о многомъ другомъ, въ Московію никому не дозволяется.

Глава 5.

О Царицѣ или супругѣ Царя.

Хотя женщины Царскаго рода пользуются въ европейской части земного шара величайшими преимуществами предъ Московскими Царицами, однако нигдѣ онѣ не окружены такимъ почетомъ и уваженіемъ, какъ у Московъ. О нихъ не позволено говорить мало-мальски непочтительно, и никто не можетъ похвастаться тѣмъ, что видѣлъ Царицу, гдѣ-либо, съ открытымъ лицомъ. Когда онѣ проѣзжаютъ по городу, среди народа, въ каретахъ, или ѣдутъ за городъ, то онѣ до того окутаны покрывалами, что ни ихъ не видно, ни онѣ сами ничего не видятъ. Поэтому, обыкновенно, устраиваютъ такъ, что онѣ совершаютъ свои поѣздки, бо́льшею частью, либо рано утромъ, либо поздно вечеромъ, при чемъ впереди ѣдутъ нѣсколько солдатъ, не подпускающихъ встрѣчныхъ по пути, близко къ каретамъ. Кареты, въ которыхъ ѣздятъ Царскія супруги, обиты краснымъ сукномъ и везутъ ихъ, бо́льшею частью, восемь бѣлыхъ, какъ снѣгъ, лошадей, украшенныхъ нагрудниками и нахвостниками изъ краснаго шелка, а по бокамъ идетъ длинный рядъ тѣлохранителей. За каретою Царицы слѣдуютъ нѣсколько каретъ наиболѣе знатныхъ боярынь, запряженныхъ, однако, лишь одною, или двумя, лошадьми. Кромѣ своей, домовой, во дворцѣ, церкви, онѣ крайне рѣдко посѣщаютъ какія-либо другія, а на торжественныя, всенародныя молебствія, или собранія, не являются никогда. И такой строгій, затворническій, образъ жизни своихъ Царицъ Мосхи, ни подъ какимъ видомъ, не хотятъ измѣнить, такъ, что когда нынѣшняя Царица, Государыня великодушная и привѣтливая, при первомъ своемъ выѣздѣ, немного пріоткрыла окно кареты, то не могли достаточно надивиться столь необычному дѣлу. Ей это поставили на видъ, и она, съ сожалѣніемъ, но благоразумно, уступила, глубоко укоренившемуся въ народѣ, предразсудку.

[1]) Въ подлинникѣ собственно: „предъ придворнымъ священникомъ были произнесены взаимныя клятвы въ вѣрности“.

Дома Царицы проводятъ всю жизнь уединенно, на женской половинѣ, въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ и женщинъ, и никому изъ нашего брата, мужчинъ, кромѣ весьма немногихъ прислужниковъ, не дозволяется видѣть ихъ, ни разговаривать съ ними. Мало того, онѣ обыкновенно не могутъ набирать себѣ по собственному желанію боярынь изъ общаго числа знатныхъ женщинъ.

Съ Царемъ онѣ рѣдко садятся за одинъ столъ и, для препровожденія времени и развлеченія, занимаются лишь вышиваньемъ золотомъ или, больше, приготовленіемъ притираній. Нынѣшняя супруга Царя, Царица Наталья, хотя и не нарушаетъ никогда отцовскихъ обычаевъ, повидимому, однако склонна пойти инымъ путемъ, къ болѣе свободному образу жизни, такъ какъ, будучи сильнаго характера и живаго нрава, она отважно пытается внести повсюду веселіе.

Это можно было уже предсказать, по выраженію лица ея, когда мы имѣли, случайно, счастье видѣть ее, еще въ дѣвицахъ, два раза въ Москвѣ: это—женщина во цвѣтѣ лѣтъ, роста выше средняго, съ черными глазами на выкатѣ (prominulis), лице у нея кругловатое и пріятное, лобъ большой и высокій, вся фигура красива, отдѣльные члены тѣла крайне соразмѣрны, голосъ, наконецъ, пріятно звучащій, и всѣ манеры крайне изящны.

Глава 6.

О Царскихъ дѣтяхъ.

Насколько, по мнѣнію Тацита, лучшимъ отдохновеніемъ для благоразумныхъ Государей является женитьба, настолько надежнѣй-

шей опорою власти являются дѣти Царя. Ибо нѣтъ для подданныхъ болѣе вѣрнаго залога въ общественномъ благополучіи, нежели то, что Цари не только умираютъ, но и нарождаются, у нихъ на виду.

И, дѣйствительно, Московія, благодаря своему Алексѣю (Alexiosuo) глубоко счастлива, имѣя въ лицѣ сыновей Царя не малые залоги для будущаго преуспѣванія, хотя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она лишилась, преждевременно похищеннаго смертью, перворожденнаго, въ первомъ бракѣ, Царскаго сына [1]), (который, имѣя 19-ть лѣтъ отъ роду, уже, согласно обычаю страны, являлся народу). Живы же и понынѣ младшіе: Ѳеодоръ и Іоаннъ, а также и дочери: Евдокія, Марѳа, Софья, Екатерина, Марія и Ѳедосья. А незадолго до нашего отъѣзда изъ города Москвы, вторая супруга Царя, Царица Наталья, благополучно произвела на свѣтъ сына-первенца, наименованнаго Петромъ, да и въ послѣдующіе, за симъ, года, осчастливила, какъ мы слышали, Царскій бракъ плодовитостью. Братьевъ у Алексѣя нѣтъ, а сестры его, Ирина, Анна и Татьяна, не искали достойныхъ себѣ супруговъ внѣ своей страны, а внутри ея таковыхъ не оказалось, почему онѣ ведутъ монашескій образъ жизни. Воспитываются, впрочемъ, Царскія дѣти [2]) весьма заботливо и тщательно, но нѣсколько своеобразно, согласно съ московскими обычаями вообще, ибо Мосхи, съиздревле, пріучены устраивать весь свой жизненный путь согласно полученному ими воспитанію. Ихъ [3]) не пускаютъ ни на какія торжественныя и многолюдныя собранія, живутъ они во внутреннихъ помѣщеніяхъ дворца, куда никто не смѣетъ проникнуть, кромѣ лицъ, на попеченіи коихъ они находятся. Способъ воспитанія у нихъ почти тотъ же, что у всѣхъ азіатскихъ народовъ. Наружу они выходятъ не иначе, какъ послѣ того, какъ удалятъ всѣхъ, могущихъ попасть имъ на встрѣчу, и закрытые, со всѣхъ сторонъ, распущенными, зонтами. На 19-мъ лишь году отъ роду (Русскіе въ этомъ возрастѣ становятся совершеннолѣтними) можетъ являться народу лишь тотъ Царевичъ, который, въ будущемъ, имѣетъ наслѣдовать престолъ отъ отца. Остальные же, равно какъ и дочери, обречены на вѣчное проживаніе въ монастырѣ. И, право, это воспитаніе въ одиночествѣ и стѣсненіи, при сидячемъ образѣ жизни, причиняетъ, въ большинствѣ случаевъ, слабымъ тѣламъ ихъ жесточайшія болѣзни. Такъ и того старшаго сына Царя, о которомъ мы упоминали выше, скоротечно сразилъ ни какой иной злой недугъ, какъ недостатокъ, при полномъ одиночествѣ, движенія и дѣятельности, этихъ необходимыхъ животворящихъ условій

[1]) Царевича Алексѣя Алексѣевича, умершаго въ 1670 г.
[2]) Въ подлинникѣ собственно: „сіе вѣнценосное потомство".
[3]) Дѣтей Царя.

въ природѣ [1]), благодаря чему тѣло и не оказалось достаточно сильнымъ. Почему, въ настоящее время, повидимому, на это смотрятъ уже болѣе правильно, нежели прежде, и дѣти, ежедневно, въ опредѣленные часы, упражняются въ разныхъ играхъ, либо въ ѣздѣ верхомъ, конечно, по загороженному двору, либо въ стрѣльбѣ изъ лука. Зимою имъ устраиваютъ деревянныя горы [2]) и посыпаютъ ихъ снѣгомъ; съ нихъ они быстро, но плавно скатываются на саняхъ или въ лубочныхъ корытцахъ, палкою направляя ихъ. Танцы, кулачные бои (pugillatoria) [3]) и другія общераспространенныя у насъ благороднѣйшія упражненія у Русскихъ не допускаются вовсе. Въ такъ называемые шахматы, знаменитую персидскую игру, по названью и ходу своему, по истинѣ, Царскую, они играютъ ежедневно и очень искусно, развивая ею свой умъ до удивительной степени. Науками, общеобразовательными они даже самымъ поверхностнымъ образомъ не занимаются, кромѣ всеобщаго краткаго политическаго обозрѣнія, ибо наставники ихъ обучаютъ исключительно только одному умѣнію читать, писать и считать, и знакомятъ ихъ съ состояніемъ собственной страны и другихъ сосѣднихъ державъ, чего де должно имъ ожидать и чего опасаться. Главное вниманіе въ этихъ занятіяхъ обращается на то, чтобы дѣти точнѣе изучали языкъ и нравы разнообразныхъ своихъ подданныхъ, привыкали неуклонно слѣдовать стариннымъ обычаямъ, и ревностно оберегать вѣру, при чемъ все это для нихъ безусловно обязательно. Не скрою, однако, что это, въ высшей степени простое и приноровленное къ жизни, воспитаніе, западая въ благородную душу и гибкій умъ, доводитъ до столь же высокой степени доблести, какъ изученіе всѣхъ философскихъ системъ и усвоеніе мудрости самыхъ выдающихся ученыхъ. Счастливы, вѣдь, всегда тѣ, которымъ не приходится сожалѣть о томъ, что время, назначенное для опыта и дѣйствія, было поглощено безцѣльнымъ, ненужнымъ, ученіемъ.

ГЛАВА 7.

О пышномъ выходѣ Царя къ народу.

Русскіе Цари появляются всенародно крайне рѣдко и любятъ, чтобы имъ оказывали побольше уваженія издали, и дѣйствительно, если, гдѣ-либо все неизвѣстное считается величественнымъ, то,

[1]) Въ подлинникѣ собственно: „этого живительнаго бальзама и жизненнаго духа для всего въ природѣ".
[2]) Въ подлинникѣ собственно: „наклонные деревянные помосты".
[3]) Имѣется въ виду вообще гимнастика, на которую, какъ и на танцы, русскіе смотрѣли какъ на какое-то шутовское кривлянье.

они, при своемъ затворничествѣ, почитаются подданными чуть не божествами, невидимыми и недоступными. Когда же они выѣдутъ, какъ-нибудь изъ дворца, то повсюду царитъ тишина и отсутствіе народа. Прежде всего, на большомъ разстояніи впереди Царя бѣгутъ нѣсколько дорожныхъ сторожей (viatores) [1]), въ красныхъ одеждахъ, которые тщательно выметаютъ метлами тѣ улицы, по которымъ поѣдетъ Царь, ибо, какъ въ городѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, по всему государству, есть особыя, нѣкія улицы, покрытыя постоянной, бревенчатой мостовой, крайне заботливо охраняемыя, по которымъ, кромѣ Царя, ѣздятъ весьма немногіе. За ними слѣдуетъ длинный рядъ солдатъ, а среди нихъ тѣсно окружаютъ Царя вельможи, или бояре, съ обнаженными,—солнце ли палитъ, дождь ли идетъ,—головами. Прочіе придворные служащіе несутъ службу только при торжественныхъ случаяхъ внутри дворца. Попадающіеся на встрѣчу, либо прогоняются съ пути и торопливо уходятъ подальше, либо стоятъ неподвижно по сторонамъ у зданій, а ѣдущимъ приказывается тотчасъ же слѣзать съ коней. Если Царь увидитъ гдѣ-либо кого изъ чужеземцевъ, то онъ посылаетъ нѣсколькихъ бояръ узнать о его здоровьи; послѣдніе, по бо́льшей части,—люди тучные, но исполняютъ приказанія Царя бѣгомъ. Когда Царь проѣзжаетъ мимо, то всѣ кланяются ему, падая ницъ и опуская голову до самой земли: это называется на ихъ языкѣ—бить челомъ. Во время церковныхъ, торжественныхъ шествій, Царь идетъ пѣшкомъ, верхомъ онъ ѣздитъ рѣже, а чаще всего въ каретахъ, которыхъ у него очень много, и присланныхъ изъ чужихъ странъ, и домашняго издѣлія (domesticos). За Царскою каретою можетъ слѣдовать только карета Грузинскаго Князя, ибо считается, и для мужчинъ не пристойнымъ ѣздить въ каретѣ, и не подобающимъ—сопровождать Царя такъ же, какъ ѣдетъ онъ самъ. Передъ каретою несутъ двѣ красныя подушки съ шелковыми чехлами того же цвѣта, и ведутъ также, по бо́льшей части, двухъ самыхъ породистыхъ коней, въ великолѣпномъ уборѣ. Зимою, мѣсто кареты заступаютъ сани, обитыя отборнымъ собольимъ мѣхомъ, въ которыя запрягается конь, въ такомъ же красивомъ уборѣ [2]), а впереди него идетъ другой, также по-Царски разукрашенный, на свободѣ и безъ сѣдока. Отправляясь за городъ, Царь беретъ съ собою нѣсколько тысячъ солдатъ-тѣлохранителей, которые, расположившись станомъ, безъ опредѣленнаго плана, по сосѣднимъ деревнямъ, содержатъ караулы по всѣмъ направленіямъ, и не подпускаютъ никого близко къ Царскому жилищу, а сельскихъ жителей, по пути слѣдованія Царя, они загоняютъ въ огороженные дворы ихъ.

---

[1]) Скороходовъ (?).

[2]) Подразумѣвается: „какъ и тотъ, который запрягается въ карету“.

ГЛАВА 8.

О великолѣпіи Царскаго стола и Царскихъ пировъ.

Нашъ Алексѣй, съ младенческихъ лѣтъ еще, объявилъ себя такимъ врагомъ невоздержности, что совершенно удалилъ отъ двора своего тѣхъ жадныхъ обжоръ, тѣла коихъ тучны, а души — худы и бездѣятельны. Придерживаясь крайней простоты въ дѣлѣ питанія, онъ такъ строго воздерживается отъ всякихъ изысканныхъ яствъ, что приказываетъ, если таковыя случайно попадутся среди его обыкновенныхъ блюдъ, подавать все заморское и дорогое гостямъ, при чемъ самъ, въ знакъ особеннаго расположенія, лишь слегка отвѣдываетъ отъ нихъ. За столомъ Царю прислуживаютъ трое, или четверо, испытанныхъ слугъ, которые подаютъ и убираютъ кушанья, которыя приносятся къ дверямъ столовой другими придворными слугами. Они же и пробуютъ кушанья и напитки.

Предъ началомъ обѣда начальникъ стольниковъ, или придворныхъ слугъ, подаетъ къ нему знакъ, ударяя палкою по деревянной доскѣ. Обѣдаетъ Царь обыкновенно одинъ, но ужинаетъ вмѣстѣ съ Царицей. Въ торжественныхъ случаяхъ, когда къ столу приглашаются чужестранцы или свои же вельможи, то обѣды устраиваются необычайно роскошно и блестяще. Тогда длинные ряды болѣе важныхъ придворныхъ лицъ стоятъ, тѣсно сплоченные, неподвижно по всему дворцу, въ широкихъ, шелковыхъ, изукрашенныхъ дорогими камнями, одеждахъ, а другіе, на подобіе легко вооруженныхъ воиновъ, одѣтые полегче, задыхаясь (anheli), бѣгаютъ взадъ и впередъ. Тогда каждая зала, обтянутая шпалерами изъ разноцвѣтнаго шелка сотканными, горящими драгоцѣнными камнями и золотомъ, являетъ поистинѣ Царскій видъ и открыто, конечно тогда, щеголяетъ множествомъ самыхъ дорогихъ и разнообразныхъ блюдъ и напитковъ.

Въ столовыхъ тогда ставится не по одному лишь, а по два, по три, по четыре, зачастую даже, по пяти столовъ, а стоящій посрединѣ, вокругъ колонны, столъ съ серебряною, золотою, и осыпанною драгоцѣнными камнями, посудою, поражаетъ взоры зрителей, какъ нѣчто сказочное и прибавляетъ не мало блеска всему торжеству. Въ концѣ пира, за которымъ Царь, обыкновенно, предсѣдательствуетъ, сидя на своемъ престолѣ, Царь, какъ я уже говорилъ выше, посылаетъ каждому изъ гостей золотой кубокъ съ испанскимъ виномъ, съ приглашеніемъ выпить, какъ бы въ пожеланіе благополучнаго конца пира.

ГЛАВА 9.

О Царскихъ забавахъ.

Не только далекое разстояніе межъ странами, но и образъ мыслей и общественные законы, до настоящаго времени, препятствовали тому, чтобы нравы Московитовъ стали одинаковыми съ нравами чужеземцевъ. Поэтому ихъ Государи не допускали, даже для самихъ себя, принятыя въ другихъ странахъ, развлеченія въ царской жизни отъ заботъ, и, конечно, подавали примѣръ къ сему и подданнымъ. Изъ домашнихъ забавъ они, главнымъ образомъ, занимаются охотою, привыкнувъ весело ловить дикихъ звѣрей въ лѣсахъ, посредствомъ облавы, или по усердному гону ученыхъ псовъ, или посредствомъ быстраго полета сокола, или, наконецъ, выстрѣломъ изъ фузеи, или лука. Алексѣй же, если и отправляется иногда куда-нибудь за городъ, исключительно, ради отдыха душевнаго, предпочитаетъ пребываніе въ саду за городомъ—у него имѣется таковой, громадныхъ размѣровъ и, принимая во вниманіе суровый климатъ страны, довольно пышный—или въ какой-либо Царской вотчинѣ. Онъ же разрѣшилъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, иностранцамъ, проживающимъ въ Москвѣ, дать ему, театральное представленіе, состоящее изъ пляски и „Исторіи" о Агасверѣ и Есфири, драматически обработанной. Дѣло въ томъ, что, наслышавшись отъ многихъ пословъ, что передъ европейскими государями часто даются театральныя представленія съ хорами, и иныя развлеченія, ради препровожденія времени и разсѣянія скуки, онъ, какъ-то неожиданно, приказалъ представить ему образчикъ сего въ видѣ какой-нибудь французской пляски (in tripudio aliquo Gallico) Поэтому, вслѣдствіе недостатка времени, въ одну недѣлю, со всевозможною поспѣшностью, было приготовлено все нужное для хора. Въ всякомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ Москвы, необходимо было бы просить, предъ началомъ, у зрителей снисхожденія къ плохому устройству, но Русскимъ и это казалось чѣмъ-то необыкновенно-художественнымъ, такъ какъ все, — и новыя, невиданныя одежды, незнакомый видъ сцены, самое, наконецъ, слово „иноземное", и стройные переливы музыки,—безъ труда возбуждало удивленіе. Сперва, правда, Царь не хотѣлъ было разрѣшить музыки, какъ нѣчто совершенно новое и, нѣкоторымъ образомъ, языческое, но, когда ему поставили на видъ, что безъ музыки нельзя устроить хора, какъ танцовщикамъ нельзя плясать безъ ногъ, то онъ, нѣсколько неохотно, предоставилъ все на усмотрѣніе самихъ актеровъ. На самое представленіе Царь смотрѣлъ, сидя передъ сценой на креслѣ (sella), Царица съ дѣтьми, сквозь рѣшетку, или, вѣрнѣе, сквозь щели особаго, досками отгороженнаго, помѣщенія, а вельможи (изъ остальныхъ никто болѣе не былъ допущенъ) стояли на самой сценѣ. Хвалебные стихи, пропѣтые Царю Орфеемъ, прежде чѣмъ онъ началъ плясать между двумя, движущимися пирамидами, я нахожу нужнымъ привести здѣсь, изъ уваженія къ достохвальному Алексѣю, хотя они были, пожалуй, и не звучны и не замысловаты:

„Наконецъ-то насталъ тотъ желанный день, когда и намъ можно послужить тебѣ, Великій Царь, и потѣшить тебя! Всеподданнѣйше должны мы исполнить долгъ свой у ногъ Твоихъ и трижды облобызать ихъ! Велико, правда, Твое Царство, управляемое Твоею мудростью, но еще больше слава о доблестяхъ Твоихъ, высоко превозносящая Тебя. Твоя мудрость и геройская мощь могутъ даровать намъ послѣ долгой, мрачной войны, златыя мирныя времена, а справедливый судъ Твой и, вмѣстѣ съ нимъ, милость, сіяя неземнымъ свѣтомъ, дѣлаютъ Твой нравъ богоподобнымъ. Высокія качества Твои должно приравнять качествамъ боговъ, ибо Тебѣ, уже теперь всѣ уступаютъ. О, свѣтлое солнце, луна и звѣзды Русскихъ! Живи же постоянно въ высшемъ благополучіи, и да будетъ всегда несчастье далеко отъ Тебя. Царствуй долго, другъ небесъ! Умолкни недоброжелательство! Кто такъ близокъ къ божествамъ, тотъ долженъ процвѣтать! Итакъ, зазвучи же пріятно, струнный мой инструментъ (Saitenwerck), а ты, гора-пирамида, приплясывай подъ мое пѣніе" [1]).

Въ этотъ же день, субботу на масленицѣ, Царь устроилъ также на Москвѣ-рѣкѣ, покрытой льдомъ, травлю, въ которой боролись между собой, громадныя, англійскія, и другихъ породъ, собаки съ бѣлыми медвѣдями изъ страны Самоѣдовъ. Зрѣлище было крайне забавное, такъ какъ и тѣ и другіе часто не могли удержаться на ногахъ на семъ скользкомъ помостѣ. Вечеромъ же Царь ходилъ туда же смотрѣть на летающіе, потѣшные огни [2]).

ГЛАВА 10.

Объ уединенномъ образѣ жизни Царя.

Цари Московскіе почитаютъ крайне величественнымъ то, что они, ради внушенія бо́льшаго уваженія своимъ подчиненнымъ, весьма рѣдко появляются среди народа (publice conversari), но скрываются въ постоянномъ глубокомъ уединеніи. Къ нимъ никто, иначе какъ

---

[1]) Въ подлинникѣ это стихотвореніе приведено на томъ языкѣ, на которомъ оно было пропѣто, т.-е. на нѣмецкомъ.

[2]) Собственно: „летающіе огни зажигательныхъ стрѣлъ" (volatiles pyrobolorum ignes), какія употреблялись при осадѣ городовъ. Въ мирное время, эти стрѣлы, судя по этому разсказу, служили забавой, замѣняя нынѣшній фейерверкъ.

по зову, не смѣетъ явиться, за исключеніемъ весьма немногихъ вельможъ (senatores) и служащихъ при дворѣ, которые имѣютъ свободный доступъ во внутренніе покои дворца. Всѣ же остальные, какъ русскіе, [1]) такъ и чужестранцы, не только во внутренніе покои, но даже близко къ Кремлю, не допускаются. Поэтому вокругъ Царскаго жилища (habitaculum) расположено нѣсколько сотенъ солдатъ (centuriae) съ оружіемъ на готовѣ, которые никому не позволяютъ пройти по внутреннему двору, находящемуся подъ окнами Царскихъ покоевъ, если при немъ есть шпага, или какое-либо другое оружіе. Вслѣдствіе сего никто, никоимъ образомъ, не можетъ такъ, какъ это обыкновенно дѣлается при дворахъ всѣхъ Европейскихъ Государей, лично изложить Царю свое дѣло, явиться къ нему на судъ, или даже побесѣдовать съ придворными, во внутреннихъ покояхъ дворца.

Насколько же, поистинѣ, судебное дѣлопроизводство въ Московіи совершенно отлично отъ нашего, настолько оно вполнѣ, повидимому, схоже съ Турецкимъ и Азіятскимъ, такъ какъ всѣ дѣла, и здѣсь и тамъ, рѣшаются, какъ я убѣдился на опытѣ (teste experientia), либо посредствомъ письменныхъ челобитныхъ, либо же чрезъ нѣкоторыхъ ближайшихъ родственниковъ Царя, которымъ онъ оказываетъ непохвальное довѣріе. Къ этому недостатку присоединяется у Московъ еще то обстоятельство, что такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, Царь считаетъ ниже своего достоинства собственноручно подписывать указы и грамоты государственнаго характера, то часто его распоряженія оказываются въ высшей степени несправедливыми, при чемъ онъ самъ этого даже и не подозрѣваетъ.

ГЛАВА 11.

О Царскихъ похоронахъ.

Въ древнѣйшія времена, говоритъ Геродотъ, существовалъ обычай у Русскихъ народовъ, что они своихъ, умершихъ, гдѣ бы то ни было, Царей, возили чрезвычайно торжественно и съ величайшими почестями, по всѣмъ областямъ государства, дѣлая имъ посмертными почестями, по всѣмъ областямъ государства, дѣлая имъ какъ бы продолжительные похороны, до области и рѣки Герра, близь источниковъ Борисѳена, гдѣ, наконецъ, они ихъ хоронили, въ холмахъ, насыпая таковые изъ земли, на подобіе горъ. Такого рода холмы и понынѣ еще можно видѣть въ разныхъ мѣстахъ, въ Московіи, въ Польшѣ, и даже въ Швеціи и Даніи. Затѣмъ, съ измѣненіемъ, съ теченіемъ времени, общественныхъ нравовъ, Цари у нихъ, то хоронились, то сожигались, въ разныхъ мѣстахъ различно, смотря по тому, что повелѣвало грубое суевѣріе. Принявъ же, наконецъ, христіанство, Московскіе Князья пожелали, по выдающемуся своему смиренію, быть предаваемыми землѣ, скромно, безъ всякой пышности. Поэтому нынѣ, когда кто-либо, Царской крови, умираетъ, то онъ почти въ самый день смерти, хоронится въ соборѣ Св. Архангела Михаила, безъ многовѣщательной надгробной надписи, безъ дорогихъ куреній, въ простомъ, неукрашенномъ гробѣ. Оставшіеся въ живыхъ, родственники и домашніе его, въ изорванныхъ темныхъ одеждахъ, оплакиваютъ его, и за время, назначенное для скорби,[1]) отращиваютъ себѣ волосы.

[1]) Въ подлинникѣ собственно: „туземцы“ (indigenae).

Состоящія при Дворѣ, женщины провожаютъ покойника до могилы съ непрерывающимися воплями, усердно проливая слезы, съ распущенными въ безпорядкѣ волосами, непокрытой головой и неумолкаемыми похоронными пѣснями. Самъ Царь удаляется во внутренніе покои и, облекшись въ поношенную (detrita) одежду, предается тяжкой печали, пока понемногу, выслушивая утѣшенія друзей, не вернетъ себѣ прежняго спокойнаго состоянія духа. Во все это время онъ оказываетъ бѣднымъ многія благодѣянія: подаетъ милостыню, отпускаетъ рабовъ на волю, освобождаетъ заключенныхъ въ темницахъ и военноплѣнныхъ и назначаетъ своимъ подданнымъ либо облегченіе въ налогахъ, либо полное освобожденіе отъ нихъ.

Увы! въ то самое время, однако, какъ я пишу эти строки, самъ Великій, Несравненный Князь, вышепомянутый Государь, Алексѣй, явилъ печальный образецъ похоронъ! Похоронное шествіе его (онъ скончался 29 января) двинулось въ ближайшее, по кончинѣ, воскресеніе въ соборный храмъ, приблизительно въ такомъ порядкѣ: впереди шли четыре сенатора или боярина, несшіе крышку гроба, за ними слѣдовали четыре другихъ боярина, несшіе трупъ Царя, на золоченыхъ, покрытыхъ золотой парчею, носилкахъ, за ними столько же бояръ несли самого Царя, Ѳеодора Алексѣевича, на похоронномъ сѣдалищѣ (in funebri sella) [2]. Столько же бояръ несли вдовствующую Царицу Наталію, распростертую (prostrata) на носилкахъ съ закрытымъ фатою лицомъ и головою, опущенною на грудь нѣкоей знатной боярыни [3]). За ними шли пять дочерей Царя отъ перваго брака и громадное количество сановниковъ, въ темнаго цвѣта, одеждахъ. Когда опечаленный народъ увидалъ это похоронное шествіе, то раз-

[1]) „Въ теченіе траурнаго срока“, по-нынѣшнему.

[2]) По случаю болѣзни ногъ. См. Посольство Кунраада фанъ-Кленка, изд. Археогр. Коммиссіи стр. 432—433.

[3]) По донесенію фанъ-Кленка, Царица ѣхала въ саняхъ (in een sleede). См. Посольство Кунраада фанъ-Кленка стр. 433, примѣч. 7.

дались такіе ужасные, исполненные всенародной скорби, вопли, что, казалось, уши раздираетъ какой-то пронзительный (acutus) звонъ колоколовъ. Во истину, Моски оплакивали его вполнѣ искренно и заслуженно, ибо никогда еще не было у нихъ, насколько они сами помнятъ, столь благочестиваго и милостиваго Государя. Въ этомъ, вѣдь, и заключается счастье добрыхъ Государей, что имъ слезами и стенаніями подданныхъ воздвигается памятникъ пышнѣе всякаго надгробія. Прахъ Царя стоялъ непохороненнымъ въ вышеназванномъ храмѣ шесть недѣль, втеченіе коихъ совершались панихиды, и нищіе,въ огромномъ количествѣ, ежедневно угощались на дворѣ Царскаго дворца обѣдами.

ГЛАВА 12.

О городѣ Москвѣ, мѣстопребываніи Царей.

Москва, средоточіе государства и священное мѣстопребываніе Царей, по справедливости, должна быть отнесена къ числу величайшихъ городовъ на земномъ шарѣ, ибо она, въ окружности, имѣетъ четыре германскихъ мили, и, окруженная стѣною съ десятью воротами, заключаетъ въ себѣ болѣе 600.000 жителей, такъ что боярамъ и инымъ, болѣе почетнымъ лицамъ, пріѣзжимъ и мѣстнымъ жителямъ неизбѣжно приходится ѣздить по городу, зимою въ саняхъ, лѣтомъ — верхомъ. Кромѣ того, на каждомъ перекресткѣ, и у каждыхъ воротъ города, стоитъ съ санями, или колымагами, наготовѣ, много извозчиковъ (Zvoscіki), т.-е. возницъ (vectores), которые, договорившись за весьма малую плату, быстро доставляютъ пріѣзжаго къ мѣсту, имъ указанному. Отъ сѣвернаго полюса она отстоитъ, по разсчету Олеарія, на 50 град., и самый длинный день въ ней продолжается 17 часовъ. Климатъ въ ней довольно мягокъ, и мѣстоположеніе ея весьма красиво; она поражаетъ своими, приблизительно, двумя тысячами церквей, кои почти всѣ каменныя и придаютъ городу великолѣпный видъ. Этой внѣшней красотѣ не мало способствуютъ семь, умѣренной высоты (modici), холмовъ, на которыхъ она отлого возвышается (leniter insurgit). Дома обывателей, большею частью, деревянные и имѣютъ очень мало оконъ; впрочемъ, между ними попадаются много и каменныхъ, принадлежащихъ боярамъ и иноземцамъ. До полученія отъ Ивана Даниловича почетнаго званія Царской столицы, Москва составляла собственность рода Тахматовыхъ (Tachmatae), но съ тѣхъ поръ она, постоянно увеличиваясь, разрослась до тѣхъ, почти, громаднѣйшихъ размѣровъ, коими нынѣ славится, хотя, до Татарскихъ набѣговъ, ея границы простирались еще гораздо дальше. Улицы вымощены не камнемъ, а деревянными бревнами или кольями, положенными въ одинъ непрерывный рядъ (perpetua serie combinatis), постоянно, впрочемъ, покрытыми грязью, или толстымъ слоемъ пыли, и бываютъ довольно гладки лишь зимою, когда снѣгъ и ледъ сравняютъ все. Внутри, за стѣнами города, протекаютъ лишь двѣ рѣки: Москва, съ дѣйствительно глубокимъ и судоходнымъ русломъ, и весьма неглубокая Неглинная, третья же рѣка Яуза, съ мелкимъ русломъ, омываетъ лишь предмѣстья города (suburbia). Всѣ онѣ приводятъ въ движеніе мельницы, къ великой пользѣ города, хотя обыватели его пользуются также и ручными. Въ небольшихъ разстояніяхъ отъ города виднѣются нѣсколько лѣтнихъ дворцовъ, назначенныхъ для отдохновенія Царей, куда они имѣютъ обыкновеніе, по временамъ, удаляться, дабы собраться съ новыми, душевными силами. Среди нихъ не послѣднее мѣсто принадлежитъ селу Измайлову, обладающему знаменитымъ обширнымъ садомъ съ четырьмя высочайшими, широко раскрытыми воротами, со многими извивающимися дорожками. Въ разстояніи, приблизительно, полумили отъ него находится богатѣйшій звѣринецъ (vivarium), или лучше сказать, лѣсъ, обнесенный заборомъ и наполненный стадами разныхъ животныхъ, а близъ него изящное зданіе для приготовленія лѣкарствъ съ садомъ врачебныхъ растеній. Таковъ же и Коломенскій, загородный дворецъ (Colomboskoi villa), который, кромѣ прочихъ украшеній, представляетъ достойнѣйшій обозрѣнія родъ постройки, хотя и деревянной, такъ что весь онъ кажется точно только-что вынутымъ изъ ларца, благодаря удивительнымъ образомъ, искусно исполненнымъ рѣзнымъ украшеніямъ, блистающимъ позолотою. Не буду уже ничего здѣсь еще присовокуплять о Преображенскомъ, тоже величавомъ и живописномъ лѣтнемъ мѣстопребываніи. Ближе къ городу бросаются въ глаза своею величиною деревянныя строенія — громадная Царская житница (granarium) и многія другія, поменьше, особливо же хлѣбные склады для войска, а также и нѣсколько питейныхъ домовъ (cauponae), или кабаковъ (Cabake). Изъ предмѣстій главное—Иноземская Слобода или Кокуй, отстоящая отъ послѣдняго городскаго окопа лишь на разстояніи небольшаго поля, съ постройками также деревянными, возведенными по правиламъ и образцамъ нѣмецкимъ; здѣсь Нѣмцы живутъ отдѣльно отъ Русскихъ и посѣщаютъ (frequentant) три лютеранскихъ церкви, двѣ—Кальвинистскихъ, одну Голландскую и одну Англиканскую, кои не имѣютъ, однако, колоколовъ. Управляются они не выборными, изъ ихъ среды, начальниками (magistratu), но подчинены придворному суду (dicasteriis aulicis subiecti).—За нею слѣдуетъ слобода Басманная, населенная всякаго рода людьми и называемая, поэтому, слободою перекрестовъ, т.-е. тѣхъ, которые, принявъ вторично крещеніе, перешли изъ иноземныхъ христіанъ въ вѣру Московитовъ.

Впрочемъ, многіе пришельцы поклоняются въ самомъ городѣ, главнымъ образомъ, на Поганомъ Прудѣ, т.-е. на проклятомъ болотѣ (in Poganni Prut, seu palude maledicta), своимъ богамъ (lares suos colant). Внѣ города свободно отправляютъ свое богослуженіе, въ одномъ мѣстѣ Поляки, исповѣдующіе Греческую вѣру, а въ другомъ — Татары съ своими омерзительными обрядами.—За ними, наконецъ, расположено нѣсколько помѣщеній для тѣхъ ямщиковъ, которые служатъ для развозки по разнымъ мѣстамъ гонцевъ и солдатъ, или стрѣльцовъ, и которыя, какъ бы, опоясываютъ городъ. Передъ послѣднимъ окопомъ (vallum) города, въ части, называемой Скородумомъ и Стрѣлецкимъ городкомъ (Skorodum et Streletzkoi gorod), т.-е. городомъ солдатъ, также имѣютъ свое мѣстопребываніе и прочіе стрѣльцы, вооруженные пищалями (sclopetarii). На противоположномъ берегу Москвы-рѣки, находится между этими же укрѣпленіями, часть города — Налейка (Naleuka), названная такъ Тиранномъ Василіемъ потому, что въ ней онъ впервые разрѣшилъ продавать вино своимъ солдатамъ и безнаказанно напиваться допьяна. Подлѣ Скородума простирается обширнѣйшая площадь (forum), на которой продается невѣроятное количество всякаго лѣса: балокъ, досокъ, даже мостовъ и башенъ, срубленныхъ уже и отдѣланныхъ домовъ, которые безъ всякаго затрудненія, послѣ покупки и разборки ихъ, перевозятся куда угодно. Въ виду почти непрерывныхъ и опустошительнѣйшихъ здѣшнихъ пожаровъ, это устроено какъ нельзя болѣе кстати. Внутри этого, такъ сказать, послѣдняго городскаго пояса находится еще одинъ, отдѣленный бѣлою, высочайшею и толстѣйшею стѣною, называемый Царь-городомъ (Zarigorod). Здѣсь находится громадная мастерская металлическихъ издѣлій, гдѣ льются пушки для войны и мѣдные колокола, и другая, не уступающая размѣрами первой, гдѣ приготовляется порохъ, а также и много иныхъ домовъ бояръ и иностранцевъ, каменныхъ и деревянныхъ, весьма красивыхъ на видъ и съ садами. Изъ нихъ всѣхъ, пальма первенства, вполнѣ заслуженно, принадлежитъ изящнѣйшему дворцу боярина Артамона Сергѣевича. Въ этомъ же мѣстѣ представляется взорамъ, на той сторонѣ рѣчки Неглинной, Опричный дворъ, воздвигнутый въ 1565 году, Иваномъ Васильевичемъ, въ которомъ онъ подолгу проживалъ вмѣстѣ съ своими жестокими тѣлохранителями (satellitium). Не слѣдуетъ также оставить безъ вниманія и громаднѣйшія помѣщенія для пословъ — христіанскихъ, магометанскихъ и языческихъ, дома шведскихъ купцовъ, свободные отъ всякихъ повинностей, и рынки для зерноваго хлѣба, лѣса и лошадей. Въ слѣдующемъ за симъ, внутреннемъ поясѣ, высочайшія, краснаго цвѣта, стѣны опоясываютъ Китай-городъ, вторую часть города. Въ ней находятся, кромѣ многихъ домовъ знатныхъ людей, великолѣпнѣйшія зданія Князя Грузинскаго и Печатнаго Двора, Греческій дворъ, уступающій, впрочемъ, нѣсколько, пожалуй, Греческому подворью въ Римѣ, и три обширнѣйшихъ гостинныхъ двора или, по ихъ размѣрамъ, вѣрнѣе сказать, три укрѣпленныхъ замка иностранныхъ купцовъ. Въ первомъ, болѣе древнемъ, продаются дешевые товары для ежедневнаго потребленія, во второмъ, новомъ, взимается пошлина по вѣсу, и хранятся, главнымъ образомъ, товары нѣмецкіе, въ третьемъ, или Персидскомъ, Армяне, Персы и Татары содержатъ около 200 лавокъ съ различными товарами, расположенныхъ по порядку подъ сводами (sub porticibus) и представляющихъ красивое пестрое зрѣлище.

Отсюда тянется обширная площадь, на которой продается громадное количество плодовъ, даже зимою, въ особыхъ подземныхъ чуланахъ (cella), и въ концѣ коей находится рыбный рынокъ, на берегу Москвы-рѣки, черезъ которую переброшенъ пловучій мостъ, устроенный на судахъ. На противоположномъ берегу находится, наводящее печаль, мѣсто казни преступниковъ, которое Мосхи называютъ Козьимъ болотомъ (Cosabolot). Зимою Мосхи постоянно, твердо полагаясь на прочность льда, ѣздятъ по самой рѣкѣ, замерзшей отъ холода, съ тяжелымъ, преимущественно, лѣснымъ матеріаломъ, и другими товарами на продажу. Передъ Царскимъ дворцомъ (дабы вернуться къ другому берегу рѣки) простирается четыреугольная площадь, на которой стоятъ нѣсколько пушекъ необыкновенной величины, поставленныя на кирпичныхъ подмосткахъ, близъ которыхъ находится храмъ, Св. Іерусалимъ, изящнѣйшей постройки. Здѣсь, и на сосѣднихъ площадяхъ постоянно производится торговля съѣстными припасами и иными предметами, необходимыми въ жизненномъ обиходѣ, при густѣйшемъ стеченіи народа. Къ этому рынку примыкаетъ другой, полукругомъ расположенный, тянущійся почти на полмилліарія, гдѣ лавки для разнаго товара устроены такъ, что каждый отдѣльный, какой угодно, товаръ выставленъ для продажи только въ назначенномъ для него мѣстѣ. Такъ, напр., въ одномъ мѣстѣ видишь шелковыя ткани, въ другомъ—шерсть, въ третьемъ—полотно; въ одномъ—золотыя и серебряныя вещи и драгоцѣнные камни, въ другомъ — благовонія, въ третьемъ — иностранныя вина, при чемъ до двухъ сотъ погребовъ расположено въ рядъ подъ землею, въ четвертомъ — разные, инаго рода, напитки, приготовленные изъ меда, вишенъ и другихъ ягодъ. Однимъ взглядомъ можно увидѣть здѣсь, въ одномъ мѣстѣ, дорогіе мѣха разнаго рода, въ другомъ — колокола, топоры, подсвѣчники и иныя металлическія издѣлія, въ третьемъ—ножи, рукавицы (chirothecae), чулки (tibiales), ковры, завѣсы (aulaea) и разныя ткани. Особый рядъ занимаютъ масло, сало и ветчина, особый — свѣчи и воскъ,

особый, наконецъ, разныя издѣлія изъ дерева. Въ кожаномъ ряду лежатъ кожаныя издѣлія: возжи и прочая конская сбруя, въ мѣховомъ — шубы и шапки. Въ одномъ мѣстѣ выставлены лѣчебныя разныя зелья и травы, въ другомъ—запоры, ключи, гвозди, далѣе—шелкъ нитками, канитель, украшенія для дѣвицъ, браслеты (armilli)—все въ особомъ мѣстѣ. Также продаются, каждое въ своемъ особомъ мѣстѣ рынка, и обувь, и поножи, и хмель, и ячная крупа, и рыба соленая, и сѣно, и овесъ. Не говоря ужъ о многомъ другомъ еще, и мукѣ, и зерновому хлѣбу, и инымъ, всякаго рода, вещамъ, и чинящимъ обувь и низенькимъ лавочкамъ цырульниковъ—всему точно опредѣленъ свой рядъ, и всѣ они прекрасно и удобно расположены такъ, что покупателю дается полная возможность выбрать наилучшее изъ всѣхъ, собранныхъ въ одномъ мѣстѣ, тѣхъ или другихъ товаровъ. Не мало увеличиваетъ красоту рынка то, что на немъ нѣтъ ни одного жилаго помѣщенія, дабы, такимъ образомъ, держать огонь, сильно свирѣпствующій обыкновенно въ этомъ городѣ, какъ можно далѣе. По этой же причинѣ, рынокъ тщательно оберегается сторожами, и тѣ мастера, кои работаютъ съ огнемъ, живутъ въ отдаленномъ отъ рынка мѣстѣ. Недалеко отъ рынка находятся городскіе суды, въ которыхъ разбираютъ тяжбы гражданъ, наблюдаютъ за исправностью улицъ, взимаются пошлины и т. д.; все это производятъ двое судей, изъ бояръ, и столько же писцовъ. Остальное управленіе города находится въ рукахъ, у такъ называемыхъ, старостъ, завѣдующихъ отдѣльными кварталами (tribubus), сотниковъ, поставленныхъ во главѣ сотенъ, и десятниковъ—начальниковъ надъ десятками (decuria). По другую сторону рѣки Неглинной находятся, кромѣ аптеки, мѐньшихъ размѣровъ, двѣ громадныхъ конюшни, вмѣщающія съ тысячу лошадей, а также двѣ обширныхъ темницы (которыхъ, впрочемъ, не мало находится въ разныхъ мѣстахъ и въ городѣ), наполненныхъ преступниками, отправляемыми оттуда, какъ можно скорѣе, въ Сибирь.

Въ самой срединѣ города, наконецъ, стѣны, въ видѣ круга, опоясываютъ Царскій, укрѣпленный замокъ, называемый Кремлемъ-городомъ (Cremlegorod. Въ него ведутъ пять воротъ, многія каменныя зданія придаютъ ему красивый видъ, и онъ представляетъ собою родъ, далеко не маленькаго, городка: въ немъ находится болѣе тридцати храмовъ, изъ коихъ наиболѣе величественны—Храмъ Св. Троицы, Св. Маріи, Св. Михаила, Св. Николая и два монастыря—мужской и женскій. Въ Большомъ Соборѣ, т.-е. церкви великаго собранія (Bolszoi Zabor, hoc est, majoris congregationis), замѣчательно огромное серебряное паникадило, у котораго безконечное количество вѣтвей соединяются въ видѣ вѣнца, и рукописная Библія, украшенная драгоцѣнными камнями на громадную сумму. На кругломъ куполѣ этого храма

возвышается тяжелый крестъ изъ чистаго золота. И другихъ храмовъ башнеобразные куполы, покрытые вызолоченными желѣзными листами, при солнечномъ сіяніи, также сверкаютъ среди замка и наполняютъ душу зрителя восхищеніемъ предъ такимъ великолѣпіемъ. Засимъ, кругообразно, около замка расположены почти всѣ суды, аптека бо́льшихъ размѣровъ, Патріаршій дворъ и дома другихъ придворныхъ, а посреди колокольня, называемая Иванъ Великій, въ такой степени превосходящая высотою всѣ остальныя, болѣе низкія, что смѣло можетъ поспорить съ величайшими, въ Европѣ, колокольнями. Близко около нея находится знаменитый, громадный колоколъ, частью подвѣшенный, а частью лежащій на деревянномъ помостѣ; благодаря его чрезвычайному вѣсу, до 320.000 фунтовъ, его тщетно, много разъ, пытались, усиліями многихъ людей, поднять надъ землею, но платились жизнью за такое дерзостное покушеніе, вслѣдствіе чего Царь далъ клятвенное обѣщаніе никогда не дѣлать болѣе подобной попытки. Какъ бы вѣнцомъ всему этому служатъ обширнѣйшіе Царскіе дворцы (palatia), изъ которыхъ одинъ, каменный, выдается и внѣшнимъ видомъ своимъ и величиною, другой, деревянный, гдѣ Государь обыкновенно обитаетъ зимою, ради укрѣпленія своего здоровья, и третій, также каменный, выстроенный съ большимъ изяществомъ, и въ которомъ, нѣкогда, проживалъ Илья Даниловичъ, тесть нынѣшняго Царя.

ГЛАВА 13.

Объ иностранцахъ, служащихъ у Царя.

Несмотря на то, что наиболѣе важныя придворныя должности исправляются, по бо́льшей части, исключительно Русскими, однако, не мало изъ нихъ препоручено иноземцамъ, въ особенности такихъ, къ выполненію которыхъ Русскіе не пригодны, благодаря незнанію языковъ и другихъ, облагораживающихъ человѣка, наукъ (liberalium).

Если начать съ низшихъ должностей, то толмачи, т.-е. переводчики съ языковъ, за исключеніемъ весьма немногихъ,—иностранцы, частью пребывающіе въ своей вѣрѣ, частью же принявшіе русскую. Они исполняютъ свои обязанности лишь служа придворнымъ, при обыкновенныхъ разговорахъ съ чужестранцами и въ не важныхъ дѣлахъ. Болѣе важными, нежели они, считаются переводчики (Perevoczichi) или, вѣрнѣе, секретари, по внѣшнимъ сношеніямъ, которые переводятъ обоюдно, съ одного на другой языкъ, письма, и иные государственные акты, а также и рѣчи пословъ и разговоры о наиболѣе важныхъ предметахъ съ Царемъ и боярами.

Среди нихъ первыя мѣста занимаютъ, принявшіе Русскую вѣру, Гроцій изъ Регенсбурга (Grotius Ratisbonensis) и Виніусъ, родомъ изъ Бельгіи, начертившій не такъ давно, въ главныхъ чертахъ, путь изъ Московіи въ Китай, на географической картѣ, и, еще нѣкто Саксонецъ, по прозванью — водопійца (aquae potor), отлично знающій множество языковъ. За ними слѣдуетъ не мало Поляковъ, Татаръ, Турокъ, Армянъ, Персовъ, Арабовъ и другихъ.—Грековъ, къ которымъ Русскіе, вслѣдствіе одинаковой съ ними вѣры, относятся весьма снисходительно, находится большое количество, какъ при дворѣ, такъ и при церквахъ. Врачи, все иностранцы, ибо русскихъ нѣтъ совсѣмъ, приглашенные Царемъ изъ-за границы на превосходныхъ условіяхъ. Первое мѣсто межъ ними, безспорно, занимаетъ г. Іоганнъ Костеръ фонъ-Розенбурхъ, знаменитый нѣкогда придворный врачъ Карла Густава, короля шведскаго. Этому ученѣйшему мужу я обязанъ, — открыто сознаюсь въ этомъ, — многими благодѣяніями. Остальные же врачи, въ наше время, были: знаменитые господа Блументростъ и Граммондъ, а также еще нѣкто Арабъ, и еще другой, по происхожденію Еврей, а по вѣрѣ Московитъ, который пользуется необыкновеннымъ расположеніемъ Царя и одинъ свободно посѣщаетъ внутренніе покои дворца (такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ и старшимъ спальникомъ). Аптекарей, или составителей лѣкарствъ, изъ иностранцевъ—до двадцати человѣкъ, получающихъ не малое жалованье, но они весь день проводятъ въ аптекахъ за приготовленіемъ лѣкарствъ. Сюда врачи заходятъ только рано по утрамъ, для подачи совѣта, вообще же они пользуются большимъ досугомъ, почему, на вопросъ, что они дѣлаютъ дома, они торжественно отвѣчаютъ, что заботятся о здоровьи Царя и, ради сего, постоянно читаютъ книги. Впрочемъ, они переступаютъ трудный [1]) порогъ дворца только въ случаѣ болѣзни Царя, или же, если онъ нарочито велитъ ихъ почему-либо призвать. При этомъ происходитъ слѣдующее, намъ неизвѣстное: когда имъ приходится лѣчить Царицу, или кого-либо изъ Царскихъ дочерей, то имъ не дозволяютъ осматривать больную, но они обязаны, на основаніи показанія нѣкоей старухи (vetula), или приближенной какой-либо служанки, опредѣлить болѣзнь и назначить лѣкарство. Мало того, имъ не позволяется прибѣгать къ разнообразнымъ лѣкарствамъ вообще, даже въ случаѣ, если они необходимы. Для того, чтобы все это точнѣе соблюдалось, учреждено въ Москвѣ врачебное судилище, или Приказъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ послѣднее время Лукіанъ Тимофеевичъ Колосовъ, единственный изъ уроженцевъ Москвы, хорошо знающій по-латыни, тогда какъ, въ другое время, въ немъ обыкновенно предсѣдательствовали бояре, ближайшіе родственники Царя, ради полной безопасности и почета.

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ „lubricum" т.-е. гладкій, скользскій, или, клейкій, такъ что по немъ ступать очень затруднительно, если не вполнѣ невозможно.

ГЛАВА 14.

О служащихъ при Дворѣ изъ туземныхъ жителей.

Русскіе, какъ это подобаетъ, занимаютъ при Дворѣ наиболѣе важныя должности и имѣютъ болѣе свободный доступъ къ Царю. Изъ нихъ занимаютъ высшія должности, ежедневно являясь на службу къ Царю, и пользуются его довѣріемъ, комнатные бояре, которые допускаются во внутренніе покои и участвуютъ въ сокровеннѣйшихъ совѣщаніяхъ. Въ настоящее время къ числу таковыхъ принадлежатъ: Кириллъ Полуэктовичъ [1]), Долгорукій, князь Юрій Ромодановскій, Артамонъ Сергѣевичъ [2]), Одоевскій, Дохтуровъ и нѣсколько другихъ хотя тѣ, подобно большинству нижеслѣдующихъ, занимаютъ разныя государственныя мѣста и должности. Послѣ нихъ, кажется, должно первое мѣсто отвести священнику, духовнику Царя, который завѣдуетъ его душевнымъ спокойствіемъ, и безъ котораго онъ почти ни въ чемъ и нигдѣ не обходится. На одной, почти, ступени съ нимъ—лицо того же сословія, завѣдующее раздачею Царской милостыни. Думные бояре суть ближайшіе (intimi) совѣтники Царя, съ которыми онъ ежедневно совѣщается и рѣшаетъ дѣла. За ними слѣдуютъ собственно, такъ называемые, бояре или совѣтники Царскіе, число коихъ неопредѣленно. Окольничіе также находятся на службѣ близь Царя и призываются иногда для совѣта и для суда. Чаще всего кто-либо изъ нихъ сопровождаетъ бояръ, когда они по службѣ отправляются съ войскомъ, или пословъ, въ качествѣ товарища. Думные дворяне суть остальные совѣтники Царя, занимающіе мѣста немного пониже. Спальники и постельничіе, которые заботятся о Царской постели и по двое каждую ночь проводятъ безъ сна, стоя на стражѣ передъ спальней. Стольники, принадлежащіе также къ знатнѣйшему дворянству, живутъ постоянно въ Царской столицѣ и прислуживаютъ за столомъ, особенно въ торжественныхъ случаяхъ. Стряпчіе (strapci) суть ближайшіе прислужники при спальнѣ, носящіе бармы (strophia) и шапку Царя, повсюду за нимъ. Жильцы (silci) суть молодые подростки изъ дворянъ, которые въ разноцвѣтныхъ, шелковыхъ одеждахъ

[1]) Нарышкинъ.

[2]) Матвѣевъ.

и собольихъ шубахъ стоятъ на виду у всѣхъ, въ переднихъ комнатахъ, съ бердышами. Московскіе дворяне, получая отъ Царя земли, или денежное годовое жалованье, живутъ постоянно въ Москвѣ, всегда готовые выступить въ походъ. Городовые дворяне, на таковомъ же положеніи, проживая по городамъ, собираются обыкновенно по приказанію воеводы, или намѣстника, въ случаѣ войны. Должно упомянуть здѣсь и о тѣхъ двухъ юношахъ, князьяхъ, которые въ бѣломъ одѣяніи стоятъ по обѣимъ сторонамъ Царя, когда онъ сидитъ на престолѣ: одинъ изъ нихъ держитъ въ рукахъ топоръ или сѣкиру, украшенную слоновой костью, а другой—шестоперъ или булаву. Начальникъ конюшни нынѣ пользуется значеніемъ, гораздо меньшимъ, нежели прежде: въ давно прошедшія времена, онъ, въ случаѣ бездѣтности Царя, былъ ближайшимъ его наслѣдникомъ. Дворецкій бояринъ, по простонародному называемый „набольшимъ въ дому“ — главный управитель Двора. Оружничій бояринъ—завѣдуетъ складомъ оружія и украшеніями всего дворца. Комнатнымъ съ ключомъ (Comnatnoi Cluczom), называется главный прислужникъ въ спальнѣ, хранящій ключъ отъ Царскаго кабинета. Кравчій, или какъ его называютъ теперь, маршалъ, подаетъ яства, ловчій — начальникъ надъ царскою охотою. Главнымъ церемоніймейстеромъ называется изъ числа сенаторовъ тотъ, кто управляетъ Посольскимъ Приказомъ, или канцеляріей, гдѣ вѣдаются, по бо́льшей части, дѣла объ иностранцахъ. Думные дьяки суть придворные секретари, между которыми первое мѣсто занимаютъ тѣ, которые завѣдуютъ тайнымъ архивомъ Царя, такъ называемые дьяки тайныхъ дѣлъ, дьяки же низшаго разряда суть писцы, коихъ очень много и кои обыкновенно пишутъ, положивъ бумагу на колѣни. За ними слѣдуютъ, по порядку, подьячіе, т.-е. прислуживающіе дьякамъ. Разсказъ объ остальной, наконецъ, незнатнаго происхожденія, царской прислугѣ, составляющей длинное приложеніе ко Двору, и о Царскихъ тѣлохранителяхъ, я здѣсь опускаю, такъ какъ мнѣ еще представится случай говорить объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

ГЛАВА 15.

О самодержавномъ образѣ правленія Царя и его основаніи.

Власть Московскаго Царя до того не стѣснена никакими законами и до того самоуправна, что справедливо можетъ считаться равною, если не превосходящей, царской власти древнихъ Ассирійцевъ и Грековъ, и современныхъ Турокъ, Персовъ и Татаръ. Поэтому-то нѣкій турецкій ораторъ сказалъ, что изъ всѣхъ христіанскихъ правителей, только Московскій Царь одинъ обладаетъ полною и высшею властью надъ своими: этотъ варваръ, повидимому, либо по невѣжеству своему не замѣтилъ, а скорѣе всего не зналъ, того, что гораздо болѣе украшаетъ царей и болѣе священно у христіанскихъ царей, именно—ихъ превосходство надъ прочими (majestas). И дѣйствительно, Царь имѣетъ не только полнѣйшее право издавать и отмѣнять законы, заключать и нарушать союзы и мирные договоры, назначать и удалять чиновниковъ, уменьшать и увеличивать налоги, но располагаетъ вполнѣ жизнью и смертью своихъ подданныхъ и ихъ имуществомъ, такъ что можетъ, если захочетъ, отнять у нихъ все состояніе и жизнь, не объясняя причинъ сихъ дѣйствій. Если онъ иногда совѣщается о чемъ либо съ боярами, то онъ не проситъ ихъ о согласіи, а пользуется ихъ опытностью и покорностью. Поэтому всѣ его подданные открыто признаютъ, что всѣ они цѣликомъ и все ихъ имущество принадлежатъ Богу и Царю и прячутъ все, что у нихъ есть дорогаго и цѣннаго, въ сундуки или подземелья, дабы другіе, увидавъ, не позавидовали бы, правитель не заподозрилъ бы, и дабы не привлечь на себя чьей-либо жадности или иную какую опасность. И это одна, между прочимъ, изъ главныхъ причинъ тому, что Москва до сихъ поръ такъ отвратительно дика и не отличается красотою своихъ зданій. Самая же Царская власть вполнѣ наслѣдственна и составляетъ достояніе Царской семьи, при чемъ всегда наслѣдуютъ сыновья, старшіе или младшіе, смотря по желанію родителей. Прочіе члены семьи не могутъ никоимъ образомъ, основываясь на близкомъ родствѣ, захватить себѣ власть, такъ какъ волѣ умирающаго Царя предоставляется, слѣдуя весьма похвальному обычаю, передать изъ рукъ въ руки царскій скипетръ. Изъ этой власти проистекаютъ и эти многочисленныя и пышныя прозванія—Великаго Государя, Царя, Самодержца, Отчича и Дѣдича. Единственная цѣль, къ которой единодушно стремится все Русское государство, это—исключительно слава Царя, выгода его и благосостояніе, которая и достигается крайней суровостью и поддерживается строжайшими законами. Поэтому, равнымъ образомъ, и всѣ подданные, дабы знали, что межъ ними нѣтъ никакого различія другъ отъ друга, никогда не допускаются слишкомъ близко къ Царю, не пользуются освобожденіемъ отъ повинностей или какими-либо преимуществами, никогда, наконецъ, не могутъ разбогатѣть. Дѣйствительно, относительно Московскихъ Князей мнѣніе таково, что презрѣнная доступность и обиліе средствъ у знати есть та стѣна, изъ за которой нынѣ сильные борятся съ Царями, и что обиліе преимуществъ у немногихъ есть зловредное сѣмя, поводъ къ соблазну и источникъ мятежа, и, напротивъ, если народу, по милости Князя, предоставляется одна только цѣль, достигнуть которой никто не можетъ иначе, какъ чрезъ

смиреніе, то всѣмъ дается возможность просто и легко идти по правому пути.

Поэтому Цари, дабы лучше обосновать свою власть и вполнѣ обезопасить себя, установили слѣдующіе основные законы, сходные съ древними спартанскими а нынѣ — татарскими. Ибо, одинаково съ ними, они не позволяютъ своимъ подданнымъ, ни путешествовать, ни вступать въ бракъ съ чужеземцами, ни, наконецъ, заниматься науками и искусствами, ради умственнаго развитія и нравственнаго совершенства; въ довершеніе къ сему, запрещается еще кому бы то ни было, спорить о вѣрѣ, или обращаться съ рѣчами къ народу въ церкви. Итакъ—священники держатъ въ Московіи народъ въ убѣжденіи, что Царь ничего не дѣлаетъ помимо воли Божіей, и что повинующійся до конца жизни своей приказаніямъ Царя, непремѣнно будетъ угоденъ Богу. Съ той же цѣлью князьямъ и боярамъ московскимъ приказано постоянно пребывать во дворцѣ, а члены наиболѣе вліятельныхъ семей обыкновенно разлучаются, или высылаются въ отдаленныя области подъ видомъ оказанія имъ чести. Наконецъ, справедливость Князя въ особенности, частая перемѣна должностныхъ лицъ и, расположенныя, по всему государству, военныя стражи, до такой степени хорошо упрочиваютъ Московскій престолъ, что всѣмъ ясно, въ какой степени и Россія опирается на Платоновское благоустройство.

ГЛАВА 16.

О писанныхъ законахъ и народныхъ собраніяхъ.

Первоначально обыкновенно народы во всѣхъ вопросахъ жизни руководились исключительно естественнымъ порядкомъ вещей и общепринятыми обычаями. Такого же порядка придерживались весьма долго и Мосхи, но нѣсколько позднѣе они уже стали излагать письменно свои законы, хотя, кажется, значительная часть ихъ нѣкогда присвоила себѣ и письмена и законы, письменно изложенные, и принятые у Готовъ и древнихъ Скиѳовъ. По принятіи христіанства, Владиміръ первый написалъ кое-какіе законы [1]) и съ тѣхъ поръ, по мѣрѣ того, какъ являлась надобность, вновь составлялись послѣдующими Царями новые, весьма полезные, законы. Изъ нихъ весьма важны: собраніе законовъ Ивана Васильевича [2]), разборъ постановленій Флорентинскаго Собора съ строжайшимъ осужденіемъ Исидора [3]), правила

[1]) Церковный уставъ Св. Владиміра.
[2]) Судебникъ Царя Ивана Васильевича.
[3]) Соборная грамота русскихъ епископовъ о вѣрности ихъ митрополиту Іонѣ и т. д... 1459 г.

(canones) Іоанна митрополита [1]) и вопросы нѣкоего Кирилла къ Нифонту, епископу Новгородскому [2]). Всѣ эти отдѣльныя законоположенія Алексѣй Михайловичъ приказалъ, въ 1647 году, значительно добавивъ, собрать и привести въ лучшій порядокъ и напечатать подъ заглавіемъ Соборное Уложеніе, т.-е. постановленія соборовъ. Здѣсь все точно изложено: вопросы о вѣрѣ и о духовныхъ лицахъ, о судопроизводствѣ, о должностныхъ лицахъ, о разграниченіи земель, и о разныхъ сословіяхъ подданныхъ. Что же касается до всенародныхъ собраній, то они у Московъ бываютъ крайне рѣдко, такъ какъ только Царь можетъ созвать и распустить таковое. Еженедѣльно, однако, собираются въ особую комнату дворца, называемую столы [3]) (Stollie), или даже въ церковь, нѣсколько думныхъ бояръ (senatores), Патріархъ и митрополитъ съ епископами, для частнаго совѣщанія, при чемъ патріархъ креститъ лобъ и щеки Царя, когда тотъ входитъ, или выходитъ. За симъ, когда у всѣхъ ихъ, по порядку, спрашиваютъ ихъ мнѣніе о предложенномъ вопросѣ, или, вѣрнѣе сказать, ихъ совѣта, то они все полагаютъ на мудрость Царя и предоставляютъ ему полную власть выбрать и рѣшить, какъ ему угодно, какъ единственному и высшему издателю законовъ. Въ сравненіи съ другими народами, Мосхи, по правдѣ сказать, немного издали для себя законовъ, изъ коихъ они соблюдаютъ много совершенно несогласныхъ съ нашими обычаями, но, въ силу постояннаго примѣненія и привычки, строго соблюдаемыхъ, и полагаютъ, что то государство, которое нуждается во многихъ законахъ, крайне разстроено.

ГЛАВА 17.

О союзахъ.

Союзы, необходимые, вообще, для подкрѣпленія какой бы то ни было, власти, Московскій Царь заключаетъ лишь съ нѣкоторыми пограничными государями, предпочитая воздерживаться отъ сношеній съ болѣе отдаленными, какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ почти и во всѣхъ остальныхъ. Съ достопочтеннѣйшимъ, впрочемъ, императоромъ Леопольдомъ онъ недавно заключилъ новый дружественный союзъ. Да сохранитъ Господь навѣки эту связь двухъ доблестнѣйшихъ государей, на неоспоримое благо всему христіанскому міру! Что же ка-

[1]) См. стр. 80 прим. 2.
[2]) Вопросы Кирика, Саввы и Иліи, съ отвѣтами Нифонта, епископа Новгородскаго, 1130—1156 г.
[3]) Ср. Флетчеръ, О государствѣ русскомъ, гл. 8, въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс. 1848 г. кн. 1.

сается до, заключенныхъ и соблюдаемыхъ уже нѣсколько лѣтъ, союзовъ съ Англичанами и Голландцами, то они касаются исключительно права свободной торговли. Всѣ же остальные священные пункты договоровъ Мосхи, смотря по тому, требуетъ ли того миръ или война, спокойно, либо твердо соблюдаютъ, либо совершенно нарушаютъ. Изъ договоровъ, кажется, никогда ни одинъ не былъ такъ долговѣченъ, какъ заключенный нѣкогда съ Персами, такъ какъ одинаково нежелательное могущество сосѣдей, Татаръ и Турокъ, тѣснѣйшимъ образомъ связывало стремленія тѣхъ и другихъ [1]), какъ бы неразрывной связью. Другой родъ союза, но не на равныхъ правахъ (inaequale), они заключили также съ великимъ китайскимъ ханомъ, ради областей, расположенныхъ по ту сторону Оби; и, съ этою цѣлью, отправляютъ пословъ, одного за другимъ, въ Китай съ дарами. Эта, во всякомъ случаѣ, многолѣтняя дружба не мало способствуетъ къ держанію прочихъ татарскихъ хановъ и мурзъ между страхомъ и мирными замыслами. Да наконецъ, и торговлю-то съ Китаемъ (называемымъ нѣкоторыми Сѣвернымъ) Русскіе едва ли могли бы вести инымъ какимъ-либо способомъ, если бы они (какъ это дѣлаютъ Персы и другіе народы) не открыли себѣ пути къ столь подозрительнымъ и ненавидящимъ чужеземцевъ народамъ, подъ предлогомъ ввоза даней и подарковъ. Съ прочими татарскими мурзами, коихъ они предпочитаютъ имѣть въ числѣ друзей, нежели въ числѣ сосѣдей, нашимъ Мосхамъ сама необходимость велитъ заключать союзы. Со Шведами и Поляками они скорѣе поддерживаютъ миръ, нежели союзъ, хотя, недавно, они съ весьма похвальнымъ рвеніемъ, примкнули къ Полякамъ противъ Турокъ. Впрочемъ, прочность этой дружбы покоится на основаніи довольно сомнительной прочности, такъ какъ оба эти народа явно соперничаютъ другъ съ другомъ и явно питаютъ ненависть другъ къ другу. Всякій, однако, союзъ, заключенный Царемъ съ чужеземцами, онъ, обыкновенно, скрѣпляетъ, чрезъ пословъ, крестнымъ цѣлованіемъ.

ГЛАВА 18.

О посылкѣ и пріемѣ пословъ.

Никто почти изъ бывшихъ до него Московскихъ Царей, не посылалъ столь много и столь блестящихъ пословъ [2]) въ Азію и по всей Европѣ, какъ нынѣшній Царь Алексѣй Михайловичъ. Въ короткій

[1]) Т.-е. Русскихъ и Персовъ.
[2]) Собственно „ораторовъ“ (oratores).

промежутокъ времени, не только у Турокъ, Персовъ, Татаръ, Шведовъ и Поляковъ, но и у Голландцевъ, Англичанъ, Французовъ, Испанцевъ и у священнѣйшаго Императора христіанскаго [1]) и многихъ Имперскихъ Князей, Великаго Герцога Тосканскаго, въ Венеціанской республикѣ, и даже у самаго Первосвященника Римскаго онъ, чрезъ пословъ, подавая примѣръ необычной вѣжливости и съ цѣлью предложить свои услуги, побывалъ. Вслѣдствіе этого и Мосхи также отъ весьма многихъ князей получили увѣренія въ дружбѣ и уваженіи.

Они принимаютъ совершенно своеобразно иностранныхъ пословъ и заботливо отсылаютъ ихъ обратно домой, какъ можно скорѣе. Ибо они не терпятъ постоянныхъ въ Москвѣ пословъ, или резидентовъ, какъ ихъ называютъ, а также и сами не позволяютъ своимъ долго оставаться при дворахъ другихъ государей, дабы тѣ, вслѣдствіе слишкомъ долгаго, постояннаго обращенія, не измѣнялись бы и не вносили въ отечество новые нравы. Мало того, они и пріѣзжихъ пословъ считаютъ, какъ бы честными, явными, лазутчиками и законными измѣнниками своей вѣрѣ. Посылаемымъ же ими за предѣлы государства, они постоянно, подъ угрозою тяжкаго наказанія, приказываютъ вездѣ тщательно поддерживать Царское достоинство и величіе, а также и разузнавать о всѣхъ дѣлахъ до мельчайшихъ подробностей, въ теченіе немногихъ дней. Во избѣжаніе же всякаго совращенія или подкупа со стороны иноземцевъ, и дабы послы находились въ полной зависимости отъ Царской милости, у нихъ, по возвращеніи домой, обыкновенно отбираютъ подарки, полученные ими за границей, и либо награждаютъ ихъ другими, либо же подвергаютъ наказанію [2]). Раньше, Мосхи до того считали себя всячески въ правѣ нарушать, почитаемыя священными у всѣхъ, права пословъ, что Иванъ Васильевичъ приказалъ пробить голову гвоздемъ нѣкоему татарскому послу, не снявшему шляпы, а другаго посла, отъ римскаго императора, недостаточно почтительнаго, отправилъ въ изгнаніе, въ холодную Сибирь. (Извѣстно, что отецъ нынѣшняго Царя поступилъ такимъ же образомъ съ нѣкіимъ англійскимъ посломъ). Пословъ отъ державъ, несостоящихъ съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ, Русскіе обыкновенно не допускали даже внутрь государства а, какъ можно скорѣе, отпускали домой, покончивъ дѣло, ради котораго тѣ пріѣзжали, чрезъ посредниковъ (internuncios), на границѣ. Послы же отъ дружескихъ державъ, съ момента прибытія ихъ къ границѣ Россіи, поступаютъ на полное содержаніе Царя, и ихъ провожаютъ до сто-

[1]) Т.-е. Австрійскаго.
[2]) Въ подлинникѣ собственно: „наставляютъ на путь истины, посредствомъ наказанія“.

лицы царства, осыпая всякаго рода проявленіями гостепріимства, хотя они часто испытываютъ завистливое и высокомѣрное, на словахъ и на дѣлѣ, обращеніе приставовъ, т.-е. чиновниковъ отъ порубежныхъ воеводъ. Ибо тѣ стараются послѣдними слѣзать съ коней, выходить изъ экипажа, сѣсть повсюду первыми на наиболѣе почетное мѣсто, какъ можно рѣже снимать шапку, какъ можно менѣе двигаться впередъ и по возможности чаще произносить титулъ Царя.

Прибывъ къ первому русскому городу, послы непремѣнно должны нѣкоторое время тамъ пообождать, доколѣ Царь, извѣщенный о ихъ прибытіи, не отпишетъ, какъ ему угодно поступить съ ними далѣе; въ это время управляющій сею областью, воевода, рѣдко показывается посламъ, дабы этимъ какъ нибудь не уронить чести своего Государя, а, можетъ-быть, и для того, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ подкупѣ. Затѣмъ, они съ новымъ переводчикомъ и приставомъ, проѣзжая по государству, не имѣютъ права идти пѣшкомъ, ни даже прохаживаться по улицамъ, лежащихъ на пути городовъ, иначе, какъ съ согласія и разрѣшенія сопровождающихъ ихъ приставовъ и окруженные военною стражею. Приблизясь къ Москвѣ, они нѣсколько времени ждутъ [1]), пока не будетъ назначенъ день для торжественнаго въѣзда и не явятся новые пристава. Эти съ еще бо́льшимъ упорствомъ, нежели прежніе, стараются, по бо́льшей части, закрывать посламъ видъ съ правой стороны, болѣе по собственной гордости и упорному высокомѣрію, нежели во исполненіе Царской воли. Поэтому, когда въ 1672 году, дворянинъ Адольфъ Евершильдъ, мой родственникъ, будучи посланъ Шведскимъ королемъ въ Московію, замѣтилъ своему приставу, что это крайне неприлично, прибавивъ, что Русскіе незаслуженно требуютъ, чтобы имъ за границею оказывали почести, такъ какъ они у себя не оказываютъ ничего подобнаго чужестранцамъ, то Царь немедленно велѣлъ приставу тотчасъ же перейдти на лѣвую сторону посла. [Когда же тотъ собирался уѣзжать, то Царь, оказавъ ему многіе, необычайные знаки расположенія, пожелалъ, чтобы онъ, окруженной знатными людьми, проѣхалъ бы по городу на бѣлыхъ лошадяхъ. Итакъ, обращаясь къ началу разсказа, послы въѣзжаютъ въ городъ, среди многочисленныхъ всадниковъ изъ знати, въ роскошныхъ одеждахъ, и между рядами пѣшихъ солдатъ, на длинное разстояніе развернутыми, и везутъ ихъ на Царскихъ лошадяхъ въ громадный дворецъ, именуемый Дворцомъ Христіанскихъ Пословъ. Необычное блестящее торжество это не можетъ не поразить зрителя. Затѣмъ они, въ стѣнахъ своего жилища, окружаются, какъ бы въ какой осадѣ, воинскою стражею, которая никому не позволяетъ входить

[1]) Собственно „на нѣсколько времени задерживаютъ окончаніе путешествія“.

къ нимъ, кромѣ посланныхъ Царемъ, и никуда наружу не выпускаетъ кого бы то ни было изъ посольскихъ слугъ, дабы, какъ нибудь, не представилась имъ возможность подкупить московскихъ чиновниковъ деньгами или подарками, или кто либо не узналъ о томъ, что поручено посламъ, раньше Царя. Впрочемъ Мосхи поступаютъ такъ, прикрывая это видомъ почета и заботы о безопасности. Межъ тѣмъ, посламъ щедрою рукою (larga manu) отпускается все необходимое для существованія, такъ, чтобы имъ, сколько времени они бы не прожили въ Москвѣ, не было бы надобности тратиться самимъ на что-либо, кромѣ подарковъ.

Когда же, наконецъ, послы отправляются во дворецъ для изложенія предъ Царемъ своихъ порученій, то снова, до воротъ дворца имъ предшествуетъ многочисленный отрядъ всадниковъ, великолѣпно убранныхъ, нѣсколько ротъ (cohortes) пѣхоты, а также и большія пушки, везомыя въ нѣсколько длинныхъ рядовъ. Впереди, пѣшкомъ несутъ подарки Царю, каждый подарокъ особо. Впослѣдствіи ихъ, по приказанію Царя, точно оцѣниваютъ серебряныхъ дѣлъ мастера и купцы, дабы Царь могъ, черезъ это, равномѣрнѣе отдарить, сто́ящими столько же. При этомъ, нѣкоторые изъ болѣе почетныхъ членовъ посольства, обыкновенно также выставляютъ, такимъ же способомъ, свои незначительные дары Царю, съ цѣлью получить такимъ тайнымъ путемъ наживы болѣе цѣнные. Русскіе замѣтили это, наконецъ, и, въ бытность нашу, возвратили нѣкоторымъ изъ состоявшихъ при посольствѣ ихъ подарки, съ изрядною нѣкою придачею. Пройдя ворота, христіане входятъ далѣе во внутренніе покои, иною дверью, нежели магометане и язычники, сквозь тѣсную стражу тѣлохранителей (praetoriani): тутъ важно сидятъ много, внушительнаго вида, пожилыхъ мужей, занимающихъ различныя должности при Царѣ, въ высокихъ, башнеподобныхъ шапкахъ и великолѣпныхъ, золотомъ расшитыхъ, одеждахъ. Каждый разъ какъ послы входили въ какую-либо комнату, двери за ними запирались, пока, наконецъ, пройдя ихъ нѣсколько, и, снявъ предварительно съ себя шпаги (gladio deposito prius), они предстали предъ Царемъ, сидящемъ на пышномъ тронѣ; передъ нимъ стоялъ длинный рядъ бояръ въ замѣчательно роскошныхъ одеждахъ. Позади Царя стояли два молодыхъ спальника (cubicularii), въ одеждахъ изъ серебряной парчи, въ высочайшихъ шапкахъ, сшитыхъ изъ бѣлыхъ лисьихъ шкуръ: одинъ держалъ въ рукѣ сѣкиру, а другой — булаву. Послы пожелали Царю отъ имени своего государя, здоровья и передали привезенныя ими грамоты, при чемъ вкратцѣ изложили предметъ своего посольства, послѣ чего поцѣловали у Царя руку, которую въ прежнія времена Цари имѣли обыкновеніе обмывать послѣ сего, считая всякое прикосновеніе со стороны иновѣрцевъ осквернительнымъ. За-

тѣмъ Царь, съ своей стороны, спрашивалъ, чрезъ такъ называемаго Думнаго дьяка (cancellarium), о здоровьи иноземнаго (extranei) государя, и обыкновенно откладывалъ дѣло до дальнѣйшаго разсмотрѣнія, а, пока, приглашалъ пословъ къ обѣду, изобильно въ ихъ помѣщеніи приготовленному. Если же посламъ доводилось обѣдать вмѣстѣ съ Царемъ, то они сидѣли за столами, немного пониже. Царь, одѣтый, по большей части, въ бѣлую одежду (что служитъ знакомъ расположенія) предлагалъ каждому изъ нихъ кубки съ пѣнящимся виномъ и пилъ даже самъ вино въ честь и во здравіе ихъ государя, своего друга. Переговоры о мирѣ или войнѣ ведутъ съ послами нѣсколько, на то избранныхъ, бояръ, а Царь очень часто слушаетъ ихъ изъ сосѣдняго тайника (ex vicina latebra). Тотчасъ же послѣ перваго пріема (такъ называемой аудіенціи) посламъ и ихъ слугамъ дозволяется, однако въ сопровожденіи военной стражи, походить по городу, разрѣшается также и постороннимъ приходить къ нимъ, объявивъ предварительно стражѣ свое имя и причину прихода. Въ числѣ таковыхъ весьма часто посѣщаютъ пріѣзжихъ знатныя, подученыя лица и, бесѣдуя о разныхъ обстоятельствахъ русскихъ, представляютъ все въ превосходномъ видѣ и сообщаютъ все, что угодно, кромѣ истины. Поэтому большинство изъ побывавшихъ въ Россіи привозятъ съ собою поверхностныя свѣдѣнія и общераспространенныя басни объ этомъ государствѣ, такъ какъ въ тайны московскія имъ не удается проникнуть вполнѣ удовлетворительно, никоими, даже окольными, путями [1]).

ГЛАВА 19.

О Царской казнѣ и отдѣльныхъ его доходахъ.

Долгое время Московиты славились между многими другими народами добровольною бѣдностью и простотою образа жизни, но потомъ ими также овладѣли жажда золота и неудержимая страсть къ стяжанію, и они начали насильно отнимать чужое имущество, чеканить монету и собирать сокровища. А такъ какъ все право и власть надъ подданными принадлежатъ въ настоящее время Князю, то всѣ богатства стекаются къ нему одному, такъ что Московскій Царь справедливо считается однимъ изъ богатѣйшихъ правителей на свѣтѣ, такъ какъ ежегодный его доходъ, по достовѣрному счету, въ общей сложности, значительно превышаетъ два милліона рублей, или венгерскихъ червонцевъ; одинъ Архангельскій портъ, говорятъ, доставляетъ ежегодно 300.000 червонцевъ. Бо́льшая часть этихъ денегъ идетъ на расходы по содержанію Двора, на потребности государства и благоустройство Сибири въ особенности, и другихъ восточныхъ областей. Остальная же часть идетъ либо на пріобрѣтеніе драгоцѣнныхъ вещей, либо вносится на храненіе въ казначейство, такъ что доходовъ гораздо болѣе, нежели необходимыхъ расходовъ. Не упоминая здѣсь вторично о тѣхъ, поражавшихъ своимъ количествомъ, богатствахъ, собранныхъ на Бѣлоцерковномъ островѣ, при чемъ столько областей и городовъ подвергались кровопролитному разоренію, и нынѣ уже истраченныхъ, я не нахожу нужнымъ, однако, скрывать, что таково же, а, можетъ быть, и еще больше, богатство нынѣшняго Царя. Часть его сокровищъ хранится въ такъ называемой Золотой Палатѣ, гдѣ возвышаются, въ порядкѣ расположенныя, груды драгоцѣнныхъ камней и жемчуга, при чемъ ежедневно нѣсколько искуснѣйшихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ и другихъ художниковъ заботливо ихъ перечищаютъ и тѣмъ увеличиваютъ ихъ цѣнность. Источники доходовъ крайне разнообразны и почти безчисленны. Изъ наслѣдственныхъ дворцовыхъ помѣстьевъ, называемыхъ оброчными во́тчинами, которыя занимаютъ около половины всего государства (другая половина распредѣлена между духовенствомъ и знатью) доставляется Царю не только хлѣбъ, медъ, скотъ и многое другое въ этомъ же родѣ, но и громадное количество чеканной монеты. Изъ повинностей, которыя онъ единолично, по желанію, то увеличиваетъ, то уменьшаетъ, двѣ въ особенности, приносятъ Царю доходъ—*тягло* (Tagla), взимаемое по всему государству съ каждаго четверика (modium) муки, и *подать*—т.-е. ежегодный взносъ, уплачиваемый всѣми подданными безъ исключенія, смотря по величинѣ состоянія, хотя въ столь обширномъ государствѣ гораздо болѣе денегъ собирается отъ пошлинъ портовыхъ и, такъ называемыхъ, конфискованныхъ, товаровъ. Въ немалой степени замѣняютъ сокровища и дорогіе разнаго рода мѣха, которые, какъ-бы по недостатку денегъ, одинаково служатъ вмѣсто денегъ, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней торговлѣ, такъ что знаменитый французскій географъ Сансонъ (Sansonius) и многіе другіе, кажется, весьма удачно, думали видѣть въ этихъ мѣхахъ, золотое руно Аргонавтовъ, ибо и Фазисъ [1]), нынѣ называемый Фассомъ, въ сосѣдней съ Русскими Колхидѣ, славился нѣкогда какъ всемірный рынокъ, да и Севастіанополь въ той же Грузіи, въ которомъ обыкновенно собирались единовременно 300 народовъ съ Сѣвера, ради торговыхъ цѣлей [2]), пользовался не меньшею извѣстностью. Мало того, и тутъ и тамъ

[1]) Въ подлинникѣ собственно: „ибо въ тайники московскія (arcana moschovitica) они даже и подземными ходами проникнуть не могли (per cuniculos)“.

[1]) Нынѣшній Ріонъ.
[2]) На ярмарку, говоря современнымъ языкомъ.

упоминаются, между прочими товарами, особенно мѣха, которые тогда необходимо было доставлять туда, главнымъ образомъ, изъ Московскихъ земель, въ громадномъ количествѣ. Затѣмъ съ кабаковъ, т.-е. питейныхъ домовъ, въ которыхъ, по всему государству, исключительно одинъ лишь Царь продаетъ пиво, медъ и водку, получается такой доходъ, что трудно даже сказать. Не меньшій, ежедневный доходъ доставляютъ и общественныя бани, которыя также онъ одинъ повсюду содержитъ, такъ какъ частое купанье стало у Московъ не только обычаемъ, но даже закономъ, такъ что каждый изъ нихъ посѣщаетъ баню, по крайней мѣрѣ, раза два-три въ недѣлю. Но еще болѣе барышей получается съ постояннаго преимущественнаго права (monopolium) торговать всякаго рода товаромъ и въ присущемъ Царю правѣ первому покупать и продавать. То, что казна получаетъ также и половину взысканій по уголовнымъ дѣламъ и десятую часть по всѣмъ прочимъ судебнымъ дѣламъ, отъ продажи лошадей, изъ Татаріи выведенныхъ, и, наконецъ, указъ, которымъ запрещается не ввозъ въ государство, а вывозъ изъ него денегъ,—все это приноситъ громадный доходъ. Наконецъ, даже и имущество частныхъ лицъ Царь, въ случаѣ крайней нужды, считаетъ себя, болѣе, чѣмъ другіе властители, въ правѣ отдать на общественную пользу [1]). Нашъ Алексѣй, однако, до сей поры, совершенно справедливо, не рѣшался на это, и, дабы показать свое милостивое отношеніе къ подданнымъ, рѣшилъ, что достаточно въ военное время взимать десятину, т.-е. только десятую часть съ доходовъ имущества, по строгой оцѣнкѣ, тогда какъ отецъ его, Михаилъ, повелѣлъ платить себѣ пятину, т.-е. пятую часть.

ГЛАВА 20.

О нѣкоторыхъ должностныхъ лицахъ.

Хотя обязанности должностныхъ лицъ у Московъ носятъ почти одинаковыя названія, какъ и въ Польшѣ, однако, въ самомъ отправленіи бо́льшей части ихъ видна, съ той и другой стороны, разница. У Поляковъ все направлено къ свободѣ знати, въ Московіи же, вообще говоря, все находится въ жалкомъ, рабскомъ подчиненіи. Нѣкоторыя, высшія должности, когда-то обладавшія нѣкоторымъ подобіемъ свободы, либо совершенно отмѣнены Царями, или же власть и могущество ихъ до того ограничены, что даже сами бояре, именовав-

[1]) Чрезвычайно неясное мѣсто, которое можно понять и такъ:... „Царь считаетъ себя болѣе прежнихъ властителей т.-е. бывшихъ, до него, князей, въ правѣ“ и т. д.

шіеся правителями (senatores regni) государства, нынѣ едва-едва могутъ быть считаться наравнѣ съ частными, простыми совѣтниками (consiliaris privatis). Но, кажется, многихъ (я далекъ отъ того, чтобы сказать „всѣхъ“), одновременно съ ихъ обезсиленіемъ, одолѣло сильное любостяжаніе, которымъ они, хоть отчасти, удовлетворяютъ, если не честолюбію своему, то жадности. Такъ сильно господствуютъ нынѣ обманъ, подкупъ, до того стало обычнымъ развращать и развращаться! Изъ числа знатныхъ должностныхъ лицъ, воеводы или намѣстники (palatini), получаютъ въ управленіе ту или другую область, (provincia) приблизительно на три года. Они, хотя и являются представителями и подражателями Царя, очень ограничены въ своей власти. Они обязаны наиболѣе важныя дѣла (gravioris momenti causaë) представлять на разбирательство Царю и не могутъ лишить кого-либо жизни, не донеся сперва объ этомъ въ Москву. Въ остальномъ, они отправляютъ правосудіе болѣе свободно, но такъ однако, что никогда не забываютъ себя, измѣннически выговаривая себѣ за разборъ дѣла, такъ какъ они не получаютъ отъ Царя никакого годоваго жалованья, кромѣ взысканной съ преступниковъ пени. При отъѣздѣ на воеводство Царь обыкновенно вручаетъ имъ жезлъ (baculum), въ знакъ власти, а, можетъ-быть, и въ видѣ напоминанія о предстоящемъ наказаніи, ибо они легко лишаются не только своего сана и свободы, но въ видѣ роковой отместки, и жизни, какъ только возникаетъ малѣйшее подозрѣніе или жалоба на дурное веденіе ими дѣлъ. Раньше они должны были оставлять женъ и дѣтей въ Москвѣ, дабы Царь могъ оказывать имъ бо́льшее довѣріе, нынѣ же, вмѣстѣ съ ними, отправляются въ области, въ качествѣ спутниковъ, послы (legati) и дьяки (secretarii), дабы взаимный страхъ и дѣятельное соревнованіе могущественнѣе удерживали каждаго изъ нихъ отъ несправедливыхъ поступковъ.

ГЛАВА 21.

О приказахъ, или присутственныхъ мѣстахъ.

Дабы въ столь обширномъ государствѣ отдѣльныя дѣла (singula negotia) велись болѣе подобающимъ образомъ (decentius) и въ бо́льшемъ порядкѣ, Мосхи препоручили много присутственныхъ мѣстъ, въ простонародьи называемыхъ Приказами, или Канцеляріями (seu Cancellarias), почти безчисленному количеству дьяковъ или писцовъ для тщательнаго вѣденія. Изъ нихъ, слѣдующіе четыре почитаются какъ бы главенствующими между остальными.

Посольская Четверть, гдѣ ведутся дѣла съ чужеземными государями, послами и, даже, купцами иностранцами, въ которомъ, въ наше

время, съ великою славою предсѣдательствовалъ Артамонъ Сергѣевичъ. *Разрядная Четверть*, гдѣ ведутся записи о состояніи бояръ и дворянъ и ихъ службѣ, а также отмѣчаются мирныя и военныя пріобрѣтенія и потери, и владѣнія всего государства. Изъ него же получаютъ предписаніе отправляться и наказъ, воеводы, предъ отъѣздомъ ихъ въ области и царства (regna). *Помѣстная Четверть* ведетъ списокъ помѣстьямъ, пожалованнымъ отъ Царя за заслуги и разбираетъ споры, возникшіе изъ-за купли, продажи и наслѣдства. *Казанскій* и *Сибирскій Дворецъ* вѣдаетъ дѣла Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго царствъ, богатый доходъ отъ мѣховъ и благоустройство не населенныхъ [1]) странъ, число коихъ съ каждымъ днемъ увеличивается. Эти присутственныя мѣста, въ совокупности взятыя (если прибавить къ нимъ еще три главнѣйшихъ, вышеназванныхъ), соотвѣтствуютъ вполнѣ семеричному (septuplo) сенату въ Китаѣ,—мало того, если кто внимательно присмотрится къ сути дѣла, то увидитъ безконечное количество китайскихъ обычаевъ у Московъ, чему, кажется, причина двойная: та, что весьма многіе обычаи всѣхъ азіатскихъ народовъ схожи между собой, и та, что многіе обычаи были переняты Русскими у Татаръ, которые одинаково владычествовали надъ Китайцами и надъ Московіей.—За этими приказами слѣдуетъ большое количество таковыхъ-же, приблизительно въ слѣдующемъ порядкѣ: *Дворцовой приказъ*—обсуждаетъ дѣла, вообще касающіяся Дворца, *Иноземской* — распоряжается иностранцами, служащими въ военной службѣ и другими, кои, почему-либо, не подчинены другимъ приказамъ. *Рейтарскій*—завѣдываетъ конницею, набранною, бо̀льшею частью, изъ туземцевъ дворянъ, и уплачиваютъ имъ жалованье. *Большой Приходъ*, куда сборщики (quaestores) или гости представляютъ отчеты о доходахъ съ пошлинъ въ гаваняхъ и т. п. [2]), гдѣ устанавливаются цѣны, вѣсъ и мѣра, и уплачивается мѣсячное и годичное жалованье многимъ служащимъ. *Судный Володимірскій Приказъ*, который бояре считаютъ своимъ исключительнымъ, судилищемъ по древнимъ установленіямъ. *Судный Московскій*, куда призываются на судъ стольники, стряпчіе и прочіе придворные (aulici) служащіе, и граждане (cives). *Разбойный*—судитъ разбойниковъ, воровъ и всякаго рода преступниковъ, подвергаетъ ихъ пыткѣ и постановляетъ приговоръ, сообразно съ преступленіями. *Пушкарскій* — завѣдываетъ литейщиками колоколовъ и пушекъ для войны, кузнецами и всѣми мастерами, изготовляющими, что нужно для вооруженія, заготовляетъ впередъ все необходимое и заботится вообще о военныхъ снарядахъ. *Ямской* откуда, по приказа-

[1]) Собственно „негостепріимныхъ, дикихъ (inhospitus)“.
[2]) Такъ въ подлинникѣ: „etc“.

нію Царя, быстро разсылаются, по всѣмъ направленіямъ, гонцы, скороходы и ямщики, что весьма схоже съ древне-персидскими ангарами [1]). *Челобитный*—принимаетъ письменныя прошенія и возвращаетъ ихъ съ надписаннымъ рѣшеніемъ. *Земской*, куда жители города Москвы отправляются на судъ, гдѣ утверждаются купчія и другіе договоры, а также принимаются пошлины съ домовъ, заставъ (portarum), мостовъ и т. п.

Холопій — заботится о рабахъ, записываетъ имена тѣхъ, которые отдаютъ самихъ себя на извѣстное время, или совсѣмъ продающихся другимъ, въ рабство, что у Русскихъ называется кабалою. *Большой красный* [2])—въ которомъ хранится Царская казна, излишекъ доходовъ, золотая и серебряная парчи, шелковыя ткани, разнаго рода одежды, ковры, и дорогія палатки (tentoria). *Казенный* (Casanoi)—вѣдаетъ дѣла, касающіяся торговли, откупщиковъ (publicanos) и купцовъ, изъ туземцевъ, и, въ особенности, тѣхъ, кто заключаетъ какой-либо договоръ съ Царемъ [3]).

Монастырскій—чинитъ судъ (administrat justitiam) надъ священниками, монахами и всѣмъ духовенствомъ въ свѣтскихъ дѣлахъ. *Каменный*—которому подчинены мастера, плотники и каменщики и все, что касается городскихъ построекъ, и который доставляетъ гражданамъ необходимое количество лѣса, желѣза и камня. *Новгородскій* — вѣдаетъ дѣла и доходы того и другаго Новгорода [4]). *Галицкій* — куда направляются дѣла по правовымъ и судебнымъ вопросамъ [5]), Галиціи, бывшей нѣкогда царствомъ. *Новый*—куда всѣ питейные дома (caupones), продающіе водку, пиво и медъ, представляютъ свои отчеты и вырученныя деньги и откуда имъ отпускаются напитки. *Костромской*—который разбираетъ дѣла Устюжской и Холмогорской областей. *Золотой* и *Алмазный*, или Златая храмина (sive domus aurea), въ которомъ хранятся сокровища Царя, сосуды и украшенія изъ золота и серебра и громадное количество драгоцѣнныхъ камней. Во время нашего пребыванія въ Москвѣ, Царь къ этимъ сокровищамъ присоединилъ еще одинъ алмазъ, необыкновенной величины, вывезенный изъ Восточной Тартаріи, и стоимость котораго торговцы съ трудомъ могли опредѣлить. *Ружейный*, въ которомъ изготовляется и хранится всякое оружіе, знамена и все прочее, необходимое для пышныхъ военныхъ торжествъ. *Аптекарскій*, въ которомъ собираются, для испол-

[1]) Персидское слово, означающее верховаго курьера; по-нашему „эстафетный почтарь“.
[2]) Т.-е. Большой Казны.
[3]) Т.-е. поставщиковъ Царскихъ (?).
[4]) Нижняго и Великаго.
[5]) Jura et causae.

ненія своихъ обязанностей, Царскіе лѣкари, хирурги и аптекари. *Таможенный*, гдѣ собирается пошлина съ разныхъ товаровъ въ городѣ Москвѣ, и который ежегодно даетъ объ этомъ отчетъ приказу Большаго Прихода. *Сбора Десятой деньги*, въ которомъ производится сборъ десятой деньги съ имущества на необходимыя военныя издержки. *Сыскной*, наконецъ, разбираетъ новыя тяжбы (lites), въ точности неподходящія ни къ какому иному приказу. Но, кромѣ этихъ приказовъ, есть еще нѣсколько, менѣе важныхъ, во-первыхъ, по военнымъ дѣламъ, а также и тѣ три, которыми завѣдуетъ Патріархъ и которые мы опишемъ нѣсколько ниже. По приведеннымъ же образцамъ правленія, управляются и всѣ остальныя Русскія царства (regna) и области.

ГЛАВА 22.

О разборѣ тяжбъ.

Московія, по счастію, до сей поры не знаетъ того, что у насъ вошло въ общеизвѣстную поговорку, именно, что богатство, жизнь и вѣра, по бóльшей части, находятся въ рукахъ лицъ, которымъ бы никогда не слѣдовало ихъ поручать. Дѣйствительно, Мосхи не ввѣряютъ своей жизни лѣкарямъ, которыхъ, за исключеніемъ дворца, нигдѣ нѣтъ во всемъ государствѣ. Не позволяютъ они своимъ богословамъ терзать вѣру упорными, какъ какая болѣзнь, и неразумными спорами: собираться и разсуждать какъ бы то ни было о вѣрѣ, считается преступленіемъ, достойнымъ казни. Не допускаютъ они, наконецъ, и того, что бы ходатаи по дѣламъ (которыхъ они никакъ не терпятъ) обращались бы легкомысленно [1]) съ законными правами и имуществомъ гражданъ въ безконечныхъ тяжбахъ (что почти во всей Европѣ служитъ основаніемъ великаго бѣдствія). У Московъ, дѣйствительно, безъ всякой лишней траты словъ и времени, такъ какъ никакіе споры законниковъ [2]) не допускаются, въ часъ времени разбираются запутаннѣйшія жалобы и тяжбы, которыя въ другой странѣ тянулись бы цѣлое столѣтіе. Самыя мѣста для судебнаго производства распредѣлены въ городахъ такъ, что менѣе важныя недоразумѣнія и споры представляются на судъ губныхъ и сотскихъ старостъ, стоящихъ во главѣ своихъ сотенъ, болѣе важныя—воеводамъ (ad urbium praefectos), наиважнѣйшія — Царю. Порядокъ, такъ называемаго, судебнаго

[1]) Въ подлинникѣ собственно: „не расточали бы“ (prodigant).

[2]) Въ подлинникѣ стоитъ „leguleius“, что означаетъ человѣка, придерживающагося строго буквы закона, законника — педанта и крючкотвора.

дѣйствія, установленъ слѣдующій, безъ всякихъ, безполезныхъ, длинныхъ, съ той и другой стороны, краснорѣчивыхъ обсужденій: истецъ, въ письменной просьбѣ, излагаетъ начальнику (praesidi), которому подлежитъ спорное дѣло, кратко, кѣмъ и на сколько (quantum) онъ обиженъ и, получивъ выпись (Vipis), т.-е. разрѣшеніе, немедленно приводитъ, чрезъ приставовъ (apparitores), обвиняемаго. За симъ каждый изъ нихъ (уплативъ прежде поруку, т.-е. вѣрное обезпеченіе, если дѣло того требуетъ) отстаиваетъ свое дѣло безъ замѣстителей, и передъ судьей, на окончательномъ рѣшеніи котораго они безусловно успокаиваются (decretoria sententia). Если, по случаю дальности разстояній, или по какой-либо другой причинѣ, дѣло не можетъ быть кончено съ перваго же собранія, то дается нѣкоторый добавочный срокъ для защиты, по истеченіи котораго, дѣло прекращается безповоротнымъ рѣшеніемъ.

Если дѣло не можетъ быть разъяснено свидѣтелями, или иными доказательствами, то оно рѣшается присягою и крестнымъ цѣлованіемъ. Если же не успокоятся на этихъ способахъ доказательства, то каждой изъ тяжущихся сторонъ предоставляется, позвать на кнутъ, т.-е. къ доказательству посредствомъ сего ужаснаго орудія [1]), однако съ тѣмъ, что она уплачиваетъ противнику, выдержавшему это истязаніе, и ни въ чемъ не сознавшемуся, по справедливости, большое денежное вознагражденіе за перенесенную терпѣливо боль, или же получаетъ столько же ударовъ кнутомъ, чѣмъ дѣло тотчасъ же и кончается. Въ древности, если обвиняемый опровергалъ на судѣ свидѣтелей истца, то, по указу Царя Ивана Васильевича, дѣло рѣшалось въ открытомъ полѣ поединкомъ. За исключеніемъ лука, разрѣшалось биться всякаго рода оружіемъ, при чемъ, съ обѣихъ сторонъ, стояли друзья тяжущихся съ дубинами, дабы все происходило правильнѣе. Нынѣ этотъ способъ рѣшенія тяжбъ очень мало примѣняется, ибо считается недостаточно справедливымъ. А для того, чтобы сильнѣе уменьшить общераспространенныя, пагубнѣйшія ссоры, начальствующія лица учредили присяжныхъ надзирателей (tutores) которые, какъ и воспріемники при св. крещеніи, клятвенно обязаны строго сдерживать всѣхъ прочихъ, а также тщательно записывать имена тѣхъ, кто чаще тягается и кто, въ какомъ преступленіи, былъ найденъ виновнымъ. Дабы легче можно было отличить безпокойныхъ и испорченныхъ людей, они обязываютъ ихъ дать поруку въ томъ, что они обижать не будутъ. И если кому-нибудь неожиданно приключится какая-либо непріятность, и виновникъ ея не будетъ извѣстенъ, то предаютъ жестокой пыткѣ того, со стороны котораго онъ когда-то опасался обиды и заявилъ о томъ судьѣ.

[1]) Въ подлинникѣ собственно „хлыста“ или „бича“ (flagrum).

ГЛАВА 23.

О разнаго рода судебныхъ допросахъ, наказаніяхъ и казняхъ.

Не упоминая здѣсь, изъ воспоминаній о давно быломъ, о тѣхъ жесточайшихъ казняхъ, которыми Русскіе внушали отвращеніе къ себѣ во времена язычества, я не могу достаточно подивиться тому, что, будучи уже озарены свѣтомъ христіанскаго закона, они все еще нѣкоторое время были столь безчеловѣчны. Всякому, пишущему объ нихъ, поэтому, приходится сознаваться въ своемъ сомнѣніи: безчеловѣчность ли эта народа выработала жестокихъ властителей, или же народъ сталъ столь жестокимъ и безчеловѣчнымъ чрезъ жестокосердіе своихъ властителей? Дѣйствительно, повторяются вѣдь вновь, одна за другой, и нѣкоторыя государственныя болѣзни, благодаря тому, что пороки, какъ Антоновъ огонь, такъ распространяются по всѣму тѣлу, что ихъ нельзя ни выжечь, ни вырѣзать. Не станетъ также никто легкомысленно обвинять и властителя въ чрезмѣрной строгости законовъ, такъ какъ законы должны соотвѣтствовать духу народа. А московскія племена, будучи, дѣйствительно, за отсутствіемъ у нихъ мира и за непроцвѣтаніемъ у нихъ наукъ, совершенно неразвитыми, а скорѣе одичалыми, благодаря постояннымъ войнамъ, погрязли, посему, съ издавна въ ужаснѣйшихъ преступленіяхъ, не только кражахъ и убійствахъ, но безбоязненно совершали даже многое такое, чего нельзя и назвать честному человѣку,—такъ безчестно оно—и вполнѣ, кажется, заслужили—страдать отъ суровыхъ властителей. Зачастую, правда, ихъ властители были болѣе жестоки, чѣмъ, по справедливости, слѣдовало бы, въ родѣ знаменитаго всякими гнусными пороками обезображеннаго Нерона, который считалъ, что лишать жизни посредствомъ вскрытія жилъ не столь справедливо, полезно и необходимо, сколь пріятно, и убивалъ даже невинныхъ, ради своего удовольствія. О тогдашнемъ времени нѣкто выразился, нисколько не преувеличивая, такимъ образомъ: въ Москвѣ людей убиваютъ легче, нежели въ другихъ странахъ собакъ. Но Царь Иванъ Васильевичъ вовсе не злоупотреблялъ казнями или, вѣрнѣе, жестокостью своею, какъ говорили. Ибо, когда онъ приказалъ нѣкоему нѣмцу, живущему въ Москвѣ, сказать, какъ отзываются о немъ чужеземные властители, и этотъ (хотя и отговаривался долго, изъ страха, незнаніемъ) получивъ, наконецъ, отъ Царя обѣщаніе въ безнаказанности, что бы онъ ни сказалъ, объявилъ: «ты слывешь у всѣхъ чужестранцевъ за тирана", то Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ, что они ошибаются, не зная въ точности обстоятельствъ, ибо, говоря о положеніи другихъ, имѣютъ въ виду лишь свое собственное: тѣ, де, повелѣваютъ людямъ, а онъ — скотамъ. Но несправедливо было бы, по моему мнѣнію, умолчать о томъ, что въ царствованіе кротчайшаго Алексѣя ничего подобнаго уже Москви не боятся, развѣ что, какъ нибудь, наитягчайшими преступленіями они навлекутъ на себя наказаніе построже, ибо, на случай таковыхъ, въ Россіи существуютъ еще и понынѣ сильнѣйшія наказанія и пытки. Между орудіями пытки, служащими, обыкновенно, для вывѣдыванія истины или для наказанія, кромѣ дыбы, употребляемой также и въ другихъ странахъ, необходимо упомянуть о знаменитомъ, смертоносномъ орудіи—кнутѣ, т.-е. широкомъ ремнѣ, проваренномъ въ молокѣ, дабы удары имъ были бы болѣе люты. Палачъ бьетъ имъ по обнаженной спинѣ наказуемаго, котораго его помощникъ держитъ за руки у себя за плечами въ висячемъ положеніи, при чемъ судья при каждомъ ударѣ восклицаетъ: „скажи", т.-е. „признавайся". Бьютъ еще сихъ несчастныхъ нѣкими плетеными изъ гибкаго дерева жгутами, называемыми батогами (ими наказываютъ иногда и за незначительные проступки), по способу, несомнѣнно заимствованному отъ Евреевъ. Растянувъ преступника на землѣ и раздѣвъ его до рубашки, два заплечныхъ мастера садятся, одинъ въ головахъ, а другой на ноги, и попеременно колотятъ его по спинѣ своими палками,—мало того, нѣкоторыхъ, за болѣе тяжкія преступленія, они бьютъ этими же дубинками по животу, пока они не испустятъ духа. Это наказаніе, вызывая подкожное нагноеніе, несравненно болѣе жестоко, нежели кто-либо думаетъ. За симъ, они подвергаютъ другихъ смертоносному копченію (infumatione), т.-е. жгутъ ихъ на медленномъ огнѣ (lento igne), другимъ, крайне мучительно, проводятъ по тѣлу, что крайне больно на ощущеніе, раскаленнымъ до бѣла желѣзомъ, иныхъ, наконецъ, посредствомъ ледяной воды, падающей каплями на бритое темя, приводятъ въ такое изступленіе, что они, не вынеся невообразимой боли, лишаются жизни и разсудка, отрекаясь иногда даже отъ Бога. Примѣняютъ они различнаго рода наказанія и казни во многихъ случаяхъ также совершенно иначе, чѣмъ у насъ. Кнутъ и дубины, о которыхъ я выше упомянулъ, общеупотребительны, и знакомы даже боярамъ. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, покойная Царица приказала всенародно наказать одного боярина знаменитымъ, ужаснымъ кнутомъ за то, что онъ изнасиловалъ сѣнную дѣвушку (virginem aulicam); не говорю уже, какъ бы съ намѣреніемъ, о нѣкоторыхъ, недавно тѣмъ же награжденныхъ [1]). У нихъ именно, существуетъ торжественный обычай называть наказанье, какъ бы жестоко оно ни было,

[1]) Т.-е. Рейтенфельсъ не хочетъ назвать ихъ, дабы не подумали, что онъ намѣренно указываетъ на наказанныхъ недавно бояръ.

Царской милостью, и, отбывъ его, они благодарятъ за него Царя, судью и господина, кланяясь до земли. Впрочемъ, въ настоящее время, бо́льшая часть преступниковъ, коихъ нынѣ насчитывается десять тысячъ во всей Россіи, на всю жизнь заключаются въ темницы, судилища и башни, или же отправляются въ Сибирь, въ изгнаніе, съ большими казенными издержками, гдѣ одни изъ нихъ опредѣляются въ военную службу, другимъ поручается охота на соболей и обработываніе почвы, и откуда они, по бо́льшей части, если получатъ прощеніе отъ Царя, возвращаются къ себѣ, гораздо болѣе богатыми. Ибо, при уходѣ оттуда, имъ разрѣшается взять съ собою столько собольихъ шкурокъ, сколько они могутъ обернуть вокругъ тѣла, вмѣсто одежды; въ Москвѣ же они продаютъ ихъ съ громаднымъ барышомъ. Положеніе должниковъ въ Москвѣ въ высшей степени плачевно, такъ какъ они, по старинному суровому закону, расплачиваются своимъ тѣломъ за пустоту въ кошелькѣ [1]). Однимъ, отягченнымъ цѣпями и замурованнымъ въ темницахъ, черезъ каждые два дня напоминаютъ имена тѣхъ, которымъ они не смогли заплатить, посредствомъ докучливой (molesto) ругательницы (compellatore) палки, бьющей по голенямъ, другіе, коимъ дана законная отсрочка, находятся на полной свободѣ и занимаются своими домашними дѣлами, но, являются сами въ назначенные сроки къ судьѣ и расплачиваются тѣмъ же способомъ, т.-е. терпѣливо принимаютъ побои. Это мученіе продолжается либо до конца жизни должниковъ, либо до окончанія, опредѣленнаго судьей, срока. Женщины, обвиненныя въ убійствѣ мужей, также лишаются жизни различными способами, но наиболѣе употребляемый, это—зарываніе живыми въ землю. Мы видѣли въ Москвѣ по истинѣ потрясающую картину: двухъ такихъ мужеубійцъ, закопанныхъ по шею въ землѣ, коимъ днемъ священники читали молитвы и утѣшенія, зажегши вокругъ этихъ живыхъ покойницъ восковыя свѣчи, на ночь ожидала другая стража. Проведя три дня въ своихъ могилахъ, эти живыя покойницы, благодаря просьбамъ Царицы, наканунѣ смерти, вернулись къ жизни и, почти совершенно здоровыя [2]), поступили въ монастырь. Тѣхъ, которые возбуждаютъ какія-либо сомнѣнія относительно вѣры, заключаютъ въ небольшіе деревянные домики и сжигаютъ живыми и выглядывающими оттуда. Къ прочимъ преступникамъ примѣняются: висѣлица, колъ, колесованіе, топоры, а также иные, новые способы, умерщвленія. Ужасный

---

[1]) Собственно: „за то, чего у нихъ не достаетъ, въ видѣ монеты".

[2]) Собственно: „ни въ какой части тѣла не пострадавшія". Ср. разсказъ Кемпфера о Дунькѣ-окопачкѣ, въ книгѣ Аделунга—Баронъ Мейербергъ и его путешествіе по Россіи, стр. 369—370.

образецъ необыкновеннаго рода казни мы видѣли въ Москвѣ, примѣненнымъ къ Стенькѣ, т.-е. Степану, Разину, взбунтовавшемуся казаку. Этого измѣнника ввезли въ городъ прикованнымъ цѣпями къ висѣлицѣ, на возвышеніи, точно въ тріумфальной колесницѣ, такъ, чтобы всѣ его видѣли. За колесницей слѣдовали, безпорядочной толпой, солдаты и плѣнники, улицы всѣ были заполнены невѣроятнымъ количествомъ зрителей, которыхъ, отовсюду, привлекло изъ домовъ, однихъ—необыкновенное зрѣлище или негодованіе, а многихъ даже и сожалѣніе. Въ темницѣ его били кнутомъ, жгли огнемъ, капали ледяную воду на голову и подвергали еще многимъ другимъ, утонченнымъ пыткамъ. Тѣло его было уже все изъязвлено, такъ что удары кнута [1]) падали на обнаженныя кости, а онъ, все-таки, такъ пренебрегалъ ими, что не только не кричалъ, но даже не стоналъ и упрекалъ брата, раздѣлявшаго съ нимъ страданія и менѣе выносливаго, въ малодушіи и изнѣженности. Когда, наконецъ, они на четвертый день прибыли оба на мѣсто казни, то послѣдній [2]), пообѣщавъ указать Царю кладъ, зарытый имъ гдѣ-то вмѣстѣ съ братомъ, Стенькою, и котораго де никто не найдетъ, если онъ его не укажетъ, получилъ взамѣнъ смерти пожизненное заключеніе въ темницѣ. А Стенька, выслушавъ сперва длинный перечень своихъ преступленій и смертный приговоръ, во всеуслышаніе (palam) объявленный судьею, перекрестился, легъ на смертную плаху (ferale tabulum) и, послѣдовательно, былъ лишенъ правой и лѣвой, рукъ и ногъ, и наконецъ, головы [3]).

Вотъ, точно, какъ погибъ медленною смертью, чтобы онъ чувствовалъ, что умираетъ по заслугамъ, тотъ, который незадолго до сего внезапно перебилъ много тысячъ людей. Части трупа были затѣмъ выставлены на высокихъ шестахъ, а торсъ (truncus) валялся на землѣ. А дабы предупредить волненія, которыхъ Царь опасался со стороны уцѣлѣвшихъ случайно заговорщиковъ, площадь, на которой преступникъ понесъ свое наказаніе, была, по приказанію Царя, окружена тройнымъ рядомъ преданнѣйшихъ солдатъ, и только иностранцы допускались въ средину огороженнаго мѣста, а на перекресткахъ по всему городу стояли отряды войскъ.

Конецъ второй книги.

---

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ „flagrum" т.-е. кнутъ со многими ременными полосами (вродѣ такъ называемой „кошки"), на концѣ коихъ находились металлическіе шишки.

[2]) Братъ Стеньки.

[3]) Въ подлинникѣ собственно такъ: „легъ на смертную плаху и чувствовалъ, какъ его укорачивали: сперва на правую и лѣвую руку, затѣмъ на ноги, и наконецъ на голову".

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Сословіе подданныхъ и нравы.

ГЛАВА 1.

О многочисленности народонаселенія.

Всѣмъ въ достаточной степени, и даже болѣе, извѣстно, какъ много разноименныхъ народностей, и сколь обширныя пространства пространныхъ областей, заключаетъ въ себѣ Московское государство. Нельзя однако скрывать и того, что количество обитателей гораздо меньше, въ сравненіи съ этимъ большимъ количествомъ земли, ибо оно, во-первыхъ, также покрыто крайне густыми лѣсами, рядомъ непроходимыхъ болотъ по направленію къ Востоку, незаселенными равнинами и ледяными пустынями на Сѣверѣ. Мало того: многія мѣста наводятъ тоску своимъ необработаннымъ видомъ и нынѣ, вслѣдствіе постоянныхъ боевыхъ схватокъ и гибельныхъ набѣговъ Татаръ, а въ особенности, вслѣдствіе многократныхъ грабежей и уводовъ людей въ рабство, и чумы, которая во времена Димитріевъ, гибельно свирѣпствовала. Если духовенство обладаетъ третьею частью поверхности всего государства, то монастыри, въ свою очередь, отнимаютъ не малое количество людей отъ общества. Не мало способствовали малочисленности жителей также и, до сей поры еще не достаточно правильно установленныя, внѣшнія сношенія, и строжайшее изгнаніе чужестранцевъ, хотя, въ настоящее время, по всей Московіи, говорятъ, разсѣяно, кромѣ Поляковъ и Грековъ, около восемнадцати тысячъ Нѣмцевъ. Весьма значительную часть людей отнимаютъ стражи, повсюду отъ набѣговъ многочисленныхъ, злѣйшихъ враговъ расположенныя, а также и тѣ громадныя колоніи, которыя Царь съ достойной столь великаго Государя заботливостью, посылаетъ въ Сибирь и другія, еще болѣе отдаленныя мѣста, освободившіяся въ послѣднее

время, вслѣдствіе ухода Татаръ. Это дѣло и понынѣ ведется съ такимъ усердіемъ, что не такъ давно Мосхи предложили духовенству на обсужденіе вопросъ: можно ли, не преступая Христіанской вѣры, разрѣшить колонистамъ въ Сибиріи сожительство съ двумя женами одновременно? Духовенство, однако, взвѣсивъ тщательно всякіе доводы, сочло это, никоимъ образомъ, не благоразумнымъ. Какъ бы то ни было, все-таки, кажется, число жителей въ Московіи достаточно велико, ибо они, безъ всякаго затрудненія, по первому же призыву могутъ вывести въ поле триста тысячъ солдатъ. Одних татаръ у нихъ [1]) находится подъ властью болѣе двѣнадцати ордъ, или племенъ, значительно различествующихъ, по языку, даже между собою. Что столько же и различныхъ нарѣчій существуетъ у столь же многочисленныхъ народностей Московскихъ--это недавно неосновательно выдумано нѣкіимъ Французомъ. Правда, Пермь, Устюгъ, Печора, Обдорія, Мордва и Югорія (отъ которыхъ происходитъ народъ и языкъ Венгерскій) и другія нѣкоторыя области имѣли, нѣкогда, каждая свое особое нарѣчіе, подобно тому какъ и, нынѣ Мосхамъ подвластные, Татары и Лапландцы, хотя, даже и послѣдніе, такъ начали учиться русскому языку, что забываютъ мало по малу родный. Такъ какъ Царь прилагаетъ всяческое стараніе къ установленію одного языка, то и общераспространенная о Русскихъ поговорка (единъ Царь, едина одежда, едина вѣра, одни деньги и одинъ языкъ) въ высшей степени, кажется, справедлива.

ГЛАВА 2.

О боярахъ и знатныхъ людяхъ.

Вслѣдствіе того, что Царь пользуется высшей и снисходительной властью надъ подчиненными, права дворянъ и народа почти одинаковы. Всѣ зовутъ себя его рабами и смиренно прикрѣпощенными къ землѣ. Длинныя родословныя записи (stemmata) не выставляются ими, ни въ домахъ, ни снаружи [2]); имъ даже не дозволяется иначе, какъ по особой милости, имѣть у себя дома изображеніе Царя. Съ пользою для себя никто, въ Московіи, не выставляетъ заботливо древность своего происхожденія, ибо самый послѣдній въ родѣ легко можетъ достигнуть высшихъ, какихъ только пожелаетъ, почестей, если проявитъ особыя достоинства, по одному, исключительно, рѣшенію Царя,

---

[1]) Мосховъ.

[2]) Рейтенфельсъ имѣетъ въ виду обычай древнихъ выставлять такія записи въ атріумахъ.

не прибѣгая къ происхожденію, или покровителямъ. Впрочемъ, въ частномъ кругу, а особенно, въ глубинѣ души, они гордятся длиннымъ рядомъ знатныхъ предковъ, если таковой у нихъ есть, усердно справляются о томъ, даже у иностранцевъ, и превозносятъ ихъ хвалами. Поэтому занятіе торговлею или какими-либо иными пристойными ремеслами, дворяне почитаютъ ниже своего достоинства.— Такъ какъ ихъ имущество и земельныя владѣнія, какъ наслѣдственныя, такъ и, въ новѣйшее время Государемъ пожалованныя, и составляющія третью часть государства, оцѣниваются точно такъ же, какъ и прочіи, то ежегодныя подати и налоги платятъ всѣ одинаково, всѣ одинаково поставляютъ для войны, каждый смотря по своему состоянію, солдатъ, иногда даже и сами бываютъ обязаны двинуться въ походъ. Царь предоставилъ имъ только право завѣщанія, дабы они не умирали совсѣмъ какъ безправные, и право суда, въ, такъ называемыхъ, гражданскихъ дѣлахъ, надъ своими рабами, но, впрочемъ, до извѣстной степени, ограниченное. Право ловить рыбу и охотиться на дичь дано немногимъ, но преслѣдовать хищныхъ звѣрей могутъ одинаково всѣ. Въ остальномъ, дворяне не пользуются никакими, хотя бы малѣйшими, преимуществами, кромѣ развѣ того, что держатъ многочисленную прислугу, носятъ болѣе пышную одежду, нежели прочіе граждане, да еще то, что слуга, когда они ѣдутъ верхомъ по городу, несетъ впереди кожанный чапракъ, или когда они ѣдутъ въ саняхъ, то кругомъ нихъ стоятъ, торжественности ради, нѣсколько слугъ. Обыкновенно дворяне подраздѣляются на слѣдующіе: Князья, называемые также и удѣльными, т. е. особо стоящими (Udelni, hoc est divisi), ведущіе свой родъ по бóльшей части отъ старинныхъ Московскихъ мелкихъ князей, но утратившіе прежнее богатство и могущество. Они служатъ нынѣ Царю совершенно наравнѣ съ другими. Бояре—совѣтники (senatores), сидящіе, также, выше и ниже: первые участвуютъ въ тайныхъ совѣщаніяхъ Царя, вторые—почти что носятъ только названіе этой должности. Сыны Боярскіе, т. е. дѣти и внуки бояръ занимаютъ частью, разныя должности при Дворѣ, или же въ областяхъ, въ военное и мирное время, частью же служатъ за жалованье у Царя во время войны. Они то собственно и носятъ названіе Дворянъ, или, придворныхъ солдатъ (dvorani, seu milites aulici). Всѣ они, въ знакъ своего дворянскаго достоинства, по вошедшей въ общее употребленіе, привычкѣ, оканчиваютъ послѣдній слогъ своего проименованія [1]) не на „овъ“, какъ прочіе граждане, а на „вичъ“. Это проименованіе есть только „отчество“ (patronymicum), хотя нѣкоторые болѣе древніе роды имѣютъ, кромѣ него, еще и другія про-

[1]) Т. е. отчества (cognominis).

званія. Но въ письменныхъ прошеніяхъ, назначаемыхъ ими для подачи Царю, они, ради большей почтительности, подписываются собственными, уменьшительными именами, признавая себя вполнѣ зависящими отъ согласія или отказа его одного. Въ наше время изъ знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ выдавались слѣдующіе: князь Юрій Ромодановскій, князь Воротынской, князь Яковъ Синкелевичъ Черкасскій, Милославскій, Проскуровъ, Кирилла Полуэктовичъ, тесть Царя, Артамонъ Сергѣевичъ, Салтыковъ, Богданъ Матвѣевичъ, Куденетовичъ (Chudonekevicz), Морозовъ, Собакинъ, Колосовъ, Хитровъ, Хованскій, Нащокинъ, происходящій изъ нашей Курляндіи, изъ стариннаго рода фонъ-Сакенъ, и Долгорукій, главный начальникъ надъ войсками. Названіе это дано было роду слѣдущимъ, какъ разсказываютъ, по-истинѣ, удивительнымъ образомъ: Царь Иванъ Васильевичъ отправился какъ-то, ночью, переодѣвшись въ чужое, простое платье, съ цѣлью лично, будучи не узнаваемымъ, вывѣдать мнѣніе приближенныхъ къ нему лицъ, и нечаянно попалъ въ какой-то гнусный притонъ воровъ. Обходясь съ ними по дружески, онъ (самъ Царь) сталъ отпускать на счетъ Царя непристойныя шутки. Одному изъ воровъ эти его остроты не понравились и онъ закатилъ злословящему увѣсистую пощечину (alapam non levem impegit). Иванъ Васильевичъ, столь тяжко проученный за свою отвагу, благоразумно поспѣшилъ домой и велѣлъ тотчасъ же схватить этихъ воровъ. На другой день онъ ихъ, заключенныхъ въ темницѣ, по одиночкѣ осмотрѣлъ и, узнавъ своего вчерашняго наставника [1]), промолвилъ: „долга, по истинѣ, у тебя рука, что досталъ вчера вечеромъ до главы Царя твоего и далъ ему пощечину. Не падай, впрочемъ, духомъ! Повелѣваю—да будетъ навсегда имя тебѣ и твоему потомству—Долгорукіе“. Послѣ сего онъ его возвелъ въ дворянское званіе, пожаловалъ богатства и осыпалъ почестями. Не менѣе достойный удивленія случай, положилъ начало знаменитому роду Дохтуровыхъ, принадлежащему къ наиболѣе выдающимся въ Москвѣ. Нѣкій лѣкарь, изъ Нѣмцевъ, при дворѣ Царя, собралъ несмѣтныя богатства и пожелалъ вернуться на родину, дабы спокойно наслаждаться ими. Когда Царь, чрезъ доносчиковъ, узналъ объ этомъ, то пожелалъ воспрепятствовать его отъѣзду, упредивъ его закономъ, и издалъ слѣдующій указъ: если онъ хочетъ уѣзжать, то пусть оставитъ въ Москвѣ, либо всѣ свои богатства, либо одного изъ сыновей заложникомъ. А такъ какъ тотъ, стремясь къ богатству и отдыху, продолжалъ настаивать на выѣздѣ изъ Россіи, то и предпочелъ оставить Царю сына, который и былъ воспитанъ по московски,

[1]) Въ подлинникѣ собственно „исправителя“ (corrector), т. е. человѣка, наказавшаго за какую-либо провинность.

при Царскомъ Дворѣ, достигъ впослѣдствіи высшихъ почестей и сталъ основателемъ новаго, далеко не безславнаго, рода.

ГЛАВА 3.

О войскѣ и способѣ веденія войны.

Объ отважныхъ дѣяніяхъ Русскихъ подробно и послѣдовательно разсказываютъ не только ихъ собственныя, но и иноземныя, лѣтописи, и, дѣйствительно, они, совершенно справедливо, приравниваютъ своихъ героевъ и героинь, принадлежащихъ, вообще говоря, къ невоинственному полу, къ наиболѣе прославившимся у другихъ народовъ. Это какъ нельзя болѣе ясно доказали Визинніи [1]) (Visinni), Владиміры, Василіи, Иваны и другіе, отличавшіеся богатырскимъ сложеніемъ тѣла и отважнымъ духомъ, мужи, и тѣ знаменитыя покорительницы мужей, мужеподобныя амазонки, Ольги и другія женщины давно прошедшихъ временъ. Я не буду говорить здѣсь о давнихъ, равно какъ и о новѣйшихъ, военныхъ походахъ Русскихъ противъ отдаленныхъ Скиѳовъ, Литовцевъ, Поляковъ, Турокъ, Шведовъ, Грековъ, Римлянъ и другихъ народовъ, въ которыхъ они всегда сражались весьма храбро. По истинѣ, они ни сколько [2]) не ставши менѣе отважными, и по сю пору такъ усердно поддерживаютъ военную свою прежнюю славу, что, кажется, питаются боевыми стычками и болѣе занимаются суровыми [3]) военными дѣлами, нежели златоносными мирными занятіями. Не вполнѣ, дѣйствительно, успокоились еще они послѣ послѣднихъ волненій, и не достаточно еще побѣжденные дикіе Татары и казаки, прославившіеся чуть не ежегодными возмущеніями, предались мирнымъ занятіямъ и образу жизни, такъ, что Московское государство можетъ скорѣе пострадать отъ мирнаго положенія, нежели отъ военнаго. При такихъ обстоятельствахъ, Русскіе, даже въ мирное время, содержатъ болѣе 100000 войска. Бо́льшая часть его несетъ службу въ пограничныхъ городахъ, въ видѣ охраны, много войска расположено постоянными лагерями на границахъ. Пятнадцать тысячъ изъ нихъ, называемые Опричниками, отправляютъ караульную службу въ Москвѣ, охраняя Царя. Почти всѣ они женаты, и дѣти, рожденные ими, получаютъ отъ Царя ежегодно вспомоществованіе, дабы воспитанные, такимъ образомъ, наставленіями и примѣромъ отцовъ, молодые солдаты, со временемъ, могли бы замѣнить стариковъ.

participle present ?

---

[1]) См. выше, книга I, гл. 5.
[2]) Въ подлинникѣ собственно: „ни на волосъ (ne hilum)".
[3]) Въ подлинникѣ собственно: „желѣзными (ferrea)".

1) Главная сила Русскихъ заключается въ пѣхотѣ и, совершенно справедливо, можетъ быть уподоблена турецкимъ янычарамъ. Солдаты женятся, болѣе, впрочемъ, по приказанію Царя, нежели по собственному желанію, и, будучи посланы въ отдаленныя и незаселенныя области, не только несутъ тамъ охранную службу, но и основываютъ тамъ поселенія (colonias), по образцу римскихъ военныхъ поселенцевъ. 2) Кромѣ нихъ, почти постоянно пребываютъ въ Москвѣ, много отрядовъ (cohortes) той могущественнѣйшей конницы, состоящей изъ дворянъ, которая, по одному знаку Царя, можетъ выставить болѣе 100.000 вооруженныхъ, а равно и большіе и средніе дворяне, а также и дѣти, т. е. сыновья, боярскіе и жильцы, которыхъ можно уподобить турецкимъ тимаріотамъ (Timariotis). ? Къ нимъ присоединяются, за симъ, и тѣ, весьма значительные отряды, которые, обыкновенно, составляются духовенствомъ и боярами изъ ихъ рабовъ. Дворяне, впрочемъ, особенно, болѣе богатые, въ случаѣ войны, во избѣжаніе военныхъ тягостей, подъ благовиднымъ предлогомъ, ссылаются по бо́льшей части, на мнимую болѣзнь, но тщетно: ибо Царь поручаетъ все дѣло придворнымъ лѣкарямъ, честность коихъ никакими никто подарками не можетъ подкупить, пусть-де они рѣшаютъ—пригоденъ ли такой-то или нѣтъ. 3) Третій родъ войска—двоякосражающіеся, обучены, по нѣмецкому образцу, конной и пѣхотной боевой службѣ, и ихъ ставятъ на одну доску съ лучшими войсками, гдѣ бы то ни было. Ибо будучи обучены Нѣмцами, они, благодаря лучшему, теоретическому военному образованію, а можетъ быть и вслѣдствіе долголѣтняго упражненія, такъ усовершенствовались, что кажется, превзошли самихъ себя [1]). Тѣ же иностранцы поставили и пѣшее войско у Москововъ и артиллерію въ настоящее время такъ, что Русскіе уже сами ежегодно отливаютъ пушки въ большомъ количествѣ и весьма ловко управляютъ ими. Видя таковую пользу отъ иностранцевъ, Царь съ благодарностью повелѣлъ имъ никогда не служить въ Московіи рядовыми, но занимать исключительно почетныя мѣста, въ награду за эти услуги. Раньше, иностранцы получали также и громаднѣйшее жалованье, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, оно, по завистливому ревнованію нѣкихъ купцовъ, было сильно урѣзано и сокращено. Царь, правда, извлекъ изъ сего обстоятельства себѣ пользу, но оба ревнивца потерпѣли убытокъ. Русскіе солдаты получаютъ жалованье деньгами, также гораздо меньшее, но зато Царь обильно снабжаетъ ихъ одеждою, хлѣбомъ и иными, нужными для войны, припасами. Каждому роду войска назначенъ свой, совершенно особый приказъ, или управленіе. Въ случаѣ же крайней необходимости, Царь, обыкно-

---

[1]) Въ подлинникѣ собственно: „оставили далеко самихъ себя за собою".

венно, призываетъ къ оружію десятаго, седьмаго, иногда даже и третьяго, человѣка изъ всего числа подданныхъ, а также набираетъ несмѣтное количество солдатъ изъ Калмыковъ и Татаръ, питающихся исключительно сырымъ мясомъ, изъ Черемисовъ, у которыхъ оба пола одинаково воинственны, изъ Черкесовъ, кои никакой опасности не страшатся и, наконецъ, изъ казаковъ, частью находящихся подъ его властью, частью же, союзныхъ съ нимъ, преимущественно, ради ихъ проворства, достойныхъ высшей похвалы.

Вслѣдствіе разнообразія въ способахъ сражаться, всѣ эти воины употребляютъ и разнаго рода оружіе: большинство конницы вооружено кривыми короткими саблями, стрѣлами, копьями, и одѣто въ желѣзныя кольчуги. Въ пѣхотѣ, стрѣльцы не даютъ врагу приблизиться, посредствомъ сабель и самопаловъ (bombarda), называемыхъ ими, колесчатыми [1]) (rotulatas); остальные вступаютъ въ бой съ легче переносимыми огнестрѣльными орудіями (sclopetum) [2]), какія въ большомъ ходу и у насъ. Зимою, у нихъ въ большомъ употребленіи деревянныя лыжи, загнутыя къ верху спереди и сзади; подвязавъ ихъ къ подошвамъ ногъ, они съ неимовѣрною быстротою несутся по глубокому снѣгу и по льду и нападаютъ на врага, который не въ состояніи двигаться. Четыре тысячи человѣкъ солдатъ, изъ Норботніи [3]) и Сѣверной Московіи дѣйствовали успѣшно такимъ образомъ въ 1610 г., когда были призваны шведскимъ военачальникомъ Яковомъ Делагарди противъ Поляковъ. Дѣлая общую оцѣнку Московскому воинству, должно считать его пѣхоту несомнѣнно лучшею, нежели конницу, ибо она болѣе старается о завоеваніи и защитѣ городовъ, нежели объ удачныхъ стычкахъ въ открытомъ полѣ. Вполнѣ справедливо выразился Царь Иванъ Васильевичъ, что для Русскихъ на войнѣ нужны шпоры, а для Поляковъ—узда, такъ какъ онъ, во-очію, убѣдился, что они болѣе обладаютъ способностью къ повиновенію и перенесенію невзгодъ, нежели страстью къ сраженіямъ. Хотя они, въ началѣ нападенія, дѣйствуютъ горячо, какъ большинство народовъ Скиѳскаго происхожденія, однако не могутъ долго устоять въ сраженіи, и если бѣгство гдѣ либо началось, то ихъ нельзя удержать никакою высшею властью.

Поэтому они, скрывая свои намѣренія, охотно прибѣгаютъ къ сраженіямъ на разстояніи, притворнымъ отступленіямъ, раздѣленіямъ,

[1]) Повидимому здѣсь идетъ рѣчь о тѣхъ старинныхъ ружьяхъ, въ которыхъ курокъ, вызывающій искру изъ кремня ударомъ, замѣнялся стальнымъ кружкомъ, который заводился посредствомъ пружины и, вращаясь около кремня, высѣкалъ искры.

[2]) Фузеями (?).

[3]) Норботтенъ.

разстройствамъ рядовъ, засадамъ, хитростямъ и обманамъ. Значки или военные знамена они употребляютъ съ разными на нихъ изображеніями — орловъ, драконовъ, всадниковъ и креста. На томъ изъ нихъ, которое есть собственно Царское знамя, находится изображеніе Іисуса Навина, останавливающаго своими молитвами бѣгъ солнца, какъ бы наложивъ на него руки. Главные начальники войскъ, въ знакъ своей власти, привѣшиваютъ конскіе хвосты и гривы, окрашенные въ красный цвѣтъ, къ копьямъ (этотъ обычай существуетъ въ Польшѣ и понынѣ). Изъ средствъ, возбуждающихъ къ бою, главнымъ образомъ, употребляются многочисленные трубачи, которые дуя, по азіятски, въ рога и трубы, похожія на пастушескія, издаютъ для изнѣженнаго Европейскаго слуха [1]) крайне нестройные звуки, преимущественно въ то время, когда солдаты, съ дикими криками бросаются на непріятеля, дабы устрашить его. Употребляютъ они также и бубны, деревянные и металлическіе, обтянутые кожей, очень небольшаго размѣра. Нѣкоторые всадники возятъ ихъ съ собой, привязанными къ сѣдлу, какъ это дѣлаютъ Татары. Разсѣявшись по лѣсу, они бьютъ по деревьямъ стрѣлами (sagittis) и тѣмъ подаютъ другъ другу вѣсть о себѣ. Съ собою они не берутъ никакой тяжелой поклажи и носятъ за плечами, только на одинъ день разсчитанное, пропитаніе—сухари [2]), сушеную рыбу и толокно, т.-е. овсяную муку, которую они смѣшиваютъ съ молокомъ или сырою водою въ густую кашу (in pultem). Благодаря, однако, слишкомъ длинной и неудобной для ходьбы одеждѣ, они подвигаются впередъ только шагомъ. Отличившихся Царь, по большей части, награждаетъ золотой медалью съ своимъ изображеніемъ, и какимъ либо нарядным платьемъ; болѣе знатнымъ предоставляется иногда прибавлять себѣ прозвище по побѣжденнымъ непріятелямъ [3]). Нѣкогда они праздновали побѣду неслыханнымъ образомъ и пятнали, добытую доблестно славу, жестокимъ кровопролитіемъ, но, въ настоящее время, отъ этихъ неистовствъ не осталось и слѣда. Состоящіе на службѣ, иностранцы носятъ тѣ же военные чины, которые въ употребленіи внѣ Московіи, да и Русскіе не много отличаются отъ нихъ въ этомъ. Полуголова (Polgolova)—я опускаю здѣсь болѣе низшіе чины—значитъ то же, что Прохиліархъ, т.-е. подполковникъ (какъ любятъ выражаться новѣйшіе писатели), а Голова—Хиліархъ. И тотъ и другой имѣетъ подъ своимъ начальствомъ нѣсколько тысячъ солдатъ. Остальныхъ, слѣдующихъ за этими, главными, военачальниковъ зовутъ воеводами. Главный начальникъ всего войска

[1]) Въ подлинникѣ собственно: „по отзыву изнѣженныхъ Европейскихъ ушей".

[2]) Собственно: „дважды печеный хлѣбъ" (panem bis coctum).

[3]) Собственно: „болѣе знатныхъ ожидаетъ иногда впереди прозвище по побѣжденнымъ непріятелямъ".

имѣетъ ближайшаго себѣ помощника, который называется, такъ какъ онъ завѣдываетъ выборомъ мѣста и разбитіемъ лагеря, Гулевымъ, отъ слова Гуляй—или подвижной—городъ, т.-е. того деревяннаго укрѣпленія, которымъ Мосхи обыкновенно окружаютъ свое войско, главнымъ образомъ, противъ нападеній Татаръ и ихъ стрѣлъ. Тоже самое, нѣчто вродѣ переносныхъ стѣнъ, было, говорятъ, нѣкогда въ употребленіи у Персовъ. Особому, далѣе, начальнику, опытному въ военномъ дѣлѣ, поручаются пушки и всѣ нужныя къ нимъ принадлежности, а четыре вождя, имѣющіе, каждый, при себѣ два помощника, предводительствуютъ, каждый, надъ одной четвертой частью войска. Первая часть носитъ названіе праваго крыла, вторая—лѣваго, третья—развѣдочнаго и запаснаго, четвертая—сторожеваго; послѣднее охраняетъ остальныя, выставляя со всѣхъ сторонъ многочисленныхъ караульныхъ. Военную дисциплину, главное условіе для успѣшнаго веденія войны, Русскіе поддерживаютъ столь строгими законами, что во время похода имъ никогда не приходится прибѣгать къ наказаніямъ, кромѣ развѣ, что это случится, по достиженіи ими непріятельской страны, или же, наказывать слегка за небольшіе проступки. Дорогія, всякаго рода принадлежности, оружіе, палатки, могущія возбудить у непріятеля желаніе завладѣть ими и придать ему храбрости, русскіе держатъ какъ можно далѣе отъ лагеря, хотя, если присутствуетъ, случайно, Царь, то они являются въ пышномъ уборѣ. Мы, съ великимъ изумленіемъ, видѣли превосходный образецъ этой военной пышности, въ 1670 году, на, окружающихъ Москву, поляхъ, когда Алексѣй Михайловичъ, во время бунта Стеньки Разина, въ теченіи восьми дней, производилъ смотръ 60.000 дворянъ. По истинѣ, едва-ли кто, не видавшій сего собственными глазами, можетъ себѣ вѣрно представить видъ воиновъ, блиставшихъ, одинаково, богатою одеждою и оружіемъ. Въ двухъ миляхъ [1]) отъ города, близь рощи, предназначенной для охотъ, среди обширнаго поля, возвышался домъ, весь обтянутый внутри пурпурными и златотканными, настѣнными коврами а снаружи краснымъ сукномъ. Съ трехъ сторонъ, устланныя также драгоцѣннѣйшими коврами, крыльца въ 12 ступеней вели ко входу въ него, а все это сооруженіе было ограждено на большомъ разстояніи кругомъ, для сдерживанія толпы, деревянными перилами, обернутыми красною тканью, а около нихъ, также кругомъ стояли въ большомъ количествѣ пушки; въ видѣ, какъ бы подкрѣпленія, была протянута еще цѣпь солдатъ. Недалеко отъ сего бросалась въ глаза нѣкая круглая, искусно изъ дерева выстроенная, съ окнами во всѣ стороны, и обитая разноцвѣтнымъ шелкомъ, башня, въ которой весело играли тру-

[1]) Мили разумѣются здѣсь римскія, т.-е. равныя каждая тысячѣ шаговъ.

бачи и литаврщики. Противъ Царскаго престола было выстроено до пяти тысячъ пѣхоты, съ развѣвающимися знаменами; между ею и выше описаннымъ домомъ проходили знатные военачальники съ своими конными отрядами, привѣтствуя Царя низкимъ наклоненіемъ головы и, спѣшиваясь, представляли ему, безъ замедленія, донесенія о своемъ отрядѣ, каждый особо. Богатое убранство солдатъ, бывшихъ на этомъ смотру, хотя и уступало въ изяществѣ убранству, употребляемому въ Европѣ, но зато превосходило его дороговизною тканей и Азіятскою роскошью. Всѣ зрители съ изумленіемъ останавливали взоры на всадникахъ, изъ которыхъ исключительно состояло все это войско, не только изъ за ихъ блестящаго, разнообразнаго оружія, но и вслѣдствіе красиваго вида ихъ одеждъ. За каждымъ изъ нихъ вели разукрашенныхъ коней, безъ сѣдоковъ, а въ поводу, въ сопровожденіи многочисленной свиты рабовъ. У коней не только грива, шея, голова, ноги и копыта блистали серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями, но и уздечки, попоны, нахвостники и чапраки, были до того отягчены драгоцѣнностями, что лошади насилу могли двигаться. Но, впрочемъ, дабы не сказали обо мнѣ, что я слишкомъ отдалился отъ своего предмета, я предоставляю каждому дополнить самому великолѣпную эту картину, согласно съ тѣмъ, что я выше сообщилъ.

ГЛАВА 4.

О гражданахъ и городскихъ жителяхъ.

Опытъ цѣлыхъ вѣковъ показываетъ какъ страшны бывали часто властителямъ, вслѣдствіе частыхъ гибельныхъ мятежей, большіе города, уздою закона еще несдерживаемые, но такъ какъ они черезъчуръ надѣялись на себя, то, большею частью, ихъ могущество и богатство быстро подрывались. Точно также и у Московитовъ: Новгородъ, Тверь, Псковъ и многіе другіе города, нѣкогда пользовавшіеся громадными вольностями и обладавшіе большими военными силами, нынѣ находятся въ такомъ рабскомъ подчиненіи у Царя, что не смѣютъ даже и помыслить о прежнемъ благополучіи [1]). И такъ—въ настоящее время, горожане въ Московіи мало чѣмъ отличаются, по своему положенію, отъ деревенскихъ жителей, такъ какъ они стали рабски подчиняться знатнымъ людямъ и находятся въ презрѣніи у собственныхъ рабовъ. Они совершенно лишены права выбирать правителей изъ своей среды и собираться на народныя собранія и обязаны по-

[1]) Собственно: „не смѣютъ болѣе даже обратить глазъ на прежнее благосостояніе".

стоянно повиноваться Царскимъ чиновникамъ. Мало того, всѣ города (какъ мы говорили при описаніи Москвы) имѣютъ свое особое судилище, называемое Земскимъ Приказомъ, въ которомъ, впрочемъ, разбираются предсѣдательствующимъ (praeside) въ немъ воеводою лишь болѣе незначительныя и обыденныя тяжбы, которыя не могутъ рѣшаться судьями низшаго разряда, т.-е. Судьями Гостями, или квесторами, Старостами сотниками, т.-е. центуріонами и Десятниками, т.-е. декуріонами.

Не имѣютъ горожане также права пріобрѣтать имѣнія (praedia), для передачи ихъ, по духовному завѣщанію, своимъ наслѣдникамъ,— мало того, имъ гораздо легче лишиться всего, что они имѣютъ, въ пользу чужихъ.

Количество же ихъ (горожанъ) во всей Московіи, поистинѣ, велико до нельзя, ибо города, благодаря обилію лѣсовъ, выстроены во всѣхъ, удобныхъ для сего мѣстахъ, большею частью обширны и густо населены. Наиболѣе выдающимися изъ нихъ почитаются: Москва, знаменитое мѣстопребываніе Царей, Новгородъ, нѣкогда членъ Ганзейскаго союза, Псковъ, граничащій съ Литвою, знаменитая, во имя Св. Михаила Архангела, гавань на Бѣломъ морѣ, а также и Казань, Астрахань, Тобольскъ въ Сибири, Бѣлозерскъ, Нижній-Новгородъ, Бѣлгородъ, Кіевъ, Смоленскъ, Могилевъ, Тверь, Вологда, Великіе Луки, Холмогоры, Великая Пермь, Владиміръ, Ярославль, Рязань, Калуга, Тула, Холопій городъ, Переяславль, Галичъ, Ростовъ и многіе другіе. Изъ нихъ нѣкоторые, хотя и сильно обремененные ярмомъ тяжкаго рабства, подняли, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, оружіе противъ Царскихъ чиновниковъ, такъ какъ подати и налоги были сверхъ мѣры увеличены. Въ Псковѣ, въ 1649 году, вспыхнулъ, упорный мятежъ, потому что было приказано Царемъ уплатить Швеціи большое количество денегъ и пшеницы, и порядокъ былъ возстановленъ лишь тогда, когда городъ осадили и силою принудили исполнить Царское повелѣніе. Въ самой Москвѣ, въ 1646 году, въ самомъ началѣ царствованія нынѣшняго Царя, происходили дерзскія волненія, когда по причинѣ чрезмѣрныхъ, своеволія и жадности, нѣкоторыхъ бояръ, весь городъ пришелъ въ такое негодованіе, что горожане, схвативъ подъ уздцы коня, на которомъ, случайно, проѣзжалъ Царь, стали скорѣе требовать, нежели просить, выдачи головою народу бояръ. Царь, находившійся тогда еще въ незрѣломъ возрастѣ, устрашенный необычайнымъ симъ дѣломъ, пообѣщалъ народу, что будетъ произведено строгое слѣдствіе надъ каждымъ бояриномъ отдѣльно, и, укрывшись во дворцѣ, велѣлъ выдать мятежникамъ судью Плещеева (Plessov), на котораго народъ былъ болѣе всего золъ, дабы хоть сколько-нибудь успокоить раздраженіе въ народѣ, готовомъ, пожалуй, на что-либо худшее. Не дождавшись палача, толпа, въ отмщеніе, въ одно мгновеніе ока, растерзала сего на части, Морозову же, второму обвиняемому, она охотно простила его злодѣянія, такъ какъ Царь, на другой день, обратился къ народу съ рѣчью, въ которой просилъ за него, какъ за своего наставника [1]).

ГЛАВА 5.

О купцахъ, ремесленникахъ, деньгахъ и металлахъ.

Международныя сношенія, благодаря которымъ, обыкновенно, въ значительной степени становятся болѣе мягкими, грубыя и дикія наклонности, стали въ послѣднее время вновь оживляться въ Москвѣ. Ибо до того, какъ Португальцы, съ цѣлью помѣшать усиленію Турціи, открыли большимъ, окольнымъ, морскимъ путемъ нынѣшнюю дорогу въ Восточную Индію, товары Китайскіе, Индѣйскіе и Персидскіе, большей частью, шли черезъ Астраханъ и Тану [2]), города на Черномъ морѣ, и отсюда уже распространялись по всей Европѣ. Гораздо же раньше сего, наши Мосхи вели въ Колхидѣ и по всей Греціи широко распространенную торговлю, высоко цѣнимыми, собольими мѣхами, не говоря уже о знаменитой торговлѣ Новгорода и Кіева. Впрочемъ, въ древнѣйшія времена, торговыя дѣла шли далеко не вполнѣ правильно, благодаря постояннымъ войнамъ, пока, приблизительно со средины XVI вѣка, англійская торговая предпріимчивость, при королѣ Эдуардѣ VI, благодаря тому, что жители Балтійскаго прибережья, воюя между собою, преградили обычные торговые пути, перенеслась благополучно впервые на Московскіе берега Бѣлаго моря и получила отъ Царя Ивана Васильевича право торговать въ Московіи, платя небольшую пошлину. Царь Алексѣй Михайловичъ, узнавъ, что Англичане убили своего короля, лишилъ было ихъ сего права, но потомъ, возвратилъ имъ его, хотя съ нѣкоторымъ ограниченіемъ.

Въ настоящее время эта гавань [3]) ежегодно посѣщается также кораблями изъ Голландіи и Гамбурга и другихъ, болѣе просвѣщенныхъ, народовъ Европы съ большею выгодою для себя, ибо Мосхи, Татары, Финны, Лапландцы и Самоѣды стекаются туда, бо́льшею частью, исключительно сухимъ путемъ. Выше названные же, заморскіе, пришельцы бываютъ вынуждены въ короткій промежутокъ времени, скорѣе спѣшно, нежели основательно, покончить свои дѣла и

---

[1]) См. разсказъ Олеарія объ этомъ, кн. III, гл. 16 и 17.

[2]) Нынѣ Азовъ.

[3]) Архангельскъ.

поторопиться, какъ можно скорѣе, возвращеніемъ къ себѣ, дабы они могли совершить свой длинный путь при благопріятной еще погодѣ и избѣжать непріятной задержки суровой зимою. Кромѣ того, Москва, Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ, Кіевъ, Астрахань и многіе другіе города, ведутъ круглый годъ, весьма прибыльную, сухопутную и морскую, торговлю со Шведами, Поляками, Турками, Армянами, Персами и Татарами. А такъ какъ они производятъ торговлю почти исключительно лишь обмѣномъ товаровъ, а не уплатою денегъ, то обыкновенно бываетъ такъ, что привезенные изъ Италіи, Франціи, Германіи, Турціи, Персіи, Татаріи и другихъ странъ, товары продаются въ Москвѣ за ту же цѣну, что они стоятъ у себя, на мѣстѣ, а часто и за мéньшую.

Нѣтъ сомнѣнія, что многія области Московіи могли бы съ великою выгодою пользоваться этими многочисленными торговыми сношеніями, если бы можно было въ точности разслѣдовать тотъ сѣверный путь въ Китай вокругъ Новой Земли, которымъ, тщетно до сей поры, пытались проплыть Англичане, Батавы и Датчане. Совершить это дѣло можетъ всего легче самъ Царь, у котораго оно, такъ сказать, всецѣло въ рукахъ: ибо ему извѣстна и подчинена вся та сѣверная полоса, простирающаяся далеко по ту сторону рѣки Оби до самаго Татарскаго моря [1]) (котораго еще никогда не бороздили Европейскіе корабли). Весьма легко было бы, посему, изслѣдовать положеніе тѣхъ мѣстъ, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, начиная съ рѣки Оби и Вайгачскаго пролива, и свойства самой почвы, лишь бы Богъ внушилъ Царю мысль приступить къ сему, или кто-либо изъ Европейскихъ Государей, одушевленный тѣми же, какъ и онъ намѣреніями, прислалъ въ Москву планъ образа дѣйствій и людей, хорошо знающихъ это дѣло. Такимъ образомъ была бы, такъ сказать, распахнута новая дверь не только для того, чтобы могли сойтись купцы съ той и другой стороны, но и къ лучшему изученію учеными этой, далеко не заслуживающей презрѣнія, части міра, а также и къ распространенію среди многочисленныхъ, невѣжественныхъ народовъ, священнослужителями Христа Бога нашего, Евангельскаго вѣчнаго свѣта. Если бы это не увѣнчалось успѣхомъ, то желательно было бы, чтобы, по крайней мѣрѣ, плаваніе по Каспійскому морю было, наконецъ, сдѣлано удобнымъ для торговыхъ сношеній съ Персіей и Индіей, или же, чтобы Царь согласился на то, чтобы дорога сушею въ Китай и Персію, черезъ Московію, гораздо болѣе короткая, нежели указанная знаменитымъ іезуитомъ Аѳанасіемъ Кирхеромъ въ его книгѣ о Китаѣ, была бы открыта и для Европейцевъ. Хотя, въ 1632 году, Голштинскій герцогъ пытался установить этимъ путемъ торговыя сношенія съ Персіей, однако всѣ попытки оказались неудачными, вслѣдствіе страха предъ Азіятскими разбойниками, или вѣрнѣе, по неблагоразумію пословъ. Таковое же предложеніе сдѣлалъ, во времена Папы Льва X-го, Николай Беллъ, но оно также не состоялось. Въ настоящее время, однако, кажется, всѣ эти прежнія препятствія, большею частью устранены. Впрочемъ Царь, чуть ли не одинъ, ведетъ всѣ наиболѣе важныя торговыя дѣла въ государствѣ, или, иногда, входитъ въ товарищество съ своими подданными или съ чужестранцами, ради обоюдной выгоды. Мало того, если Мосхи заключатъ, какъ-нибудь, съ чужестранцами какой-либо договоръ, то Царь, какъ бы постоянный опекунъ ихъ, по желанію, можетъ все нарушить и все утвердить. Не имѣютъ подданные также права продать что-либо, раньше чѣмъ будутъ разобраны Царскіе товары, развѣ что онъ кому-нибудь даруетъ преимущественное, особое право свободной продажи. Благодаря этому они не могутъ спокойно заниматься безпрепятственной наживой, а тѣ, къ которымъ счастье было болѣе благосклонно, тѣ принуждены наслаждаться своимъ богатствомъ лишь въ тайникахъ, среди сундуковъ, ибо въ Московіи подданнымъ можно безопасно хвастаться всѣмъ инымъ, кромѣ богатства. Что касается торговли драгоцѣннѣйшими собольими мѣхами, то сами Русскіе обязаны покупать ихъ не иначе какъ у Царя изъ Сибирскаго Приказа по цѣнѣ, какую будетъ ему угодно назначить. Иностранцамъ, впрочемъ, предоставлены кой-какія незначительныя преимущества: они покупаютъ товаръ у продавцовъ изъ первыхъ рукъ, какъ кредиторы, они предпочитаются русскимъ, изъ которыхъ приходится долги выколачивать, и пользуются разными льготами отъ Царя, при уплачиваніи пошлинъ и таможенныхъ сборовъ. Могутъ, однако, и русскіе купцы выѣзжать за предѣлы отечества, но непремѣнно съ разрѣшенія Царя и съ обязательствомъ вернуться обратно. Они имѣютъ даже, внѣ своего отечества, нѣсколько складочныхъ мѣстъ, пользующихся необычайною свободою, какъ напримѣръ, въ Гольмѣ [1]), въ Швеціи, въ Вильнѣ, въ Литвѣ, въ Ревелѣ и Ригѣ въ Ливоніи и другихъ сосѣднихъ городахъ, куда они свозятъ товары и продаютъ ихъ безъ всякаго стѣсненія. Для вывоза въ разныя мѣста морскимъ путемъ своихъ товаровъ, они обыкновенно нанимаютъ за большую цѣну иностранныя суда, такъ какъ у нихъ судовъ, сдѣланныхъ у себя дома, немного, да и тѣ непрочны. Для поѣздокъ по сушѣ, которыя они зимою совершаютъ какъ нельзя болѣе краткимъ путемъ и быстро, служатъ, главнымъ образомъ, рѣзвыя, наем-

---

[1]) Татарскій проливъ, отдѣляющій о. Сахалинъ отъ материка Азіи и соединяющій Охотское море съ Японскимъ.

[1]) Т. е. Стокгольмъ.

ныя лошади, разставленныя по всему пути, по всѣмъ большимъ дорогамъ. Ими-то и пользуются для совершенія чрезвычайно быстрыхъ поѣздокъ не только одни купцы, взнося за это небольшую плату, но и гонцы, развозящіе Царскіе указы. Благодаря этой быстрой ѣздѣ, гонцы съ самыхъ отдаленныхъ границъ государства, въ короткое время поспѣваютъ въ столицу, что весьма удобно для Царя. Стоянки этихъ Пегасовъ, называемыя Ямами, находятся на разстояніи семи или десяти германскихъ миль другъ отъ друга. Крестьяне или ямщики, несущіе этотъ родъ службы, освобождены навсегда отъ всякихъ другихъ повинностей. Подъѣзжая къ которой-нибудь изъ этихъ стоянокъ [1]), они издаютъ, при помощи зубовъ, пронзительный свистъ, услыхавъ который, ямщики ближайшей деревни тотчасъ приводятъ свѣжихъ лошадей, дабы проѣзжіе могли, не теряя времени, продолжать путь, если пожелаютъ.

Что же касается до нравовъ московскихъ купцовъ, то они весьма способны къ торговымъ дѣламъ и крайне искусны во всякаго рода хитростяхъ и обманахъ, особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о ихъ собственной выгодѣ, но объ этомъ намъ удобнѣе будетъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Монета, которая, въ настоящее время, обращается въ торговлѣ, довольна чиста и тяжеловѣсна. Въ прежнія времена, когда у Русскихъ еще не было чеканной монеты, они употребляли, вмѣсто нея, мордочки и ушки бѣлокъ. Потомъ они стали дѣлать продолговатые серебряные слитки, безо всякихъ клеймъ на нихъ, а затѣмъ, наконецъ, вошла въ употребленіе и нынѣшняя. Такъ какъ первоначально вся торговля велась исключительно мѣновая, либо на вѣсъ серебра, то, во времена Венцеслава, Короля Венгерскаго, Чешскаго и Польскаго (который впервые ввелъ въ этихъ государствахъ кожанную монету) Московиты стали употреблять такую же монету, съ 1290 года, при Великомъ Князѣ Московскомъ, Львѣ Даніиловичѣ, а съ теченіемъ времени, разбогатѣвши, замѣнили ее серебряной и золотой [2]). Наблюдая постоянно строжайше за ея доброкачественностью, они всегда чеканили ее изъ совершенно чистаго серебра. Мѣдныя же деньги, прежде, по необходимости, бывшія въ употребленіи, теперь уже изъяты изъ обращенія по приказанію Царя. Нѣкогда, какіе-то купцы, якобы для того, чтобы помочь государственной нуждѣ, но имѣвшіе въ виду удовлетвореніе собственнаго корыстолюбія, обманули сосѣдей Шведовъ, въ высшей степени недобросовѣстно, низкопробною монетою, но этотъ нечестный поступокъ обошелся имъ крайне дорого, ибо Шведы, замѣтивъ обманъ, частью

[1]) „Станцій"—по нынѣшнему.

[2]) Собственно: „превратили ее".

потопили сихъ мошенниковъ въ расплавленномъ металлѣ, частью же повѣсили. Серебряная монета (ибо золото чеканится здѣсь крайне рѣдко) [1]) имѣетъ форму гладкаго овала, шириною не болѣе чѣмъ въ ноготь, на одной сторонѣ котораго оттиснуто изображеніе Царя, а на другой—всадникъ съ копьемъ. Впрочемъ, если исключить монеты памятныя, или торжественныя, какъ ихъ называютъ, то всѣ они сводятся къ двумъ образцамъ, именно: къ копѣйкамъ, пятьдесятъ штукъ которыхъ, обыкновенно, составляютъ одинъ нѣмецкій талеръ, и денежкамъ, составляющимъ половину копѣйки. Прежде были еще въ большомъ ходу полушки, стоявшія пол-денежки, но теперь ихъ болѣе не видно. Сто копѣекъ составляютъ рубль, равняющійся венгерскому червонцу, пятьдесятъ копѣекъ—полтину, двадцать-пять копѣекъ—полуполтину, двадцать — гривну, десять — полгривны, три — алтынъ, двѣ — грошъ. Эти монеты, такъ какъ онѣ очень невелики, простой народъ носитъ во рту, такъ что зачастую, они, имѣя во рту сотню копѣекъ, разговариваютъ однако совершенно свободно. Въ настоящее время монету чеканятъ почти исключительно въ Москвѣ, хотя раньше встрѣчались монеты, чеканныя [2]) въ Твери, Новгородѣ и Псковѣ. Такимъ образомъ, отсюда [3]) какъ бы, растекаются по всѣмъ направленіямъ по всему Московскому государству деньги, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ Сибирскихъ народовъ и Лопарей, которые блаженно относятся къ такимъ, золотымъ и серебрянымъ, деньгамъ, какъ бы философски, съ насмѣшкою, презирая ихъ.

Число искусныхъ мастеровъ, нѣкогда весьма небольшое въ Московіи, въ наше время сильно увеличилось и самыя мастерства въ высокой степени усовершенствовались. Этого Русскіе достигли благодаря становящемуся, съ каждымъ днемъ все болѣе свободнымъ, обращенію съ иностранцами, а также и природной понятливости и способности ихъ ума. И, дѣйствительно, они не только радушно принимаютъ иностранныхъ мастеровъ, Европейскихъ и Азіятскихъ, являющихся къ нимъ по собственному желанію, но и приглашаютъ ихъ къ себѣ, предлагая, чрезъ Пословъ и письменно, большое вознагражденіе, причемъ такъ успѣшно подражаютъ имъ, что нерѣдко превосходятъ ихъ новыми изобрѣтеніями. Въ кузнечномъ мастерствѣ, въ искусствѣ приготовлять порохъ, и тканьѣ сукна, они уже стали весьма опытны.

Въ болѣе сложныхъ же и требующихъ знанія и опытности, дѣлахъ, какъ то, добываніе металловъ и приготовленіе ихъ на дѣло,

[1]) Собственно: „золото здѣсь крайне рѣдко обрабатывается на станкахъ (собств. „наковальняхъ") монетныхъ мастеровъ".

[2]) Собственно „съ помѣтою Тверскою, Новгородскою и Псковскою".

[3]) Т. е. изъ Москвы.

они болѣе полагаются на знаніе и опытность французовъ и нѣмцевъ чѣмъ на свои собственныя. Послѣдніе добываютъ въ округѣ города Тулы, расположеннаго близь источниковъ р. Волги, и въ иныхъ мѣстахъ, желѣзо, а близь Новгорода мѣдь съ большою выгодою для государства. Не такъ давно Царь послалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ за Казань, по направленію къ Сибири, откуда незадолго передъ этимъ были доставлены въ Москву прекрасные образцы скрытыхъ тамъ сокровищъ, для обстоятельнаго изслѣдованія нѣдръ тѣхъ горъ, что отстоятъ недалеко отъ Рифейскихъ и заключаютъ въ себѣ серебряную и золотую руду. Я полагаю, что, безъ сомнѣнія, изъ глубины холодной Московской земли можно вырыть обильнѣйшія богатства, если только для этого будутъ призваны нѣсколько опытныхъ иностранцевъ, и сами Русскіе отнесутся къ этому дѣлу съ бóльшимъ рвеніемъ.

Что касается прочихъ ремеслъ, то Мосхи обладаютъ особенно имъ свойственнымъ, наслѣдственнымъ умѣньемъ строить чрезвычайно изящные деревянные дома, вытачивать изъ дерева разнаго рода утварь (utensilia), искусно ткать полотно, идущее на исподнее платье, и нѣкоторыми другими, требующими усидчивости. Не буду здѣсь говорить о мастерствахъ, требующихъ постояннаго сидѣнія [1]), но живопись у нихъ совершенно своеобразна, обращена на священные предметы, ибо, кромѣ нѣкоторыхъ цвѣточковъ (flosculus) и животныхъ, они пишутъ исключительно однихъ, давно умершихъ, святыхъ, по Греческимъ образцамъ. Мало того, считается поступкомъ, не только неблагочестивымъ, но заслуживающимъ наказанія, если торговецъ изображеніями блаженныхъ небожителей (beatòrum coëlitum) выставитъ на продажу, рядомъ съ ними, картины свѣтскаго содержанія. Въ случаѣ желанія имѣть изображенія свѣтскихъ лицъ, они поручаютъ иностраннымъ художникамъ написать таковыя (зато этимъ послѣднимъ строго запрещено писать изображенія святыхъ), хотя Мосхи, не знаю почему, кромѣ изображеній святыхъ, не любятъ изображеній человѣческихъ лицъ и иныхъ картинъ. Цирульники (дабы не подумали, что я умолчалъ объ нихъ изъ презрѣнія, ибо я много разъ видѣлъ ихъ въ Москвѣ не безъ ощущенія тошноты) сидятъ на рынкѣ старыми вещами и потому называемомъ Вшивымъ [2]), въ низенькихъ лавочкахъ, крытыхъ древесною корою, и обрѣзываютъ простому народу волоса на головѣ тѣми же ножами, которыми разрѣзаютъ хлѣбъ и прочую пищу. Бороды Мосхи, считая ее украшеніемъ, не брѣютъ, а

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ „de sellariis", что не даетъ никакого смысла. Мы полагаемъ, что это — опечатка и читаемъ „de sellulariis" т. е. мастеровые работающіе сидя, какъ то: сапожники, портные и т. п.

[2]) „Вшивою биржею" переводитъ г. Тарнава-Боричевскій.

напротивъ, какъ бы она ни была длинна, постоянно желаютъ, чтобы она была еще длиннѣе.

ГЛАВА 6.

О крестьянахъ и рабахъ.

Деревенскіе жители въ Московіи называются крестьянами (chrestiani), или чернымъ, или лѣснымъ людомъ, ведутъ, хотя и самый простой образъ жизни, но далеко не самый счастливый, ибо, являя собою наружно, въ пищѣ, одеждѣ и ежедневныхъ трудахъ, какъ бы образецъ простоты золотого вѣка, они, до настоящаго времени, при этомъ, находятся въ глубочайшемъ невѣжествѣ относительно Божественнаго Откровенія, и нравы ихъ до того грубы, что нѣтъ возможности вполнѣ достойно оплакать ихъ. Они проводятъ жизнь совершенно по-дѣтски, чтобы не сказать чего худшаго, безо всякихъ необходимыхъ свѣдѣній о Законѣ Божьемъ, не умѣя молиться, и только разъ въ году принимая Св. Тайны. Когда мы ѣхали въ Московію, то мы вдосталь насмотрѣлись на, возбуждающее сожалѣніе, невѣжество ихъ. Ибо, когда мы спросили у нѣсколькихъ, попавшихся намъ на пути, земледѣльцевъ, между другими нѣкоторыми вопросами касательно вѣроисповѣданія, знаютъ ли они также что-либо объ Іудѣ предателѣ, то всѣ они стали переглядываться между собою, и одинъ, болѣе остальныхъ смышленный, отвѣчалъ, что говорятъ, дескать, у насъ, что онъ измѣнилъ Іисусу Христу и предалъ его врагамъ, но что онъ не вполнѣ твердо увѣренъ, что это было дѣйствительно совершенно такъ. Да не удивится никто таковому ихъ незнанію Священной Исторіи [1]), ибо всѣ ихъ христіанскія упражненія и молитвы заключаются въ возможно частомъ осѣненіи себя крестнымъ знаменіемъ и повтореніи словъ „Господи помилуй", т. е. „Боже, сжалься надо мною". Будучи обречены на тяжкую работу и прикрѣпощены къ землѣ, эти люди безнаказанно оскверняютъ праздничные дни, благодаря снисхожденію законовъ, работою на самихъ себя, дабы не пропасть, такъ какъ въ теченіи всей недѣли они обязаны въ потѣ лица трудиться на своихъ господъ. Тяжелыми податями они доведены до такой бѣдности, что ничего не имѣютъ кромѣ кое-какой изорванной одежды и коровы съ подойникомъ. Мужчины, по большей части, работаютъ лѣтомъ въ полѣ на быкахъ, хотя, мѣстами, вслѣдствіе мягкой почвы, они пашутъ плугами въ одну лишь лошадь, но, во время жатвы и сѣнокоса, женщины трудятся въ поляхъ гораздо болѣе, нежели мужчины. Зимою же обыкновенно они

[1]) Собственно; „тому, что они такіе слѣпыши (talpas) (кроты) въ Св. Исторіи".

занимаются рубкою лѣса, плетеніемъ обуви изъ липовой коры и рыбною ловлею, а иногда бываютъ вынуждены, за неимѣніемъ какихъ бы то ни было средствъ, таскаться толпами по городамъ и просить милостыни. Вслѣдствіе дороговизны хлѣба, чрезмѣрнаго постояннаго холода и голода, это, конечно, случается чуть не изъ года въ годъ. А иногда они прокармливаются и дома крайне скудною пищею. Въ Перми, Самоѣдіи и другихъ, съ ними сосѣднихъ, областяхъ они и по сю пору, ни разу не пробовали даже хлѣба, а питаются рыбою, сушеною на солнцѣ и, не лишеннымъ вкуса, корнемъ багуна (Vaghnoi), [1]) или же сырымъ мясомъ дикихъ звѣрей и кобыльимъ молокомъ. Во всей остальной Московіи голодъ утоляютъ хлѣбомъ пшеничнымъ, ржанымъ, бобами съ чеснокомъ, а жажду—водою, въ которой заквашена мука [2]) (aqua farina fermentata) или свѣже - зачерпнутой изъ колодца или изъ рѣки. При такомъ-то скудномъ питаніи, они жадно, какъ никто другой, пьютъ водку, считая ее нектаромъ, средствомъ для согрѣванія и лѣкарствомъ отъ всѣхъ болѣзней. Когда они захотятъ устроить роскошный пиръ, то варятъ похлебку изъ воды и нѣсколькихъ изрѣзанныхъ листовъ капусты; въ случаѣ, если это блюдо имъ не приходится по вкусу, то они наливаютъ въ него много кислаго молока. Они доятъ коровъ, съ которыми живутъ вмѣстѣ въ одной избушкѣ, только ради этого, не умѣя совершенно приготовлять сыръ, хотя бы въ маломъ количествѣ. Коровье масло (которое они приготовляютъ также жидкимъ, такъ что оно никогда не твердѣетъ) они отдаютъ въ пользу своихъ господъ. Для одеждъ они употребляютъ грубыя шерстяныя ткани, а зимою овечьи шкуры. Лѣтомъ они носятъ легкія рубахи, холщевыя или шерстяныя, бо́льшею частью бѣлаго цвѣта. Вмѣсто обуви они обертываютъ ноги, снятою съ деревьевъ, корою, или невыдѣланною бычьею кожею, разрѣзанной на ремни, а голени обматываютъ обрывками грубой шерстяной ткани. Приспособленій для спанья у нихъ нѣтъ никакихъ, такъ что даже кровати у нихъ отсутствуютъ, а печи и скамьи служатъ вмѣсто кроватей, а обыденная одежда вмѣсто тюфяковъ и одѣялъ. Женщины носятъ на головѣ не шапочки съ завязками для ушей (mitras), какъ городскія и знатныя, но повязки [3]) съ полукружіемъ изъ шерсти, дѣвушки носятъ родъ вѣнка изъ древесной коры,—прочія же части одежды у нихъ—тѣ же, какъ и у остальныхъ женщинъ.

[1]) Багунъ — багульникъ, кустарникъ изъ семейства вересковыхъ, растущій въ болотахъ на сѣверѣ.

[2]) Т. е. квасомъ.

[3]) Въ подлинникѣ стоитъ „calanthica" т. е. головной уборъ женщинъ (и изнѣженныхъ щеголей) съ длинными кусками ткани по обѣимъ сторонамъ лица, которыми можно было совершенно закутать все лицо.

Празднуя свадьбу, они, ради веселья, пронзительно играютъ на волынкахъ (tibiam utricularem inflant), напиваются до потери сознанія и пляшутъ въ хороводахъ съ уродливыми, даже крайне непристойными, тѣлодвиженіями. Домашняя утварь у нихъ вся деревянная, да и та очень немногочисленна, желѣзнаго же у нихъ почти что ничего нѣтъ. Живутъ они не разбросанно, а раздѣленные на огромныя деревни, подъ начальствомъ старостъ, т. е. старшихъ своихъ, которые играютъ у нихъ и роль судей. Если они случайно увидятъ чужестранцевъ, то они скорѣе боятся ихъ, нежели ненавидятъ; ихъ удѣлъ отъ рожденія—бичеваніе и рабство.

Кромѣ земледѣльцевъ, въ Московіи есть также и рабы — рѣдкое и несправедливое явленіе между христіанами—изъ которыхъ нѣкоторые несутъ рабское иго до самой смерти, а нѣкоторые—въ теченіи извѣстнаго срока. Дѣло въ томъ, что многіе добровольно продаютъ самихъ себя въ рабство, многіе дѣлаются таковыми или изъ за долговъ, или по какой-либо другой причинѣ. Мало того, отцы имѣютъ право, полное и законное, продавать своихъ сыновей четыре раза на извѣстный срокъ, а мужья — женъ (это называется кабалою), при чемъ сыновья освобождаются изъ подъ родительской власти и становятся сами полноправными лишь послѣ четвертой продажи. Но вышепомянутые [1]) и многіе иные, будучи отпущены на волю, по заявленію ихъ владѣльца, или другимъ какимъ-либо способомъ, снова отдаютъ себя во власть новыхъ господъ, такъ что, переходя постоянно изъ одной рабской зависимости въ другую, не становятся свободными никогда. Такимъ образомъ у знатныхъ и, нѣсколько зажиточныхъ, людей, кормятся, по домамъ цѣлыя полчища рабовъ обоего пола, у коихъ нарождаются дѣти, имѣющія быть также подъ властью хозяина; они служатъ посыльными, управляющими, надсмотрщиками за работами всякаго рода. Они же поочередно караулятъ, въ то время, когда господа ихъ крѣпко спятъ, извѣщаютъ ударами дубины, который часъ ночи и высматриваютъ съ домовыхъ вышекъ, нѣтъ ли гдѣ пожара. Кормятъ же ихъ обыкновенно пищею, до того гнусною, что въ издѣвательство о нихъ говорятъ, что они питаются похлебкою изъ яичныхъ скорлупъ. Если же они, въ свою очередь, позволятъ себѣ что - либо дурное, то ихъ господа, съ разрѣшенія закона, могутъ назначить имъ какой угодно родъ наказанія, за исключеніемъ только смертной казни.

---

[1]) Продающіеся въ кабалу и должники.

ГЛАВА 7.

О тѣлосложеніи Московъ.

Мосхи весьма способны переносить всякаго рода трудности, такъ какъ ихъ тѣла закалены отъ рожденія холодомъ. Они спокойно переносятъ суровость климата и нисколько не страшатся выходить съ открытою головою подъ снѣгъ или дождь, равно какъ и на зной, словомъ, въ какую бы то ни было погоду. Дѣти трехъ-четырехъ лѣтъ отъ роду, зачастую, въ жесточайшіе даже морозы, ходятъ босые, еле прикрытые полотняною одеждою и играютъ на дворѣ, бѣгая взапуски. Послѣдствіемъ сего являются знаменитыя, закаленныя тѣла, и мужчины, хоть и не великаны по росту, но хорошо и крѣпко сложенные, изъ которыхъ иные, совершенно безоружные, иногда вступаютъ въ борьбу съ медвѣдями и, схвативъ за уши, держатъ ихъ, пока тѣ не выбьются изъ силъ; тогда они имъ, вполнѣ подчиненнымъ и лежащимъ у ногъ, надѣваютъ намордникъ. Калѣкъ или, возбуждающихъ жалость, несчастныхъ, обладающихъ какимъ-либо природнымъ недостаткомъ, межъ нихъ встрѣчается крайне мало. Волоса у нихъ, по бо́льшей части, русые или рыжіе, и они чаще стригутъ ихъ, нежели расчесываютъ. Глаза у нихъ, большею частью, голубые, но особенно цѣнятъ они сѣрые, съ нѣкіимъ огненно-красноватымъ блескомъ; большая часть ихъ смотритъ исподлобья и дико. Голова у нихъ большая, грудь широкая, руки весьма длинны, животъ, благодаря, стягивающему его внизу, поясу, выдается сильно впередъ, бедра же и голени очень малы; вообще же все тѣло у нихъ весьма полно, такъ какъ, дѣйствительно, и одежда ихъ не стѣсняетъ и ѣдятъ они просто, но обильно, а также и много спятъ. Цвѣтъ лица у нихъ такой же, какъ и у европейцевъ, благодаря холодному климату, исправившему первоначальный темный, азіатскій. Внѣшній видъ женщинъ нѣсколько болѣе изященъ, но лицо у нихъ круглое (largus), губы выдаются впередъ и брови всегда подкрашены, да и все лицо разрисовано, ибо они всѣ употребляютъ притиранія (fucum). Обыкновеніе румяниться считается, въ силу привычки, столь необходимымъ, что женщину, не пожелавшую покрасить (colorare) свое лицо, сочли бы за надменную и стремящуюся отличиться предъ другими, ибо она-де дерзко считаетъ себя достаточно красивою и нарядною и безъ краски и искусственныхъ прикрасъ. Большинство женщинъ посвящаютъ, поэтому, сему пустому занятію много труда, но въ возмездіе за эту поддѣльную красоту, онѣ, приближаясь къ старости, имѣютъ лица, изборожденныя морщинами, такъ сильно онѣ бѣлятъ и румянятъ его, некрасивое,

въ естественномъ своемъ видѣ, хотя не могу отрицать того, что и у Русскихъ встрѣчаются свои Венеры. Впрочемъ, онѣ прикидываются скромными, выступаютъ прямо и очень медленно, по причинѣ высокихъ каблуковъ (calceus). Руки у нихъ, говорятъ, очень нѣжны и, пожалуй, мягче ваты (gossipium), такъ какъ онѣ, дѣйствительно, едва ли производятъ какую-либо домашнюю, мало-мальски грубую, работу.

ГЛАВА 8.

О душевныхъ качествахъ.

Если можно приписывать душевныя наклонности вліянію климата родины и постоянному рабскому состоянію, то, конечно, Мосхи, главнымъ образомъ, по этимъ причинамъ, являются грубыми и трусливыми, ибо жестокость они почти не относятъ къ числу пороковъ, но считаютъ ее вполнѣ дозволенною и необходимою, а также слѣдуютъ, всѣ, и инымъ, еще болѣе необузданнымъ, страстямъ. Такъ же сильно подчиняются они и чувству страха, которое постоянно присуще имъ, вслѣдствіе суроваго закона о повиновеніи, хотя они наружно выказываютъ нѣкоторую надменность, дабы скрыть внутреннія, душевныя треволненія. Вѣдь, дѣйствительно, легко впадать въ противоположныя крайности, когда пороки не избѣгаются тщательно. Не говоря о ихъ наклонности къ пьянству и сладострастью, о которыхъ я скажу въ своемъ мѣстѣ, у нихъ въ большомъ ходу рабская уловка [1]), и они умѣютъ быстро, какъ никто другой, облекаться въ лисью шкуру, когда львиная кожа оказывается недостигающей цѣли, придумывать обманы, обойти ласками, въ торжественную присягу помѣстить нѣчто свое, лживое, и скрывать многое, то подъ личиною ненависти, то подъ личиною любви [2]). Жители же города Москвы считаются еще болѣе хитрыми, чѣмъ остальные. Что касается всего, болѣе возвышеннаго, то они въ этомъ и понынѣ оказываются тупыми и неспособными, и эта тупость поддерживается въ нихъ климатомъ и весьма грубымъ напиткомъ—водкою, которою они постоянно напиваются. За симъ, они подозрительны, пропитаны, такъ сказать, подозрѣніемъ, ибо, будучи вѣроломными по отношенію къ другимъ, и сами не могутъ вѣрить кому бы то ни было. Къ лести они столь склонны, что у нихъ вошло въ постоянный обычай, придавать лицу пріятное выраженіе, простираться всѣмъ тѣломъ по землѣ, покрывать руку безчисленными поцѣлуями и подкрѣплять льстивыя, ложныя рѣчи клятвою. Для друзей

---

[1]) Въ подлинникѣ собственно: „рабскій грѣхъ" или „недостатокъ" (peccatum)
[2]) Въ подлинникѣ собственно: „поцѣлуя".

они дѣлаютъ многое даромъ, но всегда съ какимъ-либо разсчетомъ для себя, особенно же, крайне дерзко полагаютъ, что иностранцы обязаны имъ всѣмъ, и стараются извлечь пользу, какимъ бы то ни было образомъ, изъ нихъ всѣхъ. Ужъ воистину у этого народа, каковы уста, таковы и похвалы. Все же Русскіе не настолько отреклись уже отъ всѣхъ хорошихъ качествъ, чтобы не обладать совершенно, на ряду съ своими пороками, и нѣкоторыми добродѣтелями. Они отличаются, въ особенности, безпримѣрною благотворительностью по отношенію къ бѣднымъ: для ихъ просьбъ у нихъ всегда открыты уши и разжаты руки, такъ что въ Москвѣ, зачастую, можно видѣть, не безъ изумленія, какъ цѣлыя толпы нищихъ, получаютъ, около домовъ богатыхъ людей, пищу, или иную какую-либо милостыню. Въ несчастьи они также всегда тверды духомъ, не поддаются скорби, а къ счастью, которое служитъ самымъ вѣрнымъ средствомъ для испытанія душъ [1]), они относятся равнодушно; мало того, они, не впадая ни въ чрезмѣрную печаль, ни въ чрезмѣрную радость, постоянно, что бы ни случилось, утѣшаютъ себя слѣдующими словами: такъ Богу угодно, Онъ такъ устрояетъ все къ лучшему.

ГЛАВА 9.

О почитаніи царя.

Не мала общераспространенная похвала Русскимъ, что они съ большимъ трудомъ выходятъ изъ повиновенія, оказываемаго ими Царю, хотя бы и находились подъ гнетомъ жестокаго правленія, ибо они не только считаютъ себя его подчиненными и клятвенно связанными съ нимъ до послѣдняго вздоха, но полагаютъ даже, что спокойно терпѣть тирана, есть дѣло богоугодное и предписывается вѣрою. Превосходный, по истинѣ, образецъ сего явили двое Московскихъ воеводъ, Татевъ (Tatov) и Воронцовъ (Voronskoi palatini), а именно: когда Московское войско было разсѣяно Поляками, то они, хотя и могли спастись бѣгствомъ, предпочли отдаться въ руки врагамъ, дабы нельзя было подумать, что они покинули вѣроломно тѣ военныя орудія, кои были препоручены имъ Царемъ. Мало того, при этомъ самомъ случаѣ, нѣсколько пушкарей (какъ ихъ называютъ), видя, что враги одерживаютъ побѣду, въ отчаяніи, сами наложили на себя руки, дабы смертью

[1]) Въ подлинникѣ собственно: „счастье, которое испытываетъ души наиболѣе острыми жезлами" или „рожнами" (stimulis). Замѣтимъ кстати, что здѣсь Рейтенфельсъ повторяетъ цѣликомъ фразу Тацита, Истор. 1, 15.

удостовѣрить, что они никому не намѣрены служить, кромѣ Царя [1]). Поэтому нечего удивляться, что Моски постоянно, открыто, всюду заявляютъ, что Богу и Царю все возможно и все извѣстно, что только Богу и Царю они готовы отдать все, что только имѣютъ наилучшаго и даже самую жизнь. Затѣмъ, если кому случайно удастся побыть съ Царемъ, то тотъ, по принятому при Русскомъ Дворѣ способу выраженія, хвастается, что видѣлъ ясныя очи Царевы, народъ же зоветъ и знатныхъ людей свѣтъ-государями, (Sudarisviet) т.-е. блескомъ отъ Царя, изъ лести, а также и изъ почтенія.

Приказанія Царя, какого рода они бы ни были, хотя бы и влекущія за собою смерть, исполняются всѣми быстро, не взирая ни на какія преграды, дружно, и съ какимъ-то совершенно слѣпымъ повиновеніемъ. Понесенныя наказанія называются Царской милостью и нерѣдко, и понынѣ, за таковыя благодарятъ съ плачемъ и стонами [2]). Въ письменныхъ просьбахъ подписываются уменьшительными именами, называя себя рабами Царя. При провозглашеніи, гдѣ бы то ни было, Царскаго титула, всѣ падаютъ на колѣни, касаясь лбомъ земли и всякій, насколько у него хватаетъ силъ, старается, чтобы повсюду оказывались Царю такія великія почести, какія только можетъ придумать ревностное желаніе угодить ему и безграничная покорность.

ГЛАВА 10.

О ругательствахъ и издѣвкахъ.

Русскіе наши (Russi nostri) въ обыкновенныхъ разговорахъ не прибѣгаютъ, когда бранятся, какъ это обыкновенно дѣлается у многихъ народовъ, къ заклятіямъ небесными и подземными богами, но доходятъ почти до богохульства, пользуясь постоянно безстыдными выраженіями. Разсерженные чѣмъ бы то ни было, они называютъ мать противника своего, жидовкою, язычницею, нечистою, сукою и непотребною женщиною. Своихъ враговъ, рабовъ и дѣтей они безчестятъ названіями щенятъ и выблядковъ, или же грозятъ имъ тѣмъ, что позорнымъ образомъ исковеркаютъ имъ уши, глаза, носъ, все лицо и

[1]) Въ 1578 г. при осадѣ Вендена, воеводы Петръ Татевъ и Василій Воронцовъ, по словамъ Гейденштейна, оставшись почти одни въ лагерѣ, охватили руками болѣе важныя военныя орудія и въ такомъ положеніи были найдены на другой день утромъ и взяты въ плѣнъ... Пушкари же повѣсились на веревкахъ, служившихъ къ тому, чтобы поднимать и опускать пушки при заряженіи и прицѣлѣ. См. Гейденштейнъ, Зап. о московск. войнѣ, изд. Археограф. Ком. стр. 36—37.

[2]) Отъ этихъ наказаній.

изнасилуютъ ихъ мать, каковой родъ брани они удержали отъ Венгровъ и Татаръ, съ коими долгое время жили вмѣстѣ. Поистинѣ, таковыя смѣшенія всегда вредятъ добрымъ нравамъ, такъ какъ народы либо заимствуютъ другъ у друга пороки, либо насильно навязываютъ ихъ, либо незамѣтно заражаютъ ими. Если же кто-либо, у Московъ, не снеся поношенія горчайшею бранью, позоветъ обидчика въ судъ, то дѣло, по-отечески, рѣшается тѣмъ, что взведшій клевету, позорящую добрую славу кого-либо, присуждается къ уплатѣ денегъ, а если онъ не въ состояніи платить, то къ наказанію кнутомъ [1]). На удовлетвореніе оскорбленной чести съ виновнаго взыскивается сумма, равная годичному жалованью, или доходамъ, обиженнаго, и, кромѣ того, еще половина сего за жену и дѣтей его. О подвергающемся этому наказанію говорятъ, что онъ уплачиваетъ „безчестіе", т.-е. цѣну за лишеніе добраго имени (beszeszie, seu pretium diffamationis). Иногда отъ словъ переходятъ къ крайне оскорбительнымъ поступкамъ. За оскорбленія, нанесенныя священникамъ, уплачивается всего лишь пять рублей, т.-е. червонцевъ (aureis). Такая незначительная плата установлена, быть-можетъ, съ тою цѣлью, чтобы лица, принадлежащія къ духовному званію, помнили, что имъ подобаетъ терпѣливо и смиренно переносить обиды. Если кто вырветъ у другого бороду, то его считаютъ нанесшимъ величайшее оскорбленіе, за которое судья долженъ строго наказать: въ этомъ отношеніи Русскіе сходятся съ древними Римлянами, которые также считали прикосновеніе къ чужой бородѣ, даже поглаживаніе ея, поступкомъ, требующимъ искупительной жертвы. Впрочемъ, Русскіе, не стѣсняясь, задираютъ и иностранцевъ всякихъ, въ особенности же Нѣмцевъ, безстыдными рѣчами и если встрѣтятся случайно съ ними, то громко обзываютъ ихъ глупѣйшею бранью „шишами" (schisch): вѣдь право, этимъ шипѣніемъ, обыкновенно, пугаютъ птичекъ. И хотя эта легкомысленная дерзость языка нерѣдко наказывается тяжкимъ бичеваніемъ, все-таки Русскіе отъ нея нисколько не исправляются.

Говорятъ, что начало этому издѣвательству положено нѣкіимъ Патріархомъ, который въ началѣ текущаго столѣтія, ревнуя къ вѣрѣ, впервые убѣдилъ Царя издать приказъ, надѣлавшій много шума: чтобы всѣ иностранцы, до сего жившіе вмѣстѣ съ Русскими, оставили бы городъ и поселились тамъ, гдѣ они живутъ и понынѣ. Мысль объ этомъ, какъ разсказываютъ, была ему внушена какими-то бабенками (muliercula) изъ лютеранокъ, которыя передъ дверями храма подняли споръ о томъ, кто займетъ высшее мѣсто [2]).

---

[1]) Въ подлинникѣ собственно: „къ искупленію вины претерпѣніемъ бичеванія".

[2]) См. Олеарій, кн. III, глава 33.

ГЛАВА 11.

О распутствѣ и пьянствѣ.

Моски, хотя и проводили нѣкогда жизнь менѣе пышно чѣмъ другіе народы, въ настоящее время, однако, видимо значительно подчинились вліянію Грековъ и, въ одеждѣ, неразумно чрезмѣрно подражаютъ азіатскимъ народамъ, несмотря на то, что законъ ихъ сдерживаетъ въ этомъ. Въ пищѣ они крайне невоздержны и съ жадностью набрасываются на нее, а въ чувственныхъ удовольствіяхъ и пьянствѣ могутъ потягаться съ кѣмъ угодно. Ибо, не допуская,ни подъ какимъ видомъ, публичныхъ домовъ (lupanaria) и преслѣдуя даже строжайшимъ наказаніемъ всякое распутство, они, тѣмъ не менѣе, до того дошли въ необузданномъ увлеченіи этимъ грѣхомъ, что не разбираютъ, принося жертвы Венерѣ, ни пола, ни способовъ. Погруженные въ глубочайшее невѣжество, они, по правдѣ сказать, не въ состояніи понять тяжести этого преступленія и полагаютъ, что исполняютъ все, что требуетъ праведность христіанина, если снимутъ съ шеи крестъ или закроютъ изображенія святыхъ, прежде чѣмъ приступятъ къ совокупленію съ блудницею, или мальчикомъ, ее замѣняющимъ. Женщины питаютъ особенное расположеніе и страсть къ иностранцамъ, несмотря на то, что ихъ родственники и мужья крайне тщательно оберегаютъ ихъ отъ всякаго общенія съ ними и даже лицезрѣнія. Невоздержанность въ пищѣ, которою они грѣшатъ, какъ у себя дома, такъ и на торжественныхъ пирахъ, до того обуяла ихъ, что они этотъ гнусный (turpe) порокъ считаютъ удовольствіемъ, или необходимостью. Они думаютъ также, что невозможно оказать гостепріимство, или заключить тѣсную дружбу, не наѣвшись и напившись предварительно за однимъ столомъ, и считаютъ поэтому наполненіе желудка, пищею до тошноты и виномъ до опьяненія, дѣломъ обычнымъ и дѣлающимъ честь. Большая часть богатыхъ людей проводятъ день въ спаньѣ и ѣдѣ и, благодаря бездѣйствію, всю жизнь откармливаются. Такой образъ жизни, пожалуй, освобождаетъ, ихъ, какъ они, довольно заманчиво, выражаются, отъ душевныхъ скорбей и разстройствъ, но на дѣлѣ, они, потопляя заботы, тонутъ и сами. Въ праздники имъ позволено, даже дано преимущественное право, напиваться безнаказанно до-пьяна; тогда можно видѣть, какъ они валяются на улицахъ, замерзнувъ отъ холода, или развозятся, наваленные другъ на друга, въ повозкахъ и саняхъ, по домамъ. Объ этотъ камень [1]) часто спотыкается и слабый полъ, а

---

[1]) Т. е. пьянство. Въ подлинникѣ собственно: „къ этому камню (скалѣ) часто прилипаетъ".

также и непорочность священниковъ и монаховъ. Исторія прошлаго показываетъ, что изъ-за этого же порока нерѣдко погибало войско и многіе города, а именно: когда Стефанъ Баторій, знаменитый, непобѣдимый, король Польскій велъ войну противъ Царя Ивана Васильевича, ради возвращенія себѣ Ливоніи, то онъ, хорошо зная природу (naturam) Русскихъ, послалъ весьма вмѣстительную бочку съ водкою, московскому гарнизону въ осаждаемой имъ крѣпости Динабургѣ, какъ бы въ знакъ своего къ нимъ состраданія. Когда же гарнизонъ, опорожнивъ ее, лежалъ весь распростертый и безопасный, король приступомъ взялъ крѣпость безъ битвы [1]). Хотя Русскіе и стараются извинить свое постоянное пьянство, ибо они предпочтительно пьютъ водку и днемъ и ночью, тѣмъ, что, кромѣ давнишней привычки (весь сѣверъ-де уже съ издавна много пьетъ), оно имъ еще необходимо для защиты отъ холода, но все-таки имъ не удается вполнѣ смыть съ себя позорное пятно пьянства.

ГЛАВА 12.

О приверженности къ древнимъ обычаямъ.

Дабы открыто явить себя ревностными хранителями стародавнихъ обычаевъ, Русскіе не допускаютъ всѣхъ, безъ разбора, чужестранцевъ во внутрь страны, а тѣхъ, кои допущены и кои начнутъ говорить объ измѣненіи существующаго порядка, тѣхъ они выслушиваютъ не благосклонно, не выѣзжаютъ, наконецъ, за предѣлы отечества, съ цѣлью попутешествовать. Мало того: говоря объ иностранныхъ дѣлахъ, они обыкновенно упорно твердятъ: хорошо это у нихъ дѣлается, да только не по нашему обычаю. Ибо они легковѣрно ласкаютъ себя льстивымъ убѣжденіемъ, что кромѣ Московіи нигдѣ ничего хорошаго не дѣлается, и что людямъ хорошо только у нихъ. Конечно, своимъ свой Ѳерситъ кажется красавцемъ, а полное незнаніе чего бы то ни было лучшаго, не допускаетъ, понятно, никакого сравненія.

Обычаи же Московъ, кажется, по большей части произошли отъ смѣшенія греческихъ со скиѳскими, ибо, дѣйствительно, они съ этими народами вели постоянныя войны, съ древнѣйшихъ временъ. Болѣе утонченное они переняли у Грековъ, болѣе грубое у Скиѳовъ, хотя и понынѣ у нихъ оказывается мало европейскихъ чертъ, а преобладаютъ азіятскія. Покрой одежды, пышность при общественныхъ торжествахъ, обычный способъ веденія хозяйства, пріемы управленія государствомъ,

---

[1]) См. подробности у Гейденштейна, стр. 7.

весь, наконецъ, строй жизни отзывается у нихъ болѣе азіятскою необузданностью, нежели европейскою образованностью. И никогда, до сей поры, они не могли рѣшиться оставить этотъ образъ жизни, съ издавна, въ теченіе столь длиннаго ряда вѣковъ, существующій. Поэтому, признаюсь, я, во время моего добровольнаго скитанія, всего болѣе убѣдился во время путешествія въ Московію, что то, что у большинства европейскихъ народовъ, производится всюду, одинаково, то все у Московъ происходило иначе, совершенно отлично отъ народовъ всего земнаго шара.

ГЛАВА 13.

О грубомъ обращеніи русскихъ и о развлеченіяхъ ихъ.

Скромность, украшеніе всѣхъ возрастовъ, до того мало свойственна Русскимъ, что они, вѣрнѣе, ея совершенно не знаютъ. Вѣжливаго и изящнаго обращенія у нихъ нѣтъ совсѣмъ: они не считаютъ даже неприличнымъ говорить грубо, икать, рыгать и совершать еще кой что иное, болѣе гнусное, во время торжественныхъ собраній. А если, случайно, иностранцы станутъ смѣяться надъ ними за это, то стыдъ не вызываетъ у нихъ никакой краски честной и строгой благопристойности. За столомъ они, слѣдуя обычаю предковъ и нисколько не заботясь о томъ, что выходитъ за предѣлы пристойности, хватаютъ пищу съ блюда пальцами, опираясь на локти, пользуются постоянно на пирахъ грязнѣйшей посудой, не употребляютъ ни салфетокъ, ни тарелокъ, засыпаютъ, среди обѣда, между ѣдою. Они обязательно предаются послѣобѣденному сну, къ которому склоняетъ ихъ не столько потребность во снѣ, климатъ или обиліе работы, сколько лѣнь и пьянство, ибо за обѣдомъ, они, большею частью, такъ много пьютъ водки, не говоря уже о другихъ напиткахъ, что, отъ стола, съ трудомъ добираются, если не совершенно въ состояніи безчувствія, то, во всякомъ случаѣ, сонные, до кроватей. Способъ привѣтствованія у нихъ одинаковъ съ нѣкоторыми азіятскими народами: стоя неподвижно на ногахъ, они протягиваютъ впередъ руки и опускаютъ обнаженную голову до самой земли. Привѣтствуя же Царя, они, обыкновенно, распростираются ницъ, всѣмъ тѣломъ, по землѣ. Желая оказать другъ другу взаимную дружескую любовь, они цѣлуютъ другъ друга въ голову, или же прижимаютъ, обнявшись руками, другъ друга къ груди. Еще бо́льшимъ почетомъ считается также, если кто поспѣшитъ бѣгомъ другому на встрѣчу. Согласно съ этимъ, они находятъ, что человѣку высшаго круга не прилично посѣщать

домъ человѣка низшаго; если же послѣдній, на конѣ [1]), въѣдетъ во дворъ къ первому, то его обзовутъ невѣжею. При входѣ въ домъ, Русскіе, прежде чѣмъ сказать что-либо, осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, а если увидятъ образъ какого-нибудь святаго, то трижды преклоняются передъ нимъ, привѣтствуютъ присутствующихъ, сколько бы ихъ въ комнатѣ ни было, кланяясь головою каждому особо и тогда, наконецъ, начинаютъ говорить. То же самое они продѣлываютъ, когда собираются уходить. Кромѣ того, въ важныхъ, иногда, случаяхъ, желая подтвердить что-либо или опровергнуть, они тоже крестятъ лобъ. Разговариваютъ они, въ частной бесѣдѣ, зачастую, безъ всякаго отвращенія, о наигнуснѣйшихъ вещахъ, такъ какъ-либо не знаютъ ничего лучшаго, либо же не интересуются имъ. Бесѣды свои они всегда ведутъ сидя и называютъ наши разговоры на ходу [2]), вертопрашествомъ. Съ цѣлію доказать особенную пріязнь чужестранцу, пользующемуся ихъ расположеніемъ, мужья и отцы иногда приказываютъ женѣ или дочери, наряженнымъ въ драгоцѣннѣйшее платье и окруженнымъ многочисленною прислугою, предстать предъ взорами гостя и поднести ему водки (vinum crematum) въ серебряномъ кубкѣ, при чемъ усерднѣйше приглашаютъ гостя, въ залогъ дружбы, поцѣловать жену, при чемъ [3]) онъ долженъ непремѣнно, низко поклонившись, бѣгомъ (cursim) приблизиться къ ней, неподвижно стоящей, и напечатлѣть легкій поцѣлуй, ни на ротъ ея, ни на губы, а только на обѣ щеки (ut nec basiolum ori, aut labris, sed genis tantum leviter impingat) и такъ же [4]) отойдти отъ нея. При взаимныхъ посѣщеніяхъ они радушно угощаютъ водкой, присоединяя къ ней также и медовые пряники (panes melliti), орѣхи, яблоки, и иные плоды и закуски (bellaria). Подарки, которые они обыкновенно посылаютъ своимъ друзьямъ, они называютъ гостинцами т. е., дарами для гостей (hospitale munus). Если они кого застанутъ за ѣдою (cibos sumentem), то они кричатъ ему священныя (votivum) слова: „хлѣбъ да соль", каковымъ благочестивымъ изреченіемъ (pio carmine) отгоняются, по ихъ убѣжденію, злые духи. Такъ же выносятъ крестьяне хлѣбъ и соль Царю, по пути его слѣдованія, когда онъ отправляется въ деревню, какъ знакъ гостепріимства. Къ этому же обряду они прибѣгаютъ и при переселеніи своемъ въ новый домъ, послѣ другихъ торжественныхъ обрядовъ и моленій о благополучіи. Этотъ обычай, говорятъ, сохранился отъ Сергѣя, монаха великой святости, который, подкрѣпляя себя, какъ-то, вмѣстѣ съ Царемъ Дмитріемъ, пищею въ одной кельѣ, именно этими словами: „хлѣбъ да соль" прогналъ бѣса.

---

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ „equo vectus", что можетъ означать также и „пріѣдетъ въ экипажѣ".

[2]) Въ подлинникѣ собственно: „наши прогулки во время разговора" (inter confabulandum deambulationes).

[3]) Въ подлинникѣ собственно: „собираясь сдѣлать это".

[4]) Т. е. бѣгомъ и кланяясь.

Они гораздо меньше чѣмъ мы заботятся о духовныхъ развлеченіяхъ [1]) и тѣлесныхъ упражненіяхъ. Музыку они производятъ на трубахъ, бубнахъ, рожкахъ (lituis), дудкахъ и волынкахъ, наигрывая весьма нестройно, не любятъ какого бы то ни было пѣнія въ сопровожденіи струнныхъ инструментовъ (fidium) и пріятнаго сего соединенія разнородныхъ звуковъ [2]) и не терпятъ органовъ даже въ церквахъ своихъ. Хороводы у нихъ водятся чрезвычайно рѣдко, почти исключительно одними крестьянами на свадьбахъ, и крайне безобразно, съ сладострастными, въ высшей степени, тѣлодвиженіями. Упражненіемъ въ верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ изъ лука они занимаются весьма усердно, такъ какъ это часто бываетъ имъ нужно, болѣе же сего они отдыхаютъ въ благородномъ бездѣйствіи, или за игрою въ разбойники, или шашки [3]). За этою игрою, которая нѣкогда была въ большомъ употребленіи, не только у Персовъ и другихъ азіятскихъ народовъ, но и у Исландцевъ и Шведовъ, въ настоящее время проводятъ почти все время и старики и дѣти на всѣхъ улицахъ и площадяхъ Москвы. Кромѣ того, въ извѣстныя времена года, молодежь изъ простонародія (iuvenes plebeii) устраиваетъ кулачные бои и борьбу, или же пытаетъ счастья, играя въ кости. Женщины разгоняютъ скуку отъ бездѣйствія пѣснями, или же, поочередно, подбрасываются вверхъ бревномъ, положеннымъ поперекъ на пень, либо же летаютъ по воздуху взадъ и впередъ на канатахъ, привязанныхъ къ поперечному бревну [4]). Мальчики играютъ заостренными кусками желѣза, наровя попасть въ лежащее на землѣ кольцо [5]), или быстро бѣгаютъ по снѣгу на лыжахъ, или деревянныхъ подошвахъ, упираясь палками. Этотъ способъ передвиженія, общеупотребительный у Сибиряковъ, Самоѣдовъ и Лапландцевъ, нѣкогда принесъ Финнамъ весьма большую пользу даже на войнѣ, такъ какъ, по словамъ Саксона Грамматика, они, быстро скользя на гладкихъ деревяшкахъ, неожиданно нападали на враговъ.

---

[1]) Въ подлинникѣ собственно: „о разсѣяніи заботъ" (delinimenta curarum).

[2]) Рейтенфельсъ хочетъ сказать, что хотя звуки инструментовъ совершенно отличны отъ человѣческаго голоса, тѣмъ не менѣе соединеніе ихъ пріятно.

[3]) Въ подлинникѣ собственно: „ludicris latrunculorum seu schachiae proeliis". Древнимъ была извѣстна, подъ названіемъ „разбойники", игра очень схожая съ шашками.

[4]) Рѣчь идетъ очевидно о качеляхъ, но Рейтенфельсъ крайне сжато и не ясно описываетъ ихъ. Гораздо лучше описаны эти развлеченія у Олеарія, кн. III, гл. 9, у Петрея, часть 5, и друг.

[5]) Игра въ свайку.

ГЛАВА 14.

Объ одеждѣ.

Оставляя въ сторонѣ разныя необыкновенныя одѣянія Самоѣдовъ, Лапландцевъ и Татаръ, о коихъ будетъ сказано ниже въ своемъ мѣстѣ, я теперь кратко разскажу лишь объ обыкновенной одеждѣ Русскихъ. Въ Московіи, вслѣдствіе закона объ одеждѣ, каждый долженъ одѣваться по назначенному ему образцу. Если люди низшаго сословія, или, вообще бѣдные, одѣнутся немного пороскошнѣе, то общественное мнѣніе считаетъ это позорнымъ, и, кромѣ того, ихъ обзываютъ, и измѣнниками вѣрѣ и отечеству. Покрой одежды одинъ и тотъ-же у всѣхъ, но матерію они употребляютъ различную. Мужчины носятъ на головѣ, зимою и лѣтомъ, высокія, опушенныя мѣхомъ шапки, которыя у людей побогаче, зачастую, украшаются жемчугомъ, золотомъ и различными драгоцѣнными каменьями. Штаны (caligae) у нихъ устроены такъ, что одновременно защищаютъ и животъ (medium corpus) и ноги. Верхняя и нижняя рубашки—довольно коротки и туго стягиваются, одинаково какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, ниже живота, поясомъ, ибо Мосхи не привыкли подпоясывать верхнюю одежду, какъ Поляки. Поверхъ этихъ рубашекъ они, затѣмъ надѣваютъ короткую, шерстяную или шелковую, тунику, съ длинными, широкими рукавами, а сверхъ нея еще другую, доходящую до пятъ и болѣе узкую. Выходя изъ дому, они, наконецъ, надѣваютъ третью одежду длинную и широкую шубу [1]), по большей части, мѣховую, или опушенную мѣхомъ, съ очень широкими рукавами и воротомъ (collare), разными узорами вышитую, и украшенную драгоцѣнными камнями, съ шариками [2]) и застежками на груди. Для одеждъ они употребляютъ всякаго рода матеріи, какъ шерстяныя, такъ и шелковыя, какого бы цвѣта онѣ ни были, кромѣ чернаго, такъ какъ они, вообще, избѣгаютъ черныхъ и пестрыхъ одѣяній, предоставляя—первыя монахамъ, а вторыя тѣлохранителямъ Царя и Персамъ. Впрочемъ во всей одеждѣ Русскихъ нѣтъ ни полотна [3]), ни лентъ (sine lintio et sine lemnisco), хотя на ней, тѣмъ не менѣе, много драгоцѣннаго. Сапоги, или котурны, которыми прикрываются ноги и голени лишь до колѣнъ, снабжены у нихъ болѣе высокими, нежели у

---

[1]) Или „охабень". Въ подлинникѣ стоитъ: „тогу (togam)"

[2]) Шаровидными пуговицами (?).

[3]) Т. е. невидно признаковъ бѣлья, маншетъ и воротниковъ.

Поляковъ, каблуками, обитыми желѣзомъ [1]), при чемъ они красятъ ихъ, то въ зеленый, то въ голубой, то въ красный, то въ черный цвѣта. Бѣдные же люди [2]), большею частью, плетутъ себѣ—дѣло не легкое—лапти изъ липовыхъ лыкъ (ex tiliae libro). — У женщинъ одежда немного тѣснѣе, однако не настолько, чтобы обрисовывались отдѣльныя части тѣла. Рукава рубашекъ, которыя онѣ у кисти рукъ и у ворота украшаютъ золотомъ, шелкомъ и драгоцѣнными камнями, до того длинны, что руку не только нельзя прямо продѣть въ нихъ, но даже, съ трудомъ, собравъ въ складки, можно натянуть ихъ на руки. Это неизбѣжное, постоянное изобиліе складокъ до того способствуетъ сохраненію рукъ въ теплѣ, что даже зимою на руки не надѣвается никакой, дополнительной, одежды. Верхняя одежда у нихъ спускается до самыхъ ногъ, застегивается шариками, а длинные, висячіе рукава ея оторочены также золотомъ, серебромъ или, по крайней мѣрѣ, шелкомъ. Собираясь идти въ церковь, или куда-либо въ гости, онѣ надѣваютъ на эту одежду, какъ бы вмѣсто плаща, еще другую, такого же покроя, украшенную золотымъ вышиваніемъ, или мѣхами. Чулки онѣ носятъ изъ грубой, косматой шерсти, по большей части, просторные и безъ подвязокъ, а каблуки у ихъ башмаковъ такъ высоки, что ходить весьма трудно. Эти каблуки, изобрѣтенные нѣкогда, Венетами, и нынѣ весьма распространенны, имѣли, думаю я, лишь въ виду, поудобнѣе, удержать черезчуръ безстыдныхъ и безразсудныхъ женщинъ отъ безполезнаго праздношатанія. На свадьбахъ, или въ иныхъ какихъ торжественныхъ случаяхъ, онѣ прибавляютъ къ своему наряду еще оплечье (humeralia), родъ короткаго плаща, густо унизаннаго золотомъ и драгоцѣнными камнями, подъ которымъ онѣ, обыкновенно, держатъ неподвижно руки. За мужнія женщины носятъ на головѣ шапки, прямыя, безъ полей и опушенныя дорогими мѣхами, при чемъ либо прячутъ волосы подъ нихъ, либо остригаютъ ихъ совсѣмъ. Дѣвушки украшаютъ себя красивыми вѣнками изъ золотыхъ шнурковъ, драгоцѣнныхъ камней и коралловъ, а волосы носятъ искусно заплетенные въ косу, куда вплетаютъ пучекъ золотой, или шелковой бахромы, дабы коса была подлиннѣе и красивѣе бы ниспадала до средины спины. Въ ушахъ всѣ, безъ различія, (за исключеніемъ вдовъ), носятъ красивыя серьги съ драгоцѣнными камнями: для этого матери обыкновенно прокалываютъ уши еще совсѣмъ маленькимъ дѣвочкамъ въ банѣ. Считается у нихъ также щегольствомъ носить много колецъ на пальцахъ, а выходя изъ дому на улицу, онѣ закрываютъ лицо, постоянно нарумяненное и набѣленное, фатою, въ высшей степени тонкою,—конечно, для того, чтобы видѣть и быть видимыми.

---

[1]) Съ желѣзными подковами.

[2]) Въ подлинникѣ собственно: „тѣ, которыхъ гнететъ нужда".

ГЛАВА 15.

Объ утвари и наружномъ видѣ зданій.

Согласно первобытному, по большей части и въ другихъ отношеніяхъ, образу жизни Русскихъ, и домашняя утварь ихъ весьма малочисленна и неизящна. Нѣсколько ложекъ, роговыхъ, деревянныхъ или оловянныхъ, ножъ, глиняныя кострюли и горшки, подойникъ, солонка да столъ безъ тарелокъ и скатерти—вотъ и весь столовый приборъ ихъ. Повозки, во всемъ государствѣ, употребляются весьма простой работы, и одной лошади вполнѣ достаточно, чтобы безъ труда везти ихъ. Весьма немного лицъ ѣздятъ въ красивыхъ, чужеземнаго издѣлія, крытыхъ каретахъ (pilentum), на 4-хъ колесахъ, во-первыхъ, потому, что Царь не всѣмъ дозволяетъ это, а также и потому, что считается неприличнымъ для мужчинъ ѣздить въ повозкахъ. Женщинъ они сажаютъ въ совершенно такія же повозки, какія были у древнихъ Скиѳовъ, обитыя краснымъ, или зеленымъ сукномъ, и возятъ въ нихъ по городу. Помѣщены эти колымаги столь высоко на осяхъ, что влѣзть внутрь ихъ можно лишь приставляя лѣстницу; не могутъ онѣ также, подобно употребляемымъ у насъ, висячимъ каретамъ [1]) (pendula carpenta) качаться въ равномѣрномъ движеніи. Подушки, на которыхъ Русскіе спятъ ночью, они днемъ употребляютъ вмѣсто сидѣній въ повозкахъ. Запрягаютъ они одну лишь лошадь и, большей частью, бѣлую, на которой сидитъ и правитъ мальчикъ, а многочисленная челядь изъ рабовъ идетъ впереди черепашьимъ шагомъ (testudineo gradu). Зимою они быстро развозятъ по всѣмъ направленіямъ товары на приспособленныхъ для грузовъ саняхъ, которыми иногда пользуются женщины, накрывъ ихъ сукномъ; мужчины же ѣздятъ въ открытыхъ, устланныхъ медвѣжьими, черными и бѣлыми, шкурами, или коврами. Необходимыя для плаванія по морю и по рѣкамъ, суда они сколачиваютъ безъ гвоздей такъ, что нигдѣ не видно, хотя бы малѣйшаго, гвоздика, связывая все, чрезвычайно искусно, исключительно одними прутьями и лозой. Собираясь грести веслами, они садятся [2]) лицомъ къ носу судна, тогда какъ другіе садятся къ нему спиною. Точно такія суда, совершенно схожія съ русскими, мы видѣли у Шведовъ въ городѣ Гольмѣ (Holmiae).

Въ Московіи же заботятся и о домахъ меньше, чѣмъ гдѣ-либо.

---

[1]) Т.-е. висячихъ на ремняхъ на т. н. висячихъ рессорахъ.

[2]) Въ подлинникѣ собственно: „обращаютъ лицо къ носу, тогда какъ другіе обращаютъ къ нему спину“.

Дома тамъ мало украшаютъ, и мало обращаютъ на нихъ вниманія; воздвигая ихъ, не прибѣгаютъ къ разнаго рода ухищреніямъ и отдѣлкамъ [1]), а почти слѣдуютъ закону Ликурга, который приказывалъ Лакедемонянамъ при стройкѣ домовъ употреблять лишь топоръ да пилу. Но, пренебрегая каменными домами, они, совершенно справедливо, полагаютъ, что гораздо здоровѣе, по причинѣ сильныхъ и постоянныхъ холодовъ, запираться, подобно Татарамъ и Китайцамъ, въ деревянные. Простой народъ выводитъ дома лишь въ одинъ ярусъ, остальные — не выше двухъ. Многіе дома, даже среди города, не имѣя дымовыхъ трубъ, выпускаютъ дымъ чрезъ крайне узкія окна, и не заключаютъ въ своихъ стѣнахъ ничего другого, кромѣ печи для варки пищи, стола со скамьями, и небольшой иконы какого-нибудь святого. Бояре живутъ также очень тѣсно и въ деревянныхъ тоже, по большей части домахъ, а рабы, укрываются въ маленькихъ, расположенныхъ на томъ же дворѣ, вокругъ дома ихъ господина, домикахъ, кои въ другихъ странахъ были бы сочтены за свиные хлѣвы. У воротъ они, слѣдуя обычаю древнихъ Мозиноховъ и Тирренцевъ, воздвигаютъ небольшія, деревянныя башенки, гдѣ, какъ мы уже выше упоминали рабы обыкновенно содержатъ стражу и извѣщаютъ о каждомъ часѣ ночи ударами дубины по бревнамъ. Богатые люди присоединяютъ къ городскимъ домамъ своимъ, садики, засаженные пахучими растеніями, и бани, въ которыхъ они, чуть не ежедневно, моются и сильно потѣютъ, при чемъ хлещутъ себя березовыми вѣниками. Такого же рода бани существуютъ и общественныя, назначенныя для пользованія тому и другому полу гдѣ, за небольшую плату ихъ владѣльцу, народъ моется, по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю, и откуда люди часто, изъ сильнѣйшаго жара, выбѣгаютъ на рѣку, или на снѣгъ, для охлажденія, безъ всякаго вреда для ихъ голаго тѣла. Ворота, ведущіе во дворъ около дома, они строятъ высокими и широкими, дабы хоть этимъ выказать свое великолѣпіе. Крыши—деревянныя или соломенныя, промазанныя глиною. Церквамъ, однако, повсюду оказывается должный почетъ, ибо онѣ, большею частью, строятся высокими и изящными изъ кирпича (excocto lapide), хотя, никоимъ образомъ, не могутъ сравняться съ нашими, по великолѣпію и величинѣ. Почти всѣ они, увѣнчаны нѣсколькими, маленькими, круглыми башенками [2]) и одною побольше, которыя Мосхи, весьма изящно украшаютъ разнаго рода рѣзьбою, если храмъ деревянный, и наполняютъ многими и большими колоколами. Внутри, сами храмы не имѣютъ ни одной скамейки, лишь алтарь въ нихъ окруженъ рѣшеткою и безчисленными изобра-

---

[1]) Въ подлинникѣ собственно: „безъ разныхъ инструментовъ и не выглаживая ихъ“.

[2]) Куполами.

женіями святыхъ, и освѣщается онъ лампадами и очень маленькими и узенькими окнами. Кромѣ того, эти храмы часто такъ малы, что не выходя за предѣлы названныхъ башенъ, находятся съ ними подъ одною крышею [1]), состоящей изъ разноцвѣтныхъ черепицъ, или свинцовыхъ или мѣдныхъ листовъ, иногда покрытыхъ золотомъ.

ГЛАВА 16.

О питьѣ и пищѣ.

Въ Московіи, какъ почти во всѣхъ сѣверныхъ странахъ [2]), люди питаются очень простою пищею, такъ какъ вслѣдствіе великой праздности женщинъ, домашнія и семейныя заботы лежатъ исключительно на мужчинахъ, которые далеко не такъ сильно подчиняются прихотямъ желудка [3]). Обычную пищу у нихъ составляютъ, кромѣ большаго количества рыбы и, въ особенности, свиного мяса, молоко и икра, т. е. посоленныя рыбьи яйца. Первое они бóльшею частью употребляютъ скисшимся, вторую—въ весьма разнообразномъ приготовленіи: такъ есть икра красная, свѣже посоленная, есть черная и жидкая, уже въ достаточной степени пропитавшаяся солью, есть бѣлая—самая свѣжая, и, наконецъ, отжатая тисками (praelo) и сгущенная, которую вывозятъ нерѣдко и за границу. Прочія блюда, весьма простыя, подаются безъ всякой иной приправы, кромѣ соли, и, обыкновенно, совершенно разнородныя даже кушанья приготовляются въ одномъ и томъ же горшкѣ. Если же Русскіе поставятъ на столъ, въ трехъ небольшихъ сосудахъ, соль, перецъ и уксусъ, то считаютъ, что живутъ уже на большую ногу (multo lautius). Телятины всѣ упорно, съ издавна, не знаю по какой причинѣ, избѣгаютъ до того, что Царь Иванъ Васильевичъ приказалъ бросить въ огонь рабочихъ, строившихъ крѣпость въ Вологдѣ, [4]), за то, что они, вынужденные голодомъ, купили и зарѣзали теленка. Такое же отвращеніе, доходящее до тошноты, питаютъ они и къ зайцамъ, ракамъ, голубямъ, и ко всему, убитому посредствомъ удушенія, при чемъ кровь застаивается. Бѣдные люди, скорѣе умѣряютъ, нежели утоляютъ, голодъ хлѣбомъ, который ими печется трехъ родовъ—изъ пшеницы, ржи и ячменя—и водою, либо похлебкою изъ изрубленной капусты, либо жидкою кашею изъ овсяной муки, подобно Ирландцамъ и Шотландцамъ. Многіе съ жадностью пьютъ рыбій разсолъ, если какъ нибудь раздобудутъ его, или макаютъ въ него хлѣбъ, а ужъ если имъ достанется немного, хотя бы и протухшаго, сала, то они считаютъ себя воистинну блаженными. Столы у богатыхъ людей обыкновенно завалены громаднымъ количествомъ не соленыхъ (insulsus) мясныхъ и рыбныхъ блюдъ, но, кромѣ того, еще пирогами (placentis), блинами (laganis), и разнаго рода печеніями [1]) и соленіями. Изъ всѣхъ отраслей поваренняго искусства, Русскіе, дѣйствительно, хорошо владѣютъ однимъ, именно: готовить холодныя кушанья. Овощей они, за исключеніемъ капусты, никакихъ и по сю пору въ пищу не употребляютъ, но зато постоянно, съ удовольствіемъ, ѣдятъ орѣхи, сливы (baccas), и, разнаго рода, яблоки, какъ свѣжія, такъ и вареныя въ меду [2]), огурцы и дыни, къ которымъ они присоединяютъ еще знаменитые, громадные Астраханскіе арбузы, вареные въ меду (melle conditos), Каспійскій виноградъ, и Татарскую корицу, хотя пальма первенства среди излюбленныхъ и цѣнимыхъ Русскими плодовъ принадлежитъ луку и чесноку. Приготовляютъ Русскіе также и пряники медовые для умѣренія горечи водки, но не посыпаютъ ихъ никакими пряностями (aromata).

Яблоки и нѣкія темнозеленыя сливы они постоянно варятъ въ меду, и, либо раскатываютъ это мѣсиво въ длинные листы, либо скатываютъ изъ него шары [3]). Коровье масло они употребляютъ рѣдко, чаще же масло, выжимаемое ими дома изъ льнянаго сѣмени и лѣсныхъ орѣховъ (nucibus avellanis). Межъ разнаго рода напитками первое мѣсто у нихъ занимаетъ, какъ я уже сказалъ, водка и пиво [4]), которыя они, въ большемъ количествѣ, гонятъ, посредствомъ огня, изъ хлѣба, хотя сильно увеличиваютъ этимъ цѣну на него. Правда Мосхи утверждаютъ, что имъ необходимо употреблять этотъ огненный напитокъ, который они пряностями и травами дѣлаютъ болѣе пріятнымъ на вкусъ и болѣе полезнымъ для желудка, какъ средство противъ холоднаго климата своей страны. Одинъ родъ медовой сыты они пьютъ сырымъ, другой—съ прибавкою холодной воды и меда, третій—еще лучшій—вареный на огнѣ. Пиво они варятъ изъ овса, ячменя и хмеля, но оно крайне мутно и слабо, такъ что необходимо большое количество его, чтобы опьянѣть [5]). Простѣйшее и самое лег-

---

[1]) Повидимому, Рейтенфельсъ здѣсь имѣетъ въ виду, такъ называемые, придѣлы, считая ихъ отдѣльными, самостоятельными, небольшими церквами.

[2]) Въ подлинникѣ собственно: „какъ почти подъ всѣмъ сѣвернымъ небомъ“.

[3]) Въ подлинникѣ собственно: глотки (gulae).

[4]) Въ 1566 г.

---

[1]) Кренделями (?).

[2]) Въ подлинникѣ: „mulso imbuta“. Можетъ быть здѣсь разумѣются и моченыя яблоки“.

[3]) Рѣчь идетъ, повидимому, либо о пастилѣ, либо о, такъ называемомъ, тѣстѣ.

[4]) Брага (?)

[5]) Въ подлинникѣ собственно: „мутно и, благодаря своей слабости, ему приходится неизбѣжно долго бороться съ пьющимъ, прежде чѣмъ побороть его“.

кое питье, называемое на ихъ языкѣ, квасомъ (Quas), они приготовляютъ изъ ржи и другихъ сортовъ хлѣба, совершенно безъ хмѣля. Лѣтомъ они пьютъ воду, настоенную на яблокахъ, вишняхъ, малинѣ, и другихъ вкусныхъ ягодахъ и подслащенную медомъ.

Вина, выписываемыя ими въ большемъ количествѣ, изъ Испаніи, Франціи, Германіи, Греціи и Астраханское, они пьютъ рѣдко, вполнѣ довольствуясь своимъ медомъ и водкою. И хотя по всей Московіи одинъ лишь Царь продаетъ, съ громаднѣйшимъ барышомъ для себя медъ, водку и пиво, предоставляя прочимъ подданнымъ доходъ отъ винограднаго вина и напитковъ, однако, болѣе знатнымъ Русскимъ и иностранцамъ, онъ, въ видѣ милости, разрѣшаетъ свободно варить пиво и иныя питья, для домашняго употребленія. Если же кто вздумаетъ воспользоваться этой милостью слишкомъ широко и ради корыстныхъ цѣлей, то, въ первый разъ, онъ наказывается палочными ударами, во второй разъ, у него, сверхъ наказанія, отбирается и напитокъ, имъ приготовленный, а совершившій этотъ проступокъ въ третій разъ, платитъ пятьдесятъ рублей пени, или же отправляется въ ссылку, въ Сибирь.

ГЛАВА 17.

О языкѣ и наукахъ.

Такъ какъ считается, что всѣ потомки Іафета говорили на греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и нѣмецкомъ, языкахъ, то между этими четырьмя, распространеннѣйшими, основными (matrices) языками Европы, славянскій языкъ, какъ уже показываетъ само названіе его, долженъ считаться далеко не послѣднимъ, ибо и въ настоящее время онъ въ употребленіи, на большомъ протяженіи, у народовъ, живущихъ между Каспійскимъ, Евксинскимъ, Адріатическимъ, Балтійскимъ, Бѣлымъ и Татарскимъ, морями. Произошелъ онъ, повидимому, отъ неоднократнаго смѣшенія древняго скиѳскаго языка съ готскимъ, но такъ, что первоначальные корни его принадлежатъ скиѳскому. Ибо, зародившись первоначально въ Иверіи и Албаніи, родинѣ и первоначальныхъ мѣстахъ жительства всѣхъ Скиѳовъ, онъ постепенно вмѣстѣ съ выходящими оттуда народами, разбивался на различныя нарѣчія [1]), которыя, благодаря войнамъ, времени и невѣжеству, до того исказились [2]) на разные лады, что въ нихъ еле замѣтны незначительные слѣды ихъ происхожденія. Дѣйствительно, Геродотъ говоритъ, что Скиѳы пользуются языкомъ Савроматовъ, смѣшаннымъ со Скиѳскимъ, но весьма испорченнымъ, и приводитъ этому дѣйствительному обстоятельству, невѣрную причину: что, навѣрное, Амазонки искони уже знали его въ искаженномъ видѣ. Не мало внесъ въ него [1]) своего и Готскій языкъ, такъ какъ, уже въ первые вѣка міросозданія, готскія племена владычествовали надъ Русскими. Кромѣ того, Прокопій свидѣтельствуетъ, что Готы, внѣ своего отечества, употребляли Аланскую рѣчь, и Страбонъ, по этому же самому, приписываетъ готскій языкъ Дакамъ, а по свидѣтельству Лукіана, древнѣйшіе Скиѳы говорили по-алански, и, наконецъ, всѣ Шведскіе историки согласны въ томъ, что Готы нѣкогда господствовали надъ иноземцами, и что Готы имѣли почти тотъ же языкъ и нравы, какъ и Скиѳы. Этотъ вопросъ могъ бы лучше всего разъясниться, если бы что-либо изъ названныхъ, древнихъ языковъ сохранилось вполнѣ цѣлымъ и неиспорченнымъ, потому что, воистину, на основаніи того, что мы знаемъ о нынѣшнихъ языкахъ, нельзя вполнѣ правильно судить о различіи ихъ въ древности. Ибо одно достовѣрно, что въ первобытныя времена, они настолько же были схожи, на сколько теперь, наоборотъ, различны и тѣмъ явственнѣе обнаруживаютъ слѣды близкаго родства, чѣмъ дальше они удалились отъ своего начала. Это чрезвычайно ясно видно, напримѣръ, въ нашемъ, древнемъ германскомъ языкѣ: языкъ, общеупотребительный, въ ближайшее къ Карлу Великому, время, въ настоящее время понятенъ лишь, благодаря большимъ стараніямъ ученыхъ и гораздо болѣе схожъ со Славянскимъ, нежели теперешній. Но распространяться ли объ этомъ? Вѣдь, если даже кто по словарямъ, хоть нѣсколько внимательно, сравнитъ нѣсколько языковъ, тотъ легко замѣтитъ, и общее у нихъ всѣхъ происхожденіе и сходство одного съ другимъ. Нѣкоторое время даже, повидимому, древне-литовскій и вандальскій языкъ занимали средину между славянскимъ и скиѳскимъ, какъ языкъ Финновъ и Гунновъ между славянскимъ и готскимъ. Финскій языкъ былъ въ употребленіи на большомъ протяженіи между рѣкою Вислою, Балтійскимъ и Гиперборейскимъ, морями нынѣ же онъ, говорятъ, въ наиболѣе чистомъ видѣ сохранился въ Тавастіи (Tavastia) [2]) Эсты же говорятъ на отличномъ отъ Финновъ нарѣчіи, Корелы — на языкѣ, отличающемся отъ финскаго, лишь немногими словами. Буквы и ихъ начертаніе (alphabetum et literas), если не всѣ, то бо́льшую часть ихъ, русскіе заимствовали, по всей вѣроятности, съ издревле у Скиѳовъ, т.-е. у Готовъ, ибо и Готы получили просвѣщеніе изъ той части Азіи, которая лежитъ между берегами Каспійскаго и Евксинскаго, морей. А такъ какъ Мосхи обитали посреди [3]) и весьма

[1]) Въ подлинникѣ: „потекъ различными ручейками“ (in varios rivulos).
[2]) Въ подлинникѣ: „замутнились“ (sordidos).

[1]) Т.-е. „это нарѣчіе“.
[2]) Тавастгусской губ.
[3]) Т.-е „между Готами и Каспійскимъ и Евксинскимъ морями“.

часто, съ перемѣннымъ успѣхомъ, вели войну съ Готами, то едва ли возможно, чтобы они все это время обходились безъ письменъ. Принявъ, посему, греческія буквы, они дополнили число ихъ рунами, такъ какъ греческихъ буквъ не было достаточно для того, чтобы вполнѣ вѣрно писать на ихъ языкѣ. Кто сравнитъ русскую азбуку съ древне готскою, тотъ легко это замѣтитъ. Добавлю еще, что въ Московской области Мордвѣ, а также и въ Вяткѣ и Перми, или Беарміи, граничащихъ съ Лапландцами, долго время держалась своя особая азбука, въ общежитіи называемая азбукою епископа Стефана. Въ настоящее время народы, принадлежащіе къ славянскому языку, употребляютъ, главнымъ образомъ, три рода буквъ: Поляки—латинскія, Иллирійцы или Болгаре—буквы Св. Іеронима, и Мосхи—свои собственныя, немного разнящіяся отъ нихъ. Болгарскія буквы, заимствованныя у Грековъ, называются Глаголицей; по словамъ однихъ, болгарскій князь Круннъ (Chruno) получилъ ихъ вмѣстѣ съ другими дарами, въ 810 году по Р. Х., отъ Императора Михаила Куропалата, какъ бы въ знакъ примиренія, когда осаждалъ Византію, другіе же полагаютъ, что онѣ были позже приняты, въ 845 году, Богеромъ, Царемъ болгарскимъ, вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою, отъ Императора Михаила, сына Ѳеофила. Русскія буквы, мало отличающіяся отъ выше названныхъ, и имѣющія болѣе сорока различныхъ начертаній, были приняты, въ 958 г., русскою Царицею (regina) Ольгою, вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою, отъ Императора Константина Львовича (Constantino Leonide), или же, скорѣе, онѣ (такъ какъ это въ точности неизвѣстно) были присланы Владиміру, въ 980 году, отъ императоровъ Василія II и Константина X, вмѣстѣ съ ихъ греческими священными службами, которыя, не такъ-то давно, были, наконецъ, напечатаны, къ большому удобству и пользѣ подданныхъ. Но, безъ сомнѣнія, эта азбука была при печатаніи, умышленно, искажена по образцу Славянской, ибо Русскіе имѣютъ, кромѣ того еще другую, не мало отличающуюся отъ первой, и которую они употребляютъ въ царскихъ указахъ и грамотахъ, разсылаемыхъ по всѣмъ направленіямъ, и эта азбука, кажется, болѣе древняя. Такимъ образомъ—изучить языкъ Московитовъ, дѣло весьма нелегкое уже вслѣдствіе необыкновеннаго количества и разнообразія буквъ. Впрочемъ, они въ школахъ учатся только читать, писать и считать, а больше ничему. Поэтическія произведенія у нихъ, хотя и не отсутствуютъ совершенно, но грубы и неизящны, и понынѣ и поэты у нихъ, подобно царямъ, не дѣлаются, но рождаются. Пишутъ они почти всѣ съ изысканными оборотами рѣчи и хранятъ свои писанія не такъ какъ мы, т.-е. въ видѣ отдѣльныхъ и нитками сшитыхъ листовъ, но ихъ склеиваютъ въ длинную полосу, свертываемую въ трубку (какъ это дѣлается и понынѣ у Евреевъ). Считаютъ они посредствомъ

камешковъ и кораллов, нанизанныхъ на проволоку и расположенныхъ въ два ряда, на подобіе Татаръ и Китайцевъ. Прочими науками и, прежде всего, въ значительной степени, философіей они, кажется, нѣкогда занимались вмѣстѣ съ Готами и Скиѳами, которые, изъ всѣхъ варваровъ, постоянно восхищали Грековъ своею ученостью, хотя вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, эти ихъ просвѣтительныя занятія, либо часто прерывались, либо совершенно прекращались. По истинѣ, если бы скиѳскія изрѣченія Гиперборейскаго жреца Авара, прославившагося во времена Гомера, скиѳскіе законы Анахарзиса, пришедшаго изъ Скиѳіи къ Солону въ Аѳины, и сочиненія другихъ древнихъ Сарматовъ, сохранились до настоящаго времени, то мы дивились бы блестящимъ доказательствамъ учености сихъ народовъ. При лѣтосчисленіи они, по сю пору, согласно со счетомъ 70-ти толковниковъ, считаютъ года съ древнѣйшихъ временъ, съ начала міроздания, и начинаютъ годъ съ сентября мѣсяца. Не такъ давно еще они не имѣли ни малѣйшаго понятія объ астрологахъ и математикахъ и провозгласили Олеарія, знаменитаго составителя исторіи Московской, чародѣемъ, когда онъ, будучи въ Москвѣ, показалъ, такъ называемую, камеру обскуру [1]). Теперь, впрочемъ, и тѣ и другіе, не только терпимы, но даже, по приказанію Царя, ежегодно составляютъ на Московскомъ нарѣчіи, подробные календари съ предсказаніями, и распространяютъ ихъ въ народѣ, посредствомъ печатанія. Недавно Русскіе открыли въ столицѣ и школу для обученія латинскому языку, но опасаются, какъ бы занятія учениковъ не вышли за предѣлы изученія языка; поэтому Государь разрѣшалъ безпрепятственно учиться лишь тѣмъ, которые намѣрены, въ будущемъ, служить переводчиками, но и это, столь полезное учрежденіе, какъ я узналъ изъ писемъ нѣкоторыхъ лицъ, по винѣ учителей, опять упразднено. Предметомъ обычнаго обученія ихъ на родномъ языкѣ составляютъ книги Св. Писанія, сборники молитвъ, нѣкоторыя богословскія сочиненія и, кромѣ того, многія творенія Св. Отцевъ, Златоуста, Василія, Григорія Назіанзина, Іоанна Дамаскина, и другихъ, собранія лѣтописей и законовъ, всеобщая исторія, достославныя дѣянія Александра Великаго, и житія святыхъ, преимущественно, русскихъ, къ которымъ должно присоединить еще нѣсколько другихъ книгъ, частью переведенныхъ на русскій языкъ по приказанію Царя, частью же, съ его дозволенія, сочиненныхъ нѣкими греческими и польскими монахами, примѣнительно къ народному духу. Между учеными, которые живутъ въ Московіи на блестящемъ царскомъ годовомъ содержаніи, по справедливости, первое мѣсто долженъ занять Паисій Лигаридъ, съ острова Хіоса, нѣкогда митрополитъ

---

[1]) Ср. Олеарія, кн. III, гл. 6.

Өессалоникійскій, а теперь, бывшій митрополитъ Газы Іерусалимской, не менѣе почтенный годами, нежели опытностью и ученостью, который, въ молодости, прожилъ не мало годовъ въ Римѣ, а, въ бытность мою въ Москвѣ, составилъ краткія записки о предметахъ вѣры. Въ 1666 году, онъ же, по просьбѣ нѣкоего Шведскаго посла, написалъ изслѣдованіе о вѣрѣ (de fide) Грековъ и Московитовъ, относительно Таинства Св. Причащенія; это разсужденіе, такъ какъ его далеко не вездѣ можно найдти, мы прилагаемъ въ концѣ настоящаго повѣствованія [1]). Въ Московію же Паисій пріѣзжалъ (какъ увѣряетъ Левъ Аллацій въ письмѣ 1645 года, къ нѣкоему Нихузію) для того, чтобы найдти помощь у надлежащихъ людей для своей церкви, впавшей въ бѣдность и въ долги, но, по приказанію Царя, остался въ Москвѣ. Другой писатель—монахъ Базиліянскаго ордена (monachus Basilianus), по имени Симеонъ, въ высокой степени преисполненъ латинской учености. Есть также нѣсколько греческихъ монаховъ, проживающихъ также, благодаря своей учености, въ Москвѣ на иждивеніи Царя, не говоря уже о прочихъ переводчикахъ съ разныхъ языковъ. Изъ вельможъ, много и усердно занимается латинской наукою бояринъ или царскій совѣтникъ, Лукьянъ Тимофеевичъ Голосовъ [2]), которому, въ наше время, Царь поручилъ завѣдывать врачебною частью, но которому, говорятъ, его ученость неожиданно причинила много безпокойства и несчастья. Нащокинъ, младшій, прославившійся сынъ великаго отца, много лѣтъ путешествовалъ и обозрѣлъ почти всю Европу, превосходно владѣетъ, одинъ изъ всей русской знати: не только латинскимъ, но и французскимъ и нѣмецкимъ, языками, хотя эта ученость послужила ему не ступенью къ почетному возвышенію, а, скорѣе, препятствіемъ [3]).

ГЛАВА 18.

О вѣрѣ.

Самое несложное и, естественно изъ законовъ природы вытекающее, поклоненіе единому Божеству, держалось ненарушимо у народовъ съ начала мірозданія, до тѣхъ поръ, пока невѣжество и пороки не одержали верха надъ всѣми, и весь, почти, земный шаръ не создалъ себѣ съ ужасающими, суевѣріемъ и тупостью, многочисленныхъ, безсильныхъ и смертныхъ боговъ. О Готахъ же и Скиѳахъ держится слава, что они дольше, нежели прочіе народы, хранили въ совершенно цѣ-

[1]) См. стр. VIII.
[2]) Онъ былъ думнымъ дьякомъ.
[3]) Въ подлинникѣ собственно „пропастью" (praecipitium).

ломъ видѣ, и первобытную вѣру и первобытный языкъ, такъ какъ они, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, двигаясь изъ Арменіи на Сѣверъ, долгое время не вели войнъ съ чужеземцами и не подпадали подъ ихъ владычество. Но когда у нихъ начались внутренніе раздоры, и сосѣдніе народы вступили въ сношеніе съ ними, то они также стали, не только создавать себѣ разныхъ своихъ боговъ, но и поклоняться чужестраннымъ идоламъ. Изъ этихъ пугалъ (terriculamenta) они поклонялись слѣдующимъ, называя ихъ, по Скиѳски, Весту—Табитою, Юпитера—Паппеемъ, Гею—Апіею, Апполона—Этосиромъ, Венеру—Артимпазою, Нептуна—Тамимасадамъ, а въ честь Марса и Геркулеса они совершали воистину изумительные и жестокіе обряды. Кромѣ того, говорятъ, нѣкто Отинъ, прибылъ въ 3174 году отъ сотворенія міра, изъ Азіи въ страну Готовъ и принесъ съ собою новыя, вѣру и законы; впослѣдствіи же онъ былъ, смѣха достойнымъ, образомъ обоготворенъ Готами и причтенъ къ сонму боговъ-покровителей. Изображеніе его, снабженное золотымъ оружіемъ, они поставили въ знаменитомъ Упсальскомъ капищѣ, вмѣстѣ съ главнымъ идоломъ, Торомъ, и богинею Фрикой. Громадная золотая цѣпь опоясывала башню этого капища. Поклоненіе этимъ богамъ Готы, при знаменитыхъ своихъ, за предѣлами отечества, царяхъ, далеко распространили вмѣстѣ съ своимъ владычествомъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, дѣйствительно, у Мосховъ были тѣ же божества—въ старину называвшіяся кумирами—какъ и у Готовъ, хотя съ теченіемъ времени и перемѣною мѣста они также измѣнялись. Вмѣстѣ съ другими славянскими народами Мосхи поклонялись Усладу (Vzlavum), Хорсу (Corsam) Дажъ-богу (Dansuam) Стрибѣ (Scribam) Симерглѣ (Simerglam), Мокошу (Mochoschum) и Перкуну или Перуну, украшенному серебряной головой, въ честь котораго постоянно горѣлъ костеръ изъ дубовыхъ полѣньевъ. Верховный жрецъ, называемый Криве, и обитавшій въ городѣ Ромовѣ, долгое время служилъ имъ. Позднѣе, въ другія времена, они воздавали божескія почести другимъ богамъ, Ладѣ (Ladonem) т. е. Плутону, (Ditem) Лелю (Lelum) и Полелю (Polebum), т. е. Кастору и Поллуксу. И въ настоящее время, по сю пору, Лапландцы богохульно поклоняются каменнымъ изваяніямъ и огню, а Сибиряки (Sibirii)—своей Золотой Бабѣ (Slota baba), т. е. старухѣ, сдѣланной изъ золота, принося ей въ жертву драгоцѣннѣйшіе мѣха и сырыя внутренности оленей. А такъ какъ у этого идола-старухи одинъ ребенокъ находится на рукахъ, а другой—на колѣняхъ, то это и послужило причиною къ тому, что нѣкоторые, гадаютъ по ней, кой о чемъ неизвѣстномъ [1]). Въ древности, родоначальники Мосховъ до того не терпѣли

[1]) Ср. разсказъ объ этомъ у Петрея, часть 1-я.

нарушенія священныхъ своихъ обрядовъ, или малѣйшаго внесенія въ нихъ чего либо чужеземнаго, что ученѣйшій ихъ философъ Анахарзисъ, былъ умерщвленъ царемъ Савліемъ (Saulio), за то, что, по возращеніи своемъ изъ долгаго путешествія, домой, вздумалъ совершать жертвоприношеніе по греческому образцу, а царь Скила (Scyles) былъ изгнанъ Борисѳенитами изъ своего царства за то, что принималъ участіе въ празднествахъ Вакха. Въ иныя еще времена, божества и жрецы Готовъ и Скиѳовъ находились подъ сильнымъ вліяніемъ Византійцевъ и другихъ Грековъ. Поэтому, разсказываютъ, нѣкогда, Гиперборейскія дѣвы (Virgines hyperboreae), прибыли въ Грецію для жертвоприношенія Апполону, также какъ и скиѳскій философъ Аваридъ (Abaris), во времена Креза, посланный своими земляками для произношенія обѣта ради избавленія Скиѳіи отъ чумы, свирѣпствующей въ ней. Когда же, наконецъ, Всеблагій и Всемогущій Искупитель міра, возвратилъ, цѣною собственной смерти, людямъ вѣчную жизнь и благодѣтельно возвѣстилъ всѣмъ истинное Богопочитаніе, то нѣкоторыя московскія племена, по ихъ же словамъ, были научены спасительной вѣрѣ христовой самими Апостолами, хотя они послѣ сего постепенно утратили ее, такъ какъ подпали подъ владычество другихъ народовъ (а также огрубѣли вслѣдствіе взаимныхъ войнъ. Это мнѣніе поддерживается преосвященнѣйшимъ кардиналомъ Бароніемъ, и точнымъ смысломъ и ходомъ Апостольской исторіи. Кѣмъ же именно изъ Апостоловъ было научено вѣрѣ христовой, то или другое Скиѳское племя, (а многіе утверждаютъ, что она была возвѣщена въ Скиѳіи и словесно и письменно) трудно рѣшить, вслѣдствіе, послѣдовательныхъ переселеній этихъ племенъ въ разныя мѣста. Я, впрочемъ, убѣжденъ, что Св. Ѳаддей, память котораго Русскіе чтутъ особенно предъ другими, а также и Св. Варѳоломей, отъ котораго они, по ихъ словамъ, приняли многія основныя положенія христіанства, какъ бы то нибыло, но распространили свѣтъ Евангельскій, въ восточной Московіи, чрезъ сосѣдніе съ нею народы, ибо они оба проповѣдывали въ сѣверной (передней) части Персіи и въ Арменіи. А то, что говорится о Св. Филиппѣ, который, по свидѣтельству Авдія [1]), Винцентія [2]), Бергамаса [3]), Петра де Наталибусъ [4]) и другихъ, въ теченіи двадцати лѣтъ проповѣдовалъ Евангеліе Скиѳамъ, а также о Св.

[1]) Апокрифическій авторъ сочиненія о дѣятельности Св. Апостоловъ.

[2]) Извѣстный Винцентій изъ Бове (Vincentius Bellovacensis), ученый монахъ XIII в.

[3]) Монахъ изъ фамиліи Форести въ Бергамо, XV в., составившій Supplementum chronicorum — отъ сотворенія міра до 1503 г.

[4]) Венеціанскій епископъ конца XIV в. Его сочиненіе — Catalogus martyrum et sanctorum, расположенное по мѣсяцамъ по ихъ житіямъ.

Андреѣ, который училъ по обоимъ берегамъ Евксинскаго Понта, по свидѣтельству Евсевія и Никифора [1])—это, я полагаю, касается болѣе Западныхъ Русскихъ. Сократъ [2]), замѣчаетъ, что въ 363 году, на Антіохійскомъ Соборѣ присутствовалъ и подписалъ соборное посланіе къ Императору Іовіану [3]), русскій Епископъ Антипатръ, однако, нѣкоторые считаютъ, быть можетъ ошибочно, что Антипатръбылъ Епископомъ не Русскимъ, а города Росъ (Rhos) въ Малой Азіи. Какъ бы то ни было, но въ 325 году, на Никейскомъ Соборѣ, дѣйствительно, присутствовали, какой-то Скиѳскій Епископъ и Ѳеоѳилъ, Епископъ Готскій. Или, если кому угодно, пожалуй, скажемъ, что въ 396 году, когда св. Никетъ [4]) Епископъ Даковъ, обращалъ въ христіанство Гетовъ, Скиѳовъ и Гунновъ, то большая часть Мосховъ уже была принявшей христіанство. Въ это же самое время, говоритъ Св. Іеронимъ, имя Христово стало извѣстно и народамъ на Нервійскомъ побережьѣ Ледовитаго океана. Послѣ того же, какъ сей Божественный пламень неоднократно, какъ бы, былъ, на нѣкоторое время заглушаемъ мрачными Гуннскими полчищами, онъ снова, въ 867 году—нѣкоторые ошибочно относятъ это къ 886 году—сталъ разгораться, когда во времена Рюрика, Князя Русскаго, Императоръ Константинопольскій, Василій Македонянинъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ Зонара и Никифоръ, отправилъ Архіепископа къ Русскимъ, и этотъ, на виду у Мосховъ, ожидающихъ чуда, бросилъ въ огонь Св. Евангеліе и вынулъ его оттуда, нисколько не поврежденнымъ, чѣмъ и обратилъ въ христіанство громадное количество людей, хотя объ обращеніи самого Рюрика у этихъ писателей ничего опредѣленнаго не находится. Но даже это чудо не достаточно прочно укрѣпило корни вновь насажденной вѣры, такъ что потомъ Царица Ольга, и внукъ ея Владиміръ снова стали распространять ее. А именно, въ 958 году, Ольга, какъ говоритъ Цедренъ, будучи уже вдовою, отправилась въ Константинополь къ Константину, сыну Льва, съ немалой свитою изъ русскихъ вельможъ и тамъ крестилась въ святой купели и приняла имя Елены. Возвратясь домой она, послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ къ обращенію своего народа, послала въ 973 году пословъ къ Оттону, Императору римскому и германскому. съ просьбою прислать Епископовъ въ

[1]) Никифоръ Каллистъ, византійскій историкъ XIV в.

[2]) Сократъ Схоластикъ, историкъ церкви, V вѣка. Время жизни его точно не извѣстно. Его сочиненіе представляетъ, въ значительной степени, защиту Никейскаго собора.

[3]) Флавій Клавдій Іовіанъ, тѣлохранитель, поставленный, по смерти императора Юліана, войскомъ во главѣ государства. Отличался терпимостью въ религіозныхъ вопросахъ, сторонникъ Никейскаго собора.

[4]) Епископъ г. Ремесіана, нынѣ Ниротъ, въ 353—420 по Р. Х.

Россію. Въ слѣдующемъ году прибылъ св. Адальбертъ, съ цѣлью проповѣдовать Евангеліе въ предѣлахъ Россіи, но былъ такъ неожиданно прогнанъ невѣжественной толпой, что едва ушелъ живой. Иные полагаютъ, что это произошло въ 959 году, что, насколько мнѣ это извѣстно, менѣе вѣрно. Когда же Восточная Имперія, послѣ Цимисхія, досталась Василію, сыну Романа, то Владиміръ, наисчастливѣйшій Князь Русскій, во время войны, принялъ въ Херсонесѣ Таврическомъ Св. Крещеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ, женился въ 980 году, на сестрѣ Императора, какъ я выше, въ разсказѣ о немъ, нѣсколько подробнѣе уже сообщилъ [1]). Онъ распространилъ съ громадными усиліями и, въ особенности, благодаря трудамъ Льва, перваго митрополита Кіевскаго, Евангеліе широкою волною по всему пространству Россіи, а съ теченіемъ времени Мосхи обратили въ христіанскую вѣру, ими принятую, даже и сосѣдніе, имъ подвластные, народы. Такимъ образомъ, научились почитать Христа, частью благодаря грубой проповѣди русскихъ священниковъ, частью же по принужденію, вслѣдствіе Царскаго приказанія, Мордва, Вятка, Пермь, Печора, Сибирь и другія области. А между тѣмъ, въ 997 году, Св. Бонифацій, сынъ Богуслова (?) (Busclavini) короля въ Славоніи, посланный папою Григоріемъ V, явился къ остальнымъ, пребывающимъ еще въ язычествѣ, русскимъ племенамъ и, пройдя, по приказанію какого-то царька, невредимымъ сквозь огонь, блестяще доказалъ этимъ чудомъ, превосходство христіанской вѣры; объ этомъ подробно разсказываетъ Петръ Даміанскій [2]) въ жизни Св. Ромуальда. По истеченіи, приблизительно, одного столѣтія, пытался, кажется, не безъ нѣкотораго успѣха, обратить въ христіанство тѣхъ Русскихъ, кои нынѣ частію подчинены Полякамъ, а частію — Мосхамъ, также и Св. Бруннонъ (Bruno). Въ древнія времена, Мосхи, по свидѣтельству Зонары, постоянно были подчинены Кіевскимъ митрополитамъ, зависѣвшимъ отъ Константинопольскаго Патріарха, какъ высшимъ блюстителямъ священныхъ обрядовъ; когда же Поляки захватили Кіевъ, то Мосхи испросили себѣ у Константинопольскаго Патріарха, особаго митрополита, а по расширеніи ихъ государства и усиленіи ихъ власти, они, даже, избрали одноплеменнаго себѣ Патріарха, съ тѣмъ, чтобы онъ постоянно пребывалъ въ Московіи. Въ 1074 году, сынъ одного изъ Русскихъ Князей, Димитрій [3]), отправился въ Римъ и принялъ царскій вѣнецъ отъ Папы Григорія VII, открыто исповѣдуя римскую вѣру. Свергнутый братомъ съ престола, онъ, въ слѣдующемъ году, бѣжалъ къ Императору Генриху, искать у него помощи и, по словамъ историка Ламберта, принесъ съ собою неисчислимыя богатства, состоящія изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ и драгоцѣннѣйшихъ одеждъ. Императоръ, правда, отправилъ въ Россію, съ цѣлью попытать примиреніе, Бурхарда, архіепископа Трирскаго, на сестрѣ коего [1]) былъ женатъ братъ Димитрія, но дѣло остановилось въ самомъ началѣ, ибо ему помѣшали, не только столь же драгоцѣнные дары со стороны захватчика, но и, кромѣ того, то, что Генрихъ былъ опутанъ внутренними междуусобицами.

Что касается основныхъ положеній вѣры Московитовъ, то, въ настоящее время, они исповѣдуютъ то же ученіе, какъ и Греки и читаютъ чуть ли не всѣ книги послѣднихъ въ славянскомъ переводѣ, хотя въ предшествующіе вѣка, они придерживались многихъ обрядовъ, совершенно несогласныхъ съ греческими и усвоенныхъ ими, либо по удобству ихъ, либо же, благодаря невѣжеству. Кромѣ греческихъ, у нихъ, правда, есть нѣсколько и собственныхъ сочиненій, напримѣръ: каноны (Canones) Іоанна Митрополита, котораго они считаютъ пророкомъ; чудеса Св. Николая Барскаго и какого-то Св. Филиппа; вопросы Кирилла Русскаго къ Нифонту, Епископу Новгородскому; постановленія Царей — Владиміра и Ивана Васильевича; приговоръ надъ дѣйствіями Кардинала Исидора на Флорентійскомъ Соборѣ, и, наконецъ, новѣйшее—приговоръ Патріарховъ Константинопольскаго и Александрійскаго, которые были призваны въ Москву десять лѣтъ тому назадъ и лишили Русскаго Патріарха, за нѣкоторыя его нововведенія, въ дѣлахъ вѣры, сана [2]). На этомъ собраніи, главнымъ образомъ, кажется, былъ обсуждаемъ вопросъ о некрещеніи вторично христіанъ, несогласныхъ съ Русскими, и о томъ, чтобы Папа Римскій не обзывался бы всенародно, какъ это раньше дѣлалось, изъ году въ годъ, гнуснѣйшими, нарочно для сего подобранными именами. Также была прекращена и ересь тѣхъ, кои пытались свести все иконопочитаніе къ поклоненію лишь Христу, Пресвятой Богоравной Дѣвѣ и Св. Николаю. И до того свято и ненарушимо соблюдаютъ Русскіе всѣ предписанія вѣры, что никто не смѣетъ, подъ страхомъ жесточайшаго наказанія, вымолвить что-либо не согласное съ ними. Этимъ они одни достигли того, чего лишены почти всѣ остальные христіане,— незыблемаго единомыслія въ вопросахъ вѣры.

---

[1]) Кн. I, глава 6.

[2]) Бенедиктинскій монахъ XI в. Его сочиненіе „Vitae Sanctorum".

[3]) Изяславъ, сынъ Ярослава Черниговскаго, въ крещеніи Димитрій.

[1]) По однимъ извѣстіямъ сестра Бурхарда, по имени Ода, была замужемъ за Святославомъ Ярославовичемъ, по другимъ же, Бурхардъ былъ женатъ на русской—сестрѣ жены Святослава Ярославовича.

[2]) См. выше стр. 80, 102—103.

ГЛАВА 19.

О духовномъ сословіи и его силѣ.

Высшая забота объ охранѣ вѣры почти поровну раздѣлена между самимъ Царемъ и главнымъ (primarius) Епископомъ или Патріархомъ. Хотя верховная власть, во всемъ государствѣ, какъ въ церковныхъ, такъ и свѣтскихъ дѣлахъ, принадлежитъ исключительно одному Царю, все же онъ оказываетъ духовенству и Патріарху нѣкоторое уваженіе, и поэтому-то и нынѣшній Царь, намѣреваясь лишить Патріарха Никона сана, призвалъ, съ громадными издержками, вышеупомянутыхъ Патріарховъ въ Москву, дабы они, конечно, наилучшимъ образомъ обсудили бы все это дѣло и постановили справедливое рѣшеніе. Дѣйствительно, дабы показать, какъ почтительно они относятся къ своимъ Патріархамъ, Цари всенародно оказываютъ имъ, въ торжественныхъ случаяхъ, большія почести и позволяютъ имъ имѣть свои особыя присутственныя мѣста, въ которыхъ разбираются духовныя тяжбы (causae spirituales), не первой, впрочемъ, важности. Первое изъ нихъ называется Разрядомъ и въ немъ хранятся дѣловыя бумаги духовенства и списокъ всѣхъ церковныхъ имуществъ, второе — Суднымъ Приказомъ, гдѣ разбираются обыкновенныя духовныя тяжбы, и третье — Казеннымъ, который вѣдаетъ казну (thesaurum) Патріарха и доходы его. И хотя нѣкогда Московскіе Митрополиты назначались Константинопольскими Патріархами, однако, съ начала нынѣшняго столѣтія [1]), когда Мосхи получили свое особое Патріаршество, они ни за какимъ дѣломъ къ нимъ, вслѣдствіе сего, не обращаются. Въ настоящее время, при избраніи Патріарха епископами, Царю одновременно предлагаются два базиліанскихъ монаха, изъ которыхъ онъ одного, подходящаго, и избираетъ, вручая ему епископскій посохъ съ слѣдующими словами: „Пресвятая Троица, вручившая намъ верховную власть (imperium) ставитъ тебя въ Патріархи“. Немедленно послѣ сего, такіе же, свои русскіе епископы совершаютъ торжественный обрядъ посвященія. Прочія лица духовнаго званія до архимандритовъ включительно, также сперва представляются Царю, но утверждаются Царемъ вмѣстѣ съ Патріархомъ. Десятину взимаютъ со временъ Льва, перваго митрополита, только епископы. Раньше, когда Русскіе находились подъ владычествомъ Поляковъ, она взималась послѣдними одинаково со всѣхъ, черезъ каждыя семь лѣтъ, но, потомъ, по занятіи Кіева, они имѣютъ своего особаго митрополита. Духовенство владѣетъ по всей Руси весьма обширными и богатыми помѣстьями, составляющими третью

[1]) Съ 1589 г.

часть всего государства, кои въ силу сего освобождены отъ налоговъ. Извѣстное количество солдатъ, впрочемъ, духовенство обязано поставлять. Что касается степеней важности духовныхъ особъ, то, по сю пору, многіе сообщали о семъ разнорѣчивыя и невѣрныя извѣстія, либо потому, что недостаточно подробно разузнавали объ нихъ, либо потому, что, съ теченіемъ времени, онѣ измѣнялись. Я здѣсь въ точности приведу по порядку тотъ перечень ихъ, который я видѣлъ въ Москвѣ.

Послѣ Патріарха и его архидіакона, первое мѣсто занимаютъ митрополиты, которые называются по именамъ тѣхъ областей и городовъ, коими они управляютъ, и которые разбираютъ жалобы подчиненныхъ имъ епископовъ. Вотъ ихъ перечень: Новгородскій и Великолукскій, Тобольскій и Всей Сибири, Казанскій и Свіяжскій, Астраханскій и Терскій, Галицкій и Кіевскій, Ростовскій и Ярославскій, Сарскій и Подолскій, Муромскій и Рязанскій, Бѣлгородскій и Обьскій (Obaiae); архіепископы: Смоленскій и Дорогобужскій, Вологодскій и Бѣлозерскій, Псковскій, Тверской и Кашинскій, Суздальскій и Юрьевскій, Черниговскій и Нижегородскій; епископы, называемые Мосхами, господами или владыками — Вятскій, Коломенскій, Архангельскій и нѣсколько другихъ, недавно назначенныхъ. Архимандритовъ, или аббатовъ, будетъ числомъ едва-ли болѣе пятидесяти. За ними слѣдуютъ протопопы, т. е. старшіе священники, и попы, т. е. священники, при отдѣльныхъ церквахъ; въ одномъ городѣ Москвѣ ихъ находится, говорятъ, четыре тысячи. У каждаго священника есть свой помощникъ — дьяконъ, такъ какъ безъ него попу нельзя было бы вполнѣ правильно совершать Богослуженіе. Начальники монастырей называются у Русскихъ игумнами, а охранители ихъ или стражи — келарями. Монахи и монахини (moniales) слѣдуютъ уставу Св. Василія и весьма усердно упражняются въ разнаго рода похвальныхъ добродѣтеляхъ. Монахини остригаютъ волосы въ знакъ того, что свергли съ себя всякія мірскія оковы и зарабатываютъ только сколько нужно для пропитанія, вышиваніемъ по сукну (pannos acu pingendo). Монастыри, всѣ безъ исключенія, отличаются богатствомъ и красотою построекъ. Наиболѣе знамениты монастыри въ Москвѣ: въ память чудесъ Алексѣя [1]) и, недавно освященный, во имя Господа Христа, а во Владимірѣ — въ память Рождества Христова, [2]) далѣе — Бѣлоозерскій, Епифановскіе лѣса (silvae Epiphanow), а также и Горицкій-Воскре-

[1]) Чудовъ - Алексѣевскій - Архангело - Михайловскій монастырь, основанный въ 1356 г.

[2]) Трудно рѣшить, о какомъ именно монастырѣ говоритъ Рейтенфельсъ, о Рождественскомъ Богородицкомъ ли, въ г. Владимірѣ и основанномъ въ XII вѣкѣ, а въ 1744 г. обращенномъ въ архіерейскій домъ, или о Лукіановой-Рождество-Богородицкой, на Болотѣ, пустынѣ, основанной въ 1594 г.

сенскій [1]) и, самый богатый изъ всѣхъ, Свято-Троицкій, отстоящій отъ Москвы на разстояніи двухъ миллиаріевъ, не говоря уже о монастыряхъ въ Новгородѣ, Псковѣ и многихъ другихъ.

Въ послѣднемъ, т. е. Св.-Троицкомъ монастырѣ, говорятъ, хранится нетлѣннымъ до сей поры тѣло нѣкоего Сергія, тамошняго игумена, умершаго въ 1563 году. Сюда Царь пріѣзжаетъ два раза въ годъ для поклоненія находящимся тутъ святынямъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней архимандритъ великолѣпно угощаетъ его и всѣхъ его придворныхъ. Есть въ Россіи и приверженцы уединеннаго образа жизни, называемые столпниками, т. е. отшельниками, крайне скудно питающіеся хлѣбомъ и рѣдькою и, за-частую, обучающіе язычниковъ вѣрѣ Христовой. Кромѣ того, нѣкогда, въ Московіи существовалъ крайне нахальный разрядъ людей, называемыхъ халдеями, болѣе похожихъ на дикихъ, нежели на святыхъ, которые во время Рождественскихъ праздниковъ должны были представлять исторію о трехъ юношахъ, вверженныхъ въ пылающую печь и напоминать объ обращеніи древнихъ Руссовъ посредствомъ огненнаго чуда, и которые всѣхъ идущихъ въ церковь и попавшихся имъ на пути, опаляли огнемъ изъ трубокъ. [2]) Такъ какъ они за это почитались нечистыми, то, въ праздникъ водоосвященія, они, всенародно очищались, посредствомъ погруженія въ воду. Вслѣдствіе этого, у нѣкоторыхъ явилось невѣрное мнѣніе, что халдеевъ подвергаютъ вторичному крещенію. Просвирни,—суть вдовы, не желающія идти вторично замужъ, и главное занятіе которыхъ, такъ какъ онѣ ведутъ болѣе благочестивый образъ жизни, нежели другія женщины, заключается въ приготовленіи священныхъ хлѣбовъ, употребляемыхъ въ церквахъ. Священники, если они только не монахи, женятся только разъ и на дѣвственницахъ, а ночь передъ тѣмъ, какъ имъ приходится совершать богослуженіе, они спятъ непремѣнно одни. Мало того, въ случаѣ смерти первой жены, они не женятся вторично и не совершаютъ болѣе таинствъ, если не поступятъ добровольно въ монастырь, а только прислуживаютъ другимъ священникамъ въ храмѣ, или же совершенно возвращаются въ мірское званіе, какъ бы въ прежнее свое состояніе. Священнослужители низшаго разряда, по бóльшей части, такъ мало почитаются, что если они принесутъ судьѣ жалобу на кого-либо въ оскорбленіи ихъ, то, при малѣйшей, съ ихъ стороны, провинности, они сами скорѣе, нежели истинный виновникъ, терпятъ наказаніе. Всѣ, съ кѣмъ они затѣваютъ ссору, безнаказанно колотятъ ихъ палками по всему тѣлу, кромѣ головы, но если кто собьетъ у нихъ съ головы

---

[1]) Новгородской губ., Кирилловскаго уѣзда.

[2]) Ср. разсказъ о нихъ у Олеарія, кн. III, гл. 23.

митру, возложенную епископомъ, тотъ подвергается тяжкому наказанію. Въ одеждѣ они мало отличаются отъ всѣхъ остальныхъ, кромѣ того, что носятъ волосы распущенными и не стригутъ ихъ. Въ вопросахъ, касающихся ученія вѣры, они крайне невѣжественны и нерѣдко подвержены пьянству, предпочитая лучше казаться святыми, нежели быть таковыми дѣйствительно. Говорятъ, что нѣкій митрополитъ московскій, прежде чѣмъ выходить изъ дому, обкуривалъ свое красное лицо сѣрою до блѣдности. Монахи же изнуряютъ себя крайне скудною пищею, часто ѣдятъ и рыбу, но постоянно воздерживаются отъ всякаго рода мяса и во всемъ остальномъ ведутъ, подъ суровѣйшимъ управленіемъ настоятелей, образъ жизни, нѣсколько болѣе просвѣщенный и святой. Поэтому Мосхи, привѣтствуя, называютъ ихъ „батюшками" т. е. отцами и цѣлуютъ у нихъ, при встрѣчѣ, руку и просятъ у нихъ благословенія, въ видѣ осѣненія крестнымъ знаменіемъ, хотя бы даже мимоходомъ.

Г Л А В А 20.

О церковныхъ службахъ и обрядахъ.

Хотя Мосхи продолжаютъ питать къ латинской церкви ненависть, унаслѣдованную ими отъ Грековъ, однако въ основныхъ ученіяхъ вѣры, они почти во всѣхъ, согласны съ нею, но такъ какъ у нихъ все подчиняется личному чувству, а общественное благо и согласіе все болѣе и болѣе пренебрегаются, то и самое это сродство служитъ къ еще бóльшему раздраженію.

О тайнѣ Пр. Троицы они разсуждаютъ не вполнѣ вѣрно, полагая что Св. Духъ исходитъ отъ одного Отца чрезъ Сына, хотя въ настоящее время, кажется, они и объ этомъ вопросѣ имѣютъ болѣе вѣрное представленіе, нежели раньше. Дѣтей они крестятъ на восьмой день, такъ называемымъ, малымъ крещеніемъ, причемъ назначаютъ ему имя, и призвавъ для сего священниковъ, а болѣе торжественный обрядъ крещенія откладывается до сорокового дня, когда дѣтей помазываютъ также мѵромъ, хотя это совершается только Патріархами и епископами. При самомъ Св. Крещеніи не одна только голова окропляется водою, но ребенокъ весь погружается въ нее, а священникъ произноситъ: „крещается рабъ Божій во имя Отца и Сына и Св. Духа", при чемъ состригаетъ у ребенка ножницами волосы на макушкѣ и, закатавъ ихъ въ воскъ, прячетъ гдѣ-нибудь въ церкви. Затѣмъ онъ трижды помазываетъ ему лобъ мѵромъ, трижды натираетъ ему ротъ солью, надѣваетъ на него чистую рубашку, вѣшаетъ на шею крестъ и назначаетъ ему покровителя изъ святыхъ (patronos coelestes assignat).

Воспріемниковъ, или свидѣтелей крещенія, по большей части, бываетъ шесть, того и другаго пола, которые плюютъ на землю, когда священникъ произноситъ отреченіе отъ сатаны. Если случится, что ребенокъ умретъ раньше, чѣмъ начнется крещеніе, то Русскіе согласно съ католиками, полагаютъ, что онъ будетъ находиться въ иномъ, особомъ мѣстѣ [1]). Священнѣйшее и спасительнѣйшее таинство причащенія они совершаютъ подъ обѣими видами, т. е. хлѣба и вина, и вѣрятъ въ дѣйствительное превращеніе, или претвореніе. Вино они разбавляютъ теплою водою, дабы вѣрнѣе изобразить воду, истекшую изъ божественнаго бока Спасителя. Они употребляютъ хлѣбъ не прѣсный, но кислый, т. е. перебродившій и даютъ его, вмѣстѣ съ виномъ, на ложкѣ, дѣтямъ до семилѣтняго возраста, ибо увѣрены, что именно съ этого возраста люди начинаютъ грѣшить; большинство же обыкновенно причащаются только передъ праздникомъ Пасхи, а многіе лишь въ послѣднія минуты, передъ самою смертью. Больному, если нельзя иначе, даютъ только освященный хлѣбъ, смоченный тремя каплями вина; если же онъ не можетъ проглотить и его, вслѣдствіе болѣзни глотки, то ему, по крайней мѣрѣ, вливаютъ вино; сумасшедшимъ же даютъ только прикоснуться губами къ хлѣбу, напитанному виномъ. Хлѣбъ, который даютъ больнымъ, они, бо́льшею частью, освящаютъ въ Вербное воскресенье, на Страстной недѣлѣ, и хранятъ его въ серебряномъ ковчегѣ (pyxis), имѣющемъ видъ голубя, или башни; когда этотъ ковчегъ, впослѣдствіи, проносятъ по улицамъ, то народъ поклоняется ему, падая на колѣни. Обѣдня служится по опредѣленнымъ, праздничнымъ днямъ и, кромѣ того, каждый разъ, какъ кто-либо предложитъ священнику плату за совершеніе ея; во время обѣдни священникъ, стоя предъ дверями въ алтарь, показываетъ народу чашу съ виномъ и блюдо съ хлѣбами, а въ концѣ обѣдни раздаетъ эти хлѣбы, иначе называемые антидоромъ, изъ которыхъ вынуты частицы для освященія.

Кромѣ обычной, Русскіе иногда служатъ на славянскомъ языкѣ и болѣе длинную обѣдню Св. Григорія. Проклятій, произнесенныхъ кѣмъ бы то ни было изъ священниковъ, они ужасно боятся и считаютъ ихъ одинаково пагубными и для тѣла и для души. Во всѣхъ поступкахъ и грѣхахъ своихъ, какіе только за ними водятся, они признаются, о каждомъ отдѣльно, священнику на порогѣ храма, и тотъ назначаетъ имъ искупленія за нихъ. Болѣе тяжкіе грѣхи, заключающіе въ себѣ оскорбленіе величія Божескаго, могутъ быть, по ихъ мнѣнію, также смыты водою, освященною въ праздникъ Богоявленія. Съ этою же цѣлью они прибѣгаютъ къ длинному ряду усердныхъ молитвъ

[1]) Подразумѣвается „нежели тѣ, коихъ успѣли окрестить“.

и совершаютъ пѣшкомъ весьма длинныя и утомительныя путешествія. Послѣ смерти душамъ отводится нѣкое мрачное мѣсто, въ срединѣ, между раемъ и адомъ, лежащее, гдѣ онѣ и пребываютъ вплоть до страшнаго суда, отягченныя грѣхами, ибо, говорятъ они, человѣкъ не можетъ попасть въ рай или адъ, прежде чѣмъ будетъ произведенъ надъ нимъ судъ, такъ какъ онъ совершаетъ и добрыя дѣла и злыя, и не особенно тяжкія и тайныя, но, въ ожиданіи суда, они, преимущественно, по субботамъ, молятся за умершихъ, произносятъ обѣты и дѣлаютъ пожертвованія. Въ ночь наканунѣ всеобщаго поминовенія покойниковъ они выставляютъ въ церкви бобы съ медомъ, которые потомъ раздаются нищимъ. Помазаніе св. елеемъ (они признаютъ также какъ и католики семь таинствъ) они совершаютъ надъ умирающими, послѣ чего считаютъ противнымъ вѣрѣ давать больнымъ какое бы то ни было лѣкарство, даже если они, оправившись, вновь впадутъ въ болѣзнь. Въ первое воскресенье великаго поста, Патріархъ, въ присутствіи Царя, съ особаго возвышенія, предаетъ въ Кремлѣ, отлученію отъ Церкви еретиковъ, не согласныхъ съ греческою вѣрою и виновныхъ въ мятежахъ. Если кто изъ Русскихъ усумнится въ вѣрѣ, того, немедленно, какъ мы уже выше говорили, живого ввергаютъ въ костеръ, или лишаютъ жизни посредствомъ иной какой казни.

Въ наше время, Царь и Патріархъ, велѣли объявить двумъ знатнымъ женщинамъ, чрезъ ихъ мужей, что имъ будутъ перебиты голени, если они не обратятся къ болѣе подобающему образу мыслей, такъ какъ онѣ, болѣе чѣмъ слѣдовало бы, изучая Св. Писаніе, полагали, что многое въ обрядахъ слѣдовало бы исправить. А дабы уничтожить возможность ложныхъ толкованій и поводъ къ какому бы то ни было сомнѣнію, никакія поученія къ народу отнюдь не допускаются. Они поэтому, страшно ненавидятъ Бѣлоруссовъ (Albos Russos), сохранившихъ, нѣсколько болѣе свободные, обряды, и недавно еще запретили имъ объяснять Св. Писаніе народу, въ ихъ церквахъ, имѣющихся въ Москвѣ. Крестное знаменіе они творятъ, сложивъ первые три пальца вмѣстѣ, со лба на грудь и съ праваго плеча на лѣвое. Молятся они на своемъ родномъ, т. е. славянскомъ, языкѣ и на немъ же совершаютъ всѣ священныя службы, при чемъ поютъ псалмы Давида съ нѣкоторыми антифонами (responsoria quaedam), читаютъ Евангелія и молебны святымъ, для чего, ежедневно, утромъ до полудня и вечеромъ послѣ него, призываются колокольнымъ звономъ въ святой храмъ, а въ праздники, многіе, по благочестивому усердію своему, встрѣчаютъ день въ храмѣ. Они хвастаются съ большою гордостью, что они одни обладаютъ Свѣтомъ Истины. Освященная вода и благовонное куреніе у нихъ въ церквахъ въ большомъ употребленіи. Тѣ, кто знаетъ за собой

тяжкія преступленія, или имѣвшие супружеское соитіе, молятся лишь на порогѣ храма, пока не получатъ прощенія грѣховъ или не очистятся въ банѣ. Иностранцамъ всѣмъ безусловно запрещено входить въ храмы; если же кто, дерзновенно, войдетъ туда, то его, либо принудятъ принять вѣру московскую, либо же подвергнутъ какому либо иному, не легкому, наказанію. Поэтому многіе были удивлены, когда, въ 1672, польскіе послы были приглашены Русскими въ церковь. Почести воздаютъ русскіе святымъ, поистинѣ, величайшія, такъ, что изображенія Господа Христа, Пр. Дѣвы, Апостоловъ и другихъ, безъ различія, святыхъ, они крайне невѣжественно, называютъ „Богами". Предъ живописными, а не рѣзными, изображеніями святыхъ, кои они держатъ у себя на дому, они днемъ и ночью зажигаютъ восковыя свѣчи, кадятъ благовоніями [1]), воздѣваютъ руки, земно кланяются, осѣняютъ себѣ лобъ крестнымъ знаменіемъ и самоувѣренно препоручаютъ себя имъ. Пр. Богоравной Дѣвѣ (Deiparae), которой они приписываютъ свиту въ 300 ангеловъ, и Св. Николаю, отведены первыя мѣста, по степени почитанія ихъ. Впрочемъ, кромѣ Апостоловъ, они почитаютъ не мало и другихъ св. первосвященниковъ, и даже нѣсколькихъ римскихъ папъ, жившихъ до раздѣленія Церквей. Св. Николай происходилъ изъ города Патара и одинаково прославился, какъ при жизни, такъ и по смерти, чудесами, такъ, что въ настоящее время Церковь его называетъ Великимъ; во времена Императора Константина Великаго, онъ былъ епископомъ въ Мурахъ Ликійскихъ, откуда, впослѣдствіи, его мощи (ossa) были перенесены въ г. Баръ, въ Неаполитанскомъ княжествѣ. Про нѣкоторыхъ своихъ святыхъ, Русскіе разсказываютъ много чудеснаго: одни, будто бы, переплывали море, сидя на жерновахъ, другіе, будто бы, такимъ же образомъ, летали по воздуху, и много и другихъ чудесъ они де являли, въ этомъ же родѣ. Многіе поэтому полагаютъ, что Мосхи, увлеченные своимъ легковѣріемъ, неудачно приписываютъ многія черты, свойственныя ихъ героямъ, т.-е. гигантамъ, своимъ святымъ. Въ пищѣ они весьма часто соблюдаютъ строжайшее воздержаніе и не только по средамъ и пятницамъ не употребляютъ въ пищу сахара, ничего молочнаго, яицъ [2]) и мяса (въ субботу они ѣдятъ мясо), но строжайше соблюдаютъ въ году четыре важнѣйшихъ, какъ они ихъ называютъ, поста. Во время перваго поста, передъ Пасхою, продолжающагося 48 дней, даже самые знатные люди ничего не ставятъ на столъ, кромѣ овощей, послѣ того, однако, какъ предадутся необузданнымъ пированіямъ въ предшествующую

[1]) Въ латинскомъ оригиналѣ опечатка: вм. „odor", поставлено „ador".

[2]) Въ подлинникѣ стоитъ „lacticinia", что означаетъ молочный супъ съ подбитыми яйцами.

этому посту недѣлю, которую они называютъ масляницей, а Греки—сырною (Tyrophagiam), хотя этотъ недостатокъ благочестія они большею частью стараются загладить тѣмъ, что три первыхъ дня этого поста, три серединныхъ, и три послѣднихъ, они проводятъ безъ всякой пищи и питія. Съ праздника Св. Троицы и до праздника Св. Петра и Павла, приблизительно, въ теченіи 40 дней, они снова лишаютъ себя мяса, по причинѣ втораго поста. Отъ 1-го до 15-го августа они добровольно терпятъ лишенія, въ память Успенія Дѣвы Богородицы, поджидая новый годъ и, обильную плодами, осень. Наконецъ, во время четвертаго поста, передъ Рождествомъ Христовымъ, и называемаго, Филипповскимъ, они отказываются, въ теченіи шести недѣль, отъ обычныхъ своихъ блюдъ. Переходящіе въ русскую вѣру иностранцы постятся 40 дней, славяне—лишь 8 дней и наставляются, до принятія ими вѣры, въ монастырѣ. Правда, есть весьма много Русскихъ, которые, питаясь лишь хлѣбомъ да водою во время общаго воздержанія, относятся къ сему съ досадою. Кто коснется женщины во время Пасхальнаго поста, тотъ на цѣлый годъ не причащается Св. Тайнъ. Иностранецъ, женившійся на Русской, обязанъ принять также и ея вѣру, которую Русскіе, хотя и не навязываютъ никому противъ его желанія, во что бы то ни стало, однако, неустанно убѣждаютъ къ тому. А кого они переманили въ свою вѣру, тому Москва станетъ вѣчною тюрьмою. Торжественныя шествія, или церковные ходы бываютъ по всему городу, весьма пышные, при чемъ и самъ Царь принимаетъ въ нихъ участіе. Во время праздника Пасхи, Русскіе въ знакъ радости стрѣляютъ, рано утромъ, изъ ружей, что запрещено въ обыкновенное время, и звонятъ въ колокола не переставая, только что не ночью, въ теченіи всей недѣли. Рано же утромъ по прочтеніи того мѣста изъ Евангелія, гдѣ говорится о Воскресеніи Христа, они въ каждомъ приходѣ, цѣлуютъ во храмѣ священника въ плечо и, кромѣ того, цѣлуются во храмѣ другъ съ другомъ. Какъ мужчины, такъ и женщины, при встрѣчѣ цѣлуются и обмѣниваются пасхальными яйцами, окрашенными въ красный цвѣтъ; они говорятъ, что это, по преданію, съ первыхъ вѣковъ христіанства, служило выраженіемъ христіанской любви. Ибо тотъ, кто привѣтствуетъ первый, говоритъ другому: „Христосъ Воскресъ", на что тотъ отвѣчаетъ: „Воистину Воскресъ". Такими подарочками (munuscula), яйцами, щедро также одѣляетъ и Царь своихъ служащихъ и гостей. Для того, чтобы, наравнѣ съ другими, получить этотъ знакъ Царской милости, и мы, снявъ предварительно съ себя, согласно обычаю, перчатки, шляпы, плащи и шпаги, привѣтствовали Царя, сидящаго на великолѣпномъ престолѣ и окруженнаго длиннымъ рядомъ приближенныхъ, трижды низко кланяясь ему и касаясь пальцами пола, затѣмъ, преклонивъ

колѣни, цѣловали его руку, въ которой онъ намъ протягивалъ два яйца каждому. Въ праздникъ Богоявленія, Царь и Патріархъ отправляются блестящимъ шествіемъ съ великолѣпными торжественными обрядами, вмѣстѣ съ знатными людьми и въ сопровожденіи большаго количества духовенства на Москву рѣку для освященія ея. По всему пути, отъ дворца до самой рѣки, такъ какъ онъ покатъ и скользокъ, устраивается гладкая, деревянная лѣстница. Впереди несутъ изображенія святыхъ, сверкающія огнемъ отъ многочисленныхъ восковыхъ свѣчей, при неумолкаемомъ звонѣ колоколовъ, пѣніи священныхъ пѣсней и каждении благовоніями, а за ними слѣдуетъ Царь съ придворными, въ великолѣпныхъ одеждахъ. Стѣны, окна, крыши, рѣка, и оба ея берега, на большомъ протяженіи, покрыты безчисленнымъ множествомъ народа и красивыми рядами солдатъ. На рѣкѣ, тамъ гдѣ во льду вырѣзано отверстіе локтя въ 4 величиною, ставятъ деревянныя рѣшетки и разноцвѣтные шатры. Посреди ихъ виднѣется небольшой, легкій помостъ, спускающійся нѣсколькими ступенями до самой воды, на который становятся Царь съ Патріархомъ. Когда Патріархъ длиннымъ молебствіемъ освятитъ воду и все будетъ уже совершено по обряду, то, прежде всего, подводятъ Царскіе сани, запряженные шестью бѣлыми лошадьми, на которые и ставятъ нѣсколько сосудовъ съ освященною водою, для употребленія ея въ будущемъ, послѣ чего и всѣ наполняютъ свои сосуды тою же водой и бережно относятъ ихъ домой. Иные, по-набожнѣе, наперерывъ, другъ передъ другомъ, бросаются въ самую прорубь, или только окунаютъ туда голову, что, впрочемъ, для многихъ оказывается пагубнымъ, по причинѣ большого мороза. Съ неменьшею торжественностью и пышностью празднуется и Вербное Воскресеніе. Среди толпы прочихъ зрителей, располагаются солдаты кругомъ на Царской площади, ближайшей къ главнымъ воротамъ въ Кремлѣ, тамъ гдѣ находится большой каменный, дугообразный выступъ, въ видѣ луны, съ красиво развѣвающимися знаменами и развернутымъ строемъ. Сюда являются, сперва Патріархъ, облеченный въ первосвященническую одежду, въ сопровожденіи всего духовенства, а вскорѣ за нимъ самъ Царь, со всѣми своими приближенными, предъ которымъ много священниковъ несутъ образа и поютъ особыя молитвы и нѣкоторые псалмы, послѣ чего происходитъ раздача пальмовыхъ вѣтвей, часто настоящихъ, которыя привозятъ Русскимъ изъ Персіи. Послѣ сего Царь, пѣшкомъ, ведетъ лошадь, на которой сидитъ Патріархъ, за красный поводъ, въ Кремль къ святымъ церквамъ. Впереди же всѣхъ ѣдетъ повозка, везомая лошадьми въ великолѣпныхъ попонахъ, на которой стоятъ искусственныя деревья, обильно увѣшанныя цвѣтами и плодами. На вѣтвяхъ ихъ сидятъ нѣсколько маленькихъ мальчиковъ, наряженныхъ ангелами, и весело привѣтствующихъ пѣніемъ „Осанна". Весь путь, по которому двигается шествіе, устланъ краснымъ и зеленымъ сукномъ, которое потомъ снимается молодыми солдатами, идущими слѣдомъ за боярами и, шутливымъ грабежемъ, растаскивается ими по всѣмъ направленіямъ. Самъ Царь, обыкновенно, получаетъ отъ Патріарха двѣсти рублей въ вознагражденіе за свой трудъ. Лошадь, покрытая бѣлою шелковою попоною, на которой ѣдетъ Патріархъ въ этомъ торжественномъ шествіи, постепенно получаетъ все меньше и меньше корма, дабы она, оставивъ всякую горячность, болѣе походила на осла, и, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль до шествія, проваживается по этому пути, туда и обратно.

ГЛАВА 21.

Объ иновѣрцахъ въ Московіи.

Хотя у Московъ почти совсѣмъ не было, или не осталось, еретиковъ изъ Русскихъ, однако, они и понынѣ допускаютъ, по необходимости, различные богопротивные обряды нѣкоторыхъ. Такъ они, съ одной стороны, постоянно отовсюду изгоняютъ Евреевъ изъ Московіи, но, близъ Ледовитаго океана и Татарскаго моря, въ странѣ Самоѣдовъ, Обдоріи и Сибири, въ Русскихъ предѣлахъ, они и до сей поры, допускаютъ поклоненіе идоламъ и солнцу. У рѣкъ Танаиса, Волги и близь Каспійскаго моря имъ подвластны Татары, срамящіе себя свальнымъ многоженствомъ (promiscua polygamia), либо исповѣдующіе лживую магометанскую вѣру; во многихъ городахъ Россіи они даже, по необычайному попущенію Царя, построили свои храмы; лютеране же и кальвинисты не только въ самомъ городѣ Москвѣ, но и въ Архангельскѣ и другихъ городахъ, открыто отправляютъ богослуженіе по своему, но не употребляютъ колоколовъ. Царь, изъ-за иностранцевъ-купцовъ и солдатъ, такъ милостиво относится къ нимъ, что даже самъ Патріархъ не рѣшается присвоить себѣ какую-либо власть надъ ними. Такъ, въ наше время, лютеране, по собственной волѣ, представили одно дѣло по обвиненіи въ двуженствѣ на рѣшеніе Патріарха, но тотъ заявилъ, что это его вовсе не касается. Однимъ лишь римскимъ католикамъ до сихъ поръ не разрѣшено имѣть своего священника въ Москвѣ, хотя не мало католиковъ всѣхъ подраздѣленій (omnium odinum), занимаютъ у Русскихъ, какъ военныя, такъ и гражданскія должности. Французскій король Людовикъ XIII, ревностный христіанинъ, велъ въ 1627 году, чрезъ своихъ пословъ переговоры съ Царемъ, о торговыхъ сношеніяхъ и о свободѣ вѣроисповѣданія, но получилъ отказъ, какого не ожидалъ. Пытались неоднократно сдѣлать

то же и непобѣдимые короли Польскіе, но съ такимъ же успѣхомъ. До того сильна, съ изстари, вражда между греческою и латинскою Церковью, что она, повидимому, не поддается никакому человѣческому врачеванію.

ГЛАВА 22.

О бракахъ и о власти мужей.

Женихъ, собирающійся вступить въ бракъ, при посредничествѣ знакомыхъ или родственниковъ, съ невѣстою, которую онъ раньше ни разу не видалъ, прежде всего договаривается о приданомъ, съ той и другой стороны. Въ день, назначенный для свадьбы, отецъ невѣсты приходитъ одинъ къ ней и остріемъ стрѣлы раздѣляетъ ей волосы, распущенные ею по лбу, послѣ чего она, сидя съ открытымъ лицомъ, принимаетъ подарки отъ друзей. За симъ ее вновь накрываютъ и ведутъ въ другую комнату, гдѣ она садится одна за столъ съ женихомъ, которому мальчики въ бѣлыхъ одеждахъ подаютъ соль, хлѣбъ и творогъ, отъ которыхъ отвѣдываетъ одинъ лишь священникъ, предварительно благословивъ ихъ. Вслѣдъ за этимъ, они отправляются, сопровождаемые свитою родственниковъ, великолѣпно наряженныхъ (при чемъ почти всѣ бываютъ сильно выпивши), въ церковь, для совершенія обряда вѣнчанія. Здѣсь они, повторяя то, что имъ подсказываетъ священникъ, даютъ другъ другу клятву въ вѣрности, и супругъ обѣщаетъ женѣ не бить ее, а жена мужу—не измѣнять ему. За симъ священникъ, возлагая на каждаго изъ нихъ, вѣнокъ, плетенный изъ полыни, произноситъ: „тѣхъ, кого Богъ соединилъ, человѣкъ да не разлучаетъ“ и другія слова священной брачной клятвы, (sacri voti) и скрѣпляетъ весь обрядъ, давая поцѣловать крестъ [1]) (брачующіеся дарятъ такъ же, при этомъ, другъ другу кольца, въ знакъ взаимной любви). За симъ, новобрачная, распростершись у ногъ мужа, цѣлуетъ его сапогъ, а друзья, зажегши восковыя свѣчи, подаютъ, тѣмъ временемъ, священнику чашу съ виномъ, которую тотъ предлагаетъ новобрачнымъ опорожнить, съ пожеланіемъ имъ благополучія, и тѣ, выпивъ все вино, растаптываютъ чашу ногами, при чемъ обѣщаютъ, что будутъ такимъ образомъ, соединенными силами, уничтожать тѣхъ, кто вздумаетъ разстраивать ихъ любовь. Вернувшись, верхомъ, въ каретахъ, или на саняхъ, домой, садятся за пиръ, при чемъ новобрачная притворно всхлипываетъ, вздыхаетъ и плачетъ, а новобрачный, послѣ третьяго блюда, насильно уводитъ ее, не смотря на то, что она все

[1]) Въ подлинникѣ, собственно: „печатью креста (crucis sigillo)“.

время ему сопротивляется, въ спальню. Гости тѣмъ временемъ не забываютъ себя, угощаются изъ большихъ кубковъ, а свахи, — женщины съ продажнымъ языкомъ,—усердно оплакиваютъ въ печальныхъ стихахъ перемѣну въ судьбѣ новобрачной. Часъ, приблизительно спустя, отецъ новобрачнаго выноситъ гостямъ изъ спальни стаканъ, полный вина. Если онъ дырявъ, и вино каплетъ изъ него,—значитъ невѣста оказалась не сохранившей цѣломудрія, и пиръ кончается печально: весь брачный договоръ считается расторгнутымъ и мнимая дѣвственница печально возвращается къ своимъ родителямъ. Показывая же стаканъ, полный и цѣлый, отецъ новобрачнаго даетъ понять, что невѣста оказалась цѣломудренной и достойной уваженія, и тогда всѣ, съ пѣніемъ и пляскою, предаются неистовому пьянству, при чемъ громче и болѣе всѣхъ радуются благополучному исходу свахи. Способъ удостовѣренія въ цѣломудріи у нихъ тотъ же, какъ у многихъ варваровъ и представляется, не въ обиду имъ будь сказано, весьма неосновательнымъ нашимъ врачамъ. Если новобрачный увидитъ, что новобрачная обладаетъ какимъ - либо тѣлеснымъ недостаткомъ, или порокомъ, что она хромаетъ, слѣпа, стара, или больна, то онъ можетъ развестись съ нею, но не иначе, какъ давъ ей новое приданое. Впрочемъ эти обычаи и подобные имъ, у простаго народа, (in multis), отчасти измѣнены, отчасти же не въ употребленіи. Воспрещается вступать въ бракъ между собою родственникамъ по крови до четвертаго колѣна, связаннымъ духовнымъ родствомъ [1]) и тѣмъ, кто когда-либо были свидѣтелями въ одномъ и томъ же дѣлѣ. Вступающихъ въ третій разъ въ бракъ, они обзываютъ, женщинъ — неистовыми, а мужчины подвергаются не меньшему также нареканію. Разводъ у нихъ часто бываетъ изъ-за пустяковъ, по бракоразводнымъ грамотамъ и по приговору священника. Знатные люди вступаютъ въ бракъ, и понынѣ, въ незрѣломъ возрастѣ, чуть не дѣтьми, и научаются супружеской любви межъ дѣтскихъ игръ. Передъ тѣмъ, какъ лечь спать съ женой, они, по старинному завѣту Кирилла Русскаго, сперва снимаютъ крестъ съ шеи и образа со стѣнъ, а на слѣдующій день, если не успѣли еще обмыться, то молятся у дверей храма, гдѣ, въ старину, стояли грѣшники; это они дѣлаютъ также и послѣ другихъ, оскверняющихъ ихъ, дѣйствій. Дома у себя, согласно старинному русскому и, нынѣшнему восточному, обычаю, какъ, быть можетъ, нигдѣ еще на землѣ, мужья пользуются такою властью надъ женами, что могутъ даже продавать ихъ другимъ въ рабство на извѣстный срокъ. Эта подчиненность супругу, кажется, по необходимости существуетъ у Русскихъ, такъ какъ безъ нея не могло бы быть любви.

[1]) Кумовьямъ.

Дѣйствительно: такъ какъ народу этому отъ рожденія суждено рабски повиноваться, то отеческая власть одинаково сурова относительно слабаго пола, дабы дочери пріучались, по примѣру матерей, исполнять приказанія, и дабы, склонное къ разврату, сословіе бабенокъ (mulierсularum natio) находилось въ постоянномъ страхѣ, а мужья, только такого рода суровымъ обращеніемъ, успокаивали бы ту ревность, которую часто возбуждаютъ въ нихъ дерзкіе созерцатели красоты. Поэтому у нихъ, на первомъ мѣстѣ, около кровати, между другими предметами, необходимыми въ хозяйствѣ, вѣшается и ременная плетка, называемая „дуракомъ" и жены постоянно оказываютъ мужу почтеніе, съ притворно—скромнымъ видомъ, съ опущенною главой и, на половину закрытыми, очами, быстро исполняя всѣ его приказанія, такъ что, по виду, супруги скорѣе совершенно чужды другъ другу, а не связаны брачными узами. Тѣмъ не менѣе, однако, и у Мосховъ встрѣчается не малое количество Вулкановъ-рогоносцевъ и, притомъ, между знатью.

ГЛАВА 23.

О воспитаніи дѣтей и объ опекѣ ихъ.

Заботѣ о правильномъ воспитаніи дѣтей, полезномъ, въ высшей степени, какъ для всего государства, такъ и для частныхъ лицъ, Мосхи отводятъ послѣднее мѣсто, такъ что дѣти подрастаютъ у нихъ на полной свободѣ и распущенности. Они не только не преподаютъ имъ никакихъ правилъ пристойнаго образа жизни, но, напротивъ, считаютъ нужнымъ учить ихъ, въ баняхъ и въ постеляхъ, многому такому, что должно быть окутано глубочайшимъ мракомъ [1]). Къ школьнымъ занятіямъ дѣти приступаютъ поздно, такъ что, нерѣдко, познаютъ жену раньше, чѣмъ грамоту. Обращаясь постоянно между пьяными, они становятся лѣнтяями, неотесанными, пріобрѣтаютъ чудовищныя привычки, никогда почти ничего честнаго не дѣлая и не помышляя даже о лучшемъ образѣ жизни. Отцевъ они уважаютъ весьма мало, матерей—едвали уважаютъ вообще. Пока отецъ живъ, даже взрослыя дѣти находятся въ его полной власти: онъ имѣетъ право наказывать различными способами, непокорныхъ и четыре раза продать ихъ, на совершенно законномъ основаніи, если задолжаетъ кому либо. Къ сиротамъ назначаются опекуны, большею частью, Царемъ, хотя, нерѣдко, берутъ опеку на себя, по волѣ завѣщателя, ближайшіе родственники, но и тѣ и другіе обязаны представлять точнѣйшій отчетъ въ приходѣ и расходѣ Царю, какъ верховному опекуну надъ всѣми.

[1]) Въ подлинникѣ собственно: „для сокрытія чего нѣтъ достаточно глубокой ночи".

ГЛАВА 24.

О погребеніи.

Въ старину Мосхи хоронили своихъ покойниковъ весною, а до этого времени, хранили ихъ на чердакахъ, можетъ быть, для того, чтобы, въ назиданіе всѣмъ домашнимъ, напоминать каждому о его собственной смерти, или для того, чтобы, подобно Китайцамъ, лучше выразить свою душевную признательность покойнику въ его присутствіи. Нынѣ они ихъ предаютъ землѣ—подательницѣ и примательницѣ всего—по истеченіи сутокъ, согласно изданному закону. Похороны происходятъ, приблизительно, въ такомъ порядкѣ: трупъ, положенный въ гробъ, относится на столѣ, или на саняхъ, въ сопровожденіи большаго количества плачущихъ, на кладбище. Похоронное шествіе открываютъ нѣсколько пѣвчихъ и священниковъ съ зажженными погребальными факелами. За ними слѣдуютъ родственники покойника, тоже съ восковыми свѣчами въ рукахъ, съ повязанными головами, ударяющіе себя въ грудь и небрежно одѣтые. Далѣе идутъ женщины—плакальщицы, съ распущенными волосами, въ траурныхъ одеждахъ, старающіяся вызвать сожалѣніе притворнымъ выраженіемъ лица и быстро высыхающими слезами, съ воплями и рыданіями поющія похвалы покойнику. За симъ, по окропленіи покойника освященною водою, священники быстро прочитываютъ надъ нимъ молитвы и его, немедленно,—утромъ ли, или послѣ полудня, это безразлично, зарываютъ въ землю, при чемъ медленно ударяютъ въ одинъ лишь колоколъ. Зимою, тѣла людей небогатыхъ сваливаются въ кучу въ особые небольшіе дома и замораживаются, а при наступленіи вновь весны, извлекаются оттуда и хоронятся, болѣе тщательнымъ образомъ, ибо зимою копать землю, обратившуюся отъ холода, на большую глубину, какъ бы въ камень, и слишкомъ трудно и слишкомъ дорого. Каждому покойнику надѣваютъ на ноги башмаки, а въ руки даютъ грамоту о свободномъ пропускѣ, которую онъ долженъ показать Св. Петру, въ доказательство того, что ему отпущены священникомъ его грѣхи. Если, случайно, кто-либо будетъ убитъ, не имѣя креста на шеѣ, то тому слѣдуетъ, по мнѣнію Русскихъ, отказать въ молитвенной помощи и погребальныхъ почестяхъ. Печаль выражается у Русскихъ изорванною одеждою, чернаго цвѣта, но, по истеченіи шести недѣль, всякія сѣтованія прекращаются. Все время, пока послѣднія продолжаются, доступъ къ Царю запрещенъ. Но, дабы почтить память умершихъ поминальною трапезою, Русскіе приносятъ, по субботамъ, пищу въ маленькія хижины, выстроенныя надъ могилами, и

такимъ образомъ, приносятъ жертву душамъ родственниковъ. Описывая кратко эти похоронные обряды (officia posthuma), Москвитянинъ Кириллъ, въ своихъ вопросахъ, выражается такъ: „вели отслужить за душу умершаго пять обѣдень и дай за это священнику гривну, т.-е. десять оболовъ, а также ладона для кажденія, пять свѣчей, вина и кутьи, приготовленной изъ трехъ частей свареной пшеницы и одной —четвертой—части чечевицъ (pisorum), бобовъ, гороха и иныхъ плодовъ, съ прибавкою къ нимъ меда и сахара". [1])

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

[1]) Ср. Русск. Истор. Библіотека, изд. Археогр. Комм. т. VI, стр. 21 и слѣд.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Естественныя богатства государства и его обширность.

ГЛАВА 1.

Объ умѣренности [1]) климата.

Почти во всей Московіи климатъ весьма суровъ, а народы, живущіе на крайнихъ берегахъ Сѣвернаго океана, не только терпятъ стужу и ежегодно бываютъ погребены снѣгомъ, наносимымъ цѣлыми горами, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи вновь ожить, но и блуждаютъ почти постоянно во мракѣ, зачастую, едва на часъ, разсѣеваемомъ дневнымъ свѣтомъ. Но тѣмъ не менѣе, даже въ крайнихъ предѣлахъ Лапландіи, находятся огнедышащія горы и ключи кипящей воды, какъ въ Гренландіи, Исландіи и на Канарскихъ островахъ. Россія, лежащая у Каспійскаго и Чернаго моря, дышитъ болѣе мягкимъ воздухомъ и въ ней созрѣваетъ виноградъ и другіе плоды. Въ самой же серединѣ страны, около города Москвы, воздухъ такъ уравненъ, что, насколько зима сковываетъ, настолько лѣто, хотя и не на одинаковое, время, вновь оживляетъ. Девятимѣсячные морозы смѣняются неполнымъ, трехмѣсячнымъ жаромъ, достаточно, однако, сильнымъ, и Русскіе, повидимому, успѣваютъ въ этотъ короткій промежутокъ времени и посѣять и собрать жатву, причемъ хлѣбъ скорѣе выпекается на солнцѣ, нежели созрѣваетъ. Поэтому они часто страдаютъ отъ излишества того или другого [2]). 1525 годъ отъ Р. Х. оставилъ по себѣ, въ этомъ отношеніи, печальную память; тогда зима погубила звѣрей и людей, а лѣто сожгло своимъ собственнымъ зноемъ [3]) всѣ плоды и

[1]) Въ подлинникѣ „temperies" т. е. пріятная и полезная смѣсь холода и жары,=благорастворенность.

[2]) Т. е. холода или жары.

[3]) Въ подлинникѣ собственно: „огнемъ, котораго никто не зажигалъ".

лѣса. Въ наше время, свирѣпствовалъ такой холодъ, что воздухъ, какъ бы отвердѣлъ, и выходившіе наружу, утромъ и вечеромъ, съ трудомъ могли дышать; дымъ, встрѣчая препятствіе въ воздухѣ, падалъ сверху и стлался по землѣ, и многіе, отважившіеся выйти наружу, поплатились за это носами, руками и ногами. Тогда же видѣли, что птицы падали изъ воздуха, а многіе, находившіеся въ пути, странники лишались внезапно жизни, не чувствуя приближенія смерти, а, какъ бы, цѣпенѣя во снѣ. Такъ одинъ поселянинъ, охваченный морозомъ, такъ неожиданно скончался, не чувствуя смерти, что въѣхалъ, мертвый и окоченѣлый, верхомъ на конѣ въ городъ, держа въ одной рукѣ поводья, а въ другой--хлыстъ. Защититься отъ столь сильнаго холода нельзя ни мѣхами, ни движеніемъ, ни обильнымъ поглощеніемъ водки, ни, даже, огнемъ. Однимъ словомъ, въ Россіи господствуютъ: холодъ почти постоянный, зной—кратковременный, дожди—нерѣдко проливные, снѣга—поистинѣ, глубочайшіе, и только грозы бываютъ очень рѣдко. И хотя, благодаря обилію лѣсовъ, озеръ и болотъ, большое количество паровъ часто заволакиваетъ по утрамъ ясное небо, однако, сѣверный вѣтеръ легко снова разчищаетъ его, и это обстоятельство такъ хорошо защищаетъ эту страну отъ заразныхъ болѣзней, что, насколько припоминаютъ, болѣзнь чума за много вѣковъ только разъ господствовала въ ней. По этой же причинѣ Мосхи, сохраняя внутреннюю теплоту, долговѣчны и обладаютъ тѣломъ плотнымъ, бѣлымъ, сильнымъ и здоровымъ. Ибо, какъ нѣкто остроумно замѣтилъ, изволеніемъ Всемогущаго и Всеблагого Бога, воздухъ, мѣстность, вода и пища управляютъ, до извѣстной степени, какъ жизнью человѣка, такъ и его дѣйствіями.

ГЛАВА 2.

О свойствахъ почвы.

Хотя, сравнительно съ прочими, европейскими государствами, Московія кажется гораздо бѣднѣе предметами, доставляющими наслажденія (deliciae), однако, она значительно богаче ихъ тѣмъ, что необходимо для пропитанія и одежды. Мало того, если вглядѣться тщательно, то она производитъ даже многое, служащее къ развлеченію и наслажденію, и чего лишена большая часть Европы, и въ чемъ она открыто завидуетъ Мосхамъ. Какъ благодѣтельная ключница, она щедро раздаетъ изъ обильныхъ нѣдръ своихъ, разнаго рода деревья, травы, овощи, плоды, древесные и полевые, драгоцѣнные камни, соль, желѣзо, мѣдь, серебро и многое другое. Лѣса, которыми почти вся страна покрыта сплошь, хотя и не плодоносны, но доставляютъ величайшій доходъ всему государству, такъ какъ изъ нихъ—чего только не добывается, кромѣ бревенъ на постройку кораблей и зданій и громаднаго количества поташа. Даже сами медоносныя пташки, пчелы складываютъ здѣсь, въ дуплахъ деревьевъ, въ огромномъ количествѣ, медъ, собранный ими въ другихъ мѣстахъ. Говорятъ, что особенно въ Нижегородской области и у Мордвы, въ лѣсахъ, изъ туго набитыхъ верхушекъ сосенъ, медъ такъ обильно сочится, что даже у медвѣдей является сильное желаніе поживиться столь сладкою добычею и они не обращаютъ никакого вниманія, ни на боль и укусы пчелъ, ни на преслѣдованія пчелинцевъ. Изъ деревьевъ особенно славится одно, растущее въ окрестностяхъ города Калуги, внутри, тъ природы, какъ бы источенное червями, изъ коего дѣлаются очень красивые сосуды для домашняго обихода, а также еще и другое, красноватаго цвѣта, которое, будучи положено въ горячую воду, подобно воску, дѣлается гибкимъ, тянучимъ, и вновь опять выпрямляющимся. А на одномъ изъ острововъ рѣки Борисѳена растетъ дерево, называемое мѣстными жителями, таволгой (Tavolla), съ корой краснаго цвѣта, и твердое, какъ черное дерево, и которое, говорятъ, обнаруживаетъ свойство способствовать мочеиспусканію у лошадей, вслѣдствіе чего Казаки, Татары и Русскіе обыкновенно привязываютъ ременныя плети къ палкамъ изъ этого дерева [1]). На островахъ Волги, и особенно, близь города Чернояръ (Czornogor), растетъ кустъ, увѣшанный стручковыми плодами, красноватыя сѣмена коихъ пахнутъ какъ амомъ, [2]) и, поэтому, Русскія женщины набиваютъ себѣ ими ротъ, ибо, если раскусить ихъ зубами, то они издаютъ весьма пріятный запахъ. Тамъ же, въ немаломъ количествѣ, произрастаетъ и душистый тростникъ (calamus aromaticus) и нѣкая трава, называемая Татаркой (Tatarica), которую много употребляютъ, примѣшивая ее къ водкѣ, а также и, извѣстнѣйшій врачамъ, корень, ревень. А между Волгой и Танаисомъ, у Самарскихъ племенъ (apud Samaras populos) водится знаменитое овцевидное растеніе (herba agnina) Баранецъ, — иные неправильно пишутъ Борамецъ, — кора котораго походитъ на овечью шкуру; это руно тщательно снимаютъ, и знатные люди обыкновенно подбиваютъ себѣ имъ платья и рукавицы, дабы было теплѣе. Оно обладаетъ такою способностью сушить и согрѣвать, что высушиваетъ всю траву вокругъ себя, прежде чѣмъ завянетъ, почему нѣкоторые, плохо освѣдомленные, предполагали, что оно обладаетъ разумомъ и питается, близь находящеюся, травою. Изъ этихъ же, приблизительно, мѣстностей, получается въ изобиліи также и шафранъ,

[1]) Прутья таволги преимущественно употреблялись для шомполовъ и кнутовищъ, а о вышеприведенномъ свойствѣ его намъ ничего неизвѣстно.

[2]) Иначе—индійскій перецъ, перечный шипъ, ормушъ.

солодковый корень (glyceriza), перечная трава (piperitis) или чаберъ (seu siliquastrum), не говоря уже о винограде, дыняхъ и другихъ плодахъ, перечисленныхъ въ другомъ мѣстѣ. Во многихъ мѣстахъ можно видѣть, на зеленѣющихъ лугахъ, траву, обильно покрытую медомъ (который, по каплямъ, падаетъ въ нее съ неба, какъ жемчужина въ раковину). Эту, росѣ подобную, манну, довольно, впрочемъ, плохую и, лишь какъ приправу къ рыбной пищѣ, они собираютъ въ сита до разсвѣта, ибо, по восходѣ солнца, она либо быстро осыпается и всасывается, либо испаряется. Коноплею и льномъ, преимущественно предъ остальными областями, изобилуетъ область Ярославльская. Черкассія (Cyrcassia) и Кіевская области славятся плодами всякаго рода и названія, хотя тамъ нѣтъ, какъ въ другихъ, болѣе счастливыхъ, частяхъ свѣта, деревьевъ, приносящихъ плоды дважды или трижды въ годъ. Въ самомъ городѣ Москвѣ растутъ весьма вкусные арбузы и дыни и яблоки съ такою нѣжною кожицею и мясомъ, что видны сѣмена, въ самой глубинѣ ихъ находящіяся. Громадное количество зерноваго хлѣба доставляетъ ежегодно жатва почти вездѣ, во всемъ государствѣ, а изъ прочихъ областей, Рязань отличается такимъ плодородіемъ, что часто изъ одного зерна вырастаютъ, на одномъ стеблѣ, два-три колоса. Бо́льшая часть остальныхъ областей также обильны и плодоносны. Несмотря на то, что онѣ очень долго бываютъ покрыты снѣгомъ, послѣдній, не только нисколько не вредитъ имъ, но, напротивъ, превосходно защищаетъ ихъ отъ большого холода. Дальше же къ сѣверу находящаяся земля, плоха[1]) и почти не родитъ ничего и ее трудно обрабатывать, а мѣстные жители, какъ я говорилъ уже, пріобрѣтаютъ хлѣбъ у Голландцевъ и Ливонцевъ, хотя, въ настоящее время, они дѣлаютъ всевозможныя попытки, и упорнымъ трудомъ начинаютъ все болѣе и болѣе торжествовать надъ нею. Недостатокъ этотъ зависитъ не только отъ необработанныхъ полей, но, главнымъ образомъ, естественно, отъ войны и производства водки. Соль получается въ изобиліи изъ нѣсколькихъ областей сразу, но лучшая чѣмъ гдѣ-либо, добывается въ Астрахани, изъ воды: здѣсь имѣются шесть озеръ, или болотъ, въ которыхъ она, изъ года въ годъ, постоянно осѣдаетъ на подобіе льда. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что въ этомъ мѣстѣ есть соляныя горы, гдѣ соли снова выростаетъ столько же, сколько ея было взято. Всякая вещь, брошенная въ эти озера, немедленно покрывается какъ бы жидкимъ сахаромъ. На днѣ ихъ, въ илѣ, скрываются кусочки, въ видѣ плитокъ, которые называются корнями (radices) соли, которые не растворяются въ водѣ, и которые можно разбить на мелкіе куски лишь съ величайшимъ трудомъ. Въ

[1]) Собственно—„обманчива, не оправдывающая надежды" (falsa).

Старой Русѣ, въ Галичѣ и иныхъ мѣстахъ, соль выпаривается изъ воды, а въ Нижнемъ Новгородѣ и на островѣ Соловки (Soluska) добывается изъ нѣдръ земныхъ. Не далеко отъ Астрахани, изъ земли выбрасывается нефть, родъ земляной смолы (bituminis genus) и, притомъ, такъ сильно, что сжигаетъ все, чего только достигнетъ, и никакой влагою не можетъ быть погашена. Ее то, нѣкогда, грубые армяне, бросали изъ военныхъ снарядовъ на римскія когорты, когда вели войну противъ Лукулла. Желѣзные рудники разрабатываются на счетъ и трудами нѣмцевъ, близъ города Тулы. Само желѣзо Русскіе не только перерабатываютъ въ разныя орудія, но и вывозятъ въ необработанномъ и совершенно сыромъ видѣ за предѣлы государства, а оттуда получаютъ желѣзныя издѣлія. По берегамъ рѣки Двины добывается изъ скалъ слюда, или прозрачный камень, употребляемый, главнымъ образомъ, для оконъ, а близъ Великаго Новгорода недавно, нѣсколько лѣтъ назадъ, найдена мѣдь. Изъ Самоѣдіи, туземцы, въ наше время, привозили Царю не только горный хрусталь (Crystallum montanum), ледъ, обладающій твердостью камня, и соль, осѣвшую изъ воды отъ солнца и холода на приморскихъ утесахъ, но и необработанные слитки серебра. По этой причинѣ, нѣкоторымъ, не безъ основанія, пришло въ голову предположеніе, что въ тамошнихъ горахъ, составляющихъ часть Рифейскихъ, природою скрыты богатѣйшія жилы серебряной и золотой руды. И конечно, Москву, по справедливости, пришлось бы назвать живымъ источникомъ (scaturigo) хлѣба и металловъ, если бы величинѣ площади страны соотвѣтствовала численность народонаселенія, а ея плодородію—умственное развитіе послѣдняго. Нѣкоторые говорятъ даже, что знаменитый, королевскій, Елизаветы Англійской, мореходецъ, Форбиссеръ,[1]) въ 1578 году, нашелъ въ Гренландіи, или, вѣрнѣе, близъ Татарскаго мыса Табина (Tabin), горы, въ которыхъ просвѣчивало золото. Удивительно, однако, что это извѣстіе, столь близкое къ нашему времени, уже считается за басню, такъ какъ Мосхи и понынѣ не ожидаютъ такого богатства отъ своихъ земель.

[1]) Или Фробишеръ, Мартинъ (1535—1594). Старался открыть новый путь въ Китай, направляясь отъ Англіи на Сѣверо-Западъ и изъ первой экспедиціи 1576 г., дошедши до Баффинова залива, привезъ камень, въ которомъ оказалось золото. Поэтому, въ 1577 г., была снаряжена вторая экспедиція, но льды помѣшали, и Фробишеръ привезъ изъ нея лишь 500 тоннъ камня, неимѣющаго никакой цѣны.

ГЛАВА 3.

О вывозѣ и ввозѣ товаровъ.

Россія не только имѣетъ въ самой себѣ достаточное количество всего, но даже ведетъ мѣновую торговлю съ иноземцами большею частью своихъ произведеній. Къ числу таковыхъ, кромѣ соли, желѣза относятся еще, скотъ, зола, смола, ленъ, конопля, рыбій жиръ, медъ, воскъ, икра, мѣха, и кожи, которыя она доставляетъ народамъ, и сосѣднимъ съ нею, и далеко живущимъ. Татарамъ Русскіе продаютъ, попоны (ephippia), уздечки, сукно, ножи, топоры, и много другого въ томъ же родѣ, что они сами, по большей части, покупаютъ у другихъ. Лѣса доставляютъ въ громадномъ изобиліи разнаго рода золу, пригодную для приготовленія подзола[1]) и иныхъ дѣлъ, а также и пушныхъ звѣрей, именно: соболей, куницъ, рысей, бобровъ, бырсей (hyaenae), дикихъ кошекъ, лисицъ, пахучихъ бобровъ (glires odoriferas), бѣлокъ (sciuros), горностаевъ (hermelinos), зайцевъ, волковъ, бѣлыхъ и черныхъ медвѣдей, оленей, козъ, лосей (alces), зубровъ, и многихъ другихъ звѣрей, коихъ мѣха и кожи въ большомъ употребленіи и дорого цѣнятся. Для ихъ покупки, не только вся Европа, но и Азія и Африка, постоянно высылаютъ купцовъ, которые имѣютъ большое вліяніе на Московскіе государственные доходы, ибо они платятъ громадныя пошлины и часто опредѣляютъ стоимость денегъ[2]). Меда у Русскихъ набирается, какъ я уже упоминалъ выше, такое количество что они не только заготовляютъ его для собственнаго употребленія, но и услаждаютъ имъ и иноземцевъ (transmarinorum gulam alma temperent suavitate). Воска они также производятъ многія тысячи фунтовъ, хотя значительная часть его расходуется у нихъ дома, при богослуженіи. Не говоря уже о другихъ еще товарахъ, Мосхи, также за небольшую цѣну, продаютъ иностранцамъ пахучую кровь, извѣстнаго индійскаго животнаго, обыкновенно называемую мускусомъ, которую имъ привозятъ издалека татары. Сюда же должно, по справедливости, присоединить и бобра рѣчнаго (Castor seu biber ponticus), шулята котораго доставляютъ извѣстное врачебное средство и вывозятся, въ громадномъ количествѣ, изъ Россіи за границу. Не малый источникъ дохода составляютъ громадные рога, или носы (cornua, seu rostra), рыбы нарвалъ, выдаваемые нѣкогда

[1]) Въ подлинникѣ „smegma“, что означаетъ мазь или снадобье для очистки и мягченія кожи. Подзолъ и есть смѣсь золы съ известью, употребляемая при выдѣлкѣ кожъ.

[2]) Говоря современнымъ языкомъ: „устанавливаютъ курсъ“.

Датчанами, привозящими ихъ изъ Гренландіи и Исландіи, за рога земноводнаго звѣря, единорога, пока Мосхи не увидали у себя, на Новой Землѣ, въ чемъ дѣло. Сюда же относятся и тюлени, изъ которыхъ добывается въ большемъ количествѣ жиръ, и моржи, морскія чудовища (belluae), обладающія большими, похожими на слоновую кость, клыками, изъ которыхъ дѣлаютъ рукоятки для ножей и мечей (ensium),

Изъ товаровъ, привозимыхъ въ Московію изъ чужихъ странъ главнѣйшіе слѣдующіе: сукна, шелковыя ткани, пряности, разнаго рода вина, масло, желѣзныя издѣлія, драгоцѣнные камни, жемчугъ золото въ видѣ проволоки, и даже монета, золотая и серебряная. Привозятся эти товары, частью сухопутнымъ путемъ поляками и ливонцами, частью же моремъ, ежегодно пріѣзжающими англичанами и бельгійцами. Лишь отъ табака, какъ одурманивающаго растенія, Царь велитъ своимъ Русскимъ воздерживаться, дабы вѣрнѣе избѣжать опьяненія и пожара отъ него. Изъ Персіи, Бактріаны и сѣверной части Китая привозятся, главнымъ образомъ, хлопчатая бумага, золотая шелковая парча, драгоцѣнные камни, пестрыя завѣсы, дорогіе ковры, обои (tapetes), тонкія полотна и, сваленныя изъ татарской шерсти, сукна. Въ большомъ количествѣ, наконецъ, присылаютъ Русскимъ ежегодно, Татарія—сильнѣйшихъ лошадей, Калмыкія—быстрѣйшихъ, Персія — чистокровнѣйшихъ, хотя и у себя Русскіе тоже разводятъ весьма хорошихъ. Это животное считается у нихъ необходимымъ, не только на войнѣ, но и въ мирное время, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, такъ какъ въ Россіи люди, хотя бы чуть-чуть позажиточнѣе, считаютъ унизительнымъ ходить пѣшкомъ и привыкли ѣздить по городу на лошадяхъ, или же, чтобы впереди ихъ шла лошадь, ведомая слугою.

ГЛАВА 4.

О дикихъ и домашнихъ животныхъ.

Въ Россіи, соотвѣтственно тому, какъ въ селахъ и городахъ, повсюду виднѣются многочисленныя стада домашнихъ животныхъ:— овецъ, свиней, быковъ, коровъ, лошадей, и большія стаи голубей, курицъ, утокъ, павлиновъ и гусей,—такъ и въ лѣсахъ встрѣчается очень много дикихъ звѣрей. Зайцы бѣлые и сѣрые[1]) доставляютъ Мосхамъ болѣе мѣха для одежды, нежели мяса для пропитанія, такъ какъ, въ силу привычки, они считаютъ оскверненіемъ себя ѣсть ихъ. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не ловится бо́льшаго количества бѣлокъ, бѣлыхъ и рыжихъ, бобровъ водяныхъ съ пахучими хвостами, горностаевъ,

[1]) Въ подлинникѣ собственно: „пепельнаго цвѣта (cineracei)“.

этихъ бѣленькихъ, съ темными пятнами, звѣрковъ, кроликовъ, всевозможныхъ цвѣтовъ (omni colorum genere aspersi), дикихъ лѣсныхъ кошекъ, куницъ, соболей, и лисицъ—бѣлыхъ, красныхъ и черныхъ—рысей, отличающихся острымъ зрѣніемъ и красивыми пятнами. Предметомъ охоты служатъ, далѣе, дикія козы, бобры (а особенно бѣлые медвѣди, живущіе на ледяныхъ горахъ Кандиніи и которые болѣе свирѣпы, нежели другіе), а также рыбы въ водахъ, и иные звѣри: олени, лютые зубры и лоси, знаменитые своими копытами и непроницаемою, для ударовъ, шкурою. Медвѣди же эти, иногда заходящіе и на Шпицбергенъ, отличаются отъ тѣхъ, что водятся въ нашихъ краяхъ, головою, похожею на собачью, длинною шеею и бóльшею подвижностью въ тѣлодвиженіяхъ; волоса, коими они покрыты, длинны и мягки, какъ волна (lana), носъ и когти у нихъ черные, и они чрезвычайно ловко ныряютъ въ водѣ. Фридрихъ Мартенсъ изъ Гамбурга[1]) говоритъ, въ своемъ путешествіи на Шпицбергенъ, въ 1671 году, что зубы этихъ медвѣдей, истолченные въ порошекъ, возстановляютъ обращеніе застывшей крови, а жиръ изъ-подъ подошвъ ихъ (quem sub pedibus habent), въ растопленномъ видѣ, вызываетъ потъ, ускоряетъ роды, и утоляетъ боль въ сочлененіяхъ. Такимъ образомъ, Россія, во всей совокупности своей, представляется, какъ бы нѣкіимъ, громаднымъ звѣринцемъ. Ко всему этому, надо еще прибавить неисчислимыя полчища разныхъ птицъ, какъ-то: гусей, утокъ, дикихъ голубей, лебедей, предвозвѣстниковъ собственной кончины, орловъ, коршуновъ, выпей, фазановъ, драхвъ, тетеревовъ[2]), рябчиковъ, перепелокъ, сѣрыхъ дроздовъ, курочекъ (gallinagines) и другихъ, болѣе мелкихъ, подробно перечислять коихъ, я считаю здѣсь излишнимъ. Въ мѣстностяхъ, лежащихъ близъ Бѣлаго моря и Сѣвернаго, животныя, бóльшей частью, имѣютъ шерсть и перья бѣлаго цвѣта; мало того, привезенныя сюда издалека, въ нѣсколько лѣтъ, теряютъ первоначальный цвѣтъ свой и пріобрѣтаютъ цвѣтъ бѣлоснѣжный. Поэтому въ этихъ мѣстностяхъ очень часто встрѣчается птица, рѣдкая въ другихъ краяхъ, именно—бѣлый воронъ. Нѣкоторые полагаютъ сами до сей поры и другихъ увѣряютъ въ томъ же, что аисты не живутъ въ Московіи. По истинѣ, этого, никакъ нельзя утверждать относительно всего государства, ибо, хотя они и не появляются въ нѣкоторыхъ серединныхъ мѣстностяхъ, по причинѣ густыхъ лѣсовъ и сильныхъ морозовъ, однако, въ другихъ мѣстахъ, болѣе открытыхъ и близкихъ къ морю, они, большими стаями, вьютъ свои гнѣзда на верхушкахъ деревьевъ и на дымовыхъ трубахъ. Въ Сибири водится бѣлая

[1]) Онъ былъ собственно цирульникомъ на китоловномъ суднѣ и издалъ описаніе своего путешествія въ 1675 г.

[2]) Въ подлинникѣ ошибочно: „tetragones" вмѣсто „tetraones".

птица, которая, по величинѣ тѣла, равняется лебедю, но, съ болѣе короткой шеей; снятая съ нея кожа, покрытая пухомъ (въ другихъ краяхъ это же самое производятъ съ лебедемъ), служитъ для подбивки перчатокъ и нагрудниковъ (pectorale indumentum) и дорого цѣнится иностранцами. У Угличанъ славятся болѣе всего бѣлые соколы, главнымъ образомъ, преслѣдующіе цаплей, и которыхъ нѣкоторые называютъ Иродовыми соколами, или священными. На Новой Землѣ, говорятъ, мерзнутъ многочисленные дикіе гуси, а также и пестрыя утки и, неизвѣстнаго рода, птицы, высиживающіе птенцовъ изъ яицъ въ гнѣздахъ, свитыхъ изъ ихъ собственныхъ перьевъ и моха. Многіе, не безъ основанія, полагаютъ, что эти птицы и Шотландскія или Зимнія гуси (bérnechi)—одно и тоже. Ибо, когда, случайно, какъ-то, въ Шотландіи были найдены ихъ яйца, то думали, что они сперва растутъ на деревьяхъ, а потомъ уже, упавъ оттуда въ воду, начинаютъ оживать. Голландцы же видѣли, въ 1596 году, какъ эти утки сидѣли на этихъ, своихъ яйцахъ, зеленоватаго цвѣта, и назвали ихъ Шотландскими; въ настоящее время достовѣрно извѣстно, что эти птицы водятся и на Шпицбергенѣ, подъ названіемъ горныхъ утокъ (sub anatum montanarum nomine). Въ Астрахани, этомъ порогѣ въ Азію, являются между другими, залетными, птицами, нѣкія черныя птицы, крупнѣе ворона и во всемъ совершенно схожія съ утками, которыхъ Русскіе называютъ бакланами, а также онокроталы[1]) съ зобами, болѣе крупные чѣмъ лебеди, и называемыя, по-московски, бабами (babba). Послѣдній родъ птицъ получилъ свое названіе отъ Плинія за то, что они, опустивъ клювъ свой въ воду, ревутъ, говорятъ, по ослиному (asinorum ritu); клювъ, повторяю, огромный, продолговато-красный и имѣетъ на концѣ видъ ложки, а подъ нимъ, у шеи, виситъ зобъ [2]), на подобіе мѣшка. Мѣстные жители, поэтому, весьма охотно приручаютъ этихъ птицъ и обучаютъ ихъ рыбной ловлѣ, такъ какъ онѣ, рыбу, неумѣщающуюся болѣе въ желудкѣ, кладутъ въ это вмѣстилище и хранятъ ее тамъ, на будущее, на случай голода. Хозяева же, посредствомъ легкаго встряхиванія, достаютъ эту рыбу оттуда, часто еще дышащую и извивающуюся. Очень много водится въ Россіи звѣря россомахи (rossamak) или бырси, съ щетинистою кожею, которая долго сохраняется, вслѣдствіе твердости волосъ, и изъ которой Мосхи шьютъ шапки и рукавицы. Это животное, если наѣстся случайно чрезмѣрно, то имѣетъ обыкновеніе, дабы не порвать себѣ кишекъ, втискиваться между двухъ деревъ и, такимъ образомъ, освобождаться отъ бремени, коего оно не въ силахъ болѣе снести. Въ степяхъ, почти со-

[1]) Пеликанъ, называемый Пдиніемъ „onocrotalus".

[2]) Въ подлинникѣ стоитъ собственно: „подгрудокъ (palearia)".

вершенно ненаселенныхъ, близъ Борисѳена и Танаиса, пасутся овцы, (oves), которыхъ казаки называютъ сайгаками. Въ крайней Татаріи, подчиненной Мосхамъ, бродятъ, въ меньшемъ, впрочемъ, количествѣ, нежели въ Персіи и Индіи, знаменитыя пахучія животныя, по внѣшнему виду и величинѣ похожія на козъ [1]) и испускаютъ изъ себя кровь (sanguinem), пріятно пахнущую, которая маленькими кусочками, обернутыми въ кожу, вывозится къ намъ и продается за громадную цѣну. Однако не одинъ пупъ [2]), исключительно, бываетъ полонъ столь искомой жидкости, но и поверхность всей спины, если ее умѣло посѣчь прутьями, источаетъ подкожную сукровицу съ такимъ же пріятнымъ запахомъ. Татары часто сами ее портятъ, примѣшивая къ ней, когда она свернется, кровь плохого качества. Наконецъ, въ Лапландіи, Самоѣдіи, Печорской области и всей Кандиніи, громаднѣйшую пользу мѣстнымъ жителямъ приносятъ многочисленные олени, изъ рода сѣверныхъ (Rangiferi genus), но меньше ихъ ростомъ, которые замѣняютъ имъ коровъ, лошадей и, всякаго рода, богатство и доставляютъ имъ и одежду, ибо Лапландцы ихъ доятъ, запрягаютъ въ сани и повозки, и приготовляютъ изъ ихъ шкуръ, пока они молоды, верхнее платье, а когда они достигаютъ зрѣлаго возраста, то шапки и нижнюю одежду. Подобнымъ животнымъ пользовался—читается въ исторіи, или вѣрнѣе, въ баснѣ, о древнихъ Норвежцахъ—нѣкій Готъ Галоркапра [3]), во время своихъ поѣздокъ, въ разныхъ направленіяхъ, изъ Лапландіи въ Гренландію, получая отъ него и пищу и средство къ передвиженію. Сѣверный олень обладаетъ широкими ноздрями для дыханія и громадными, вѣтвистыми рогами, которыя онъ, входя въ лѣсную чащу, вытянувъ шею, отклоняетъ назадъ на спину; весьма тонкія ноги съ раздвоенными сверху копытами поддерживаютъ его, при чемъ переднія снабжены крючковатымъ загибомъ, замѣняющимъ ему подкову, или двойные желѣзные шипы [4]), дабы они не скользили на льду.

[1]) Такъ называемыя кабарги, у которыхъ изъ подбрюшной сумки (которую Рейтенфельсъ называетъ пупомъ) отдѣляется мускусъ.

[2]) См. примѣч. 1.

[3]) Намъ не удалось опредѣлить о комъ идетъ здѣсь рѣчь, но мы думаемъ, что это мѣсто испорчено и что „Halorcapra", по этимологіи своей, скорѣе должно быть отнесено къ слову „animali", т.-е. что вѣрнѣе было бы чтеніе „istius generis animali Halorcapra usus fuisse Gothus quidam etc", а не такъ, какъ напечатано, т.-е. „Gothus quidam Halorcapra". Впрочемъ, мы не знаемъ и животнаго съ такимъ названіемъ.

[4]) Въ подлинникѣ стоитъ „soleae, seu bidentis ferri loco", т.-е. родъ обуви, которую иногда надѣвали лошадямъ на ноги древніе Римляне и Греки, не знавшіе нашихъ подковъ, при чемъ, вѣроятно, эта обувь снабжалась острыми гвоздями, подобно обуви современныхъ туристовъ, собирающихся совершить восхожденіе на горы и ледники.

Питается онъ травою съ блѣдно-зелеными и твердыми листьями, растущей на каменистыхъ и бугристыхъ мѣстахъ, такъ что ни суровая погода, ни безплодіе почвы, нисколько не могутъ вредить ему.

ГЛАВА 5.

О разнаго рода рыбахъ.

У Мосховъ не только одни лѣса изобилуютъ звѣрями, а поля—плодами, но и рѣки, озера и моря—многими рыбами, чрезвычайно пріятными на вкусъ. Въ качествѣ обычныхъ блюдъ подаютъ лещей, щукъ, окуней, бѣлорыбицу, краснобородокъ (mullos), форелей, муренъ, семгу, поставляемую преимущественно изъ Архангельска, осетровъ или стерлядей, и много другихъ (et quos non?), которыхъ, у другихъ народовъ, желудокъ дорого цѣнитъ. Да что! въ Москвѣ, зимою, на рынкѣ, ежедневно можно видѣть цѣлыя горы рыбъ, лежащихъ на снѣгу, при чемъ особенно поразительное зрѣлище представляютъ собою, главнымъ образомъ, длинные ряды Астраханскихъ осетровъ, какъ бы питающихся пустымъ воздухомъ [1]), выставленныхъ для замораживанія и на продажу. Икру изъ нихъ, приправленную солью, русскіе продаютъ, съ громаднымъ барышомъ, во всѣ страны, такъ что Московія, по этому, можетъ назваться общимъ, международнымъ, рыбнымъ садкомъ. Въ Каспійскомъ морѣ и въ рѣкѣ Волгѣ, на всемъ ихъ протяженіи, водятся чрезвычайно вкусныя рыбы, осетры (osistrinas) и другія, а также и стерляди, т.-е. молодые осетры (sterlitas scurionum pullos), ростомъ очень небольшіе, но почитаемые всѣми за высшее лакомство, по причинѣ ихъ крайне нѣжнаго мяса. Не уступаетъ имъ и бѣлуга, которая ловится преимущественно въ рѣкѣ Окѣ, почти совсѣмъ не имѣетъ костей, и мясо которой бѣло какъ снѣгъ, а чешуя блеститъ, какъ серебро. Очень часто встрѣчается въ Московіи рыба, сомъ, съ громадной головой и жирнымъ тѣломъ, изъ которой, также какъ и изъ китовъ и тюленей, или морскихъ собакъ, вытапливается ягодь т.-е. жиръ. (Iagod id est adeps). Въ Борисѳенѣ обыкновенно ловятъ сѣтями клювышей [2]), (antacaei, qui et husones Plinio dicuntur), называемыхъ Плиніемъ также и гузонами. Вокругъ Новой Земли можно видѣть морскихъ собакъ (тюленей), противныхъ чудовищъ, въ шесть, семь футовъ длиною, одѣтыхъ короткимъ, пестрымъ мѣхомъ и, благодаря обилію въ нихъ крови, до того живучихъ, что они продолжаютъ жить, даже по снятіи съ нихъ

[1]) Т.-е, стоящихъ съ раскрытыми ртами.

[2]) Родъ щуки (scarus, esox), по толкованію однихъ, родъ осетра (acciper), по объясненію другихъ.

кожи, и будучи разрублены на куски. Встрѣчаются и знаменитые, рогатые (cornuti) нарвалы, т.-е. вѣрнѣе, рыбы съ хорошими зубами (bene dentati) и шестнадцати футовъ въ длину, а также и моржи, отвратительныя чудовища, величиною съ быка, обладающія клыками, болѣе цѣнимыми, нежели слоновая кость и составляющими отличительный признакъ самцовъ, съ головою рыси и кожей, болѣе непроницаемой, нежели панцырь: убить ихъ нелегко, развѣ что попадешь въ високъ. Эти моржи, формою тѣла, совершенно схожи съ морскими собаками, но гораздо крупнѣе ихъ, съ шерстью болѣе короткой и рыжей, двумя громадными клыками, красными и круглыми глазами; они свирѣпы и опасны; на ногахъ у нихъ находится пять когтей, на подобіе пальцевъ. Они, кромѣ того, крайне сонливы, и мореплаватели часто слышатъ, какъ они, одинаково, на льду и въ водѣ, страшно ревутъ, совершенно какъ быки. Если охотники нападутъ на одного изъ нихъ, то остальные являются, скрежеща зубами, ему на помощь и предпочитаютъ погибнуть всѣ вмѣстѣ, нежели измѣнить одному. Щетина, похожая на тростникъ и растущая у нихъ, въ видѣ бороды, доставляетъ корабельщикамъ кольца, способствующія исцѣленію отъ судорогъ, а порошкомъ, приготовленнымъ изъ костистаго, мужскаго члена ихъ, (ex pene osseo), Мосхи пользуются для изгнанія камней изъ мочевого пузыря.

Остальныя водяныя чудовища, похожія на людей, а именно, сирены, которыхъ, говорятъ, можно видѣть, главнымъ образомъ, въ Татарскомъ морѣ, не должны быть отнесены, безусловно, къ числу вымысловъ, такъ какъ, въ настоящее время, достаточно извѣстно, что въ Индѣйскомъ океанѣ были тоже пойманы таковыя, съ круглой головою, но безъ шеи, съ длинными, въ два локтя, руками, плоскимъ носомъ, и совершенно человѣческими ушами, глазами и животомъ; грудь покрытая очень бѣлою кожею, у нихъ раздвоена и снабжена сосцами, заключающими въ себѣ молоко.

ГЛАВА 6.

О гаваняхъ и побережьяхъ.

Россію омываютъ разныя и обширнѣйшія моря, а именно: Евксинскій или Мавританскій Понтъ, Меотидское или Темериндское море, Каспійское, которое арабы называютъ Богаръ-Корсунь, т.-е. закрытымъ моремъ (mare clausum), Пареяне—Баканъ (Baccan), Татары—Хелугелянъ (Chelucelan, Русскіе—Хвалынскимъ моремъ, затѣмъ, Татарское и Бѣлое, или Гандвикское (Granvicus) море, Сѣверное море, нѣкогда прозывавшееся Амалхскимъ (Amalchium), а на славянскомъ нарѣчіи

Моремъ морознымъ (Maremarusa), т.-е. замерзшимъ (congelatum), Финскій или Пяткорикскій (Piatkoriko) заливъ, и, наконецъ, Балтійское море. Правда, однако, что берега ихъ, занимающіе столь обширныя и разнообразныя пространства, обладаютъ меньшимъ числомъ гаваней, нежели кто-либо могъ это подумать, и пользуются не только у Русскихъ, но даже и у иноземцевъ, дурною славою, какъ плохія стоянки для кораблей. На Гирканскомъ морѣ, города Астрахань и Тарки, обладаютъ довольно хорошими гаванями, хотя онѣ до сей поры мало посѣщаются судами. Болѣе частымъ поѣздкамъ по этому морю препятствуютъ не столько мелководныя мѣста, песчаныя отмели и, почти постоянныя, бури, сколько неукротимые татарскіе морскіе разбойники. Приморскій берегъ, близъ Сѣверной Тартаріи, говорятъ, совершенно изрѣзанъ мелководными рѣками, которыя, хотя и текутъ сначала въ глубочайшихъ руслахъ, до того утрачиваютъ свою глубину при устьяхъ, что челноки съ трудомъ двигаются по нимъ, вслѣдствіе наноснаго морскими волнами песка. Лишь въ области Печора, по рѣкѣ того же имени, Русскіе, довольно часто, отправляютъ небольшія суда, ради торговыхъ цѣлей, въ Верхнюю Тартарію, за рѣку Обь, при чемъ они, будучи плохо снабжены всѣмъ нужнымъ для мореплаванія, нерѣдко терпятъ крушенія среди льдинъ и водоворотовъ. Одно только Бѣлое море,—счастливое, какъ бы уже по одному имени своему—имѣетъ, въ Архангельскѣ, гавань, болѣе всѣхъ остальныхъ, нынѣ, прославляемую въ Россіи. По причинѣ мелководья, суда большихъ размѣровъ и болѣе нагруженныя, не рѣшаются заходить далеко, даже по рѣкѣ Двинѣ, но становятся на якорь въ морѣ и тамъ выгружаютъ и нагружаютъ товары. По этому и гавань Св. Николая, которою пользовались прежде, предоставлена лишь небольшимъ судамъ, такъ какъ мѣсто для стоянки оказалось въ Архангельскѣ болѣе удобнымъ. Наконецъ, въ Московской Лаппоніи, небезъизвѣстны городъ и гавань Кола, недалеко отъ которыхъ находится датская крѣпость Вартнинъ (Varthnis) [1], и мысъ Мотка [2], (Motka), называемый Плиніемъ,—Рубеасомъ (Rubeas). Сюда именно пріѣзжаютъ корабли съ Востока за рыбою, золою, жиромъ и оленями. По Черному морю Русскіе сами ѣздятъ, по возможности, рѣже, а чаще всего посылаютъ туда казаковъ, укрывающихся на островахъ въ рѣкѣ Борисеенѣ и получающихъ отъ нихъ годовое жалованье, не столько съ торговыми цѣлями, сколько для захвата добычи.

---

[1] Бартусъ у Герберштейна.

[2] Мысъ на Лапландскомъ берегу Сѣвернаго океана, Архангельской губ., Кемскаго уѣзда.

ГЛАВА 7.

Объ укрѣпленныхъ мѣстахъ въ государствѣ.

Хотя полагаютъ, что Моски проявляютъ гораздо болѣе воинской доблести при защитѣ городовъ, нежели въ открытыхъ сраженіяхъ, однако, у нихъ, и по сю пору, весьма немногія мѣста хорошо укрѣплены. Причина этому заключается не только въ незнаніи военнаго зодчества, но и въ самой обширности государства. Если, поэтому, они строятъ, гдѣ-либо, укрѣпленіе, то оно, по бо́льшей части, бываетъ, либо громадно и неуклюже, безъ всякихъ искусныхъ, твердыхъ опоръ и утвержденій, либо выстроено, главнымъ образомъ, изъ дерева, непрочно, съ тонкими стѣнами (?) (ficulnea) [1]), и не могущее устоять противъ пушекъ, или огня, при первомъ же нападеніи. Укрѣпленія изъ кирпича они строятъ, обыкновенно, лишь передъ весьма немногими городами, при чемъ, большей частью, устраиваютъ, въ защиту его, валы, рвы и бревенчатые заборы. Кромѣ столицы Москвы, лучшими межъ крѣпостями, справедливо считаются, Кіевъ, Калуга и Бѣлгородъ южный, воздвигнутыя противъ безпокойныхъ татаръ и крымцевъ, какъ бы въ сосѣдствѣ съ ними. Весьма сильную защиту Московъ представляютъ, въ этой мѣстности, приблизительно, 40000 Запорожскихъ, или Днѣпровскихъ, казаковъ, состоящихъ на годовомъ жалованьи у Царя; это, какъ говорятъ, народъ, образовавшійся изъ гнуснаго соединенія, изгнанныхъ, нѣкогда отовсюду, и собравшихся здѣсь, разбойниковъ. Разъѣзжая, неустанно по Черному морю, они часто пробираются до самаго Константинополя, ради его ограбленія, и держатъ всѣ сосѣдніе народы въ страхѣ. Противъ лютости (immanitas) и мощнаго своеволія восточныхъ татаръ выставлены, главнымъ образомъ, Казань и Астрахань, въ Сибири—Тобольскъ, и другіе города. Съ ними Моски болѣе всего боятся воевать, такъ какъ они, не имѣя постояннаго мѣста жительства, кочуютъ, то здѣсь, то тамъ, и, опасные уже одной своей численностью, быстро совершаютъ нападенія на сосѣдей, не столько по воинственности духа, сколько по крайней необходимости. А такъ какъ совершенно покорить ихъ нельзя, никоимъ образомъ, то Русскіе обращаютъ ихъ къ мирнымъ

[1]) Въ этомъ мѣстѣ текстъ, повидимому, испорченъ, ибо слово „ficulnea" здѣсь крайне странно. Мы склонны думать, что здѣсь имѣются въ виду тонкія, бревенчатыя стѣны, но, можетъ быть, впрочемъ, Рейтенфельсъ хотѣлъ здѣсь сказать, что русскія укрѣпленія высоки, стройны, круглы, или, наконецъ, гибки какъ смоковницы.

занятіямъ тѣмъ, что часто дѣлаютъ имъ подарки и отводятъ имъ, для населенія, новыя земли, и этимъ, какъ бы, умиротворяютъ ихъ. Лежащій у Каспія, городокъ Тарки стоитъ на стражѣ (imminet), рядомъ съ Персами и Узбекскими татарами и, какъ бы, хранитъ у себя ключи отъ Кавказскихъ воротъ, ибо Узбеки, союзники Московъ, охраняютъ знаменитую дорогу, въ 8000 шаговъ длиною, проложенную въ Кавказскихъ тѣснинахъ до города Темиркапи (Temircapi) [1]), крайне опасную и ведущую въ Мидію. За симъ, Смоленскъ и Могилевъ, кромѣ другихъ, менѣе важныхъ, городовъ защищаютъ отъ Поляковъ [2]), а Псковъ и Новгородъ-Великій, а также и снѣгъ и непрерывные пустынные лѣса—отъ Шведовъ. По истинѣ, все государство сильно охраняется, не столько крѣпостями и громадными сооруженіями, сколько естественными преградами,—обиліемъ и глубиною рѣкъ, болотами, затрудняющими способы сообщенія, длинными цѣпями, лѣсомъ поросшихъ, горъ и самой обширностью страны. Поэтому и Русскіе, видя себѣ пользу отъ сего, нарочно оставляютъ неустроенными дальнія окраины государства, и особенно тѣ, въ которыхъ живутъ народы, дружески относящіеся къ городамъ.

ГЛАВА 8.

О знатнѣйшихъ озерахъ, рѣкахъ, лѣсахъ и горахъ.

Московія несомнѣнно болѣе, нежели какая бы то ни было, страна на земномъ шарѣ, орошается рѣками и озерами, покрыта лѣсами, и усѣяна горами и немногими пустынями. Послѣ Меотидскаго, самое обширное изъ всѣхъ русскихъ озеръ, есть Ладога, или Ладожское озеро, въ предѣлахъ Финмаркена, въ которое впадаетъ рѣка Вуокса, (Voxen) шумнымъ, оглушающимъ слухъ близь живущихъ, водопадомъ, и обтекая весьма многіе острова, которые, чуть ли и не понынѣ, принадлежатъ Швеціи. Съ нимъ соединяется, посредствомъ рѣки Свири, другое—Онежское, а по сосѣдству находятся озера, Кивиярви (Kitkiervi), Выгоозеро (Vikosero), Энаре, (Enaratrask), Улеотраскъ (Vlatrask) и другія. Равняется имъ Бѣло-озеро, находящееся близъ Шриккфинновъ (Schrikfinnorum) и русскихъ Лапландцевъ, богатое рыбами и птицами разнаго рода, а еще болѣе извѣстное, какъ мѣстопребываніе князя и казнохранилище, въ древности. Около города Пскова лежитъ также обширнѣйшее озеро Пейпусъ, которое Латиняне зовутъ Пеласъ и

[1]) Вѣрнѣе—Темиръ-Каписси, что по-турецки означаетъ „желѣзныя ворота", —Дербентъ.

[2]) Подразумѣвается: Русскихъ или Московію.

Бицисъ (Pelas et Bicis), Русскіе—Псковскимъ или Чудскимъ, т.-е. достойнымъ удивленія [1]). Далѣе, близъ Новгорода, на громадное растояніе, въ длину и въ ширину, тянется другое озеро, Ильмень, около котораго живутъ племена Вотской и Шелонской пятины (Selonskoi et Vodskoi Petini). Обхожу здѣсь молчаніемъ озера—Рязанское, Ивановское и другія, коимъ конца, почти, нѣтъ и которыя легко можно видѣть на географическихъ картахъ. Между выдающимися въ Россіи рѣками, по справедливости, повидимому, должно считать первыми: Борисѳенъ, Волгу, Танаисъ, Двину и Обь. Борисѳенъ (это названіе сохранилось за нимъ съ древнѣйшихъ временъ), столь извѣстный и изобилующій рыбою, беретъ начало въ области Бѣлой (Biela), и свершивъ отсюда длинный путь, вливаетъ свои прѣсныя воды, благодаря коимъ его также превозносятъ, какъ Нилъ, въ Черное море, на разстояніи пятидесяти тысячъ шаговъ ниже Кіева. Но, до сего, онъ встрѣчаетъ на пути пороги, т.-е. скалистыя мѣста, или вѣрнѣе, обрывы, болѣе десяти футовъ глубины, и ставъ, поэтому, вслѣдствіе каменистыхъ препятствій, воздвигающихся среди теченія его, менѣе стремительнымъ, омываетъ своими водами не малое количество острововъ—отечество запорожскихъ казаковъ. Волга, или Ра, которую Татары называютъ Итель (Edel), Армяне же—Таматъ (Thamat), составляетъ восточную границу между Европой и Азіею, вытекаетъ въ лѣсу Фряново (Fronovlies), изъ Волконскаго (Volkovskoi) болота (откуда вытекаютъ также рѣки, Борисѳенъ, Двина и Ловать) и, протекши, громадными извилинами, шестьсотъ германскихъ милліаріевъ впадаетъ въ Каспійское море семью громадными рукавами. Танаисъ, называемый Русскими Дономъ, или Конскою Водою (Kovka Voda), беретъ начало въ Рязанской области, изъ озера Иванъ-озеро (Ivanovosero), въ лѣсу Оконицкомъ (Oconizkilies), т.-е. лѣсу монаховъ и, описавъ большую дугу по направленію къ востоку, сворачиваетъ опять на западъ, захватываетъ съ собою Донецъ, или Малый Танаисъ, и, если не вполнѣ образуетъ Меотидское озеро, то, въ значительной степени, увеличиваетъ его собою. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Перекопскіе Татары, желая проложить себѣ дорогу въ Каспійское море, попытались было, при помощи, главнымъ образомъ, Турокъ, соединить эту рѣку каналомъ съ Волгою, но Моски, уничтоживъ турецкій флотъ, разбили на голову также и ихъ сухопутное войско, въ которомъ насчитывалось 80000 Татаръ и 25000 Турокъ.—Двина вливается шестью рукавами въ заливъ Бѣлаго моря, посвященный Св. Николаю. Почти по всему теченію ея, на обоихъ берегахъ, находятся поселенія, вслѣдствіе постояннаго пріѣзда сюда купцовъ, которые сплавляютъ отовсюду по ней товары къ Бѣлому

[1]) Рейтенфельсъ производитъ это названіе отъ слова „чудо“.

морю. — Обь, или Карамбикъ (Carambycis), которую Русскіе называютъ Нарынь (Niaren), вытекаетъ изъ какого-то китайскаго озерца, протекаетъ мимо многихъ дикихъ народовъ, и соединяется широкимъ устьемъ съ океаномъ у мыса Литармина (Lytarmis), при чемъ течетъ здѣсь значительно медленнѣе. Въ числѣ остальныхъ, выдающихся рѣкъ, считается и Москва, которая, будучи къ великой выгодѣ государства, судоходною, вливается въ Оку, рѣку гораздо больше ея, а Ока, въ свою очередь, впадаетъ въ Волгу и, такимъ образомъ, Москва совершаетъ громадный водяной путь отъ Москвы до самой Астрахани. Послѣ Москвы слѣдуютъ почти безчисленныя, если не меньшія, то, дѣйствительно, менѣе извѣстныя: Нарва, Великая рѣка или Турунту, Ловать или Хезинъ (Chesinus), Бугъ, Вага, Печора, Югъ (Iuga), Кама и, по направленію къ древней Татаріи и Китаю, Иртышъ, Бересъ, Енисей, Пясида (Pisida) [1]) Казымъ [2]) (Cossin), Тахнинъ [3]) (Tachnis), а близъ Кавказа—Пятиглавъ (Penticapis), которая нѣкогда служила, въ области Пятигорье, границею, между кочевниками и Грузинами, а нынѣ, между Татарами и Черкесами, и другія. Что касается рощъ и лѣсовъ, то я отказываюсь вдаваться въ подробности по этой части, такъ какъ почти вся страна представляетъ собою сплошной лѣсъ, болѣе Герцинскаго [4]). Болѣе другихъ выдаются имена, кромѣ Епифановскаго или Оконицкаго, еще, Фряновскаго (Fronow), Ивановскаго и Столпниковскаго, т.-е. лѣса пустынниковъ; остальнымъ—едва-ли есть, чѣмъ похвастаться. Главныя горы суть: западная часть Кавказскихъ, или Ковкая гора (Kovkagora), т.-е. желѣзная, нѣкогда прозывавшаяся Гогомъ (Gog), а нынѣ, обитателями Колхидъ и Армянами, Гогазаномъ (Goghasan) т.-е. крѣпостью Гога, а Греками—Гогарене (Gogarene). Другая гора—Тавръ, сѣверный склонъ коего также занимаютъ Русскіе. Такъ какъ названныя горы по величинѣ своей занимаютъ громадное пространство и до сей поры никѣмъ достаточно не изслѣдованы, то Русскимъ и кажется, что ихъ, подъ разными именами, гораздо болѣе, чѣмъ кто-либо предполагаетъ. Далѣе слѣдуютъ Рифейскія, или Гиперборейскія, горы, которыя Плиній назвалъ проклятыми душою міра и окутанными густымъ мракомъ. Относительно ихъ недавно стали думать, что они богаты [5]), пожалуй, и не приснившимся лишь, или вымышленнымъ, золотомъ. Русскіе называютъ ихъ „поясомъ земли“, такъ какъ они тянутся на югъ длинной цѣпью изъ

[1]) Или Пясина, Енисейской губ.

[2]) Тобольской губ.

[3]) Тазъ, Енисейской губ.

[4]) Знаменитый, въ древности, лѣсъ въ Германіи, тянущійся отъ Шварцвальда, по направленію на сѣверо-востокъ, до Гарца.

[5]) Точнѣе „чреваты (gravidas)“.

самой области Печоры. Къ нимъ должно прибавить, по справедливости, Рогловскія горы (Roglovos), лежащія между Танаисомъ и Волгою, а также и значительную часть Рымникскихъ и Гимайскихъ горъ.

ГЛАВА 9.

О границахъ Московіи.

Въ разныя времена границы Московіи обозначались различно, согласно измѣнчивому успѣху въ войнахъ. То она заключала въ себѣ Эстонію, Карелію, Финляндію, бо́льшую часть Литвы, Мизію, Херсонесъ, Таврическій полуостровъ и иныя области, то, по утратѣ многихъ изъ нихъ, ея границы съуживались болѣе тѣсно,—мало того, будучи, одно время, покорена Готами и Гуннами, она чуть не исчезла совсѣмъ. Въ наше время, она все болѣе и болѣе распространяется по направленію съ запада на востокъ и на сѣверъ.

Если считать городъ Москву серединою страны, то границы ея, широко раскинутыя, суть слѣдующія: Лапландія, Швеція и Данія, Финляндія, Корелія, Эстонія, Ливонія, Литва, Польская Русь (Russia Polonica), Украйна Казацкая и Польская, Подолія, Черное море и Херсонесъ Таврическій, Крымъ и Азовское море, которое нѣкій Мингарезъ, князь Заволжскихъ Татаръ, завладѣвъ Трапезунтскимъ царствомъ, соединилъ съ Чернымъ моремъ посредствомъ канала, прорытаго съ величайшимъ трудомъ, далѣе—Кабарда, Черкассія, подошвы Кавказскихъ горъ, Узбеки, подвластные Персамъ, Каспійское море, Казаки-Татары (Cosaco-Tatari), Тюменцы (Tumenses), Китайцы, Тунгузы, Мангазейцы (Molgomsai), рѣка Пясида (Pisida), Татарское и Ледовитое море, проливъ при Новой-Землѣ, Бѣлое море и мысъ Мотка (Motka). Къ такому необычайному, обширному пространству земель присоединяется еще то преимущество, что всѣ они до того однородны и тѣсно связаны между собою, что такъ какъ между ними нѣтъ владѣній какого-либо посторонняго властителя, то путешественникамъ представляется во всѣхъ направленіяхъ совершенно открытая и свободная дорога. И, поистинѣ, это — государство самое обширное и самое могущественное въ Европѣ! Географы насчитываютъ въ немъ 500000 германскихъ милліаріевъ, т.-е., 2500000 итальянскихъ, въ длину и столько же въ ширину. Въ столь широкихъ предѣлахъ, оно заключаетъ въ себѣ: три пространнѣйшихъ царства (regna), пятнадцать княжествъ (ducales provincias) и шестнадцать, болѣе крупныхъ, областей, а по величинѣ поверхности оно равняется Германіи, взятой вмѣстѣ съ Польшею, если не превосходитъ ихъ.

ГЛАВА 10.

Объ отдѣльныхъ областяхъ русскихъ, согласно ихъ перечню въ Царскомъ титулѣ.

Послѣ того, какъ мы, приводя выше Царскій титулъ, уже разсмотрѣли тѣ наименованія, которыя, главнымъ образомъ, указываютъ на величіе Царя,—намъ надлежитъ теперь внимательно изучить, каждую отдѣльно, тѣ области, которыя въ немъ перечисляются. При этомъ мы, по нашему мнѣнію, должны поступить такъ, чтобы и о тѣхъ областяхъ, которыя не упоминаются въ перечнѣ титула, были нами сообщены краткія свѣдѣнія, почерпнутыя изъ какихъ-либо иныхъ источниковъ. Ибо, такъ какъ бо́льшая часть московскихъ событій находится во мракѣ и еще недостаточно объяснена, то мы предпочли предоставить болѣе ученымъ людямъ заботу о подробномъ ихъ разслѣдованіи, нежели необдуманно и тщетно приниматься за трудную и сложную задачу. А, между тѣмъ, желательно было бы, чтобы кто-либо изъ государей, исповѣдующихъ христіанскую вѣру, движимый чувствомъ соревнованія къ отважнымъ странствованіямъ древнихъ на умноженіе научныхъ свѣдѣній, соблаговолилъ послать опытныхъ мужей для разслѣдованія многого неизвѣстнаго и сокрытаго въ Московскихъ странахъ. Въ награду за столь великій подвигъ, онъ, поистинѣ, не только стяжалъ бы себѣ безсмертную славу, и принесъ бы всеобщей торговлѣ громадную пользу, но и вывелъ бы весь міръ изъ глубокаго невѣжества.—Въ Царскомъ титулѣ предпосылаются остальнымъ извѣстныя названія Великой, Малой и Бѣлой Россіи, обнимающія почти все царство, потому, конечно, что названіе „Россія" у Мосховъ считается самымъ древнимъ и наиболѣе славнымъ. Великая, называемая иногда и Западною, занимаетъ громадное пространство земли около Пскова, Новгорода и Ярославля, Малая, или Червонная (nigra), считающая своимъ главнымъ городомъ Кіевъ, чаще называется, болѣе распространеннымъ именемъ, Южною, а Бѣлая—область, больше остальныхъ, но часть ея принадлежитъ Польшѣ. Она, у нѣкоторыхъ писателей, стяжала Царю прозваніе „Бѣлаго", такъ какъ, дѣйствительно, обитатели ея, по бо́льшей части, носятъ бѣлыя одежды Главнымъ городомъ этой области былъ сперва Владиміръ, а потомъ Москва, и это званіе остается за нею и въ настоящее время.

ГЛАВА 11.

О Московской, Кіевской, Владимірской и Новгородской, областяхъ.

Московское княжество не столько отличается предъ другими русскими областями природными богатствами и величиною, сколько своимъ выгоднымъ положеніемъ посреди страны, удобствами отъ рѣки Москвы и главенствомъ, какъ мѣстопребываніе Царей. Самый городъ, вѣрный хранитель Московскаго имени, былъ нѣкогда, когда Князья пребывали еще въ Можайскѣ, гдѣ и понынѣ ещё видны остатки стариннаго царскаго дворца, вотчиною одной благородной семьи, но, постепенно вознесся на ту высоту, на которой высится теперь. Область и городъ, Кіевъ, весьма древни и также весьма прославлены, лежатъ подъ благопріятнымъ небомъ, у рѣки Борисѳена и обильны всякаго рода садовыми и полевыми плодами и всякими угодьями. Владиміръ, громаднаго протяженія, былъ нѣкогда знаменитымъ мѣстопребываніемъ Царей и такъ роскошно плодоносенъ, что часто пять мѣръ пшеницы приносятъ благопріятный приростъ во сто кратъ. Городъ Новгородъ, расположенъ подъ 62 град. широты, былъ нѣкогда, съ окружающею его областью, крайне великъ и крѣпокъ (впрочемъ, онъ и въ настоящее время не имѣетъ вида умалившагося), такъ что въ древности русскіе смѣло говорили: кто можетъ итти противъ Бога и Великаго Новгорода? Рѣка Волховъ (Olla) протекаетъ посреди города и кремля и течетъ черезъ озеро Ильмень, имѣющее въ ширину восемь милліаріевъ, а въ длину двѣнадцать; по этой рѣкѣ сплавляются разнаго рода товары въ самую Нарву и Ревель. Главы храмовъ, находящихся въ кремлѣ, сверкаютъ золотыми листами, весь городъ, тѣсно заселенный жителями, обнесенъ тройною, бѣлаго цвѣта, стѣною, съ большимъ трудомъ воздвигнутою. Нѣкогда, здѣсь находился рынокъ (emporium), знаменитѣйшій на всю Европу, и за три вѣка до 1477 года усерднѣйше посѣщаемый нѣмецкими, ганзейскими купцами. Любекскіе и Шведскіе купцы, вслѣдствіе сего, и въ настоящее время безпошлинно торгуютъ въ немъ и имѣютъ свои, свободные отъ повинностей, дома. Расположенъ городъ въ крайне живописной мѣстности, украшенъ многими садами и монастырями, и, кромѣ прочихъ естественныхъ богатствъ славится чрезвычайно вкусною, разнаго рода, рыбою, плодами и медомъ, съ необычайнымъ искусствомъ приготовленномъ съ водою [1]).

[1]) Въ подлинникѣ собственно сказано „изъ воды“, но, вѣроятно, Рейтенфельсъ имѣлъ въ виду медовареніе, описанное Олеаріемъ, въ кн. III гл. 7.

ГЛАВА 12.

О Казани, Астрахани и Сибири.

Главный городъ Царства Казани, того же имени, Казань (что у Татаръ означаетъ мѣдный кипящій котелъ) омывается рѣкою Волгою и защищается крѣпостью, поставленною на довольно возвышенной горѣ. Онъ обладаетъ довольно красивыми зданіями и богатъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе торговли мѣхами и, разнаго рода, скотомъ. Татарскіе князья, которые владѣли имъ, нѣсколько вѣковъ назадъ, носили названіе „Царей“. Въ округѣ его есть сильно укрѣпленный городъ, называемый Стрѣлецкимъ городкомъ (Streleczkoigorod), гдѣ нѣтъ никакихъ другихъ жителей, кромѣ солдатъ.

Астрахань, часть прежней Бактріи, протяженіемъ не уступаетъ Казани, съ городомъ того же имени и расположена по Волгѣ и у Каспійскаго моря; нѣкогда въ ней также властвовали свои особые Татарскіе Цари. Городъ лежитъ на островѣ въ рѣкѣ, называющемся Долгимъ, на склонѣ холма и, по преданію, основанъ нѣкимъ Скиѳскимъ Царемъ—Астромъ. Онъ хорошо защищенъ стѣнами отъ необузданной ярости (furor) Татаръ, которымъ, хотя и покореннымъ, не дозволяется ночевать въ городѣ, но, по заходѣ солнца, они высылаются въ предмѣстье, дабы городъ могъ съ бóльшей безопасностью заснуть. Въ близкомъ сосѣдствѣ отъ города, озера, отъ природы, доставляютъ поистиннѣ изумительное количество соли, а немного далѣе пробиваются огненные источники нефти. Жители до того удовлетворены скотоводствомъ, что почти совсѣмъ не засѣваютъ полей. Виноградъ они также, принявъ безумное ученіе Магомета, долгое время предоставляли лѣснымъ птицамъ, и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, тамъ разведены, благодаря заботамъ и распоряженіямъ Царя, виноградники. Кромѣ винограда, благопріятная (benigna) почва въ изобиліи производитъ арбузы, дыни и иные подобные имъ плоды. А такъ какъ Астрахань находится на самой границѣ между Европою и Азіею, то она постоянно посѣщается многочисленными купцами изъ Персіи, Арменіи, Татаріи, Бактріи и Индіи.—Сибирь, нѣкогда царство Гунновъ, а нынѣ, обширнѣйшая Русская область, широко раскинулась около рѣки Яика (Jaicik). У Плинія она, кажется, называлась Аваримономъ (Abarimon), откуда вышла бóльшая часть Аваровъ (Abares) и Саверовъ (Saberi), какъ ихъ, преимущественно, называютъ греческіе писатели. Въ ней находятся, какъ невѣрно разсказываетъ невѣжественная старина, быстро двигающіеся люди, съ загнутыми къ голенямъ подошвами (конечно, отъ громадныхъ, деревянныхъ

лыжъ, или сандалій, которыми они пользуются очень искусно). Сюда отправляются для охоты, особаго рода тупыми стрѣлами, на Скиѳскихъ соболей, въ ссылку и заключеніе, преступники со всей Московіи, и здѣсь находится единственный во всемъ мірѣ рынокъ драгоцѣнныхъ мѣховъ. Зато хлѣбъ, или какіе-либо плоды, здѣсь почти нигдѣ не ростутъ, кромѣ развѣ тѣхъ, которые Русскіе, съ величайшимъ трудомъ, выращиваютъ на небольшихъ поляхъ. Городовъ и населенныхъ, укрѣпленныхъ мѣстъ, въ настоящее время, говорятъ, имѣется здѣсь до сотни, тогда какъ, столько же лѣтъ [1]) назадъ, таковыхъ не было ни одного. Главнѣйшіе изъ нихъ суть: Тобольскъ столица и мѣстопребываніе намѣстника (Vice-regis sedes) Верхотурье (Vergateria), Пелымь (Japlanim), Тина (Tinna), Березовъ (Bressaia) Манганъ (Mangan), Шуйскъ (Sviskogorod), Тара (Tara), Нерчинскъ (Niarinskoia) на рѣкѣ Оби, Новинскъ (Novinskoia) и Томскъ (Toma), уже съ болѣе мягкимъ климатомъ и очень короткой зимою. Отъ этихъ мѣстъ Русскіе, въ самое недавнее время, какъ мы слышали въ Москвѣ, доходили до рѣки Пясиды (Pisidam), очень широкой, которую они, однако, не отважились перейдти, хотя, съ противоположнаго берега, они, по ихъ разсказамъ, слышали звонъ колоколовъ, а на самой рѣкѣ видѣли корабли [2]), очень похожіе на Индѣйскіе или Китайскіе. Тѣ же лица, гораздо раньше, инымъ путемъ, ведомыя Татарами, и Тунгузами, перешли рѣку Енисей, болѣе крупную нежели Обь, и сообщаютъ, что живущіе по этой рѣкѣ, близь огнедышащихъ горъ, люди, безобразны, благодаря зобу, который виситъ у нихъ подъ подбородкомъ, клохчутъ при разговорѣ и шипятъ, и ведутъ гнуснѣйшій образъ жизни въ гнуснѣйшихъ лачугахъ [3]), присовокупляя, что Енисей, затопляя, ежегодно, на подобіе Нила, землю, дѣлаетъ ее плодородною и производящею все новыя породы цвѣтовъ и плодовъ. Раньше всѣхъ открылъ Сибирь нѣкій разбойникъ, содержавшійся въ Москвѣ, который, дабы заслужить себѣ свободу и сохранить жизнь столь важнымъ открытіемъ, поддерживаемый только шестью стами солдатъ, повелъ Русскихъ туда. Быть можетъ, онъ и раньше, занимаясь разбоемъ по Казанскому царству, ушелъ въ предѣлы Сибири, во избѣжаніе разставленныхъ ему ловушекъ. Достойно, право, изумленія, что такая горсть людей овладѣла такимъ громаднымъ пространствомъ земли! Что же, по истинѣ, еще болѣе удивительно, такъ это то, что и живущіе далѣе племена подчинились Царю, не потому, что были покорены

[1]) Т. е. за сто лѣтъ.

[2]) Въ подлинникѣ собственно „паруса“ (vela).

[3]) Въ подлинникѣ „mapalia“, что означаетъ также и подвижныя, на колесахъ, наметы или кибитки.

военною силою, но по убѣжденіямъ купцовъ и исключительно въ надеждѣ на выгоду, въ будущемъ, отъ торговыхъ сношеній съ Московитами.

ГЛАВА 13.

О Псковѣ, Смоленскѣ, Твери, Югоріи, Перми, Вяткѣ и Болгаріи.

Псковъ, съ пространнѣйшей областью, расположенъ близь громаднаго озера Пейпуса, подъ 60 град. широты, и представляетъ весьма красивое зрѣлище, благодаря позолоченнымъ, круглымъ главамъ храмовъ и, тянущемуся на громадномъ разстояніи, поясу стѣнъ.

Сѣверную часть его омываетъ рѣка Пскова, южную—рѣка Великая, впадающая въ озеро Пейпусъ и, по выходѣ своемъ изъ озера, впадающая въ концѣ теченія въ Финскій заливъ подъ названіемъ Наровы. Неоднократно этотъ городъ достигалъ цвѣтущаго состоянія подъ управленіемъ народа, но, возгордившись вслѣдствіе бездѣлья и растерзанный внутренними раздорами, подпалъ подъ власть Московскихъ Царей. Поля его, окруженныя густѣйшими лѣсами не менѣе другихъ, весьма плодородны. Древнѣйшихъ обитателей этого края, бо́льшею частью Ливонцевъ, Царь Иванъ Васильевичъ, около 1500 г., увелъ въ Россію, а на ихъ мѣсто прислалъ Русскихъ, дабы сдѣлать городъ болѣе послушнымъ его указамъ, а расположенъ послѣдній среди лѣсовъ. Поэтому-то и намъ, когда мы двигались изъ предѣловъ Ливоніи по направленію къ Пскову, вся Московія представлялась нѣкоею глубокою и мрачною долиною, ибо мы ничего другаго не видѣли, кромѣ сплошного, темнаго лѣса.—Смоленская область, особенно богатая хлѣбомъ, также имѣла особыхъ князей и, притомъ, далеко не безсильныхъ. Городъ, находящійся на довольно возвышенномъ берегу Борисѳена, крѣпко защищенъ, окружающими его стѣнами изъ кирпичей, а также хорошо охраняется воинскою стражею, потому что, подобно яблоку Ириды, и до сей поры, переходитъ, попеременно, то во власть Поляковъ, то во власть Московитовъ. Въ 1654 году, Алексѣй Михайловичъ принудилъ Смоленскъ сдаться. По направленію къ югу высятся нѣсколько холмовъ, и мѣстоположеніе его довольно живописно, насколько намъ это можно было замѣтить, при поверхностномъ обозрѣніи при проѣздѣ мимо его зимою.

Тверь, знаменитая кузнечнымъ производствомъ, которымъ она занимается болѣе, чѣмъ остальными ремеслами, и обиліемъ хлѣба, орошается весьма удобно тремя рѣками: Махою (Macha), Тверцою, (Tverza) и Волгою. Этотъ городъ очень долго имѣлъ своего, отдѣльнаго князя, который нерѣдко, открыто, военною силою, отражалъ войско Царя. Къ тому же онъ и не малъ, хотя защищенъ деревян-

ною только оградою. Мы видѣли его, по дорогѣ изъ Новгорода въ Москву, вмѣстѣ съ Торжкомъ, сосѣднимъ городомъ.—Югорія, съ городомъ Югра, представляетъ собой обширную область, простирающуюся до самаго Татарскаго моря. Говорятъ, что въ ней, до настоящаго времени, не знали хлѣба, кромѣ развѣ того, который случайно приносили туда пришельцы изъ Москвы. Дань Царю она платитъ мѣхами различныхъ звѣрей, коихъ въ ней водится въ большомъ изобиліи. Древніе обитатели ея, по, большей части, остатки Гунновъ и иныхъ народовъ, заняли, нѣкогда, многія Московскія области, и, главнымъ образомъ, Паннонію. Наводя ужасъ на весь земной шаръ, они образовали, Венгерскій языкъ изъ соединенія своего съ языкомъ Гунновъ. Доказательствомъ сему отлично служитъ нарѣчіе, понынѣ употребляемое въ Югоріи и мало чѣмъ отличающееся отъ Венгерскаго. Мосхи, поэтому справедливо хвастаются своими Югорскими подчиненными, потому что знаютъ, что они нѣкогда были властелинами столь обширныхъ царствъ.—Пермь—также громадная область, съ городомъ Пермью, прозванная Русскими Великою, и изобилуетъ всѣмъ, кромѣ хлѣба. Жители ея ѣдятъ, вмѣсто хлѣба, сушеную рыбу и багный корень. Опираясь на палку, они быстро несутся по снѣгу на двухъ деревянныхъ сандаліяхъ, въ три локтя длиною, устраиваютъ облавы и охотятся всегда удачно на Скиѳскихъ соболей, бѣлокъ и прочихъ звѣрей. Кажется, это, какъ и самоѣды, остатки древнихъ Финновъ (Fennonum) и Земголы (Semborum), которые, въ 830 году, подъ именемъ Беармійцевъ, умѣя колдовать и будучи совершенно, впрочемъ, безоружными, обратили въ бѣгство Датскаго короля Регнера (Regnerum) съ войскомъ. Вятка — тоже болотистая страна, но изобилующая разнаго рода звѣрями и питательнымъ медомъ; въ ней славятся особенно города: Орловъ (Oclo), Слободской (Slaboda) и Котельничъ [1]) (Cotelniez). — Азіатская Болгарія, знаменитая область, по ту сторону Волги, есть настоящая родина древнихъ Болгаръ, и нѣкогда составляла часть Заволжскаго царства. Отсюда несомнѣнно вышли Болгары, которые, увлекая за собою всѣ народы, говорящіе по-славянски распространили свое государство до самой Греціи и Германіи.

ГЛАВА 14.

О Нижнемъ-Новгородѣ, Черниговѣ, Рязани, Ростовѣ, Ярославлѣ, Бѣлоозерѣ, Удоріи, Обдоріи и Кандиніи.

Нижній-Новгородъ—городъ столь же богатый, сколько и заселенный, и который защищаетъ, съ своей высоты, крѣпость, воздвигнутая на скалѣ, при сліяніи Оки съ Волгою. Земля не только не изобилуетъ солью и медомъ, но богата также плодами всякаго рода. Городъ Черниговъ, на дорогѣ въ Сѣверію, обладаетъ не столько тучными (uberibus) полями, сколько многими густыми лѣсами съ дикими звѣрями; въ прежнее время имъ владѣли свои особые князья. Одною частью этой области въ настоящее время обладаютъ Мосхи и Казаки, другою—Поляки. Рязань—княжество съ почвою, столь плодородною, что на одномъ стеблѣ часто выростаютъ два колоса. Производитъ она также и ленъ и превосходнѣйшій медъ, и выкармливаетъ безчисленныя стада рогатаго скота, такъ что по ней, какъ бы, текутъ молочныя и медвяныя рѣки, да, кромѣ того, и обитатели этой области имѣютъ нравы болѣе просвѣщенные, нежели какой-либо другой народъ въ Россіи, чрезвычайно искусны въ военномъ дѣлѣ и способны. — Ростовское княжество обладаетъ, выдающимся между прочими, городомъ Ростовомъ, мѣстопребываніемъ Архіепископа, и занимаетъ область столь обширную и богатую, что считается величайшимъ и богатѣйшимъ изъ всѣхъ нихъ, послѣ Новгорода. Нѣкогда оно, вмѣстѣ съ Ярославльскимъ княжествомъ, переходило по наслѣдству ко второму сыну Царя, а послѣднее княжество, съ главнымъ городомъ того же имени, также не менѣе обильно одарено (dotata) скотомъ, рыбою, льномъ, медомъ и плодами и заключаетъ въ своихъ предѣлахъ не малое пространство земли. Въ городѣ Костромѣ этого княжества приготовляется наилучшее и, самое дешевое къ тому же, мыло, (smegma), которое отсюда, вслѣдствіе большаго употребленія, расходится по всей Россіи. — Бѣлоозеро, главный городъ обширнаго княжества, выстроенъ на полуостровѣ въ озерѣ того же имени, служилъ нѣкогда мѣстопребываніемъ Русскихъ Князей, затѣмъ хранилищемъ ихъ сокровищъ, а, подъ конецъ, обратился въ мрачную тюрьму для наказываемыхъ ссылкою. Само озеро, шириною въ двѣнадцать германскихъ милліаріевъ, окружено стоячими болотами, принимаетъ въ себя многія рѣки, а выпускаетъ изъ себя только одну—Шексну (Sosnam).—Въ Удоріи и Печорѣ, областяхъ, границы коихъ также широко раскинуты, живетъ народъ, соблюдающій въ пищѣ, одеждѣ и во всемъ своемъ образѣ жизни, величайшую простоту. По берегамъ рѣки Печоры тянутся, длиннымъ хребтомъ, весьма высокія горы, которыя Русскими зовутся „Поясомъ земли (Zemblipoias)“. По этимъ горамъ водятся, говорятъ, совершенно черные соболи, знаменитые своимъ мѣхомъ, бѣлые соколы и высокіе кедры, похожіе на можжевельникъ (funipero). Обитатели этихъ областей сохранили свой дѣдовскій языкъ, но немного понимаютъ и по русски. Особенно извѣстны, между прочими, города: Папиновъ городъ и Пустозерскъ—тоже, въ прежнее время древнее укрѣпленіе противъ непокорныхъ.

Обдорія съ рѣкою Обью, крайній предѣлъ Европейской Сарматіи

[1]) Нынѣ уѣздные города Вятской губ.

отличается почти постояннымъ холодомъ и грязью, и Вогулы (Vogulei), Угры (Ugrici) и Калмыки т. е. волосатые (criniti) Татары, не столько живутъ осѣдло въ ней, сколько кочуютъ по ней со всѣмъ своимъ скарбомъ. Кандинія, или Кандорская область, вдается въ Гиперборейское море, получивъ названіе отъ мыса и острова Кандинскихъ, и изобилуетъ драгоцѣннѣйшими мѣхами. Здѣсь находилась Золотая Баба, идолъ, почитаемый невѣжественными племенами за Бога. Русскіе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нашли его и разбили, а оскверненный имъ холмъ, на которомъ туземные жители имѣли обыкновеніе развѣшивать разные мѣха и другія приношенія и совершать гнусныя жертвы, весьма удачно прозвали Чертовымъ Приказомъ, т.-е. Канцеляріей дьявола.

ГЛАВА 15.

Объ Ивиріи, Карталиніи, Грузіи, Кабардѣ, Черкассіи и Горійской области.

Иберія, область извѣстная съ древнѣйшихъ временъ, тянется въ Кавказскихъ тѣснинахъ къ Каспійскому морю; недалеко отъ нея находятся Каспійскія ворота, которыя Александрь Великій замышлялъ заперетъ окованными желѣзомъ бревнами (trabibus ferreis). Мосхи владѣютъ бо̀льшею частью ея, съ главнымъ городомъ Тарки, который они сильно укрѣпили. Карталинія есть Татарская область, лежащая по направленію къ Бактріи, или Бухарѣ, и ея Цари, или Короли, (reges) признаютъ лишь изъ уваженія власть Москвовъ надъ собою. Грузія; въ Сѣверной части Кавказа, обращена (respicit) къ Евксинскому Понту. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ея Князья подверглись раззоренію отъ Турокъ и были доведены до такой крайности, что одинъ изъ братьевъ перешелъ въ Турецкую вѣру и препоручилъ все свое владѣніе охранѣ Оттоманцевъ (Ottomanorum), другой же оставивъ Армянское вѣроисповѣданіе, принялъ Московскую вѣру, перебрался съ своей матерью въ Московію и уступилъ все свое владѣніе Царю. Намъ неоднократно довелось видѣть его въ Москвѣ, гдѣ онъ проживалъ, какъ частное лицо, съ своею матерью, благороднѣйшей и умнѣйшей женщиною. Достойный сынъ ея, онъ обладаетъ царственною осанкою и духомъ, нисколько ни умалившимися отъ злополучной судьбы его. При торжественныхъ выходахъ, онъ идетъ вторымъ послѣ Царя, который даетъ ему ежегодное, блестящее содержаніе. Отъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній онъ дохода не имѣетъ, а получаетъ лишь временами оттуда подарки, главнымъ образомъ, ковры, съ Персидской роскошью вытканные. Народъ, грузины, обладаетъ черными какъ смоль (nigerrimo) волосами, громадными, кроткими, глазами, орлинымъ носомъ, бѣлою, какъ снѣгъ, кожею и весьма красивы

вообще на видъ. Женщины ихъ отъ природы уже весьма пригожія, носятъ къ тому же еще пышныя, по Персидскому образцу, одежды и, по привычкѣ, всегда сидятъ на землѣ, на коврахъ и подушкахъ.— Кабарда, расположенная между Танаисомъ и Евксинскимъ Понтомъ, не далеко отъ Ахиллова Бѣга, также нѣкогда повиновалась своимъ собственнымъ. Князьямъ; впослѣдствіе же Московскій Царь покорилъ ихъ съ помощью Татарскихъ набѣговъ.—Черкассія, ближайшая къ Грузіи, область, занимаетъ сѣверный хребетъ Кавказа и отгороженныя имъ [1]) долины, вплоть до рѣки Койсу (Albanum), одинаково соприкасаясь съ Меотидскимъ болотомъ и Евксинскимъ Понтомъ. Вышедшія нѣкогда отсюда племена заняли у рѣки Борисѳена, на почвѣ довольно плодородной, новую область, тѣмъ же именемъ названную, и основали городъ Черкассы, изъ котораго, при насъ и на нашихъ глазахъ, привезли въ Москву болѣе 800 повозокъ, нагруженныхъ водкою. Обитатели ея богаты, воинственны и благороднаго образа мыслей. Область Горійская (Goriense seu Petigorski) или Пятигорская, имѣвшая также нѣкогда своихъ особыхъ Князей, и притомъ, одновременно очень многихъ, заслуживаетъ похвалы лишь за ея лѣса, удобныя, для пастбищъ, горы, стада рогатаго скота и, главнымъ образомъ, за городъ Самару, знаменитый обильнымъ произростаніемъ спасительныхъ, цѣлебныхъ травъ.

ГЛАВА 16.

Объ остальныхъ Московскихъ областяхъ и городахъ.

Кромѣ поименованныхъ въ Царскомъ титулѣ областей, подъ властью Русскихъ находится еще не мало и другихъ, которыя я пропускаю, не столько вслѣдствіе ихъ не значительности, сколько ради того, чтобы чужестранцамъ не опротивѣлъ длинный ихъ перечень, хотя часть ихъ входитъ въ составъ вышеприведенныхъ подъ болѣе общимъ названіемъ. Посему я приведу ихъ здѣсь лишь поверхностно и поименно. Угличъ—обладаетъ столь благодатною почвою, что поставляетъ бѣлѣйшій хлѣбъ на всю Россію. Холопій городъ, т. е. городъ рабовъ, славится, и въ настоящее время, главнымъ образомъ, своими ярмарками (nundinis). Разсказываютъ, будто этотъ городъ выстроенъ рабами, выгнанными изъ Новгорода дубинами, а не оружіемъ ихъ господами по возвращеніи домой, за то, что они, пока тѣ находились на войнѣ, вступили въ бракъ съ ихъ женами и дочерями. Старая Руса очень старинный городъ, поставляетъ въ изобиліи разнаго рода рыбу и поваренную соль. Рядомъ съ нимъ находится область Вотская, въ

[1]) Въ подлинникѣ сказано собственно „внутреннія (interiores) долины“.

которой, говорятъ, животныя, привезенныя изъ другихъ мѣстъ, мало по малу бѣлѣютъ. Далѣе слѣдуютъ: Великіе Луки [1]) прекрасный городъ на рѣкѣ Ловать, Красный городъ, Волоколамскъ (Volokia), Дмитровъ (Mitrova), богатѣйшая Царская житница и Александровская слобода, любимое нѣкогда убѣжище (recessus) Царя Василія [2]). Бѣльское княжество наводитъ ужасъ лѣсами и почти непроходимо по причинѣ болотъ; въ немъ, говорятъ, берутъ начало Борисѳенъ, Волга и Двина, текущія въ три различныя моря, находящіяся на большомъ разстояніи другъ отъ друга Могилевъ, громадный и высочайшею стѣною защищенный городъ, занимается, главнымъ образомъ, сердною торговлею съ сосѣднею съ нимъ Польшею. Далѣе мы встрѣчаемъ Каширу (Carsira) и Тулу, которыя превращаютъ желѣзо, въ большомъ количествѣ добываемое изъ нѣдръ земли ихъ, въ огнестрѣльныя и иныя орудія для войны, а также и для домашняго употребленія. Калуга славится удобнѣйшими сѣдлами и сосудами, сдѣланными изъ (vermiculato) дерева съ жилками. Въ городѣ Козельскѣ, (Caselsko) находящемся по сосѣдству съ знаменитымъ, вырубленнымъ лѣсомъ между Москвой и Крымомъ, валяются шерстяныя плащи или шинели, непромокаемыя и теплыя. Тамъ же виднѣются (spectantur) города: Орелъ, Рыльскъ, Кромы, Стародубъ и Путивль, а также и Воротынскъ, заключающійся въ далеко не тѣсныхъ предѣлахъ, коего Князья, подчиненные Царю, обязаны жить постоянно въ Москвѣ, во дворцѣ, вмѣстѣ съ другими. Далѣе бросается въ глаза городъ Касимовъ (Casimogrod), расположенный у рѣки Оки, нѣкогда княжеская столица, съ обширнѣйшимъ земельнымъ владѣніемъ. Женщины здѣсь почитаютъ украшеніемъ для знати чернить себѣ ногти и ходить съ непокрытой головой и распущенными волосами, подобно тому, какъ это дѣлается у Мордвы. А Мордва—тоже обширная область и изобилуетъ разнаго рода мѣхами и защищается болѣе всего городами, Муромомъ, Саратовомъ и Царицыномъ. Нѣкогда, въ этой области новорожденныя дѣти подвергались одновременно и обрѣзанію и крещенію. Въ этихъ же мѣстахъ, соприкасаясь съ Казанскимъ и Астраханскимъ, царствами, ведутъ среди скота, исключительно въ кибиткахъ и хлѣвахъ, звѣрскій образъ жизни Татары, которые дѣлятся на орды, племена или общины. Изъ нихъ одни богохульственно поклоняются проклятому обманщику Магомету, другіе—солнцу, лунѣ или еще чему первому бросившемуся имъ въ глаза, когда они рано утромъ выйдутъ изъ шатра—куску краснаго сукна, поднятаго вверхъ на копьѣ и многому другому, пустому и ничтожному. Получая все отъ скота, они беззаботно пренебрегаютъ полями, не приносящими, посему, плодовъ, и ненавидятъ, безумцы, города и ремесла. Цари ихъ, или мурзы, правящіе всѣми остальными, почитаютъ Московскаго Царя за верховнаго высшаго начальника. Они употребляютъ языкъ, сродственный съ турецкимъ, но сильно искаженный безчисленными нарѣчіями. Одни изъ нихъ суть Нагайскіе, или Окскіе, отъ доблестнаго воина Окка (Occas), отца тридцати сыновей, такъ прозванные; другіе, кочующіе около Волги, гдѣ Русскіе имѣютъ нѣсколько городовъ, какъ бы для обузданія ихъ, зовутся Черемисами Луговыми и Нагорными (Ceremissi Logovi et Nagorni), третьи—Шибанцами (Subanscі), знаменитыми обиліемъ скота и люда, а также и Казаками-Татарами Cosaco-Tatari) весьма извѣстными своими заклинаніями; четвертые, наконецъ, Башкиры и Калмыки (Bascirdsci et Calmuki), крайне отважные на войнѣ, живущіе близь Сибирской рѣки Яика (Iayczae). Эти Калмыки почти не обложены никакою данью, а только обязаны сражаться противъ враговъ Москвовъ. Кочуя вмѣстѣ съ стадами, они постоянно питаются сырымъ мясомъ и весьма часто мѣняютъ мѣста изъ за пастбищъ. По этой причинѣ они и во время нашего пребыванія присылали пословъ просить у Царя себѣ новаго отечества. Мало того, кромѣ этихъ есть еще много другихъ, болѣе дикихъ изъ дикихъ подчиненныхъ Россіи племенъ, около Тюменцевъ и до самой Бактріи и Китая, но я не имѣю ни возможности, ни желанія пускаться въ дальнѣйшее расслѣдованіе объ нихъ, такъ какъ распредѣленіе ихъ на земной поверхности совершенно неизвѣстно. Прибавь [1]) къ названнымъ еще область Лукоморье, съ которою граничатъ, дружескіе съ Русскимъ народомъ, Грусены (Grustini) и Серпеновцы (Serpenovci), живущіе близь китайскаго озера, изъ котораго вытекаетъ Обь и которымъ Индійцы привозятъ на продажу разные товары и драгоцѣнные камни. Лукоморцы, по образцу Самоѣдовъ, спускаются зимою, на жительство, внутрь земли, а раннею весною снова выходятъ на солнечный свѣтъ и про нихъ то, Гваньини и разсказываетъ, что они подобно ласточкамъ и лягушкамъ, ежегодно умираютъ и воскресаютъ [2]). Суздаль, служившій нѣкогда достойнымъ мѣстопребываніемъ сыновьямъ Царя, обладаетъ также пространными пашнями. Недалеко отъ него—Переяславль, болѣе всѣхъ остальныхъ областей, сохранившая вѣрность Московскимъ Князьямъ и изобилующая разнаго рода рыбою. Галичъ, нѣкогда имѣвшій также своихъ особыхъ Князей, не только обрабатываетъ тщательно свои поля, но и извлекаетъ величай-

---

[1]) Въ подлинникѣ это имя объясняется авторомъ—„hoc estmagni arcus т. е. городъ большой дуги“.

[2]) Описка вмѣсто „Basilidis“ т. е. Васильевича“, какъ называютъ сокращенно Царя Ивана IV почти всѣ иностранцы).

---

[1]) Подразумѣвается „читатель“

[2]) Не только Гваньяни, но и Петрей де Ерлезунда, Олеарій, Олай Великій, Мейербергъ и др.

шую для себя выгоду изъ солеваренія.—Вологда, построенная при рѣкѣ Двинѣ, очень красива, служитъ мѣстомъ жительства Епископа и населена разнаго рода жителями, такъ какъ посѣщается усердно ради торговыхъ дѣлъ; почва здѣсь не только покрыта обильно лѣсами и болотами, но и не плодородна и испорчена присутствіемъ соли. Города Устюгъ и Холмогоры (Colmograd), лежащіе у гавани Св. Николая, также имѣютъ значеніе, не вслѣдствіе обработки полей, но по изобилію рыбы и частымъ пріѣздамъ купцевъ. Каргополь—главный городъ богатѣйшей области, о доставленіи которою всего необходимаго для существованія, усердно заботится самъ мѣстный геній покровитель.—Воздвигнутый, наконецъ, въ честь Св. Михаила, городъ Архангельскъ обладаетъ знаменитѣйшей во всей Россіи гаванью на Бѣломъ морѣ. Если онъ, по малочисленности зданій, не можетъ найти себѣ мѣста среди тѣхъ городовъ Московіи, что познатнѣе, то, несомнѣнно онъ стоитъ выше всѣхъ остальныхъ по громадной торговлѣ и удобному положенію, несмотря на то, что въ теченіе почти полугода онъ окутанъ густымъ мракомъ ночи.

ГЛАВА 17.

Объ области Самоѣдовъ и Лапландцевъ.

Область Самоѣдовъ широко раскинулась до Ледовитаго океана и Вайгачскаго пролива, но, благодаря постоянному холоду и продолжительной ночи, она какъ бы погружена въ глубокій сонъ. Ибо въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, мракъ ея ночи слабо разсѣивается на недолго временнымъ свѣтомъ, называемымъ сѣвернымъ сіяніемъ, пока не наступитъ снова день, столь же продолжительный. Впрочемъ, она полна соболей, бѣлокъ, лисицъ, бѣлыхъ медвѣдей и сѣверныхъ оленей (rangiferis). Жители ея постоянно обитаютъ въ подземныхъ пещерахъ, въ прекрасныхъ, поистинѣ, могилахъ мертвыхъ и, въ то-же время, живыхъ Троглодитовъ. Нарѣчіе и выговоръ у нихъ—единственные въ своемъ родѣ, ибо они не говорятъ, а шипятъ, безъ сомнѣнія потому, что холодъ вызываетъ хрипоту въ горлѣ. Питаются они дичью и рыбою, не жареными или вареными, [1]) а подвяленными на солнцѣ. Отъ человѣческаго мяса они, однако, всегда съ отвращеніемъ отказывались, хотя нѣкоторые, введенные въ заблужденіе значеніемъ слова „Самоѣдъ", несправедливо приписывали имъ это звѣриное обжорство, ибо слово это скорѣе финское, нежели русское и должно произноситься „Суомайетти (Soumaietti)" т. е. остатки Финновъ, ибо и Финны самихъ себя называютъ, на своемъ языкѣ, Суомалайзетами (Suomalaiset). Они часто пьютъ, по примѣру Гренландцевъ, ягодь (Iagod) т. е. растопленный рыбій жиръ, какъ ради наслажденія, такъ и ради уврачеванія. Ростомъ они такъ малы, что полагаютъ, что Пигмеи, изображенные въ древнихъ поэтическихъ вымыслахъ малыми сверхъ мѣры, были совершенно сходны съ ними. Носа у нихъ почти нѣтъ совсѣмъ, или онъ ужъ такъ малъ и приплюснутъ, что они кажутся потомками, если не Пигмеевъ, то скорѣе всего Скировъ [1]), которые имѣли на отвратительномъ лицѣ, вмѣсто носа, однѣ лишь дыры. Когда же они двигаются, закутанные съ ногъ до головы въ мѣха, то, глядя на нихъ издали, ихъ примешь не за людей, а за звѣрей. Иногда они совершенно закрываютъ лицо и всю голову кожами дикихъ звѣрей, плохо сшитыми, такъ что одноглазые Циклопы, въ настоящее время, могутъ быть приравнены имъ по справедливости, а никому, другому. Мало того: такъ какъ они часто надѣваютъ на себя цѣльныя шкуры медвѣдей, оленей и нѣкоторыхъ другихъ, морскихъ, чудовищъ, потому что онѣ не пробиваются стрѣлами (слегка смоченныя, эти шкуры, благодаря холоду, быстро покрываются ледяною корою), то они и дали поводъ людямъ, легковѣрнымъ и неопытнымъ, разсказывать про нихъ, что они имѣютъ звѣриныя головы и хрустальныя, или льдомъ покрытыя, тѣла. Старшіе обыкновенно вооружены лукомъ, для коего стрѣлы, по бóльшей части, имѣютъ остріе изъ камней, или рыбьихъ костей. Большинство изъ нихъ пребываетъ и до сей поры въ язычествѣ, поклоняясь, вмѣсто Бога, деревяннымъ, или каменнымъ изображеніямъ. А отъ Вайгачскаго пролива, раздѣляющаго область Самоѣдовъ отъ Новой Земли, до Татарскаго мыса, по словамъ Русскихъ, пять дней пути, и, въ извѣстное время года, можно это мѣсто переплыть на кораблѣ. Въ этихъ мѣстахъ живутъ Мерекиты, Мангазѣи, Бадаи, все жалкіе народы, ограниченные сѣвернымъ поясомъ, и упорствующіе, и понынѣ, въ своемъ невѣжествѣ. И такъ ничего не говорю здѣсь о Новой Землѣ; изъ сего уже ясно можно видѣть, что Мосхи владѣютъ областями, примыкающими къ самому полюсу и крайнимъ предѣламъ (fastigium) земли.

Лапландія, которую Русскіе называютъ Заячьей областью (Leporie), весьма похожа на область Самоѣдовъ, и состояніемъ почвы и жителями. Вся она заграждена горами, лѣсами и болотами, такъ что, за исключеніемъ немногихъ лишь мѣстъ, въ ней, до сей поры, нельзя было сѣять никакого хлѣба. Одна часть ея, называемая Бѣломорской, подходитъ близко къ Бѣлому заливу, другая—Мурманской, къ Сѣверному

[1]) Въ подлинникѣ сказано сжато: „не сдѣланными пригодными посредствомъ огня (nullo igne maturalis")..

[1]) Германское племя, жившее у Балтійскаго моря, затѣмъ у Чернаго, по Дунаю, въ Моравіи.

морю, третья—Терскою (Terskaia), къ Финмаркену. Дикіе же Лапландцы находятся въ самой серединѣ страны. Первоначально, Русскіе завладѣли ею всей, но потомъ у нихъ осталась лишь нѣкоторая часть ея, гдѣ находятся морская гавань Кола, Варзуга, Оленица, Сальница и нѣсколько другихъ, болѣе извѣстныхъ, городовъ. Въ самой серединѣ Лапландіи, близь озера Энаре, говорятъ, построены три хижины, куда въ праздникъ Рождества Христова, премущественно, вышеназванные дикіе лапландцы обыкновенно приносятъ годичную дань начальникамъ — Шведскому, Датскому и Русскому. Остальные же управляются нѣсколько снисходительнѣе собственными начальниками. Въ одѣваніи себя мѣхами, въ употребленіи рыбъ въ пищу, въ незнаніи хлѣба въ употребленіи таковаго-же лука да, рѣшительно во всемъ, они сходятся съ Самоѣдами. Деньгамъ они не придаютъ никакой почти цѣны, мѣняются на иностранные товары, часто не говоря даже ни слова, а объясняются только знаками. Греки и Лютеране уже многихъ обучили своей вѣрѣ, однако и тѣ, благодаря условіямъ страны, весьма холодно относятся къ ней. Языкъ ихъ—наибѣднѣйшій изъ всѣхъ, такъ какъ они имѣютъ представленіе о весьма немногомъ. Изученіемъ исторіи, искусствъ, торговаго дѣла и прочаго въ этомъ родѣ, они не занимаются, даже питаютъ отвращеніе къ нимъ, и неохотно разстаются съ родиной. Свидѣтель очевидецъ, ученѣйшій Францискъ Нери изъ Равенны, говоритъ въ своей „Скандинавіи" (которую онъ благосклонно позволилъ мнѣ просмотрѣть въ Римѣ), что Лапландцы въ лѣтнюю пору, вслѣдствіе обилія комаровъ и мухъ, а также и жары, поднимаются повыше на горы и съ нетерпѣніемъ дожидаются тамъ осени какъ мы ждемъ весну. Мѣняютъ они, подобно Татарамъ, также часто и мѣста жительства изъ-за пастбищъ для оленей. Шалаши, или хижины у нихъ—деревянныя, чрезвычайно низкія и темныя, ибо они впускаютъ свѣтъ черезъ одно только, единственное оконце, или вѣрнѣе, продушину сверху въ крышѣ, для дыма. Для согрѣванія они поддерживаютъ постоянный огонь, безъ всякихъ суевѣрій въ него, а вмѣсто свѣчей зажигаютъ тончайше разрѣзанные куски сосноваго дерева. Обувь они носятъ, приготовленную изъ взъерошенной (hirsuta) кожи [1] оленей, а на поясъ нанизываютъ, для украшенія, мѣдныя кольца. Колыбели они подвѣшиваютъ къ бревну въ потолкѣ, такъ, чтобы онѣ качались въ воздухѣ: и то и другое дѣлаютъ обыкновенно крестьяне и у насъ въ Курляндіи и въ Ливоніи. Желая оказать кому-нибудь почтеніе, они не обнажаютъ головы, а преклоняютъ лишь колѣна и низко кланяются. [2] Воду они сдабриваютъ можжевеловыми ягодами,

[1] Мѣхомъ вверхъ, вѣроятно, такъ называемые „личные" сапоги.

[2] Въ подлинникѣ собственно: „сгибаютъ спина (cervicem inflectunt)".

дабы она была кисла на вкусъ. [1] Водку и табакъ они употребляютъ съ жадностью, предпочитая ихъ всему остальному. Женщины вытягиваютъ зубами свинецъ и олово въ полосы, тщательно обматываютъ ихъ нитками, приготовленными изъ оленьихъ жилъ, и обшиваютъ ими свои одежды. Верхнюю рубашку [2] онѣ весьма искусно шьютъ либо изъ скользкой рыбьей кожи, либо изъ кожи оленей, пока она еще не загрубѣла. У Московъ происходятъ войны, то съ Шведскимъ королемъ, то съ Датскимъ, а Лапландцы лишь мѣняютъ повелителей и спокойно живутъ постоянно въ дружбѣ между собою. Охотою они занимаются постоянно, и, изъ разныхъ видовъ ея, самая прибыльная есть охота на горностаевъ, которыхъ они либо ловятъ живьемъ сѣтями, либо (такъ поступаютъ и Сибиряки съ соболями), стрѣляютъ изъ самострѣловъ, деревянными, тупыми стрѣлами, дабы не попортить какъ-нибудь мѣха. Кражъ они не знаютъ, прелюбодѣяніе преслѣдуютъ очень строго, а тому, кто придетъ къ нимъ оказываютъ всякаго рода услуги, несмотря на то, что живутъ совершенно уединенно и разбросано. Такъ какъ имъ, по счастью, незнакомы бѣдствія всего міра, какъ-то повальныя болѣзни, [3] голодъ, война и большая часть преступленій, то, они могли бы быть названы счастливѣйшими изъ смертныхъ и уцѣлѣвшимъ образцомъ золотого вѣка, если бы только большинство изъ нихъ не предавались усердно занятію колдовствомъ.

ГЛАВА 18.

О Новой Землѣ и прочихъ Русскихъ островахъ.

Новая Земля тянется по ту сторону Вайгачскаго пролива на двѣсти германскихъ милліаріевъ, а отстоитъ отъ мыса Табина (Tabin), или Восточно-Татарскаго (Tatarico-Orientali), на двѣсти-двадцать Едва-ли можно еще долѣе сомнѣваться—островъ ли это, лишь проливомъ отъ Гренландіи, или другой какой сѣверной страны, отдѣленный и болѣе населенный дикими звѣрями, нежели людьми, по причинѣ крайне суроваго, непривѣтливаго климата. Русскіе, по счастливой случайности, впервые увидѣвъ его, назвали его Новой Землей, и, въ настоящее время, ежегодно отправляются туда, лѣтомъ, когда солнце обогрѣетъ его, на корабляхъ, а зимою, когда проливъ замерзнетъ, на саняхъ, за рыбьимъ жиромъ и зубомъ, или за звѣриными шкурами. Большая часть его лишена деревьевъ и травъ, и только кой-гдѣ виднѣются

[1] Въ подлинникѣ собственно: „при питьѣ (ad potum)".

[2] Indusium составляла часть женскаго костюма и, по своей кройкѣ, ношенію и способу надѣванія можетъ быть приравнена современной „блузѣ".

[3] Въ подлинникѣ собственно: „чума (pestis)".

кое-какіе кустарники. Датчане, Англичане и Батавы, много лѣтъ тому назадъ, весьма отважно, но до сей поры тщетно, искали дороги на Востокъ, въ обходъ этому острову, и съ сѣверной и съ южной стороны его, и убѣдились въ томъ, что и съ той и съ другой стороны имъ безъ всякой надежды отрѣзанъ путь, благодаря непреоборимому препятствію—вѣчному льду, хотя находятся многіе, которые убѣждены въ томъ, что, въ удобное время года, морской путь черезъ Сѣверныя страны на Востокъ—открытъ. Мнѣ недавно сообщилъ нѣкій, заслуживающій полнаго довѣрія, мужъ, что немного лѣтъ тому назадъ, какой-то очень богатый гражданинъ города Амстердама, занимаясь ловлею китовъ около Шпицбергена, послалъ корабль ради сего и тщательно изслѣдовалъ таковой путь, преодолѣвъ всѣ сѣверныя преграды до 82 градуса, и, наконецъ, достигъ открытаго моря, по которому и спустился, приблизительно градусовъ на десять, по направленію къ Востоку. Вокругъ Новой Земли расположены, почти безъ конца, острова океана, ненаселенные и неустроенные. Да и въ другихъ мѣстахъ, въ Россіи, не только озера и рѣки Волга, Обь и Борисѳенъ съ Каспійскимъ моремъ, но, особенно, Бѣлое и Татарское, моря, имѣютъ не малое количество острововъ, частью устроенныхъ, а частью совершенно заброшенныхъ. Въ Татарскомъ и Сѣверномъ, моряхъ разсѣяны на большомъ протяженіи: Бѣлый Островъ, Шараповы кошки, Сухоморье, Токсаръ, Колгуевъ островъ, Торваки (Torvakia), Семь острововъ, Три острова (Triga), называемые также „матерью съ дочерями", Оленій, (Olena), Св. Матвѣя (Matfei) и Кильдинъ, полный жителей, а также и Оранскій островъ и еще другой, называемый островомъ Штатовъ (Ordinum), на которомъ Голландцы, открывавшіе путь на востокъ, ловили птицъ руками, ибо тѣ, никогда, быть можетъ, до сего, не видавшія людей, нисколько не боялись, ни ихъ присутствія, ни захвата. Находятъ на нихъ также и драгоцѣнные камни, хотя и не высшей цѣнности, и горный хрусталь, не совсѣмъ плохой. Изъ острововъ, лежащихъ въ Бѣломъ морѣ, хотя они занимаютъ небольшое пространство земли, особенно славятся Соловки, которые съ большою выгодою продаютъ въ большомъ количествѣ сосѣдямъ соль, и хранятъ у себя мощи Филиппа бывшаго нѣкогда священникомъ и котораго Мосхи считаютъ святымъ и чудотворцемъ, благоговѣйно почитаютъ ихъ и поклоняются имъ. Поэтому сюда стекаются, во исполненіе обѣта, много богомольцевъ [1]), неутомимо совершающихъ, ради сего, весьма длинныя путешествія.—

[1]) Въ подлинникѣ собственно: „путешественниковъ (viatores)".—

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Упоминаемые нами, на стр. IV, документы суть слѣдующіе: 1—челобитная доктора „Ивашки Андреева Розенборха", въ которой онъ проситъ царя отпустить его сына и племянника „въ Вильну, въ школу, для ученія,", съ тѣмъ, что они, по окончаніи ученія, вернутся въ Москву и поступятъ на царскую службу, а 2—указъ царя Алексѣя Михайловича, отъ 8 марта 1672 г., коимъ повелѣно „отпустить с Москвы в Вильну в школу дохтура Іоганава сына Розенборха Гендрика да племянника ево Іакова Рутефелева" и т. д.—Оба документа хранятся въ Московск. Главномъ Архивѣ М. И. Д. въ разрядѣ дѣлъ о выѣздахъ, дѣло 1672 г. Марта 8-го, № 5.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
13	12 сверху	О присылкѣ и...	О посылкѣ и...
32	2 „	Массаитовъ	Массагетовъ
35	12 снизу	..принудил..	принудили
43	примѣч. 3	Полоцкій Рохмида	Полоцкій. Рохмида
46	примѣч. 2	Ингигерда	..Индигерда
48	4 снизу	слѣпо горока	слѣпого рока
131	13 „	...перенеслась..	не перенеслась
143	16 сверху	...провозглашеніи..	..превозглашеніи...
146	подъ текстомъ	м. подробности	[1]) См. подробности
151	21 сверху	...распространенны..	распространенные
167	15 „	Подолскій	Подольскій

УКАЗАТЕЛЬ.